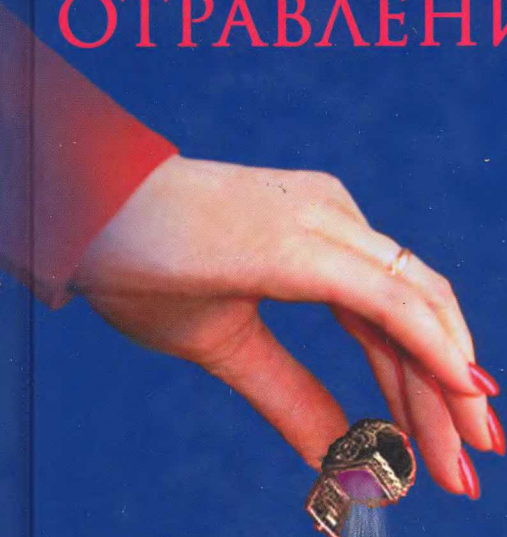

ФРАНК КОЛЛАР

ИСТОРИЯ ОТРАВЛЕНИЙ

ВЛАСТЬ И ЯДЫ

ТЕКСТ

К Р А Т К И Й К У Р С

FRANCK COLLARD

POUVOIR ET POISON

HISTOIRE D'UN CRIME POLITIQUE
DE L'ANTIQUITÉ À NOS JOURS

ÉDITIONS DU SEUIL

ФРАНК КОЛЛАР

ИСТОРИЯ ОТРАВЛЕНИЙ

ВЛАСТЬ И ЯДЫ
ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НАШИХ
ДНЕЙ

*Перевод с французского
Елены Лебедевой*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2010

УДК 94(100)

ББК 63.3(0)

К60

*Книга издана при поддержке
Министерства культуры Франции —
Национального центра книги*

*Ouvrage publié avec le concours
du Ministère français chargé de la culture —
Centre national du livre*

ISBN 978-5-7516-0846-0

© Éditions du Seuil, 2007

© «Текст», издание на русском языке, 2010

Введение

ИСТОРИЯ,
КОТОРУЮ ПРЕДСТОИТ НАПИСАТЬ

В начале XXI в. политическая борьба внутри демократических режимов ведется резко и порой коварно. И все же, насколько известно, для того чтобы поразить противника или подставить ножку сопернику, в ней не используются яды. Журналисты говорят, конечно, об «усладах и ядах» парламентаризма, но имеют при этом в виду всего лишь мелкие и вполне безобидные игры политиканов. По-другому обстоит дело в странах с авторитарными режимами, а также в отношениях между государствами. Два впечатляющих примера этого были нам преподнесены в конце 2004 г. — один касался Украины; второй — Палестины.

В первом случае события разворачивались в стране, расстающейся с коммунистическим тоталитаризмом. На лице кандидата в президенты Виктора Ющенко мы увидели следы попытки отравления диоксином, в котором обвинили украинские спецслужбы. Покидавший пост президента Леонид Кучма и его назначенный преемник Виктор Янукович стремились якобы устранить опасного соперника, популярность которого увеличивалась обратно пропорционально понижению доверия к

тем, кто стоял у власти. Кандидат оранжевой революции оказался сильнее яда ее противников и, в конце концов, выиграл президентские выборы. Во время кампании изуродованное лицо Ющенко говорило больше, чем любые слова. Оно разоблачало заговор и подлые методы его врагов.

Этот поразительный случай свидетельствует о том, сколь многообразно использование яда в политике. С его помощью хотели убрать претендента на высшую власть, а послужил он дискредитации самих заговорщиков. Все могли наблюдать результаты подобного способа действия, противоположного демократической прозрачности, и испытывать физическое отвращение к нему.

Во втором случае речь шла о взаимоотношениях двух правительств. Глава палестинской администрации Ясир Арафат умер в военном госпитале Перси в Кламаре, куда его поместили на обследование. Незадолго до этого арабский лидер был поражен таинственным недугом, который должны были определить медицинские светила. Однако врачи отказались квалифицировать природу болезни, которая до сих пор остается неизвестной. В арабском мире немедленно распространился слух о яде. Израиль, который не мог достичь своей цели иными средствами, якобы отравил бывалого героя ООП, много раз выходившего целым и невредимым из самых отчаянных положений. Премьер-министр Ариель Шарон приказал уничтожить своего несговорчивого противника, ибо ирредентизм Арафата мешал его политике урегулирования конфликта между его страной и палестинцами.

В первом случае западные комментаторы сочувствовали, во втором — выражали недоверие. И в том и в другом они уткнулись в сегодняшний

день, и никому не пришло в голову рассмотреть исторические корни столь важных событий.

За несколько лет до этого, после терактов 11 сентября 2001 г. некоторые американцы получали письма, инфицированные сибирской язвой. Тогда все считали отравителями исламистов, но это, как мы сегодня знаем, была неправда. И опять никто не попытался вписать события в историческую перспективу, хотя подобные обвинения, восходящие к идее заговора, вновь и вновь повторяются испокон веков. Например, в XIV в. врагом западного мира считались евреи, состоявшие в союзе с мусульманами. Тогда весьма широкое распространение получило мнение, что они стремились уничтожить христиан, отравляя колодцы и реки. И ужасным последствием этого стали погромы 1348 г.

Однако, наверное, от современных журналистов и аналитиков нельзя требовать выявления, скажем так, «согласования времен».

Богатейший сюжет отравления с политическими целями недавно вновь обрел актуальность. Притом вопрос о том, имел ли место сам факт, не так важен, к тому же ответ на него часто найти не удастся. Может показаться, что проблема лишена интереса, даже анекдотична, если речь идет не об убийстве как таковом, его корнях и движущих силах, а всего лишь о его, так сказать, аксессуарах. Известно, однако, что и в наши дни в некоторых регионах мира манера убивать противника является своего рода политическим посланием. В этой ситуации вопрос «как?» жалко приносить в жертву вопросу «почему?». Что же касается отдаленных эпох, то тогда способ действовать тем более сообщал убийству государя особенный колорит.

Важно попытаться понять, не придавало ли употребление яда такому убийству особый масштаб. И не следует ли в данном случае понимать выражение «политическое убийство» в двойном смысле?

Этот вопрос до сих пор редко ставился достаточно широко и глубоко, в соответствующей ему исторической и хронологической перспективе. К решению его не применялся структурный, антропологический и компаративистский подходы. Занимаясь отравлениями, авторы склонялись то к историческому анекдоту и вымыслу, то к наукообразию и позитивизму, а подчас и к тому и к другому сразу. Старые публикации об исторических загадках ограничивались беллетризованными описаниями. В 1903 г. появилась знаменитая книга Кабанеса и Насса «Яды и ведьмы». Авторов больше всего интересовала природа примененного яда и то, насколько вероятно было его использование. Ответ часто давался отрицательный, т.е. разоблачалось невежество древних эпох и «абсурдные легенды об отравлении». Однако не вскрывались механизмы возникновения и распространения этих легенд. В 1920 г. вышел впечатляющий и широкоохватный очерк Л. Левина «Яд в мировой истории». Этот автор тоже больше интересовался природой и действием ядов, чем их преступным применением. Те же вопросы рассматривались и в большинстве более поздних публикаций. Единственная работа, в которой ставилась проблема политического убийства через отравление — это книга «Нож и яд» Жоржа Минуа. Однако в ней выбраны очень странные хронологические рамки: 1400–1800 гг. Кроме того, Минуа скорее перечисляет и описывает, чем объясняет и выявляет подходы, и нигде не разбирает причины выбора того или другого оружия.

Задача этой книги состоит в последовательном рассмотрении проблемы политического убийства через отравление в западной цивилизации, начиная с ее библейских и греко-римских истоков до нашего времени. Политическое убийство понимается нами широко и включает в себя любые действия, осуществляемые с целью завоевания или сохранения власти, как против внутреннего соперника, так и против внешнего врага. В этом смысле международные отношения тоже становятся полем исследования, поскольку властные отношения сказываются и на них.

Невозможно представить исчерпывающую картину данного сюжета, пространство которого можно обогащать бесконечно. Невозможно составить полный перечень связанных с политикой дел, в которых признано применение яда. Причем важна здесь не столько достоверность фактов, сколько вера окружающих в их правдоподобие, а также то, что говорилось по поводу подозрительной смерти правителя или выдвинутого против другого правителя обвинения. Главным для нас, в отличие от наших предшественников, является не то, играли ли яды в истории, и особенно в XVI в., ту капитальную политическую роль, которая им приписывается. Мы стремимся определить, как использование токсических средств в политике связано с самим устройством власти и с ее осмыслением. Выражение «применение яда» мы понимаем в широком смысле, имея в виду как практическое использование отравляющих веществ, так и вредоносную пропаганду. Коль скоро верно то, что вплоть до наших дней восприятие этого явления зиждится на унаследованных от глубокого прошлого ментальных конструкциях, то особое

внимание должно быть уделено развитию понимания и трактовки политических отравлений.

В то же время историка, изучающего феномены длительной протяженности, всегда подстерегает опасность увидеть их статичными и все объяснять неизменным устройством человеческой психики. Получается, что великие мира сего во все времена были готовы на преступления ради завоевания или удержания власти. Маленькие же люди точно так же всегда проявляли готовность поверить в насильственную смерть правителей* или согласиться с поспешными, стереотипными уподоблениями, скажем, дворов Людовика XIV и Александра Македонского. Однако задача историка, напротив, состоит в том, чтобы выявлять изменения, связанные с развитием техники, институтов или идеологий.

Вот почему мы будем рассматривать тему в хронологическом порядке. Начав с «античной матрицы», мы обратимся затем к эпохе варварского насилия и рыцарских идеалов, когда на первый взгляд яд не играл такой уж большой роли во властных отношениях. После этого мы подробно рассмотрим проблему политического использования яда в XIII–XV вв., в захватывающий период становления современного государства. В заключение нашего очерка мы более кратко остановимся на эпохе абсолютизма и на современности. Власть в это время сильно обезличивается, что, впрочем, не мешает ей применять отравляющее оружие. Особенно это характерно для внешней политики.

* Альфред де Виньи писал, что, «говоря о монархах, всегда оспаривают две вещи: их рождение и смерть. Люди не хотят признавать, что первое было легитимным, а вторая — естественной». (Примеч. автора.)

Отравление врагов случилось в истории отнюдь не только в правящих кругах. И все же в атмосфере дворцов и в окружении тронов оно приобретало особый масштаб. Как говорил один падуанский врач начала XIV в., именно здесь риск оказывался максимальным.

Предлагаемый очерк основан главным образом на нарративных, а для более поздних эпох — на юридических источниках. Мы стремились понять смысл реального или вымышленного вмешательства яда в политическую сферу. Мы ставили перед собой цель показать, как отравления позволяли нарушать или извращать многовековые устои политических систем, изменившиеся только с наступлением демократии.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АНТИЧНАЯ МАТРИЦА

История древнего Востока, Греции и Рима не только хронологически оказывается в начале нашего повествования. Именно тогда складывались матрицы, которые будут здесь рассматриваться.

Именно тогда зарождались и развивались формы власти, сохранявшиеся потом тысячелетиями, прежде всего монархии династического типа, в которых установленный порядок отмерялся рожденьями и смертями государей. Об этом шла речь еще в «Политике» Аристотеля. Именно тогда появилась и наука о ядах. Еще Геродот писал, что египтяне сведущи в отравлении, а в Песни IV «Одиссеи» утверждается, что они научили этому искусству греков. Особенно большой сдвиг произошел во время походов Александра Македонского, когда из Индии было принесено совершенно новое знание о токсических веществах.

Своего рода воплощением названных тенденций, как политической, так и научной, стал весьма нетипичный и оставшийся без потомства персонаж: царь Понта Митридат VI Евпатор. Он обожал яды и слыл сторонником их применения в политических целях. Единственный монарх того времени, который представлял некоторую опасность для Рима, он был вместе с тем связан с латинским

миром, где существовал интерес к его личности и к его учености. Рим с недоверием смотрел на знания и практические навыки, происходившие с Востока («Бойтесь данайцев, даже и дары приносящих»), — как сказал поэт). Это не значит, что он их не использовал, оставляя себе, впрочем, возможность заявить, что они чужды римскому духу. Именно так обстояло дело, когда речь шла о применении яда в политике.

Европейские культурные модели восходят к цивилизациям древности, которые в Средние века и в Новое время получили статус образцов. Устарелыми и непродуктивными сторонники «прогрессивного» развития назвали их значительно позже. До нас дошло несколько имевших место в древности более или менее аутентичных эпизодов политических отравлений. Они глубоко запечатлелись в умах людей и создали модели, в которые отныне, сознательно или нет, вписывались сходные события. Смерть Александра Македонского, а также истории с ядом при дворе римских императоров превратились в своего рода архетипы, жизнеспособность которых оказалась поразительной.

«НА ВОСТОКЕ
ПОДАЮТ ТАКИЕ НАПИТКИ»

В конце XIV в. французский поэт Эсташ Дешан написал стихотворение, называемое обычно «Балладой отравителей». Там говорилось, что отравители вдохновляются восточными нравами и продолжают в веках восточные злодеяния. Поэт принадлежал к свите Людовика Орлеанского и, по видимому, был преисполнен ненависти к исламу. Скорее всего, он не имел представления о том, что воспроизводит старую модель. Идея, высказанная Дешаном, имела широкое хождение уже у древних: преступное применение яда в политике родилось на Востоке одновременно с формами политической организации. Оно наблюдалось не только в правящих кругах, однако чаще всего встречалось именно там. Источники не слишком много говорят о домашних убийствах или о мести соседей друг другу, хотя тема отравления мужа неверной женой была одной из самых распространенных в греческой литературе. Случаем во всех отношениях самым показательным (причем как раз в силу своей недостоверности) стала смерть Александра Македонского. В тот момент монархия постепенно превращалась в преобладающий режим. Таким

образом, нужно попытаться установить связь между формой правления, устройством власти и применением яда в политике. При этом следует рассмотреть опыт великих цивилизаций древности: Египта, Персии, Древнееврейского царства, а также греческих полисов.

ЯДЫ И ВЛАСТЬ НА ЗАРЕ ИСТОРИИ

Скудость источников, их ненадежность, контаминация реальной истории и мифов затрудняют исследования древних эпох. В Китае, где цивилизация, как и на Ближнем Востоке, насчитывает несколько тысячелетий, применение яда в борьбе за власть обнаруживается достаточно рано. В 656 г. до н.э. фаворитка правителя Ци обвиняла наследника трона в попытке отравить отца, дабы открыть себе путь к трону. Борьба за власть в данном случае была одновременно и борьбой внутри семьи, и именно такую картину являют монархические режимы повсеместно. Оставим, однако, Срединную империю и обратимся к цивилизациям Средиземноморья. Посмотрим, что происходило там.

ДРЕВНИЕ ЕВРЕИ НЕ УПОТРЕБЛЯЛИ ЯДОВ

Использовать Ветхий Завет в качестве исторического источника можно только с очень большой осторожностью. Тем не менее в изучении структур управления у древних евреев и окружавших их народов он является основополагающим. Кроме того, Ветхий Завет стал неиссякаемым хранили-

щем образцов и нарративных схем, использованных христианской культурой. Древние евреи, к большому сожалению самых последовательных из них, создали царство, что сделало их похожими на другие народы. В каком-то смысле земные владыки становились конкурентами единому Богу Яхве. Вместе с тем не похоже, что, приняв монархическую модель, евреи усвоили также и чужие политические нравы. Нельзя сказать, что они ничего не знали о ядах и совсем не использовали их в частной жизни. Иосиф Флавий в конце I в. н. э. сообщал, например, какому наказанию подлежал, согласно древнееврейскому праву, всякий, кого уличали в хранении отравляющих веществ.

Иудея и окружающие ее земли даже считались в древности, а потом и в Средние века краем, богатым природными и рукотворными ядами. Тот же Иосиф Флавий писал об Аскалоне, который славился производством токсических веществ. Однако беглое исследование ветхозаветных источников не дает впечатляющего результата в том, что касается интересующего нас сюжета. Оставим в стороне историю Грехопадения, поскольку ни символической связи яблока с отравлением, ни политического осмысления сюжета не было в библейские времена. Согласно современным данным, в Ветхом Завете нет политических убийств. Там упоминается только самоубийство в 164 г. до н.э. язычника Птолемея Макрона. Он отравился из-за клеветы придворных Антиоха V Селевкида, недовольных его мягкостью по отношению к евреям (2 Мак 10: 12–13). Другой эпизод, относящийся к 162 г. до н.э., выводит на сцену Лисия, военачальника Антиоха IV Епифана (1 Мак 7: 1–4). Могучий противник Иуды

Маккавея Лисий был якобы отравлен, однако во многих традициях существует перевод «убит»* без уточнения, как именно, воинами его соперника Димитрия. И здесь также говорится о язычнике. Древние евреи не применяли яда ни друг против друга, ни против своих врагов. Маккавеи предпочитали с ними воевать.

Упоминания о *veneficium* попадаются в *Вульгате*, т. е. Библии, переведенной на латинский язык, согласно преданию, святым Иеронимом. Тем не менее слово это означает здесь не столько *отравление*, сколько *колдовство, чары*. Например, жестокая царица Иезавель, впоследствии ставшая образцом злобной правительницы, воздействовала с помощью *veneficia* на царя Ахава. Она стремилась воспользоваться его печатью, чтобы посылать приказы от его имени (3 Цар 21: 4–10). Иезавель, к тому же, не принадлежала к избранному народу, поскольку осталась язычницей.

Яд может появиться в Библии, чтобы испытать силу пророка, который способен его обезвредить. Так, Елисей бросает горсть муки в смертоносную похлебку и превращает ее в хорошую пищу (4 Цар 4: 38–41) Однако в политике отравляющие вещества не используются — ни для разрешения конфликтов внутри власти, ни для спасения царства от дурного правителя, вроде Седекии (597–587 гг. до н.э.), последнего царя Иудеи. В XII в. английский мыслитель Иоанн Солсберийский в *Поликратике* будет приводить его в качестве

* В традиционном русском переводе: «Тогда воины убили их, и воссел Димитрий на престоле царства своего». (1 Макк 7: 4) (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчика.)

примера тирана. Очевидно, что закон не позволял евреям пользоваться ядом, который считался дьявольским оружием и связывался со Злом.

Искусство отравления стало распространяться среди еврейских политических элит только в эпоху эллинизма, когда они переживали своего рода моральную порчу. Ничего подобного не было вплоть до конца первого тысячелетия до н.э. Прирожденное неприятие яда в качестве орудия политики являлось, по-видимому, одной из черт идентичности древних евреев, отличавших избранный народ от других народов.

МОНАРХИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Страна фараонов слыла центром распространения ядов, таким же, каким в свое время станет ренессансная Италия. Вместе с тем мы знаем не так уж много примеров политических отравлений в Египте. До нас дошло достаточно сведений о попытках незаконной смены власти. Так, в XII в. до н.э. высокопоставленные придворные организовали заговор с целью убийства Рамсеса III и возведения на престол сына одной из его супруг. Речь шла об использовании магических фигурок, однако мы не располагаем достаточной информацией, чтобы связать это покушение с ядом. Исследования и словари по египтологии ограничиваются этимологическим анализом и выявлением смысла слова «яд», которое близко обозначению сил зла. Мы не знаем, отражает ли редкость отравлений в египетских письменных источниках реальную политическую ситуацию или результат намеренного сокрытия такого рода преступлений.

Персидский мир считался в античном мире ядовитым по самой своей природе. «Ни в какой стране отравы не причиняет такого числа смертей и недугов, как там», — писал Ксенофонт в Киропедии. В какой-то мере это отражало реальность, и политическая жизнь Персии не обходилась без яда. Именно при дворе царя царей мы обнаруживаем первые примеры предварительного пробования пищи монарха во избежание отравления. Ксенофонт рассказывал, что виночерпии мидийского царя Астиага (VI в. до н.э.), прежде чем подать кубок, брали из него немного вина и, вылив несколько капель себе на левую руку, проглатывали их. Таким образом, они первыми стали бы жертвами покушения.

Отравленная пища и напитки постоянно фигурировали в дворцовых интригах. Если верить автору «Параллельных жизнеописаний» Плутарху, мать царя Артаксеркса II (нач. IV в.) Парисатида отравила свою сноху Статиру. Она использовала нож, лезвие которого было покрыто токсическим веществом с одной стороны. Обедая вместе со свекровью, Статира ела исключительно те же блюда, что и она, видимо, вследствие царившего между женщинами взаимного «доверия». Парисатида разрезала птицу и подала кусочек снохе... Такой способ отравления использовался впоследствии столько раз, что превратился в сюжет детских сказок. Задумаемся, однако, существовала ли связь преступления царицы с политической борьбой? Не было ли оно банальным семейным делом, в котором яд служил для разрешения конфликта двух женщин, стремившихся влиять на ход царской политики? Плутарх отмечает, что мать пер-

сидского царя мстила за смерть своего любимого сына Дария, при полной поддержке матери восставшего на царственного брата и проигравшего.

Кроме всего прочего, текст Плутарха позволяет нам оценить место отравления в иерархии преступлений. При этом, правда, надо иметь в виду, что греческий историк жил гораздо позже событий, о которых рассказывал. Итак, Плутарх оставил описание ужасной казни, которой подвергли сообщницу Парисатиды служанку Гигию. «Голову осужденного кладут на плоский камень и давят и бьют другим камнем до тех пор, пока не расплющат и череп, и лицо». Жестокость наказания отражала, по-видимому, ужас перед данной формой человекоубийства. Можно пофантазировать, что жуткая казнь происходила от связи отравления с предварительным замыслом. В таком случае наказывалась как раз та часть тела, в которой родилась идея злодеяния.

Применяли ли яд в греческом полисе?

Яд был известен греческой мифологии с незапамятных времен, задолго до Гомера. Причем лишь впоследствии слово *pharmakon* (яд) стало определяться средним родом. Изначально это понятие имело женскую природу. По смыслу оно сближалось со средневековой трактовкой библейской истории о первой отравительнице человечества — Еве. Как писал знаменитый религиозный деятель XI–XII вв. Жоффруа Вандомский, «этот проклятый пол первым делом отравил нашего прародителя».

В греческой мифологии отравительницей часто становилась царица, сохранявшая единство с си-

лами природы. Именно эти силы управляли происходившими внутри женщины процессами (это проявлялось в менструальном цикле), что позволяло ей овладеть искусством приготовления ядов. Она применяла свои знания в политических целях, но вполне могла руководствоваться и другими мотивами, связанными с чувствами. Когда историк I в. до н.э. Диодор Сицилийский выводил фигуру Гекаты, жены царя Колхиды, он воспроизводил древнюю традицию. Жители Колхиды засевали луга ядовитыми растениями. Геката «открыла» сильный растительный яд — аконит. Опробовав его на чужестранцах, женщина решила отравить своего отца. Этой наукой владела и сестра мужа Гекаты, волшебница Кирка. Выданная замуж за царя скифов, она отравила его, дабы царствовать самостоятельно. Дочь Гекаты, знаменитая Медея, вышла замуж за Ясона, царя Фессалии, страны, в которой тоже хорошо росли токсичные растения. Когда Ясон изменил супруге, она послала сопернице отравленное платье. Затем Медея вновь вышла замуж за афинянина Эгея и попыталась отравить его сына Тезея, дабы обеспечить наследство собственному сыну Меду. На этот раз, впрочем, злодеяние не удалось.

Разумеется, во всех изложенных примерах использование яда обуславливалось бушеванием страстей. Вместе с тем оно неизменно связывается с фигурой царицы, которую обурежала жажда власти. Жертвами же отравлений становились мужчины, являвшиеся легитимными носителями власти и могущества. Утоляя свою страсть, женщины демонстрировали силу, которая определялась не оружием, а гораздо более таинственным действием

яда. Возникла традиция, передававшаяся из века в век: традиция страха перед этой силой, смешанного, однако, с восхищением. В XIV в. итальянский гуманист Боккаччо написал знаменитый трактат о прославленных женщинах. В нем шла речь и о Медее, великолепной «мастерице приготовления ядов». Около 1400 г. о том же, возможно из женской солидарности, писала Кристина Пизанская, называвшая Медею «женщиной глубоких знаний».

Каждый знает, что классическая Греция начинается с Гомера. Его персонажи воплощают высокие ценности и несут в себе героическое начало. Могли ли они поддаться искушению использования низменного средства для достижения своих целей, в первую очередь военных? На этот вопрос приходится дать положительный ответ. Одиссей отправляется в страну Эфиру, расположенную неподалеку от Эпира, за ядом для своих бронзовых стрел (*Одиссея*, I, 254–260). Женихи подозревают Телемаха в том, «*что богатую землю Эфиру / Он посетит, что, добывши там яду, смертельного людям, / Здесь отравит им кратеры и разом нас всех уничтожит*» (*Одиссея*, II, 328–330).

Не будем забывать, что слово *токсичный* происходит от греческого *toxon*, что означает *стрела*. Тем не менее отравление метательного оружия и стрел, согласно гомеровскому тексту, не было угодно богам и, как правило, с презрением оставлялось варварам: кельтам, скифам или гетам. Об этом говорил Аристотель, а потом Страбон. У последнего есть рассказ о ядовитом дереве, похожем на фиговое. Оно росло в Кельтике, и белги смазывали его соком свои стрелы. Подобные обыкновения греки изображали, так сказать, «из-

вне». Римский историк I в. н. э. Квинт Курций Руф писал об употреблении отравленных стрел индийцами против войск Александра Македонского. А вот живший примерно в то же время Плиний Старший клеймил это человеческое изобретение уже не только у варваров.

На самом деле употребление яда или, по крайней мере, обвинения в его употреблении вполне могли иметь место во внутренней борьбе в греческом мире. У Фукидида в *Пелопоннесской войне* (II, 48) есть рассказ об эпидемии 430 г. до н.э. в Афинах. Тогда распространился слух, что ее вызвали лакедемоняне, которые отравляли колодцы. Историк объяснял, что это неправда, на самом деле эпидемия пришла из Эфиопии и Египта. Однако подобное обвинение весьма показательно и будет повторяться в истории многократно. Перед лицом необъяснимого события очень удобно дискредитировать противника, приписывая ему одновременно и слабость, и подлость. Он жалок, поскольку не может одержать победу силой оружия, и низок, поскольку использует губительное, коварное и жестокое средство против всего населения враждебной ему страны.

Нет ничего удивительного в том, что с «всевластием яда» ассоциировались тиранические режимы, вызывавшие презрение сторонников афинской демократии. Политические отравления хорошо иллюстрировали их жестокость и незаконность в отличие от прозрачной и подчиненной правилам борьбы за власть в полисе Перикла. Очень понятно, что такого тирана, как Дионисий Сиракузский (406–367 гг. до н.э.), обвиняли в уничтожении врагов с помощью яда: незаконно-

му правителю подходят такие гнусные методы. В то же время тиран-отравитель и сам мог быть отравлен. Его ненавидели, но из-за охраны не могли победить открыто. Таким образом, тиран как будто сам побуждал использовать яд для освобождения от его гнета. Платон в *Законах* лишь мельком упоминал об отравлениях «в частной жизни», которые связывал с профессией врачевания. Но, рассуждая о власти, он объявлял законным уничтожение тирана любыми средствами, включая и хитрость. Ксенофонт оставил трактат «Гиерон, или Жизнь тирана» (ок. 360 г. до н.э.), названный по имени одного сиракузского правителя. В трактате Гиерон ведет беседу о своих несчастьях с придворным поэтом Симонидом Кеосским. Выясняется, что тиран пребывает в постоянном страхе быть отравленным пищей и напитками, и это омрачает его жизнь. Яд в данном случае играл роль дамоклова меча. И подобное беспокойство правителей, в особенности тиранов, постепенно становилось в литературе общим местом. В XV в. эта тема возникла у влюбленного в Античность автора Джанфранческо Поджио в трактате *De infelicitate principum*. Единоличное правление больше благоприятствует использованию ядов, чем коллегиальное, практиковавшееся в греческих полисах во времена их расцвета. Отметим, впрочем, что как раз полисы включали яд в свое уголовное законодательство. Отравляющие вещества играли там чисто юридическую роль и служили не преступлению, а закону. Об этом свидетельствует чаша с цикутой, которую должен был выпить приговоренный к смерти Сократ.

«DE FER NE POT MORIR,
MAUS VENIN L'OCIST».
КОНЕЦ АЛЕКСАНДРА:
ОТ РЕАЛЬНОСТИ К МИФУ

Написанный около 1180 г. «Роман об Александре» относится к так называемому античному циклу рыцарской литературы, в отличие от французского (о Карле Великом) и бретонского (о короле Артуре) циклов. Именно оттуда взята фраза, вынесенная в название второй части главы: «Не мог быть побежден мечом, но скончался от яда». Автор уточняет, что надпись относилась к надгробной статуе царя, изображавшей его в виде пантократора. Средневековый писатель воспроизводил многовековую традицию, согласно которой непобедимый завоеватель внезапно скончался от предательского яда. Вне всякого сомнения, воздействие смерти Александра на формирование представлений о связи яда и власти имело основополагающее значение.

ГЕНЕЗИС МИФА

Речь идет именно о представлениях людей, а не о реальной связи. Уже начиная с Дройзена, книга которого об Александре вышла в 1833 г., подавляющее большинство специалистов считает, что смерть македонского царя была вызвана вовсе не ядом. Полководец скончался в июне 323 г. до н.э. неподалеку от Вавилона, будучи тридцати трех лет от роду. Есть только одна статья 1971 г., в которой утверждается, что Александр погиб в результате государственного переворота, организованного его генералами, никто из которых потом не

пожелал взять на себя ответственность за него. Ни один автор не говорит об отравлении, осуществленном приближенными македонского монарха. Например, в биографии Пьера Бриана эта версия вообще не излагается. Французский Словарь античности 2005 г. утверждает, что царя «унесла болезнь». Все это не случайно. До нас дошли фрагменты царских «Эфемерид», т. е. хроник канцелярии Александра, в которых, по счастью, сохранились как раз записи о последних неделях царя. Там и в самом деле указывается, что полководец скончался не сразу после пиршества, на котором, как всегда, очень много пил, а спустя десять дней, и что он страдал от сильной лихорадки. Таким образом, ничто не дает оснований считать эту трапезу роковой. Тем не менее объяснение смерти монарха не столь естественными причинами родилось уже на следующий день после нее. Постепенно оно стало заслонять собой реальные факты, которые, по-видимому, выглядели слишком банально.

В наше время собраны все доступные источники о герое, который промелькнул, покоров умы, завоевав сердца, прежде всего знати и воинов, блеском своих побед, и стремительно исчез. Творение македонского царя рассыпалось так же быстро, как и возникло. Внезапность смерти Александра породила сомнения и множество комментариев. Диодор Сицилийский в I в. до н.э., затем Квинт Курций Руф в I в. н. э., Флавий Арриан, живший примерно до 175 г., проявляли осторожность в суждениях и не высказывались определенно. «Много было написано о смерти Александра, — указывал Арриан, — например, то, что Антипатр послал ему яд». Историк подробно излагал детали, подчеркивая, что, как и Диодор, считает важным сообщать существующие версии, но

сам не придерживается именно этой. Такое внимание к порожденным кончиной героя разговорам и слухам весьма показательно.

Итак, Антипатр, наместник Македонии, пребывавший в ссоре с царем и его матерью Олимпиадой, поручил якобы своему сыну Кассандру доставить яд ко двору в копыте мула. Младший брат Кассандра Иол служил главным виночерпием у царя, и тот его оскорбил. Во время пиршества, на которое Александра предательски пригласил Медий, фессалийский любовник виночерпия, Иол подал государю отравленное вино. Выпив кубок, Александр сразу почувствовал страшную боль и покинул компанию. Некоторые рассказывают, продолжал Арриан, что, чувствуя неминуемую смерть, царь бросился в Евфрат, чтобы избежать взглядов людей и присоединиться к богам, которые, как считалось, живут в водных потоках. У Диодора есть еще одна деталь: поскольку царь становился все более деспотичным и грубо отстранял от себя приближенных, те испытывали страх и, убивая своего господина, хотели спасти себя.

Чуть раньше Арриана о смерти Александра писал в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарх, опиравшийся на «Эфемериды». Он подчеркивал, что непосредственно после кончины царя никто не говорил об отравлении. Смерть наступила не после пиршества, а после жертвенных возлияний, во время которых государь почувствовал сильную лихорадку. И лишь спустя пять лет (хотя на самом деле, наверное, раньше) мать царя, дабы отомстить, стала распространять идею о том, что Иол убил ее сына. Кроме того, появились якобы еще и писания, в которых сводили счеты военачальники скончавшегося царя. Пердикка и Антипатр, к примеру, из всех сил поносили друг друга, подчеркивая собс-

твенную исключительную легитимность в качестве наследников царя. Утверждалось даже, что убить царя советовал бывший воспитатель Александра, философ Аристотель, который был близок к Антипатру. Именно он якобы предложил использовать яд столь сильный и едкий, что держать его можно было только в ослином копыте. Рассказывали, что таким ядом являлась ледяная вода, стекавшая каплями, как роса, с какой-то скалы в Нонакриде. Однако, согласно Плутарху, большинство авторов придерживалось мнения, что история с отравлением — чистый вымысел. Причем Плутарх выдвигал серьезный аргумент. Военачальники в течение многих дней ссорились друг с другом из-за наследства монарха, и все это время тело ожидало погребения на жаре и в духоте. Тем не менее на нем не проявилось никаких свидетельств отравления, напротив, оно оставалось «чистым и свежим». То же самое сообщал и Квинт Курций Руф историк хотя и отделенный от событий четырьмя веками, но считавшийся весьма информированным.

Рассказ об Александре не всегда включает в себя историю с ядом и в римской историографии. Об отравлении не упоминает Тит Ливий. Валерий Максим сообщает, что царь сгорел от неодолимой болезни, подчинившись законам природы и судьбы. Страбон, а затем, в IV в., Аммиан Марцеллин ограничились ссылкой на рок. У Квинта Курция Руфа в рассказе о смерти полководца нет речи о яде, хотя и указывается, что «по общему мнению, он погиб от яда». Писатель уточняет, что Антипатр, как считал Александр, мечтал царствовать и воспользовался якобы сильным ядом македонского происхождения. Квинт Курций Руф воздерживался от оценки слухов, быстро задушенных, по его словам, новыми хозяевами Греции и Македонии, которых они касались.

В этом, впрочем, Квинт Курций Руф ошибался. Гипотеза об отравлении вовсе не исчезла, напротив, ей предстояло блестяще расцвести. Еще один римский историк Тацит вспомнил о ней, рассказывая о Германике, племяннике императора Тиберия, почившего во цвете лет. Как говорили современники, 34-летний герой погиб, отравленный близкими. Тацит провел параллель между военными подвигами и судьбой Германика и Александра. Историк III в. Дион Кассий писал, что Каракалла, за несколько лет до своей смерти в 217 г. приказал выгнать из Рима философов, последователей Аристотеля. Император опасался, что они последуют примеру своего учителя и отравят его. В *Истории Августов*, сборнике биографий римских императоров (IV в.), рассказывается, что Александр Север испытывал страх перед насильственной смертью, которая постигла его прославленного тезку.

Перечисленные примеры говорят о том, что спустя пятьсот лет после кончины великого завоевателя предположение, что причиной ее был отравленный напиток, очень многими воспринималось как истина. В V в. ее еще раз воспроизвел христианский историк и богослов Павел Орозий. Он писал, что Александр умер в Вавилоне, «взл-кав крови». Слуга коварно подал ему кубок с ядом, который царь жадно выпил. Благодаря Орозию история стала достоянием средневекового мира.

Нужно понять, как произошло поглощение простой версии естественной смерти. Приведенные выше авторы чаще всего сообщали об отравлении лишь для того, чтобы его отвергнуть. Это не касается, правда, одного произведения, которое имело огромный успех. «Роман об Александре» Псевдо-Каллисфена был написан в III в. на греческом языке в Александрии. Он представляет собой

посредственно романизованную биографию полководца, причем, возможно, включает в себя элементы, восходившие ко времени описываемых событий. Роман был переведен на латинский язык Юлием Валерием, распространялся он и в мусульманском мире. Историки и литераторы Средневековья надолго потеряли из виду греческих классических авторов, да и многих римских тоже. Им приходилось черпать сведения из романа, из его резюме, появившегося в IX в. или, наконец, из текстов, которые им вдохновлялись. Таким образом увековечивался и укреплялся миф об отравлении Александра Великого.

В самом деле, в «Романе об Александре», которому точно следовала латинская версия Юлия Валерия, рассказывается, что царь скончался от яда, посланного Антипатром. С небольшими вариациями там излагается та повествовательная схема, которая приведена выше.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ РАСЦВЕТ ЛЕГЕНДЫ ОБ ОТРАВЛЕННОМ ГЕРОЕ

В Средние века, особенно начиная с XII в., Александр Македонский стал первостепенным историческим и литературным персонажем. Он превратился в образец рыцарских ценностей, а с XIV в. даже включался в число *деяти бесстрашных**. Македонский-герой воплощал в себе мощь чрезвычайно действенную и хрупкую одновременно.

* Девять бесстрашных рыцарей впервые встречаются в поэме «Обет павлина», принадлежавшей перу Жака де Лонгийона (ок. 1312 г.). Среди них было три язычника: Гектор, Александр, Цезарь; три иудея: Иисус Навин, Давид, Иуда Маккавей; и три христианина: Артур, Карл Великий, Готфрид Бульонский.

Кончина непобедимого героя в результате отравления как очевидная истина переходила из произведения в произведение. Писали также, что Александру и раньше приходилось иметь дело с ядом: его пытались отравить еще в юности. Не слишком известный по античным источникам эпизод появился в политическом трактате *Secretum secretorum*. Относящийся, по-видимому, к X в. он пришел в Западную Европу в XII в. через посредство арабов и вскоре был переведен на латинский язык. В трактате рассказывалось, что монарх чуть не стал жертвой коварства враждебного ему индийского правителя. Тот, дабы погубить царя, послал к македонскому двору «деву», принявшую небольшую дозу аконита, так что ее дыхание стало ядовитым. Бдительность проявил воспитатель Александра Аристотель (в данном случае — не убийца, а спаситель героя), который вырвал своего весьма неосторожного воспитанника из смертоносных объятий. Миф о «деве-соблазнительнице» привлекал к себе внимание историков. В самом деле, в нем проявился присущий Средневековью мотив женоненавистничества: любовь женщины, с какой стороны на нее ни смотреть, считалась ядовитой и губительной. Кроме того, этот сюжет позволял проповедникам рассуждать о пагубном привыкании к греху, яду души, а медикам — рассуждать о *митридатизации*, т.е. иммунизации, организма против яда при помощи яда. Обладал он и политическим смыслом. Во-первых, речь шла об отравлении полководца враждебной державы, которого не могли победить силой оружия. Во-вторых, эта история учила монархов осторожности и мудрости, демонстрировала нужность и полезность философов (сиречь духовенства). Трактат *Secretum secretorum* приписывался Аристотелю, якобы пред-

остерегавшему своего ученика, смерти которого искали соблазнительницы, врачи и слуги, встававшие между ним и философом.

Средневековым литераторам, начиная с XII в., несвойственна осторожность в толковании причин смерти Александра. Историю полководца они знали из источников, богатых вымыслом. Кончина героя в самом деле становилась намного драматичнее и приобретала гораздо более глубокий смысл, если объяснялась преступным отравлением. Обычная болезнь оказывалась неоспоримо менее плодотворной с точки зрения развития повествования. Начиная с первой трети XII в. складывалась традиция трактовки сюжета о македонском царе, основанная на переводе Юлия Валерия и перелавших его текстах. Около 1180 г. ее собрал воедино Александр Парижский, составивший новую эпопею из 16 000 двенадцатисложных строк. Этот автор широко использовал повествовательный потенциал финального эпизода жизни героя. Он писал, что повелитель призвал к своему двору Антипатра и Дивинуспатра, наместников Тира и Сидона, которых подозревали в заговоре. Последние медлили с прибытием и строили планы отравления монарха, которого не могли устранить силой. Средневековый поэт подробно рассказывал о приготовленном заговорщиками медленно действующем яде: он начинал отравлять организм через восемь дней после приема и убивал через десять дней. Эта деталь, разумеется, опосредованно восходила к «Эфемеридам», где говорилось, что Александр умер на десятый день. Однако в данном случае она служила идее об отравлении. Царь имел дурное предзнаменование и принял меры предосторожности, приказав подавать за столом слугам с обнаженными руками. Тем

не менее он был сражен ядом, который предатели ввели себе под ногти. Почувствовав недомогание, отравленный потребовал рвотное перо*, но на него также был нанесен яд. Испытывая страшные мучения, герой захотел утопиться в Евфрате. При этом он отказался разделить свою империю и успел еще отдать приказ о розыске и сожжении двух сбежавших предателей.

К концу XII в. относится еще одна независимая версия сюжета. В «Романе об Александре» или «Романе о совершенном рыцарстве» Томас Кентский (Евстафий) не так подробно описывал отравление монарха. Мать героя предупредила его, что наместнику Греции Антипатру не следует доверять. Царь вызвал Антипатра ко двору, а тот решил отравить своего господина. Он приготовил настойку морозника, которую во время пиршества подал монарху виначерпий. Ни о чем не подозревавший Александр спокойно выпил кубок с ядом и тут же почувствовал резкую боль, как от удара кинжалом. Отшвырнув кубок, он бросил Антипатру обвинение в измене и угрозу мести. Перед смертью отравленный успел произнести, что является не первым и не последним царем, который погибает от яда, поднесенного советниками-предателями.

Поэма Готье Шатильонского «Александрейда» написана на латыни и преподнесена архиепископу Реймскому Вильгельму Белорукому (умер в 1202 г.). В этом произведении очень показательно феминизирован исполнитель преступления, получивший имя *Proditio*, что означает *предательство*. Это слово в латинском языке — женского рода.

* *Pinna* или *digiti* (пальцы) *vomitorium*, которыми щекотали горло после чересчур обильной трапезы.

Можно было бы сказать, что поэтам свойственно фантазировать и выдумывать сюжетные интриги. Однако тем же путем следовали и историографы. Средневековые хронисты объясняли смерть завоевателя исключительно отравлением. Вот, например, «Рифмованная хроника» Филиппа Мускеса XIII в. Автор без колебаний утверждает, что два вероломных раба (*serfs*) «отравили его своими травами» (*l'empuisnient par lor ierbes*). Слово *rab*, почерпнутое из литературной традиции, восходит к Александру Парижскому. Оно позволяло объяснить подлое преступление низким происхождением совершивших его людей.

На обширной и впечатляющей хронике «Зерцало историческое» (*Speculum histoiale*) доминиканца Винсента из Бове (XIII в.) впоследствии основывались многие другие авторы. В конце четвертой книги Винсент, ссылаясь на Квинта Курция Руфа, рассказывал о смерти македонского царя. Причиной ее, разумеется, становился яд, причем автор уточнял, что Александр всегда носил на себе камень-оберег, который в ночь рокового пиршества украли убийцы.

Английский бенедиктинец XIV в. Ранульф Хигден подчеркивал в «Полихрониконе», согласно принятой формуле, что монарх был сражен «не железом, а ядом». Он испытывал такую боль, что видел облегчение в ударе меча. Он потерял дар речи и вынужден был излагать письменно свою последнюю волю. Немного раньше писал итальянский историк Феррето Феррети из Виченцы, знаток античной истории. В связи с кончиной от яда Папы Бенедикта XI в 1304 г. он излагал историю отравлений властителей. Первое место, разумеется, принадлежало македонскому полководцу.

Петрарка, сочиняя трактат «О славных мужах», где речь шла в том числе и об Александре, опирался на тексты римского историка III в. Марка Юниана Юстина и в меньшей степени — Квинта Курция Руфа. Неудивительно, стало быть, что и у него мы читаем историю об отравлении.

Историк литературы Жан Воклен (XV в.), компилируя греческий материал, составил «Книгу о завоеваниях и деяниях Александра Великого». Она предназначалась для обожавшего македонского полководца герцога Бургундского, на службе у которого находился Воклен. И только в 1468 г. португальский гуманист Васко да Люцена перевел сочинение Квинта Курция Руфа. Начался возврат к традиции, более соответствующей реальным историческим событиям. К тому времени существовал уже и латинский перевод Плутарха. Наконец, в 1624 г. в Дуэ вышло издание «Зеркала исторического» Винсента из Бове, в котором рассказ дополнялся выдержками из Плутарха и Арриана, передававшими сдержанный подход античных историков.

Итак, вплоть до революции в культуре, связанной с эпохой Возрождения, авторы дидактической прозы, историки и литераторы, поголовно разделяли версию об отравлении Александра Великого. Флорентийский нотариус Брунетто Латини, составивший энциклопедию на французском языке (1260 г.), писал: «Он завоевал 22 варварских и 32 греческих племени и, в конце концов, умер от яда, который ему предательски дали приближенные». В одной фразе широкий горизонт военных подвигов соединялся с узким домашним кругом, где героя подстерегала неумолимая смерть. В 1320–1330 гг. появился один из вариантов «Романа о Лисе» — «Лис-самозванец», своего рода размышление о дворе монарха и о власти. В нем подробно рас-

сказывалось о кончине Александра Македонского. Автор вольно обращался со своими источниками, добавляя к ним новые детали. «Прозрачный и едкий яд», приготовленный Антипатром, можно было перенести только в железном сосуде, любой другой материал он бы прожег. Яд подали жертве два виночерпия, сыновья организатора убийства. Отравленный скреб себе глотку, пытаясь извергнуть выпитое. Но тут один из виночерпиев довершил злодеяние, протянув ему перо, смазанное ядом. На эту подробность автора вдохновили не столько похожие рассказы о смерти императора Клавдия, сколько «Роман об Александре». Рассказ завершался следующими словами: *«Так он умер в Вавилоне, / Сраженный злодейской отравой и ядом, / Что поднесли ему предатели».*

Уже опус Феррето Феррети показывает, что совпадения в описании смерти македонского царя, свойственные средневековым текстам, составляют своего рода архетипическую модель. Впоследствии ее будут использовать в рассказах о властителях, сраженных в полном расцвете своей славы.

История,

БОГАТАЯ ПОЛИТИЧЕСКИМИ СМЫСЛАМИ

Итак, миф об отравлении Александра обладал невероятной повествовательной плодотворностью и выражал вневременную склонность человеческого сознания видеть зло и тайну в тени сильных мира сего. Вместе с тем он был непосредственно связан с развитием толкования политики и власти в период от эпохи эллинизма до Средневековья. На

этические и философские идеи Античности накладывалось христианское миропонимание, которое постепенно становилось центральным.

Прежде всего, отравление парадоксальным образом подтверждало могущество царя-воина, доблести которого так высоко ценились средневековым благородным сословием. Враги Александра не могли одолеть его на поле битвы. Устранить непобедимого полководца им удавалось лишь в обход правил ведения войны. Феррето Феррети подчеркивал, что яд применяют противники того, кого невозможно победить ни в каком бою. Таким образом, смерть через отравление способствовала героизации. Понимание этого обнаруживается уже у Юстина в III в., но распространяется, прежде всего, в средневековых текстах. «Его не мог сразить меч, но погубил гнусный яд», — разъяснял Александр Парижский. И всякий раз, когда автору нужно было восславить скончавшегося правителя, ему на ум приходила модель, связанная с Александром Македонским. В августе 1313 г., как утверждали, «не от меча, а от яда» скончался император Генрих VII, осаждавший Сиену. В окружении усопшего очень скоро родилось сочинение «Обеты ястреба». Картина смерти монарха в нем показательно соответствует романам об Александре. Подобной интерпретации противоречит, однако, некая деталь, которая лучше заметна в изложениях античных историков: полководца отравили не внешние враги, а собственные военачальники. Это обстоятельство бросает тень на фигуру воинственного властителя.

Таким образом, связанный с Александром эпизод имел и свои отрицательные стороны. Прежде всего, он иллюстрировал идею переменчивой

судьбы. Язычники поклонялись богине *Фортуне*, а христиане видели в превратностях судьбы волю Божию. Разумеется, гибель в бою находившегося на гребне славы монарха сама по себе демонстрировала капризы фортуны. Однако яд, разящий внезапно, настигал правителя в тот момент, когда он отнюдь не думал подвергать себя опасности. «Фортуна его вознесла, благодаря ей он и споткнется», — говорили убийцы в *Романе* Александра Парижского. Английский поэт Чосер, рассказывая о македонском полководце, также ставил рядом слова «яд» и «изменчивая фортуна».

Кроме всего прочего, отравление, резко менявшее судьбу человека, выражало хрупкость земного могущества. В одном из вариантов произведения Псевдо-Каллисфена царь говорил так: *«Я, который прошел весь населенный мир, / И необитаемую, темную землю, / Я оказался недостаточно силен, чтобы избежать судьбы. / Я погибаю из-за маленького кубка»*. Маленький кубок с ядом был ничтожен по сравнению с тем, что совершил Александр. Однако он мгновенно разрушил все. Властелин мира вынужден повиноваться предначертанному. Смерть низводит его до обычного человека, уделом которого является страдание и уход из жизни.

Понятно, почему христианские писатели подчеркивали этот аспект сюжета. Отравление могущественного монарха как ничто другое демонстрировало равенство людей перед лицом всемогущего Господа; герой-полубог превращался в человека. Александр в средневековом повествовании преодолевал искушение броситься в реку и слиться с потоком. Данный факт восходил к античной традиции, согласно которой собиравшийся покончить с собой

царь по дороге встречался с последовавшей за ним царицей. У средневековых авторов эта деталь обрела огромную значимость. Она интерпретировалась как отказ от гордыни, принятие божественного решения и возможное искупление через подлинное страдание (Александр умер в том же возрасте, что и Христос). Именно так раскрывал ситуацию Томас Кентский в «Романе о совершенном рыцарстве». И Жан Воклен живописал истинное страдание и образцовую смерть царя, выглядевшего уже практически по-христиански. Отказавшись от самоубийства, Александр принимал решение умереть как подобает монарху, демонстрируя подданным ясность ума, смирение и политическую мудрость, т.е. осуществив раздел своих владений.

Участь героя должна была напоминать средневековым властителям о суетности земной славы. В 1160–1170 гг. нормандский поэт Роберт Вас сочинил для Генриха II Английского «Роман о Ру (Роллоне)». *«Александр был могущественным царем. / В завоеваниях ему не было равных, / Однако его отравили, и он умер»*, — говорилось в романе. А двумя веками позже французский поэт Эсташ Дешан задавался вопросом: *«Почему Александр умер от яда, / Он, такой могущественный и такой счастливый, / Он, который покорил мир, будучи совсем юным, / Он, который начал в 15 лет от роду, / Свои завоевания?..»* Дешан сам себе отвечал: происходит все, чего хочет Бог, в том числе и с самыми могущественными людьми; судьба Александра — тому подтверждение. Таким образом, трагический удел полководца становился своего рода напоминанием — *momento mori*. Оно должно было стоять перед глазами императоров и королей, призывая их к смирению. Миф об отравлении Александра

потому и оказался столь распространен в Средние века, что идеально соответствовал христианской концепции *translatio imperii*, согласно которой Бог дает и отнимает власть без предупреждения.

Подобное осмысление сюжета придавало ему в первую очередь моральное, а не политическое значение. Впрочем, этим дело не ограничивалось. В продолжение традиции Платона и Аристотеля яд в истории Александра свидетельствовал об отсутствии у завоевателя чувства меры в его безграничном стремлении к власти. Эта чрезмерность уподоблялась тирании. Сильней всего она проявлялась в двух подробностях пресловутого отравления македонского царя.

Первая появилась уже в античных рассказах. У Псевдо-Каллисфена Антипатр утверждал, что полководец преисполнился гордыни за свои деяния и в неутолимой жажде власти перешел все границы. Выпитый залпом кубок с ядом стал своего рода символом этой жажды. Именно она сеяла ужас среди слуг царя. Царица Олимпиада требовала, чтобы сын наказал наместника Антипатра. Последний пребывал в страхе и совершил убийство, которое ждет всякого тирана. Античная традиция не случайно связывала с преступлением против Александра имя Аристотеля, автора «Политики». Не исключено, что это объяснялось в первую очередь его репутацией политического мыслителя, который не мог принять превращения власти царя в тиранию. Обширность же знаний Аристотеля о природе, его осведомленность в области отравляющих веществ, возможно, играли здесь второстепенную роль.

В Средние века история отравления завоевателя служила, помимо всего прочего, доказательс-

тву неотменимости божественной воли. Речь шла о том, что, когда тирания слишком могущественных монархов становилась причиной страданий подданных, их избавлял Господь. Александр погиб в Вавилоне, деспотических правителей которого Бог и прежде уже наказывал. Печальный удел, определенный македонскому царю Провидением, был призван внушать всем остальным монархам умеренность. Для Орозия полководец был жаждавшим крови язычником. Александр Парижский и Томас Кентский, со своей стороны, подчеркивали, что царь правил единолично и лишь один раз созвал своих советников на суд. Подобная власть породила страх и смертельную ненависть. У Винсента из Бове рассказу об отравлении предшествовал пассаж о том, сколь незавидна была участь солдат завоевателя, если они позволяли себе злословить на его счет.

К литераторам и историкам присоединялись политические мыслители. Жиро из Камбре около 1217 г. или чуть позже написал трактат *De instructione principis liber*, предназначенный для наследника Филиппа II Августа, будущего Людовика VIII. На примере династии Плантагенетов автор размышлял о превращении монаршей власти в деспотию. Целая глава была посвящена смерти тиранов. Среди правителей, злоупотреблявших своим могуществом, фигурировал и Александр. «Приближенные подстроили ему смертельную ловушку, подав огромный кубок отравленного вина» (*suorum insidiis vino cui trans modestiam datus fuerat periit venenato* — I, 17). Чрезмерность в употреблении напитка символизировала в данном случае отсутствие у героя чувства меры в политике.

В начале XIV в. примерно в том же духе высказывался автор *Лиса-самозванца* — раздражающим фактором в тот момент являлся авторитаризм Филиппа Красивого. Монарх, «который все присваивает себе, / Который все забирает и никогда не расплачивается», ограбил Антипатра. В результате тот мстит, как может. Конец македонского царя должен послужить уроком правителям и всем сильным мира сего. Им следует остерегаться участи Александра, «отравленного собственным народом», как писал Джеффри Чосер, автор «Кентерберийских рассказов». Смысл данного утверждения в том, что чрезмерная властность государя может подтолкнуть «народ» к весьма решительным действиям против тирана. Внутри *regnum Italiae* бессовестных правителей, обуреваемых амбициозной жадой безграничной власти, точно так же ненавидел Феррето Феррети из Виченцы, который являлся приверженцем идеала коллективного управления. Он ссылался на Платона, утверждая, что в качестве средства борьбы против тиранов философ допускал человекоубийство, в принципе отвратительное. Феррето Феррети без колебаний ставил Александра рядом с Дионисием Сиракузским, как правителей-тиранов, карьера которых была по справедливости и вовремя прервана ядом. Сходными были и взгляды Петрарки. Поэт отмечал, что, воспринимая восточные обычаи, царь Македонии превратился в деспота.

Александр Парижский, со своей стороны, тоже клеймил произвол властителя. Вопреки традиции и даже вопреки последовательности собственного рассказа он сделал убийцами наместников Тира и Сидона. «Восточное» происхождение само по себе не означало ничего хорошего. Название *Tyr*

связывалось со словом *тиран*, а оно, в свою очередь, возводилось в Средние века к латинскому слову *tyrus* — *гадюка*. Организаторы заговора были жалкими людишками, «подлейшими рабами», опрометчиво возвышенными по воле царя. Всякому правителю, окружавшему себя не баронами, по праву призванными советовать монархам, а слугами низкого происхождения, приходилось задуматься о примере македонского царя. Таким образом, Александр Парижский, по-новому излагая сюжет, проявлял в первую очередь не буйство фантазии и даже не стремление заклеить неверных вассалов. Он формулировал внятное послание правителям своего времени, окруженным низкими льстецами. Последних разоблачал также и Жан Солсберийский. Литераторы и мыслители говорили совершенно об одном и том же.

Итак, миф об отравлении Александра Македонского оказался столь живуч потому, что позволял авторам разграничивать власть благотворную и власть пагубную. Там, где поклонники рыцарства видели средство победить непобедимого, озабоченные ростом могущества монархов клирики обнаруживали следствие тирании. Еще один важный момент, проявляющийся во всей этой истории, это то, какую роль может играть обвинение в отравлении. Ссылки на применение яда широко использовались в пропаганде преемников Александра. Они служили идеологическим оружием для борьбы с претендентом на политическое наследство, например с Антипатром. Яд становился инструментом не только устранения правителя, но и дискредитации противника. Причем жало клеветы разило так же уверенно, как и реальные отравляющие вещества.

ВЛАСТЬ, СВЕДУЩАЯ В ЯДАХ. О НЕКОТОРЫХ ВОСТОЧНЫХ ДЕСПОТАХ

Со смертью Александра Великого в Восточном Средиземноморье начался период эллинизма. Гигантская держава оказалась разделенной на несколько государств под властью сподвижников македонского полководца: Грецию и Македонию, царство Селевкидов, Египет. Сохранившиеся в Малой Азии и в Палестине династии также находились под влиянием эллинистической культуры. В Греции основной политической организации продолжал оставаться полис, тем не менее вокруг все прочнее утверждалась монархическая система с ее дворами, интригами, т.е. обстановкой, благоприятствовавшей преступлению. В 312–64 гг. до н.э. не менее дюжины правителей династии Селевкидов погибли в результате убийства, а в египетской династии Птолемеев (Лагидов), правившей в 323–30 гг. до н.э., убийство стало практически обычным способом наследования. Культура дворов властителей эллинистического мира во многом восходила к традициям персидской монархии с ее ритуалом «предварительного опробования» блюд во время царской трапезы. Эти правители очень интересовались наукой и всегда готовы были использовать знания для укрепления своей власти. Именно поэтому яд оказывался здесь весьма «ко двору». Наилучшим воплощением всего сказанного является царь Митридат.

ОТРАВЛЕННЫЙ ВОЗДУХ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ДВОРОВ

В течение века, следовавшего за эпопеей Александра, в эллинистическом мире не прекращалась борьба. Политические элиты оспаривали друг у

друга власть, а государствам приходилось противостоять завоевательной политике Рима. Яд использовали, чтобы расправиться с неудобными претендентами на трон и чтобы достичь успеха тайными средствами там, где невозможно было победить силой традиционного оружия.

Можно привести много примеров, чтобы проиллюстрировать первую ситуацию. У Лисимаха, правившего Фракией и Македонией в начале III в. до н.э., был сын Агафокл. Его решила устранить с помощью яда новая супруга царя, желавшая обеспечить трон собственному сыну. Против него применили какое-то токсическое вещество, которое, впрочем, не оказало ожидаемого эффекта.

Очень часто яд пускался в ход при дворе Селевкидов. В 246 г. до н.э. царица Лаодика убила своего брата и супруга Антиоха II Теоса. Дело было в Эфесе, куда монарх приехал, чтобы помириться с Лаодикой. Последняя мстила таким образом за недавнюю женитьбу царя на Беренике, дочери Птолемея II, угрожавшую ее политическому влиянию и обеспечивавшую Антиоха наследников. Несмотря на подорванное излишествами здоровье правителя, едва достигшего сорока лет, немедленно после его кончины распространился слух, что его отравила супруга. В 192 г. до н.э. от яда погиб 27-летний наследник Антиоха III. Это преступление тоже было совершено в семейном кругу. На этот раз сам царь счел молодого человека слишком предприимчивым и слишком популярным. Данный пример показывает, какие распри раздирали верхушку монархии Селевкидов, где обладавшие многочисленным потомством правители легко могли пожертвовать кем-то из наследников. Это напоминает ситуацию, складывавшуюся

позже в мусульманских государствах. Упомянутые преступления не доказаны, но тем лучше они свидетельствуют о том, как однозначно реагировали люди на внезапную смерть представителей правящей династии, немедленно приписывая несчастье преступлению. В 121 г. до н.э. произошло еще одно аналогичное семейное событие. Царица Клеопатра Теа, которая уже убила одного своего сына Селевка V, попыталась отравить другого — Антиоха VIII, которого ревновала к его жене. Царю был подан освежительный напиток, содержащий смертоносное вещество. Однако царь, получивший донос о намерениях матери, предложил ей первой омочить губы в кубке. Клеопатра пала жертвой собственного злодеяния. «В стремлении обратить свое веретено в скипетр, царицы не оставались ни перед чем», — отмечал А.Буше-Леклер, историк, написавший по книге о династиях Селевкидов и Птолемеев. В то же время яд служил отнюдь не только женщинам. У Юстина содержится упоминание о попытках отравления Антиохом VIII его единоутробного брата и соперника Антиоха IX Кизикского, который правил меньше года в 96–95 гг. до н.э.

Отравления были широко распространены также и при дворе Птолемеев. Нельзя сказать, что они преобладали, потому что, как и в царстве Селевкидов, в борьбе за власть использовалось множество разных средств. Тем не менее яд занимал среди них значительное место. У Полибия есть рассказ о том, что в 204 г. до н.э. в течение короткого промежутка времени умерли Птолемей IV Филопатор и его жена Арсиноя. Тогда возникло множество подозрений, хотя определенных обвинений никто не высказывал. Когда в 180 г. до н.э.

скончался Птолемей V Эпифан, распространился слух, что его отравили военачальники, не желавшие отправляться в поход против Селевка IV, да еще и оплачивать этот поход, как предполагал царь. Впрочем, об этой смерти во цвете лет двадцатидевятилетнего Птолемея V не упомянул Полибий. О том, что этот монарх якобы погиб от «губительного искусства», мы знаем от святого Иеронима. Буше-Леклер считал, что средневековые авторы слишком часто и поспешно связывали те или иные события с употреблением яда, но он не объяснял, почему это происходило. А ссылка на отравление, содержащаяся у Иеронима, имела свои причины. Христианский автор стремился заклеить аморальность языческого режима, широко применявшего яд для достижения своих целей. Об этом в раннее Средневековье знали, например, из рассказа Плиния Старшего в «Естественной истории» о продаже богатств царя Кипра в 58 г. до н.э. Среди них обнаружили шпанских мушек, которых продал Катон Утический, после чего был обвинен в торговле отравляющими веществами.

Вторая характерная ситуация, когда отравление становилось орудием политики в эллинистическом мире, — это война. В таком случае яд заменял собой бой. Сын Филиппа V Македонского Персей в 170 г. до н.э. нанял некоего Раммия из Бриндизи, дабы отравить римского полководца и его офицеров, непосредственно участвовавших в третьей Македонской войне. Македонские правители, впрочем, использовали яд не только против внешних врагов. Деметрий, прежде чем погибнуть во время пиршества в 180 г. до н.э., пытался точно так же отравить своего брата Персея. Однако премники Александра отличались весьма прагмати-

ческим применением этого средства, которое они по случаю чередовали с ударом из-за угла мечом или кинжалом.

МИТРИДАТ, ИЛИ СТРАСТЬ К ЯДАМ

В одной из версий «Диалога Плацида и Тимеона», относящейся примерно к 1300 г., царем, который послал к Александру Македонскому деву-отравительницу, является Митридат. Такой анахронизм весьма показателен: он иллюстрирует тот факт, что еще в эпоху Средневековья царь Понта имел репутацию изощренного отравителя. В те времена, впрочем, больше интересовались его смертью, чем деяниями: именно о ней писал еще Гийом Бретонец, находившийся на службе Филиппа II Августа. Имя понтийского монарха изо всех сил увековечивали не только литераторы и историки. Оно мелькало и в медицинских текстах, т. к. слово *митридат* означало противоядие, которым, как считалось, пользовался царь. Утверждалось, что интерес Митридата к отравляющим веществам имел двойственный характер: он не только ими пользовался, но и являлся их знатоком. Властитель Понта враждовал с Римом, он был, как говорят, последним, кто имел возможность остановить наступление Рима на Восток. Таким образом, с точки зрения Европы он воплощал в себе восточный деспотизм, одна из характерных черт которого состояла в применении яда.

У Митридата VI Евпатора существовало среди властителей Малой Азии немало предшественников, которые могли служить образцами в том, что касалось интереса к ядам. Теодор Рейнах,

автор классической и непревзойденной работы о Митридате (1890 г.), упоминал в этой связи современника своего героя, царя Вифинии Никомеда III Эвергета, а также правившего раньше царя Пергама Аттала III Филометора. Их любознательность обычно связывают с тем, что после завоеваний Александра греческая культура открылась влиянию культуры Индии. К этому наблюдению, впрочем, следует относиться с осторожностью.

Аттал III Филометор был последним царем Пергама и правил с 138 по 133 гг. до н.э. Приобщенный к власти отцом Атталом II, он, по словам Плутарха, увлекался лекарственными и ядовитыми растениями вместо того, чтобы заниматься управлением. Греческий биограф уточнял, что царь выращивал белену, морозник, аконит и цикуту, которые сеял в своих садах, дабы изучить их плоды и узнать, каков их сок. «Морскими свинками», на которых по необходимости проверяли «свойства вещей», как станут говорить в Средние века, служили рабы. И хотя Плутарх отмечал невнимание Аттала к делам государства, вряд ли полученные в результате его экспериментов знания совсем не имели отношения к политике. Разумеется, этот эллинистический правитель, о котором плохо отзывалась античная историография, стремился проникнуть в тайны природы из «научного» любопытства. Он интересовался не только токсичными растениями, но садоводством и земледелием вообще. Но являлись ли эти специфические занятия простым развлечением? Не скрывалась ли за ними глобальная цель укрощения природы, дабы тем лучше управлять людьми и застраховать себя от их козней? Если такие мысли на самом деле имели место, то, буду-

чи неотделимыми от политической функции, они предполагали ее наилучшее осуществление.

Как бы то ни было, вопрос о том, использовал ли царь Пергама свои знания и умения для решения проблем власти, остается открытым. У Диодора Сицилийского описывается, какую жестокость он проявлял к приближенным, которым приписывал смерть матери и нареченной, однако не видно, чтобы в этом деле какую-нибудь роль играл яд. Юстин изобразил правителя сумасшедшим и свидетельствовал, что он сам посылал придворным ядовитые растения в качестве презента. В любом случае хорошо известно, что — благодаря Атталу или нет — Пергам являлся центром распространения ядов в Средиземноморье. Именно из этого города происходил врач, которого во времена Августа обвинили в намерении открыть что-то вроде школы ядов в Марселе. Его защищал тогда римский политик и оратор Асиний Полион. Что же касается Митридата, то этот персонаж оказался гораздо определеннее связан в сознании людей с ядом, если не сказать — с отравлением.

Митридат VI Евпатор, имевший иранское происхождение, рано столкнулся с преступлением. Его мать подстроила убийство мужа «друзьями царя». Правда, Митридата IV Эвергета не отравили, а закололи холодным оружием. Сыну и наследнику царя было тогда 12 лет. Митридат бежал в горы, вынужден был скитаться, но через шесть лет возвратился к власти. Он стремился изгнать из Азии римлян и разгромить их местных союзников, царей Каппадокии и Вифинии. В 89 г. до н.э. Митридат начал длительную войну против Рима. Добиваясь союза с греческими полисами, он демагогически превозносил их исконную сво-

боду, которую сам же стал нарушать, как только они ненадолго перешли на его сторону. Для того чтобы победить царя Понта, римлянам понадобилось целых три военных кампании. После того как Лукулл, а вслед за ним Помпей завоевали владения упорного противника, Митридат умер в Крыму, в городе Пантикапее.

Обстоятельства смерти понтийского царя определенно связываются с ядом. Можно даже сказать, перефразируя знаменитую формулу Клемансо по поводу генерала Буланже, что Митридат умер так же, как и жил: отравителем*. Вернее — хотел умереть. Источники, литература, научные исследования свидетельствуют, что в момент, когда побежденному монарху угрожала опасность попасть в плен к собственному сыну, он не смог отравиться, т.е. умереть, как считалось в античной традиции, легко и достойно. Царь вынужден был просить человека из своей охраны нанести ему смертельный удар. Сказался долговременный прием противоядия, а вслед за ним токсинов малыми дозами. Вместе с Митридатом якобы умерли две его дочери, потребовавшие яду, который незамедлительно оказал свое действие. Известно, что понтийский правитель и прежде использовал аналогичное средство для «освобождения» от плена женщин своего окружения, с переменным, впрочем, успехом. По его поручению им доставлялась отравы. О двух таких случаях рассказали соответственно Плутарх и Аппиан. Возможно, впрочем, речь у них идет об одном и том же эпизоде, хотя место дейс-

* Когда в 1891 г. генерал Жорж Буланже застрелился на могиле своей возлюбленной, Клемансо отозвался на его смерть эпитафией: «Здесь покоится генерал Буланже, который умер так же, как и жил: младшим лейтенантом».

твия и характер родства женщин с Митридатом в их повествованиях разнятся. В общем, этот человек великолепно знал яды и лекарства от них.

Источники донесли до нас немало сведений о своеобразном гении знаменитого царя Понта, все знавшего об отравляющих веществах и умевшего предохраняться от них. Гораздо меньше мы знаем о том, как он использовал эти знания для совершения политических или семейных убийств. Такие факты, впрочем, имеются. В одной из резиденций монарха победивший его Помпей обнаружил якобы составленный самим правителем список подобных деяний. Считается, что около 100 г. до н.э. Митридат пытался отравить свою сестру Лаодику или организовал ее отравление. Лаодика отомстила ему тем же. Правитель расправился со своим племянником Ариаратом (место которого на каппадокийском троне занял собственный сын царя Понта), и, наконец, с Алкеем из города Сарды. Что касается последнего, то он имел неосторожность обогнать обидчивого монарха во время конных соревнований. Такого рода «преступление» можно вообразить только в тираническом режиме, где носитель власти не приемлет даже малейшего сомнения в своем верховенстве и коварно мстит, вопреки здравому смыслу. Таким образом, знание *pharmaka* позволяло Митридату как защищать свое могущество, так и атаковать. У Аппиана Александрийского (II в. н. э.) сказано, что царь Понта знал все яды, которые можно подмешать в пищу. Он мог использовать их против других, но мог и защитить от них самого себя.

В 112 г. до н.э., после смерти отца Митридата VI, Понтийское царство потрясли волнения. Еще раз это случилось в 87 г. до н.э., возможно, в результате

заговора, организованного Римом. Не исключено, что эти события, а также покушение на возвратившегося из скитаний царя его сестры и супруги Лаодики посеяли в душе монарха страх перед насильственной смертью. Он стал искать неуязвимости и добился ее благодаря наблюдениям и опытам. По рассказу Плиния Старшего, Митридат имел обыкновение каждое утро натошак принимать лекарство, приготовленное из двух сухих орехов, двух ягод инжира, двух листиков руты, смешанных с кровью утки. Царь собственной рукой переписал рецепт, породивший столько комментариев. Он на самом деле полагал, что кровь понтийских уток, вскормленных на ядовитых растениях, несла в себе иммунитет и способна была служить противоядием. Считалось, что прием смеси нейтрализует действие отравляющих веществ, которые тоже принимались ежедневно, с целью появления сопротивляемости к ним. Именно этот антидот, обогащенный еще пятьюдесятью четырьмя ингредиентами, позже получил имя своего царственного изобретателя. Он был хорошо известен не только Плинию Старшему, отрицавшему действенность препарата. Гален писал о нем в трактате *De antidotis*, его знали арабские врачи, еврейский ученый XII в. Моисей Маймонид. В XVI в. о «митридате» упоминал знаменитый французский врач Амбруаз Паре. Антидот долгое время прописывали средневековым государям. Имеются свидетельства, что в 1439 г. он содержался, например, в дижонских аптеках, а значит, доходил и до более широкой клиентуры.

Итак, знание токсикологии, которым обладал царь Понта, ценное само по себе, имело еще и утилитарный аспект. Однако помимо всего прочего,

оно демонстрирует нам определенное отношение к природе, которое невозможно отделить от понимания политики. Считалось, что правителю подвластно все, включая природу. Плиний Старший напоминал, что понтийский монарх приказывал собирать информацию о природе своих владений, богатой ядовитыми растениями, минералами и животными. Одно время ему была подвластна даже и мифическая Колхида. Феофраст отмечал, что в Гераклее Понтийской произрастал самый лучший аконит. Согласно Плинию, Помпей обнаружил в архиве дворца Митридата целую библиотеку заметок и рецептов. Он приказал своему врачу, вольноотпущеннику Ленею, разобрать их, классифицировать и перевести. Так было положено начало изучению лекарственных растений в Риме. Царя Понта интересовало именно двойное действие *pharmaka*, лекарств и ядов одновременно. Стремление понять свойства веществ, которые могли приносить организму и пользу, и вред, а потом использовать эти свойства, намного превосходила у него желание упрочения власти. Оно составляло часть концепции господства над миром через проникновение в тайны природы. А эта концепция, в свою очередь, сближала Митридата с колдовством и волшебством. В конце XIV в. это увидел поэт Эсташ Дешан, приписывавший смерть царя его склонности к колдовству (с которым связывались отравления) и гаданию. Начиная с I в. новой эры в понтийском регионе распространились амулеты, которые якобы делали людей неуязвимыми для яда. Носившие их верили, что, обращаясь к «царю царей» (как называли Митридата VI), найдут нематериальную защиту от отравителей.

Жан де Малейси, написавший книгу «История яда», главу, посвященную Митридату, назвал «Царь Понта, царь ядов». Формула верна в том смысле, что царь Понта в высокой степени овладел знаниями о токсических веществах. Вместе с тем неверно думать, что он правил с помощью яда. Этот монарх использовал множество других средств борьбы как внутри государства, так и против внешних врагов. Например, в 88 г. до н.э., воюя против римских провинций Вифинии и Каппадокии, он устроил резню 80 000 живших там римлян. Засвидетельствовано, что Митридат всегда носил на поясе, как меч, мешочек с ядом. Редкие отравляющие вещества хранились в его сокровищнице, и мы не знаем, было ли это удовлетворение страсти познания или устрашающий арсенал. Так или иначе, власть и яд в данном случае оказались беспрецедентно близки друг к другу. Неуязвимость царя к яду, ставшая результатом воли и знания, отличала его от других непобедимых властителей, которых могли одолеть лишь отравители. Однако становился ли понтийский правитель от этого более почитаем? Или же, наоборот, вставал в ряд с государями-тиранами, злоупотреблявшими властью, о смерти которых Боккаччо в трактате *De casibus virorum illustrium* («О злосчастьях знаменитых мужей») писал как об уготованном Провидением освобождении? Очень может быть, что именно любознательность Митридата послужила примером царю Мавретании Юбе II, сочинившему трактат о молочае. Не исключено, что она вдохновляла султанов, которые, если верить итальянцу XV в. Антонио Гвайнерио, писавшему со слов берберского врача, постоянно принимали яд в небольших дозах, дабы обрести неуязвимость,

как Митридат. Однако все подражатели царя Понта жили на Востоке, нравы которого не одобрялись на Западе. На взгляд европейца, он воплощал в себе тип дурного правителя. И разумеется, «римская пропаганда», в которую включились и авторы-греки времен империи, изображала Митридата не царем-ученым, а тираном-отравителем и жертвой отравления; врагом «гражданских свобод», которые якобы защищал от него Рим.

ОТРАВЛЕНИЯ ПРИ ДВОРЕ ИРОДА

Иудея эпохи эллинизма описана Иосифом Флавием, еврейским историком I в., произведения которого дошли до нас на греческом языке. По его свидетельству, в ней уже не наблюдалось неприятие отравления, свойственное древним евреям. Возможно, страстно поносимая во II в. до н.э. «культура власти» Селевкидов в конце концов распространилась на местное политическое сообщество. Из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия мы узнаем о нескольких случаях отравлений, имевших место в кругах политических элит. В I в. до н.э. Иудейское царство вошло в орбиту римского влияния. Покорность Риму и компромиссы с ним вызывали сильное недовольство в стране. Отец Ирода Великого Антипатр был весьма дружественно настроен по отношению к Цезарю, которому помогал в Египте. Оппозиция во главе с Малихом отстаивала более независимую политику. Кроме того, Малих понял, что римляне собирались поставить Ирода на место его отца. Убийца вдохновлялся, таким образом, одновременно «патриотизмом» и жадной властью. После первой неудачной попыт-

ки Малих достиг своей цели, подкупив виночерпия Гиркана, еще одного придворного, которому предстояло принимать у себя и угощать жертву. Антипатр погиб, а его сын обвинил виновного, притворившегося, что скорбит. В конце концов Малих погиб от кинжала не без помощи римлян. Следует отметить, что в данном случае яд употреблял как раз тот претендент, который требовал верности политическим традициям евреев, а не те, кто ее нарушал. При этом убийца без колебаний использовал оружие «язычников».

При дворе самого Ирода Великого также применяли яд. У царя Иудеи, возмущившегося в свое время убийством отца, были сыновья. Он назначил наследником старшего из них, Антипатра, который в борьбе с соперниками использовал те же методы, что и Малих. Яд, по примеру эллинистических дворов, служил ему не для защиты идеи, а для утоления жажды власти. Царский сын не желал ждать, пока природа сделает свое дело и расчистит ему путь к трону. Антипатр лелеял замысел убийства отца, раскрытый случайно, вследствие гибели его сводного брата Ферора. Последний, в свою очередь, стал жертвой любовного напитка, поднесенного ему арабской служанкой его жены. Маловероятно, что Антипатр имел отношение к покушению на брата, разрушившему его коварные замыслы. Скорее всего, если Ферор и в самом деле был отравлен, он пал жертвой женских интриг, в которых чары классически соседствовали с ядом. Сестра Ирода Саломея обвинила его жену Мариамну в намерении отравить монарха с помощью подозрительного напитка. Кончина Ферора повлекла за собой расследование, принесшее плоды.

Дворцовые прислужницы жертвы допрашивались с пристрастием. Они рассказали о ненависти Антипатра к родителю и о его черном заговоре. Один из рабов подтвердил реальность плана убийства. Антипатр дал Ферору приготовленный египетским врачом яд, дабы отравить Ирода. Ферор, вероятно, согласился, потому что Антипатр предвзятительно постарался настроить брата против отца. Хитрый замысел позволял погубить сразу двоих: царя и Ферора, которого после отцеубийства неминуемо ждала бы казнь. Если бы первый яд не подействовал, то был бы пущен в ход второй, приготовленный из выделений рептилий. Судьба распорядилась по-другому. После смерти Ферора яд помимо ее воли остался у вдовы. Она рассказала, что на пороге смерти муж попросил ее сжечь отраву, оставив себе чуть-чуть, дабы покончить с собой, если Ирод вздумает ее наказывать. Царь Иудеи заподозрил в сообщничестве еще и свою супругу Дориду, мать Антипатра. У нее тоже якобы имелся яд, который собирались употребить, если яд Ферора не подействует. Ирод удалил Дориду от себя.

Что же касается Антипатра, то он был наказан за свои преступления. Он возвращался из Рима, когда узнал о кончине Ферора и провале своего заговора. Однако он продолжал путь в Иерусалим, устремляясь прямо в львиную пасть. Ирод выдал сына на суд Вара, римского наместника в Сирии. У Иосифа Флавия есть подробный рассказ о процессе Антипатра. Обвинение выдвигалось по закону об отцеубийстве, действовавшему в римском праве. Использовали именно его, а не закон об убийцах и отравителях, потому что в данном случае тяжесть преступления обуславливалась

родственными отношениями между виновным и жертвой, а орудия убийства не имели большого значения. В то же время и *modus operandi* не был проигнорирован, коль скоро удостоверились, что вещество, найденное у супруги Ферора в самом деле являлось смертельным ядом. Его испытали на преступнике, осужденном на казнь. Он умер мгновенно. Несмотря на явное наличие злого умысла у наследника и очевидность улик против него, Ирод колебался. Наверное, он горевал перед перспективой потерять после смерти Ферора еще одного сына. Царь спросил совета у самого принцепса Августа, но тот предоставил ему принимать решение самому. Тогда Ирод приказал задушить Антипатра в тюрьме. Сам он умер несколько дней спустя, в 4 г. до н.э.

Достойное трагедии Корнеля дело Антипатра хорошо иллюстрирует «эллинистическую» аккультурацию еврейской политической элиты в эпоху, когда Иудейское царство оказалось в зависимости от Рима. Филон Александрийский, рассматривая юридические аспекты дела, мог сколько угодно объявлять применение яда более тяжким преступлением, чем убийство с применением силы. Его единоверцы не испытывали больше ужаса перед отравлением. История Антипатра показывает, кроме того, как в монархических династических режимах происходила борьба за власть, как с помощью токсичных веществ ускоряли природный процесс, сохраняя при этом видимость легитимности. Приписанный сыну Ирода план очень замысловат. Он вовлек в заговор своего единокровного брата, возможно убедив его, что злодеяние останется незамеченным. Еще одно

важное сведение, которое мы получаем от данного дела, — это вовлеченность в политическую игру женщин, пользовавшихся своими чарами. Они участвовали в дворцовых интригах, где преворотные зелья не слишком отличались от ядов. В рукописном французском трактате об отравителях XVII в., хранящемся в Национальной библиотеке Франции (№ 20766), супруга Ирода приводится в ряду известных женщин-отравительниц, наряду с Медеей и Локустой. И наконец, стоит посмотреть, какова была роль римских покровителей в событиях, происшедших при царском дворе в Иудее. Возникает вопрос, зачем ездил Антипатр в Рим, откуда как раз возвращался, когда разразился скандал? Не там ли подогревались его смертоносные планы? Не выражала ли примененная в деле судебная процедура стремления Ирода проверить лояльность своего могущественного союзника? И не проявилось ли в замешательстве римских властей отсутствие решимости наказать исполнителя политического замысла, родившегося в самых высших сферах и мало достойного римской добродетели? У Иосифа Флавия, историка, тесно связанного с римским двором императора Веспасиана, родовое имя которого — *Флавий* — он носил, мы не найдем ответов на эти вопросы. Тем не менее они остаются.

Как бы то ни было, отравленный дух витал над эллинистическими тронами. Восточный деспотизм неизменно предполагал использование яда в политике, буквальным воплощением чего стал Митридат. В Средние века сложилась традиция соединять образ деспота-отравителя с «Востоком».

Она укоренялась, по-видимому, в эпохе эллинизма, включала в себя наследников царя царей, а вслед за ними — «языческих» монархов, мусульманских халифов, эмиров и султанов. Выстраивалась преемственность от Митридата до Фридриха II Штауфена, каким его изображали враги. Такое соединение не выглядело абсурдным, хотя в большой мере относилось к сфере воображаемого.

Цицерон в своих речах, а затем Плиний Старший утверждали, что ни одна профессия не дает столько отравителей, сколько врачевание. Причем Плиний спешил добавить, что медицина чужда римскому гению, являясь занятием главным образом корыстных и лживых греков. Писатель, конечно, не заключал из этого, что Восток является центром применения ядов. Однако мы видели, какой интерес он испытывал к Митридату и насколько был враждебен к повелителю ядов, который хотел бы быть также и повелителем мира. Царь Понта как воплощение тирана-отравителя, царь Македонии как архетипическая фигура отравленного монарха, принадлежали к тому самому древнему Востоку. Внутри- и внешнеполитические конфликты нередко разрешались там с привлечением токсических веществ, а каждый монарх, кроме того, носил при себе яд на всякий случай. Об этом рассказал в «Истории Рима» Тит Ливий в знаменитом эпизоде о нумидийском царевиче Масиниссе и самоубийстве Софонисбы. Подобно царям Средиземноморья, Масинисса всегда носил с собой яд. Царь Нумидии Сифакс в 203 г. до н.э. потерпел поражение от армии Сципиона Африканского. Царевич, сражавшийся на стороне римлян, увез жену Сифакса, пленную царицу

Софонисбу, и женился на ней. Однако его союзники римляне потребовали отдать Софонисбу. Царица не захотела оказаться в руках мстительных римских властей, не забывших, что она дочь карфагенского полководца Гасдрубала. Она предпочла принять яд, который дал ей новый супруг.

Использованию отравляющих веществ в политике очень часто способствовали человеческие страсти. Нередко к этому имели отношение женщины. Происходила ли традиция применения ядов из Греции или с окраин эллинистического мира? В этом мире был ведь свой «восток» — Персия и Египет (хотя географически он располагался на юге). Определенный ответ дать трудно. Греческая мифология, поэмы Гомера столь же богаты историями отравлений, сколь и предания Персидского царства. И все же следует отметить два исключения, возможно, впрочем, отражающие в большей степени идеал, чем реальность. Первый случай — это еврейский мир, до того как он попал в орбиту эллинистического влияния. *Veneficia* связывались в нем с демоническими силами, и поэтому были запретны для избранного народа. Второй — это классический греческий полис афинского типа. Отравление считалось там несовместимым с демократическим политическим процессом. Но едва режим гражданских свобод уступал место монархическим формам, как распространялось обыкновение отравлять конкурентов и противников. Оно хорошо сочеталось как с функционированием тиранической власти, так и с борьбой против нее. В конечном счете применение яда, по-видимому, нельзя исключить нигде. Изучение отравляющих веществ, являлось ли его целью удовлет-

ворение любопытства или самозащита, в каком-то смысле входило в набор властных ритуалов, если не обязательных, то, во всяком случае, признанных. С этой точки зрения, римский мир выглядел совершенно по-другому. Вырисовывалось противоречие Восток/Запад, которое позже выразилось в строчке Эсташа Дешана: «*На Востоке подают такие напитки*». Этому противоречию предстояло наложить глубокий отпечаток на европейскую культуру.

АВГУСТЫ И ЛОКУСТЫ.
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОТРАВЛЕНИЕ В РИМЕ

Бывает так, что созвучие имен совпадает с внутренним сходством. Известная отравительница времен Нерона Локуста не только носила имя, напоминающее прозвище римских императоров I в. н.э., наследников Августа. В ее биографии было много сходного с тем, что мы знаем о властителях Рима. В их богатой преступлениями жизни, в их нередко подозрительной смерти не раз черпали вдохновение средневековые историки, а затем авторы XVII—XVIII вв. А еще раньше те же сюжеты мастерски излагал Гай Светоний Транквилл. В его замечательном сочинении «Жизнь двенадцати Цезарей», написанном до 122 г., отчетливо продемонстрирована тесная связь между властью и отравлением. В этой, по определению французского историка Ж.Гаску, «анатомии морали» императоров часто говорится об обретении, удержании или утрате власти с участием токсических веществ. Нам неизвестно, отражает ли это сочинение реальное положение вещей или нет. Во всяком случае, щедрые рассказы о применении правителями яда очерняют их память, дискредитируют режим, становясь

символом его злоупотреблений или даже его злокачественной природы. Многословно повествуя об отравлениях, писатель способствовал, таким образом, подрыву авторитета династий Юлиев-Клавдиев и Флавиев.

Светоний служил императорам Траяну и Адриану. Отрицательный образ предыдущих государей позволял также подчеркнуть благотворное правление династии Антонинов, пришедшей к власти в 96 г. Императоры начала II в. якобы отрицали порочные обыкновения своих предшественников. Они уважительно относились к сословиям сенаторов и всадников, проявляли умеренность и воздержанность. Им удавалось сочетать эффективность монархии с республиканскими добродетелями, они восстанавливали традиционные римские ценности. Открытый мужественный бой, публичная деятельность на форуме противопоставлялись использованию яда, оружия тайного, коварного и женского, ибо связанного с кухней и с домашним пространством. Видимо, на тех же основаниях римский мир приписывал использование *venenum* миру греческому и объявлял его неприемлемым для себя.

Вместе с тем латинские тексты изобилуют реальными или вымышленными делами об отравлениях. О них писали историки, коллеги Светония, и поэты. Ораторы, такие, как Цицерон, Сенека-ритор, Квинтилиан, посвящали им свои образцовые речи. Достоверные или совершенно неправдоподобные, полные нелепиц случаи применения яда множились, и это считалось признаком кризиса морали. Обычно его датировали концом Второй пунической войны в 202 г. до н.э., победой над Ганнибалом, и объясняли тем, что нравы «развраща-

шал Восток». Кризис усматривали также и в сфере власти. Его видели в постепенном вырождении политических режимов, особенно принципата, проявлявшего склонность к тирании.

Для того чтобы понять, как обстояло дело с отравлениями в империи, необходимо обратиться к началу римской истории. Нужно попытаться рассмотреть, какие в отдаленные времена существовали практики в этой области и как смотрели тогда на применение ядов. Это даст возможность проследить, как развивалась ситуация вплоть до эпохи, когда Римская держава восприняла христианство. Задача непростая, потому что странным образом отсутствуют какие бы то ни было обобщающие исследования, на которые можно было бы опереться.

РИМСКИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ И РАЗВРАЩЕНИЕ ЯДОМ

Имя богини Венеры (*Venus*), согласно мифологии, матери Энея, т. е. прародительницы римлян, этимологически родственно слову *venepit*, понимавшемуся как *любовный напиток*. Тем не менее яд, по видимому, оставался чужд римскому духу. Медея, правда, стала героиней трагедии Сенеки, но она не была латинянкой. Ведя борьбу против грозных внешних противников, Рим, судя по всему, практически не использовал отравления. Подобные методы были противны политическим нравам города. В эпоху Республики преступное употребление яда могло, конечно, иметь место в каком-нибудь частном деле. Однако в этом видели опасный подрыв устоев общества, каравшийся без промедления.

Вплоть до 509 г. до н.э. в Риме правили цари. Эта эпоха не слишком хорошо известна и обычно не вызывает симпатий. Историки, впрочем, воссоздали ранний период, и, судя по их данным, политические конфликты не разрешались тогда с помощью ядов. Очевидно, что и «изначальное братоубийство» Ромулом Рема не являлось отравлением, которое экономит силы и не проливает кровь.

Итак, изначальное насилие, о котором трактует философская теория Рене Жирана, вряд ли могло выражаться в отравлении. Плутарх, напротив, приписывал мифическому основателю Рима Ромулу борьбу с применением токсических веществ. Он якобы установил законность развода мужа с женой, вытравившей плод. В дальнейшем, хотя некоторые цари являлись настоящими тиранами и демонстрировали произвол, хотя политические нравы были жестоки и позволяли, например, дочерям пускать колесницу прямо на распростертый труп отца, — яд не использовался.

В начале республиканских времен отравления в Риме случались. Однако никаких свидетельств, что они становились оружием в политической борьбе, не существует. В «Законах двенадцати таблиц», принятых в 450 г. до н.э., упоминалось преступление *veneficium*. Так же как в еврейском и греческом мире, законодательство принимало во внимание реальность. Законы эти сохранились лишь фрагментарно, их восстанавливали по более поздним юридическим источникам. Считается, что меры против *venefici* — *отравителей* — содержались в *Таблице VIII* (впрочем, деление

это позднее и искусственное). Поскольку слово *veneficium* означало одновременно колдовство и отравление она открывалась статьей о заклинателях. Впоследствии подобное сближение двух обвинений в юридической практике уголовного преследования утвердилось надолго. Оно присуще византийским кодексам Феодосия II и Юстиниана, прошло через средневековое гражданское и каноническое право вплоть до законодательства времен Людовика XIV. В самом деле, еще в 1682 г. королевский эдикт объединял в одну криминальную категорию отравителей и тех, кто наводил порчу. Данное сближение усугубляло вину, ибо соотносило *veneficium* с магией, незаконными искусствами. Применение их людьми, стоявшими у власти, воспринималось как скандал уже в языческом мире, и тем большее омерзение оно должно было вызывать после торжества христианства.

Можно сказать, что законодательство середины V в. до н.э. рассматривало отравления, совершавшиеся главным образом в домашнем кругу или, как в Афинах, в рамках медицинской практики. Первое крупное дело имело место в 331 г. до н.э. в консульство Гая Валерия и Марка Клавдия Марцелла. На него обратил внимание Тит Ливий, подчеркивавший, что римский суд впервые рассматривал дело о *veneficium*. Знаменитый историограф писал, правда, три века спустя, и мог, следовательно, трактовать сюжет не вполне точно. Нужно понимать, что подобное преступление совершалось и наказывалось и раньше, но в частной сфере. Юридического определения его не существовало. На этот раз история, касавшаяся отравления, вышла в публичное пространство. Так случилось не потому, что она касалась политической верхушки, хотя

среди погибших были высокопоставленные лица. Дело поразило Рим масштабностью нарушения общественного спокойствия. Число жертв и число виновных оказалось очень велико; было вынесено сто семьдесят приговоров. Определение *veneficium* с его двойным смыслом выдвигалось в качестве причины множества смертей, количество которых можно объяснить только эпидемией. В такой ситуации нередко всплывает подобное объяснение. Оно выражает наличие социальной напряженности и потребности найти ответственных, наказав которых общество надеется очиститься и спастись. В данном случае следствие проводилось сначала в среде рабов, однако некая служанка придала ему другое направление. Она показала на знатных матрон, интересовавшихся скорее магией, чем отравлениями. По меньшей мере, две из них, Корнелия и Сергия, принадлежали к патрицианским родам и, следовательно, были связаны с политическими кругами, в те времена, разумеется, исключительно мужскими. Последовал каскад разоблачений и, наконец, душераздирающий исход: около двадцати матрон заставили публично выпить смертельный яд, который они пытались выдать за целебное средство, возможно призванное противостоять распространению эпидемии. Не исключено, впрочем, что применили какой-то судебный ритуал, смысл которого впоследствии оказался утерянным. В таком случае вину матрон определил «божий суд». Очень может быть, что увеличение смертности отнюдь не было связано с ядом. Тем не менее дело позволило выявить наличие практик, воспринимавшихся как опасные для благополучия и здоровья общества. Женщины совершали действия, считавшиеся у римлян незаконными.

Происшедшие события можно назвать политическими в том смысле, что реакция государства на угрозу нарушения общественного порядка в момент всеобщего несчастья оказалась мощной и публичной. Непосредственной опасности для власти матроны не представляли, хотя в историографии и высказывалась идея, что они стремились добиться равенства гражданских прав. Однако воспринималось ли это дело как свидетельство утраты республиканских добродетелей? Тит Ливий оценивал «виновных» скорее как одержимых, чем как преступниц. В целях избавления общества был совершен очистительный ритуал забивания гвоздя. Так или иначе, в рассказе Тита Ливия мы видим модель, по образцу которой трактовались дела начала II в. до н.э.

Совершенно очевидно, что система ценностей того времени не допускала употребления яда против внешнего врага. Рим мог одерживать победы только в честном бою по всем правилам, благодаря своему военному гению, даже если противник выказывал неосмотрительность или проявлял особенную стойкость. Хорошо известен эпизод борьбы римлян против знаменитого эпирского царя Пирра, который любили воспроизводить римские и греко-римские источники, выражавшие тоску по республиканскому идеалу. Скорее всего, он выдуман, а возможно, восходит к сюжету, изложенному у Тита Ливия. Рассказывая о знаменитом государственном деятеле и полководце V–IV вв. до н.э. Марке Фурии Камилле, историк в свое время написал, что тот желал побеждать лишь оружием воина, и никаким другим.

Как известно, Пирр часто бывал при дворе Птолемея в Александрии, куда его посылали

в качестве заложника, и воспринял тамошние нравы. В 275 г. до н.э. царь Эпира переправился с войском через Адриатическое море и непосредственно угрожал Римской державе. Две армии противостояли друг другу у Беневента. Рассказ о том, как римлянам предлагали отравить Пирра, содержится у Цицерона, Тита Ливия, Валерия Максима, Сенеки, Флора, Плутарха и Евтропия. Он различается лишь деталями. Еще до вышеуказанных событий, в 278 г. до н.э., медик враждебного правителя предлагал свои услуги римскому полководцу Фабрицию, обещая дать своему государю яд под видом лекарства. Служивший при дворе виночерпием сын врача мог также поднести Пирру отравленный напиток. Однако как сенат, так и военачальник с негодованием отвергли подобную возможность уничтожения противника. Фабриций предупредил царя о двойном предательстве медика, который нарушил клятву Гиппократата и верность своему повелителю. У Авла Гелия воспроизведено письмо, посланное консулами Пирру. Они гордо указывали, что римлянам не пристало использовать против врага хитрость и коварство. Евтропий, со своей стороны, отмечал, что одержанная таким образом победа нанесла бы ущерб чести римлян, ибо продемонстрировала бы их неспособность одержать победу в бою. Валерий Максим шел еще дальше; он объяснял, что, на взгляд сенаторов, Рим, основанный сыном Марса, должен был побеждать лишь оружием Марса.

Сама память об истоках государства оказывалась несовместимой с использованием яда против внешнего врага. *Exemplum* Фабриция как ничто другое выражает буквально врожденную неприемлемость коварного средства для римлянина.

Эта глубоко укорененная неприемлемость сохранялась в течение веков.

Тит Ливий и Аммиан Марцеллин выражали сожаление, что позже нравы изменились. Благородный отказ от подстраивания противнику ловушки — с применением яда или нет — впоследствии превращался в образец великодушного поведения или, во всяком случае, служил льстецам средневековых правителей в качестве расхожего примера. В 1467 г. венгерский король Матиас Корвин решился воспользоваться услугами убийцы против моравского короля Иржи из Подебрад. Однако он передумал, когда узнал, что его врага собирались не заколоть, а отравить. Венгерский король даже якобы предупредил Иржи, чтобы тот был внимателен к тому, что ест.

РЕСПУБЛИКА ОТРАВЛЕНА?

Идеализированный Рим первых веков существования противопоставлялся Риму периода упадка, симптомы которого обнаружились довольно рано. Они не сводились, конечно, к случаям отравлений, но тем не менее появление подобных дел показательно. Резко обличавший порчу нравов Марк Порций Катон Цензор (234—149 гг. до н.э.) связывал ее с влиянием греков. Он с горечью отмечал как раз рост числа отравлений, правда, в домашнем кругу. Каждую женщину, нарушавшую супружескую верность, он квалифицировал как *venefica*.

Во внешней политике яд уже не был столь неприемлем, во всяком случае, по мнению противников Рима. Тит Ливий отмечал негодование Ганнибала, которого предали и принудили отравиться в 183 г.

до н.э. Умирая, карфагенский полководец сравнивал величие Фабриция с низостью современных ему римлян. Он видел в этом неопровержимый признак упадка, хотя в данном случае яд никак не обеспечивал победу, а лишь подтверждал ее.

С начала II в. до н.э. в Риме стали появляться дела об отравлениях, хотя трудно сказать, имели ли они отношение к политике. Полибий констатировал, что Сенат предписал преследовать в Италии отравление, наряду с такими серьезными преступлениями, как измена, заговор и убийство. Возможно, это было последствие расцвета *veneficia*. В 186 г. разразился скандал, связанный с вакханалиями, которые, наверное, не случайно объясняли восточным влиянием на нравы. Деятельность *venifici* в глазах самых строгих ревнителей республиканских добродетелей отражала кризис морали. Особенно подозрительной представлялась, по всей видимости, магия. Вместе с тем Тит Ливий обращал внимание на приготовление *venena* (отравляющих снадобий), не с политическими целями, а для того чтобы завладеть чужим имуществом. Преследования продолжались и на следующий год. По словам того же Тита Ливия, городской претор Квинт Невий осудил две тысячи виновных.

В 180 г. до н.э. (так же в свое время в 331 г.) общество встревожило неожиданное повышение смертности. В обстановке еще не забытых скандалов предыдущих лет возникла идея о преступлении. Для расследования была учреждена специальная комиссия преторов (*quaestio veneficii*). Посыпались доносы. Подозрение вызывало то, что смерть настигла довольно большое число высокопоставленных лиц. Дело приобрело размах. Среди

трех тысяч осужденных фигурировала Кварта Гостилия, которая, как считали, отравила своего мужа, консула Гая Кальпурния Пизона. Согласно Титу Ливию, у предполагаемого убийства имелся политический мотив. Обвиняемая неосторожно пообещала своему сыну от первого брака, что тот через два месяца станет консулом, и теперь расчищала ему дорогу к должности, нарушая нормальную работу политической системы в эпоху, когда доступ к выборным должностям суживался. Вероятно, амбициозную матрону, столь заинтересованную в кончине супруга, предала смерти его семья. Таким образом, данное дело возвращалось в сферу частной жизни, в отличие от коллективного, касавшегося множества людей дела 331 г. до н.э. Тем не менее связанные с *veneficia* дела 180 г. до н.э., по-видимому, затрагивали политические круги.

Нет сомнения, что постепенное складывание олигархического режима повышало напряженность внутри политической элиты. В 154 г. до н.э., согласно Валерию Максиму, скончались Постумий Альбин и Маний Ациллий — оба облеченные консульским достоинством. Виновными признали их жен, которых в полном соответствии с законом немедленно задушили родственники, для того чтобы избежать длительной судебной процедуры.

Тяжесть преступления, отнюдь, однако, не доказанного, оправдывала скорость наказания. Валерий Максим приводил это дело в качестве примера справедливой строгости. Некоторые историки оценивали супружеские преступления как месть роду Постумиев, замешанному в преследовании вакханалий. И все же невозможно понять, объясняли ли современники убийс-

тва политическими причинами. Не исключено, кроме того, что они являлись плодом воображения автора, жаждавшего запоминающихся фактов. Впрочем, в *Periochae* (кратких обзорах) Тита Ливия также упоминалась эта история. Как бы то ни было, она показывает, сколь легко приписывалось совершение отравлений представителям правящих элит республики, причем в особенности женщинам.

Дальнейшие события это только подтверждают. Случаи использования яда повторялись. В 129 г. до н.э. в. мертвым в постели обнаружили Публия Корнелия Сципиона Эмилиана Африканского Младшего, победителя Карфагена и Нуманция. Он выступал против земельных реформ Гракхов. Заговорили, что полководца отравила его супруга Семпрония. Будучи сестрой Гракхов, возможно, она мстила за смерть Тиберия. Сципион Эмилиан являл собой харизматическую личность; возможно, он был способен за век до Августа установить режим, сходный с принципатом.

Если же обратиться к написанной Плутархом биографии Тиберия Гракха, видно, что слухи об отравлении, напротив, использовали против своих врагов его сторонники. Когда внезапно скончался друг Тиберия и его труп, покрывшийся подозрительными пятнами, лопнул, распространив гнилостную жидкость, которая гасила огонь погребальных факелов, распространился слух, что, возможно, он отравлен ядом. Любопытно, как, скорее всего, вымышленное обвинение становилось орудием пропаганды. К нему обращались, дабы опозорить врагов. Шептались также, что по форуму ходят люди с отравленными иглами,

предшественниками «болгарского зонтика»*. Они якобы незаметно кололи тех, кого хотели погубить. Поистине, трудно представить себе лучшее свидетельство проникновения яда в сферу гражданской жизни. *O tempora! O mores!* Впрочем, в это время уже и оружие поднимали на должностных лиц без колебаний, хотя теоретически они оставались неприкосновенными. В 89 г. до н.э. был казнен народный трибун Квинт Варий. Как указывал Цицерон в трактате «О природе богов», он заколол мечом другого народного трибуна и отравил некоего Метелла. Республику, клонившуюся к закату, буквально раздирало изнутри. Однако в этих распрях не играло главенствующей роли коварное оружие яда. Политическая борьба в I в. до н.э. велась в основном насильственными кровавыми методами.

ЗАКОН ПРОТИВ ОТРАВЛЕНИЙ

Именно тогда, когда на Востоке ядам придавал такое большое значение Митридат, Сулла издал важный закон против убийц и отравителей: *Lex Cornelia de sicariis et veneficis*. Он датируется 673 г. от основания Рима, т. е. 81 или 80 г. до н.э. Такое совпадение, без сомнения, случайно, и все же оно символизирует глубокое различие политических режимов. Сулла известен применением грубых методов устранения политических соперников,

*7 сентября 1978 г. в Лондоне был убит болгарский диссидент, писатель, сотрудник Би-би-си Георгий Марков. В толчее на автобусной остановке агент болгарских спецслужб с помощью вмонтированного в зонтик шприца ввел Маркову ампулу с рицином, сильным токсином.

каковыми являлись проскрипции. Известно только одно применение им яда, причем в отношении внешнего врага. Сулла возвратил Митридату всех захваченных в плен, за исключением тирана Аристиона, которого отравили. Яд — оружие слишком малозаметное, чтобы устраивать диктатора, который применял силу очень осмотрительно, но демонстративно. В законе Суллы следует видеть не стремление улучшить жестокие политические нравы, а попытку предотвращения посягательств на личную безопасность. *Lex Cornelia* давал властям, кроме того, орудие политических репрессий. Его можно было применять против так называемых отравителей, угрожавших властям предрержащим. Вошедший в кодексы, составленные в эпоху поздней империи, закон дошел до Средневековья. Знаменитые итальянские юристы XIV в. Бартоло и Бальда поражались суровости *Lex Cornelia*, в котором предусматривалось одинаковое наказание как за совершенное деяние, так и за намерение его совершить.

Lex Cornelia de sicariis et veneficis известен, прежде всего, благодаря Цицерону. В 66 г. до н.э. он с блеском защищал в суде Авла Клуенция Габита, обвиненного на основании закона Суллы. Впоследствии, шесть веков спустя, когда византийские юристы составляли кодекс Юстиниана, они включили его в *Дигесты* со своими комментариями. «Наемные убийцы» и «отравители» объединялись в *Lex Cornelia* потому, что и те и другие разными средствами покушались на жизнь другого. Совместное рассмотрение этих преступлений отчасти свидетельствует, конечно, что отравление не выделялось из общего ряда, растворяясь в общем понятии человекоубийства. К такому же выводу

приводит чтение многочисленных рассказов о политических преступлениях, в которых не подчеркивается, каким способом совершено убийство: мечом, кинжалом или ядом. В то же время само название закона показывает, что *veneficium* уже рассматривалось как особая категория преступлений. Причем, как разъяснено в «Дигестах», слово понималось и как отравление, и как колдовство. Об отравителях в строгом смысле слова говорилось в статье 5. В ней шла речь о применении, хранении, приготовлении, предоставлении токсичных веществ, т.е. всевозможных субстанций, которые могут представлять опасность, если их использовать не по прямому терапевтическому назначению. Законом предписывалось одинаковое наказание для *sicarii* и *venefici*. Знатных людей обезглавливали, а простых — отдавали на съедение хищникам в цирке или подвергали распятию. Очевидно, что размытость границ вины могла быть с выгодой использована в борьбе за власть. Главные конкуренты ловко манипулировали обвинениями на предоставленном законом широком поле. Напомним, что для вынесения приговора вовсе не обязательно было доказательство совершения преступного акта. Точно так же каралось и намерение.

Lex Cornelia давал юридическую квалификацию *crimen veneficii*, а также попытки его совершения. Отныне его можно было преследовать систематически и по закону. Поскольку убийства совершались все чаще, Сулла решил реформировать судебную систему для более эффективного их пресечения. Он создал специальную палату для расследования отравлений (*quaestio de veneficiis*). В палате заседали сенаторы или всадники,

выбранные по жребию, и она работала постоянно. Это юридическое новшество сохранялось и после падения республики. О суде по отравлениям упоминали в своих судебных речах Цицерон и Квинтилиан. Первый в 66 г. до н.э. защищал в таком суде Клуенция. В деле тогда был замешан еще и некий Оппианик, сторонник Суллы, однако преобладали семейные, а не политические аспекты. Второй раз Цицерон в 56 г. выступал в защиту Марка Целия Руфа, которого обвиняли в попытке отравления, но оправдали.

Итак, закон Суллы реагировал на ситуацию в обществе и способствовал развитию юридических норм. Он не имел непосредственной связи с политикой. В этом смысле он явился своего рода предвестником эдикта, который в 1682 г. принял Людовик XIV после скандального дела об отравлениях (см. *Главу VIII*). Тем не менее этот закон относится к нашей теме, поскольку он устанавливал определенные, хоть и широкие рамки, в которых власть могла в случае чего преследовать политических противников.

В принципе изначально яд был чужд чистой римской душе, которую идеализировали критики времен упадка республики. Они любили повторять рассказ о благородном поступке Фабриция, скорее всего относящийся к области легенды. Тем не менее и в лучшие республиканские времена яд использовался не меньше, чем на Востоке, о влиянии которого на Рим в 331 г. до н.э. говорить трудно. В последние века республики отравления начали как-то затрагивать политические круги, и это очень отличает Рим от восточных соседей. Вместе с тем случаи с ядом происходили как бы

на обочине политики, ибо являлись уделом почти исключительно женским. Начиная со II в. до н.э., политическая борьба обострилась, и отравление стало вспомогательным оружием. Но оно никогда не становилось главным, ибо борьба разворачивается в мире мужчин, а он был довольно сильно изолирован от мира женщин, где стряпали *venena*. Ситуация резко изменилась с наступлением империи.

ИМПЕРИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ЯДА

Гай Юлий Цезарь погиб под ударами своих политических противников, открыто выступивших против тирании. Преступления внутри правящих кругов первого века империи были весьма далеки от подобной демонстративности. Они не преследовали благородной цели тираноубийства, которое превозносил Цицерон. Их обурежала жажда власти, для удовлетворения которой очень подходило коварное убийство. Наверное, многочисленные рассказы об отравлениях в произведениях конца I в. и начала II в. не во всем правдивы. Тем не менее во многих случаях они донесли до нас истинные факты или, во всяком случае, состояние умов. Даже эпиграфические источники свидетельствуют, что римское общество переживало наваждение *veneficia*, и политических кругов это касалось в первую очередь. Важно выявить связи, установившиеся между лихорадкой отравлений и политическим режимом. Нужно, придерживаясь хронологии, изложить приписываемые первым императорам «факты» преступного применения яда. При этом не следует упускать из виду, что все

они дошли до нас в изложениях авторов, которые писали десятилетия спустя и имели вполне определенные пропагандистские цели.

ОТ АВГУСТА К КЛАВДИЮ, ИЛИ ОТРАВЛЕНИЕ ВЛАСТИ

Под прикрытием восстановления *res publica* Октавиан Август учредил принципат, прирожденным пороком которого можно считать тягу к коварному применению яда. Действительно, в знаменитом рассказе Светония слухи об отравлении не пощадили ни окружение Августа, ни его самого. Наоборот, в приведенных историками многочисленных заговорах против режима яд не использовался, за исключением последнего, приведшего к смерти принцепса.

Согласно Светонию, Кассий Север обвинил в отравлении Луция Нония Аспрената, человека, близкого к Августу. Последний захотел, чтобы процесс разворачивался по правилам, и ничего не сделал ради избавления своего друга от суда. Явившись в трибунал засвидетельствовать ему свою поддержку, Август не произнес ни слова. В политическом смысле значение этого дела было не слишком велико, но позитивно: принцепс продемонстрировал щепетильность в юридическом вопросе.

После подозрительной смерти консулов Авла Гиртия и Пансы Цетрониана распространились не столь лестные для наследника Цезаря слухи. При этом Панса состоял в союзе с будущим принцепсом в борьбе против Антония. Будучи ранен, консул якобы получил вместо лекарства яд по

наущению своего друга, который стремился устранить возможных соперников в собственном лагере. Возможно, разговоры пошли из-за ареста врача после кончины Пансы. В любом случае этот слух хорошо показывает настроение народа в преддверии смены политического режима. Новая безграничная высшая власть завоевывалась не на выборах и постепенно концентрировалась в одном лице. Она отчуждалась от общества, хотя формально периодические выборы и коллегиальная работа должностных лиц сохранялись.

Третья супруга Августа Ливия отличалась честолюбием и целеустремленностью. Если кто-то из влиятельных лиц мешал осуществлению ее намерений, она не останавливалась перед употреблением яда. В полном противоречии с римскими традициями, не позволявшими женщине заниматься политикой, Ливия боролась за власть, пользуясь доступным ей оружием. Считается, что она желала видеть принцепсом своего сына от первого брака Тиберия и расчищала ему путь к высшей власти. Обычно Ливии приписывали целую серию отравлений. Ее обвиняли в смерти в 23 г. до н.э. Гая Клавдия Марцелла, племянника императора, затем внуков Августа: Гая и Луция. Август усыновил их и поставил на высокие должности, однако они неожиданно умерли в расцвете юности. Наконец, на счет Ливии относили смерть в 14 г. н. э. самого Августа.

Гипотеза об отравлении Марцелла родилась потому, что поверить в неожиданную смертельную болезнь молодого и крепкого человека было трудно. Впрочем, писавший в III в. Дион Кассий подчеркивал, что причиной смерти многих здоровых людей становились низкие санитарные нормы

той эпохи. Что касается внуков принцепса, то Тацит объяснял их смерть роком или хитростью мачехи, а Дион Кассий намекал на их отравление Ливией, воздерживаясь от прямого обвинения. Наконец, история с Августом гласила, что фиги, любимое лакомство принцепса, отравили якобы прямо на деревьях. Эти плоды, кстати, часто использовались в замыслах отравителей. В данном случае они стали фатальными для императора, обуреваемого старческим чревоугодием. Перед этим Август давно болел, и врачи, обследовавшие останки, не обнаружили ничего подозрительного. Никто не выдвинул обвинения против Ливии. Экспертиза, подобная проведенной в данном случае, была призвана рассеять слухи. Впрочем, она подчас, напротив, способствовала их распространению, поскольку порождала мысль о сговоре между экспертами и вдохновителем преступления. Как бы то ни было, за Ливией укрепилась слава близкой к власти отравительницы. Впоследствии аналогичная фигура встречалась в истории часто. Дело в том, что преступления такого рода очень хорошо соответствовали новому механизму приобретения власти, которое осуществлялось теперь как частное дело, в рамках семейного круга. Отравления, реальные, подозреваемые и вымышленные, относились к той же семейной сфере. Август умер, не оставив наследников мужского пола, и таким образом усыновленный им и заранее избавленный от некоторых соперников Тиберий смог занять трон. Однако правил он в постоянном страхе перед ядом.

Писатели II в., например Тацит, изобразили правление Тиберия как тиранию, противопоставив его правлению Августа. Деспотизм власти

подчас маскировался уловками, когда с помощью ложных доносов и клеветы жертва доводилась до самоубийства. Так, например, всадник Вибулен Агриппа, сраженный выступлениями обвинителей, явился в Сенат и публично проглотил яд. Правда, отравление оказалось неудачным, и в конце концов за свои недоказанные преступления он был задушен.

Примерно к 20 г. относится история *veneficia* Эмилии Лепиды, внучки Марка Эмилия Лепида, в прошлом невесты одного из погибших внуков Августа, Луция Юлия Цезаря. Эта женщина не отличалась строгой нравственностью и к тому же занималась астрологией, что давало как будто Тиберию основания для опасений. Впрочем, не исключено, что все было выдумано для оправдания репрессивных мер.

Что же касается дела Германика, то в нем выразилось стремление устранить опасного претендента на власть. Племянник Тиберия Германик был женат на внучке Августа Агриппине Старшей и наравне с Тиберием рассматривался как претендент на наследование. Август приказал Тиберию усыновить Германика, а впоследствии тот прославился военными победами. Дабы удалить популярного героя из Рима, Тиберий послал его умиротворять восточные провинции. В 19 г. молодой человек умер в Антиохии в возрасте 34 лет. Перед кончиной он долго мучился и сам выражал уверенность, что отравлен. Он обвинял в преступлении наместника Сирии Гнея Кальпурния Пизона и его жену Планцину. Светоний считал версию отравления обоснованной. Дело в том, что на трупе, выставленном на форуме в Антиохии, обнаружались пятна, на губах умершего выступила пена, а

после погребального костра нашли сердце, оставшееся в целости. Тацит не был столь категоричен, однако и он сообщал, что на дом Германика была наведена порча и что каждый день враги героя являлись справиться и увидеть собственными глазами, как действует яд или порча. Вероятно, отраву приготовила смесительница ядов Мартина, близкая к жене наместника. Ее собирались отправить в Рим для допроса, но женщина внезапно умерла в Брундизии, причем в узле ее волос нашли припрятанный яд. Тацит сравнивал смерть храброго воина со смертью Александра, стремясь одновременно и восславить Германика, и подчеркнуть низость его врагов. Тем не менее так и осталось невыясненным, какую кто играл в этом деле роль. По словам Диона Кассия, Тиберий намеревался возбудить процесс против Пизона, дабы продемонстрировать, что он лично не имеет отношения к преступлению, которое, впрочем, совершенно не огорчило Ливию.

Вдову Германика Агриппину Старшую до конца жизни преследовал страх отравления. Консул-суффект Сеян предостерегал ее об опасности со стороны Тиберия. Сидя за столом вместе с императором, Агриппина не притрагивалась ни к какому блюду и, не таясь, дала своему рабу попробовать фрукт, предложенный ей лично Тиберием. Последний тогда громогласно объявил, что проявит суровость ко всякому, кто обвинит его в отравлении. Вероятно, он рассматривал подобное обвинение как оскорбление величества. Эта история ярко свидетельствует об атмосфере подозрительности, царившей при дворе, а также о невероятном цинизме, который демонстрировал правитель, использовавший яд. Редко кому из жертв удавалось избежать его ловушек. Однако в

конце концов он и сам погиб, попавшись в западню, как и подобает тирану.

Жертвой первого покушения стал не сам император, а его наследник Друз Младший, который погиб в результате заговора Сеяна. Последний, обладая большим влиянием, не пользовался любовью; его обвиняли в отравлении своего ненавистного соперника, сына императора. Сеян якобы использовал яд, который вызывал симптомы, похожие на болезнь. Тацит сдержанно сообщил, что слухи о замыслах Сеяна продолжали циркулировать и в его время. Злоумышленник убедил императора, что Друз хочет его убить, и посоветовал давать сыну первым пробовать все напитки. Когда евнух подал Тиберию отравленный напиток, приготовленный Сеяном, тот, остерегаясь, протянул его сначала Друзу. В результате наследник императора погиб. Тацит сомневался в реальности подобной слишком уж тонкой уловки. Он не мог поверить, что Тиберий готов был послать на смерть дорогого ему человека, не дав ему, по крайней мере, шанса объясниться. Но опять-таки даже если вся данная история — плод фантазии, она тем не менее отражает негативное восприятие режима Тиберия. В нем считались возможными самые подлые удары, в том числе и убийство членов семьи принцепса. У Диона Кассия эпизод отравления Друза изложен сходным образом, хотя сам Тиберий не замешан в преступлении. В самом деле, император не выказал никакого огорчения по поводу кончины сына, но он при этом все же наказал авторов злодеяния.

Сам Тиберий умер в 37 г., и его смерть приписывали преступлению Калигулы, усыновленного императором сына Германика. Торопясь занять

место Тиберия, наследник якобы боялся применить холодное оружие; он приготовил яд, который не подействовал, и в конце концов задушил жертву. При этом в средневековых текстах сохранился только яд, потому что именно он, по мнению средневековых мыслителей, соответствовал идее законности тираноубийства. Уже Квинтилиан в «Наставлениях оратору» хвалил врача, составившего яд для тирана. Однако Иоанн Солсберийский, написавший в конце XII в. трактат «Поликратик», не мог читать «Наставлений оратору», ставших известными в XV в. Тем не менее средневековый автор вступал в полемику со Светонием и писал, что «хотя отравление во все времена было отвратительно и составляло преступление, но все полагали, что яд, от которого он умер, был необходим и благодетелен». Благая цель оправдывала отравление. И, путая истории смерти Германика и Тиберия, Иоанн Солсберийский добавлял, что наличие яда доказывала неподверженность сердца императора сгоранию. В глазах христиан Тиберий являлся отвратительным тираном, тем цезарем, при котором Иисус был распят на кресте. Принцепс погиб от того же оружия, которое привело его к власти. И для христианских авторов не имело значения, что его отравитель оказался еще хуже своей жертвы.

Многочисленные эксперименты, которые Калигула проделывал, как полагали, в особенности с мышьяком, делали его похожим на Митридата. У него был будто бы огромный сундук, наполненный отравляющими веществами. Каждое из них император снабдил собственноручной надписью, назвав яды по именам отравленных. После смерти Калигулы в 41 г. его преемник Клавдий якобы

приказал выбросить все это в море, что нанесло большой ущерб водной фауне. Отравленных рыб в большом количестве выбрасывало на берег. Какова же была сила токсинов, если они наносили вред природе, даже будучи растворены в огромном количестве воды Средиземного моря! Калигула пользовался ими на манер понтийского царя, дабы наказать обгонявших его в конных скачках, к которым император испытывал всепоглощающую страсть. Так, он убил гладиатора по имени Голубь (*Columbus*), намазав раны, которые тот получил в бою. Использованный яд получил название голубиного (*columbinum*). Случалось, что он устранял соперника, начавшего испытывать к нему подозрительность. Своего усыновленного кузена Тиберия Гемелла Калигула предал смерти, потому что у него изо рта пахло противоядием. Император считал оскорбительным, что родственник, постоянно общавшийся с ним, опасался отравления.

Подобное влечение к ядам и к их использованию отнюдь не было чем-то исключительным. Напротив, оно вполне соответствовало жестоким и грубым нормам, установившимся в правление Калигулы. Оно являлось неотъемлемой частью тиранического режима, при котором составлялись списки истребляемых лиц с обозначением оружия уничтожения около имен. Власть стала настолько отвратительна современникам, что после смерти Калигулы сенаторы желали возвращения республиканского режима. Впрочем, на троне оказался Клавдий.

Новый император, брат Германика, оказался не так замешан в отравлениях. При этом ходили слухи, будто он сам окончил свои дни не без участия яда. Тем не менее у Тацита содержится намек на

преступление, возможно, совершенное Клавдием. Речь идет о смерти Луция Аррунция Фурия Скрибониана, врага принцепса. Клавдий хвалился, что пощадил его и приговорил к изгнанию, однако Луций умер при подозрительных обстоятельствах, наводивших на мысль об отравлении. Кроме того, считается, что консул Марк Виниций умер в 46 г. от яда, приготовленного для него императрицей Мессалиной. В данном случае причина преступления касалась, разумеется, страстей, а не политики. Императрица была раздосадована холодностью консула к ее особе. Дион Кассий отмечал, что на этот раз жизнь общественного деятеля сократила не враждебность императора, а мстительность его жены.

НЕРОН, ТИРАН-ОТРАВИТЕЛЬ

Нерон стал олицетворением тирании, его одинаково проклинали как римские авторы времен Флавиев и Антонинов, так и писатели-христиане, которые обращали внимание еще и на гонения по религиозному признаку. Совершенно очевидно, что правнук Августа повинен в целой серии отравлений. Трудно и бесполезно пытаться установить, насколько соответствуют реальности рассказы, появившиеся много позже описанных событий. Тем не менее ясно, что преступления, в которых обвиняли Нерона, по большей части не являются вымыслом. Можно даже сказать, что этот император постоянно строил замыслы отравления своих врагов, хотя не пренебрегал и другими видами оружия. Например, Сулла в 62 г. был заколот в пиршественном зале. Нерон обращался к яду не из отвращения к крови и не из любви к разнообразию

в способах убийства. Он просто действовал так, как было удобнее в данных обстоятельствах.

Нерон получил власть благодаря использованию яда. Светоний изложил несколько версий смерти Клавдия и констатировал, что возобладала версия отравления. Иосиф Флавий еще раньше осторожно высказывал то же мнение, хотя не считал преступление доказанным. Тацит объединил разные версии, однако в отравлении не сомневался. Он утверждал, что о яде для Клавдия позаботилась его четвертая жена Агриппина. Императрица боялась, как бы он не назначил наследником сына от своей предыдущей жены Мессалины. Стремясь, как и Ливия, возвысить собственного сына, от имени которого она предполагала править, Агриппина якобы распорядилась приготовить яд из опия и аконита. Евнух Галот подал его Клавдию в изысканном грибном блюде. Находясь, по обыкновению, под действием вина, император никак не умирал, и тогда его супруга обратилась к придворному врачу, греку Ксенофону. Дабы избавиться от яда, Клавдий потребовал рвотное перо, которое врач, совершив величайшую подлость, намазал ядом. После этого жертве стало еще хуже. Весьма вероятно, что в предельно драматичном рассказе Тацита злодейство преувеличивается. Возможно, для убийства хватило и первой попытки.

Единственный автор, который отрицал отравление Клавдия — это воспитатель Нерона Сенека. В своей знаменитой сатире «Отыквление божественного Клавдия» он приписал кончину императора «Богине лихорадке», которую изобразил превратившейся в тыкву.

Как бы то ни было, из одиннадцати древних авторов, которые оставили нам рассказ о смерти

Клавдия, десять отрицали ее естественный характер. Вину, однако, возлагали не столько на молодого императора, занявшего трон в 54 г., сколько на его мать. Агриппину снедала жажда власти, которую она удовлетворила, прибегнув к женскому оружию *venenum*. По приказу женщины его приготовила другая женщина — Локуста, а потом еще помог врач-грек. Впрочем, предложенный Тацитом сценарий слишком уж хорош, чтобы являть собой истину.

Итак, Локуста появилась у Тацита в момент прихода Нерона к власти. В течение всего его правления эта женщина оставалась символом свойственного императору порока, «инструментом управления», как писал тот же Тацит. Новая Медея стала воплощением женщины-отравительницы, главным специалистом по приготовлению и употреблению ядов. Спустя семьдесят лет после злодеяний Локусты именно такой ее образ создал Ювенал в «Сатирах». Разумеется, низкая исполнительница преступных замыслов Нерона совсем не похожа на легендарную царицу, но между ними есть символическая преемственность. Еще в I в. до н.э. Гораций писал об отравительнице Канидии, которая ходила на кладбище за костями мертвецов и собирала ядовитые растения. То же самое делала, по-видимому, и Локуста. Однако темные дела не бесчестили ее, а давали возможность послужить владыкам империи. Согласно Тациту, она уже была осуждена за отравления, когда ее призывали ко двору готовить яды для врагов Нерона. Хотя в столице кормилось множество искусных в незаконных делах выходцев с Востока, Локуста, вопреки ожиданиям, не являлась ни азиаткой, ни египтянкой. Она происходила, по всей видимос-

ти, из Галлии. Обширные познания позволили ей состряпать подходящий яд для убийства Клавдия. Он действовал не слишком быстро и не слишком медленно, а так, чтобы не возбуждать подозрений. Свои снадобья Локуста проверяла на животных. Она оказала Нерону важные услуги, прежде всего в деле убийства Британника. Однако сразу после смерти своего повелителя отравительница была казнена по приказу императора Гальбы.

Агриппина не успокоилась, пока не обеспечила своему «Цезарю» (если перефразировать Луизу Савойскую, говорившую о своем сыне Франциске I) возможность царствовать без соперников. Прежде чем начать строить козни против юного брата Нерона, она в 54 г. решила погубить проконсула Азии Марка Юния Силана. Этот праправнук Августа являлся потенциальным препятствием на пути Нерона к власти. Силан был более зрелым, лучше приспособленным к исполнению высших государственных функций человеком. По рассказу Тацита, всадник Публий Целер и вольноотпущенник Гелий отравили свою жертву во время пира, притом так открыто, что это ни для кого не осталось тайной. Смерть Силана явилась первым преступлением после отравления Клавдия. Плиний Старший приписывал его непосредственно Нерону.

Самым знаменитым отравлением стало убийство в 55 г. четырнадцатилетнего Британника. Этот сын Клавдия вызывал беспокойство Нерона своей популярностью. Очень многие поддерживали Британника, поскольку хотели продолжения политики Клавдия. В первый раз яд оказался недостаточно эффективным; Локуста получила распоряжение в присутствии Нерона приготовить

другой, более сильный. Для успеха дела применили якобы хитроумную, но не слишком правдоподобную уловку. Сначала юноше намеренно подали слишком горячее кушанье. Пробовавший пищу Британника слуга отведал поданное, после чего блюдо охладили с помощью никем не проверенной отравленной воды. Молодой человек был сражен мгновенно под невозмутимым взглядом Нерона. Последний непринужденно уверял, что юноша слаб здоровьем, и недомогание его скоро пройдет. Никто, однако, не обманывался. Дион Кассий отмечал, что труп Британника быстро разлагался, а на коже появлялись синеватые пятна. Все свидетельствовало об отравлении. Сама природа разоблачала преступление. Пятна на приготовленном для погребального костра теле замазали, но проливной дождь вновь обнажил их. Слухи об отравлении распространились в народе. Каждый мог видеть следы отравления собственными глазами.

Сенека, как и в случае с Клавдием, не признавал, что имело место отравление. Иосиф Флавий полагал, что преступление было совершено, и оно устраивало Сенат, опасавшийся политики, которую мог бы проводить Британник. Приведенный выше драматический сценарий подвергли аргументированному разбору с привлечением данных медицины. Как мог слуга попробовать слишком горячее кушанье и почему он не сделал этого с охлажденным? Что это был за яд, убивший Британника на месте? Не имел ли место на самом деле разрыв аневризмы? Для Тацита такой малозначимый диагноз являлся неприемлемым; он считал, что вслед за Клавдием брат монарха погиб от яда.

От увлечения Нерона ядами пострадала и сама Агриппина, несмотря на то что именно она помог-

ла ему завладеть властью. Мать императора, правда, умерла в 59 г. не от яда. Однако до этого хорошо наученный сын трижды пытался ее отравить, что было непросто, поскольку опытная женщина располагала всеми возможными противоядиями. В рассказах Светония и Тацита есть некоторые различия, однако очевидно, что неблагодарный сын стремился уничтожить свою родительницу, расставив ей ловушку. После того как не удалось отравить Агриппину, Нерон подстроил обрушение потолка в ее спальне, а затем гибель корабля, на котором она находилась. Все эти действия носили одинаково предательский характер, а кроме того, позволяли избежать всякого контакта убийцы с жертвой и кровопролития. Не объяснялось ли это некоторым почтением к положению Агриппины, как матери убийцы? Впрочем, подобное заключение требует очень большой осторожности. Согласно Тациту, Нерон планировал также пустить в ход холодное оружие, и в конце концов Агриппина была заколота.

Говорили также (хотя Тацит в этом сильно сомневается, несмотря на общее враждебное отношение к Нерону), что последний из Юлиев-Клавдиев пытался отравить свою жену Поппею Сабину, от которой он при этом ждал наследников. Убивать ее не имело практически никакого смысла, но слухи эти показывают, что Нерон воспринимался как законченное воплощение порока.

Кроме преступлений в семейном кругу, Светоний обвинял Нерона еще и в отравлении префекта преторианцев Секста Афрания Бурра, влияние которого раздражало Поппею. Тацит в данном случае проявлял осторожность, отмечая, что префект умер от болезни или от яда. У

Бурра была какая-то болезнь горла. В то же время Тацит сообщил об отравлении «министра финансов» вольноотпущенника Палланта, сделавшего головокружительную карьеру и ставшего кредитором многих высокопоставленных людей, например Агриппины, по долгам которой Нерон отказывался платить. Нерон якобы отравил также вольноотпущенника Дорифора: тот был виновен в противодействии браку императора с Поппеей. Плиний Старший разоблачил еще два преступления: убийство всадника Коссиния и устранение шести крупных африканских собственников. Коссиний стал жертвой микстуры, настоянной на шпанских мушках, которую приготовил дворцовый врач-египтянин. Но и это был еще не все. В конце своего правления Нерон решил отравить во время пиршества всех сенаторов.

Таким образом, яд становился оружием массового уничтожения, причем более удобным, чем меч. Он добирался до самого сердца римских установлений. Пресловутый замысел Нерона свидетельствует не только о его невменяемости, но и о полном упадке одного из главных движущих элементов *res publica*. Государство превращалось скорее в *res privata* и находилось на грани уничтожения.

Итак, невероятная активность в применении яда оказалась характерной для монарха, которому его воспитатель Сенека посвятил трактат «О милосердии». Можно, конечно, считать, что милосердие его состояло в нелюбви к пролитию крови. Но это сомнительное предположение, поскольку известно, что Нерон совершал наряду с отравлениями и кровавые преступления. Приходится признать, что ученик остался равнодушен к принципам учи-

теля, которого он, если верить слухам, донесенным до нас Тацитом, тоже пытался убить *per venenum*. В закрытом мире *aula neroniana* (Нероновой палаты) наверняка сводились счеты с помощью яда и зарождались слухи, создававшие впечатление беспримерного числа отравлений. И они отлично вписывались в длинную череду разнообразных злодеяний. Нельзя сказать, что именно *veneficia* играли при Нероне особую роль. Евтропий в IV в. и Павел Орозий век спустя, перечисляя преступления Нерона, не выделяли те, что были совершены с помощью яда.

Во времена Нерона говорили, что Агриппина в лице своего отпрыска незадачливо одарила человечество смертоносным ядом. Однако в его собственной голове яд не связывался так тесно с властью, как в голове Митридата. Не сам Нерон, а его врач Андромах, уроженец Крита, изобрел улучшенный вариант териака по сравнению с противоядием царя Понта. Теперь в него добавляли еще и плоть гадюки. Нерон, как и другие, хранил запасы ядов, которые у него украли, после чего императору в конце концов пришлось заколоться мечом.

О нероновских отравлениях вспоминала даже Кристина Пизанская, хотя вообще-то для Средневековья более типично видение его, прежде всего, не как отравителя, а как гонителя христиан и бесчеловечного чудовища. Считается, что в правление Нерона были преданы казни апостолы Петр и Павел. Много веков спустя Церковь все еще продолжала отождествлять своих гонителей с этим римским императором, обличая, например, Генриха Плантагенета как «большого Нерона, чем сам Нерон».

После смерти Нерона отравлений стало меньше. Но они не прекратились. Следующие три цезаря, о которых повествовал Светоний, правили слишком недолго, с 68 по 69 гг., чтобы успеть с кем-нибудь тайно расправиться. Кроме того, в это время на политику все больше влияла армия, а это благоприятствовало скорее кровавому насилию, чем интригам и применению яда. Тем не менее историк упоминает, что император Вителлий отравил одного из своих близких, претендовавшего на власть. Мучимый горячкой, тот попросил воды, и император собственноручно подал ему отраву. Кроме этого злодеяния, за Вителлием числились и другие, более или менее связанные с ядом, в том числе направленные против матери и против сына. На основании данных фактов Светоний констатировал жестокость (*saevitia*) принцепса, который правил очень недолго: с апреля по декабрь 69 г. Вителлий хотел быть чем-то вроде «нового Нерона». Однако с вступлением на трон Веспасиана период незаконный и злоупотреблений должен был прекратиться.

Считалось, что этот император восстановил авторитет власти. При нем о ядах ничего не было слышно. Но вот уже в правления двух его сыновей вновь стали возникать истории с ядом. Если верить рассказу Светония, Тит с молодых лет разве что не купался в яде. В компании придворной молодежи он присутствовал на роковом пиру, когда убили Британника. Причем Тит якобы отпил отравленного напитка и от этого тяжело заболел. Спустя двадцать шесть лет ему не удалось избежать смерти от яда.

Секст Аврелий Виктор, написавший в IV в. сочинении «О цезарях», где изложил историю

Рима от Августа до 360 г., относил отравление Тита на счет его брата и преемника Домициана. Мотив преступления выглядел совершенно очевидным, способы действия вызывали в памяти образ Нерона. И это отнюдь не случайно. Если во времена Флавиев писали об употреблении правителем яда, это значит, что изображали тирана.

Однако Светоний, на текст которого, в частности, опирался Аврелий Виктор, ничего не говорил об этом братоубийстве. Речь шла о «преждевременной смерти», к которой привела болезнь. Дион Кассий о преступлении сообщил, но не уточнял, что Тита отравили.

Что касается Домициана, «упорные слухи» относили на его счет еще и отравление Юлия Агриколы в 93 г. О жизни этого блестящего солдата рассказал его зять, историк Тацит. Агрикола победоносно сражался в Британии, наместником которой являлся, но вызвал ревность императора и был отозван в Рим. Вскоре он скончался при смущающих обстоятельствах. Император, которому Агрикола завещал свое имущество, проявлял довольно странное внимание к его болезни и кончине. Возможно, Домициан и сам имел к ней какое-то отношение. В своем рассказе Тацит проявлял сдержанность, говорил об «упорно державшемся слухе», делал оговорку, что отравление не было доказано.

Кроме всего прочего, Домициан известен, как гонитель христиан, и здесь он тоже применял яд, правда, не в политических, а в судебных целях. Всякого, кто отвергал римское язычество, император подвергал испытанию отравленным кубком. Таким образом он хотел показать, что Бог христиан не в состоянии победить яд. Этот сюжет отра-

зился в литературном произведении XIV в. «Лиссамозванец», где император заставлял выпить яд святого Иоанна. Но святой осенял кубок крестом, и напиток делался безвредным. Понятно, что в средневековом тексте доказывалось преимущество христианства. История про Домициана служила а качестве *exemplum*, который помогал лепке образа тирана-отравителя. Прежде такое чудо Иоанна, разумеется, нигде не упоминалось. Однако совсем не случайно автор, недовольный ростом авторитаризма Капетингов, представил дело именно так.

VENENUM ET PRINCEPS. ПРИЧИНЫ РАСЦВЕТА

Если верить рассказу Светония, получается, что восемь из двенадцати цезарей так или иначе были замешаны в делах, связанных с отравлениями. Отметим, что подобный упадок политических нравов, по-видимому, никак не сказывался на военных обычновениях. Здесь римляне оставались верны своим ценностям, высшая из которых *fortitudo* (храбрость) воспринималась как противоположность *veneficium*. У Тацита есть рассказ о том, как предводитель германского племени хаттов Адгандестрий предложил в письме к Сенату умертвить врага римлян вождя херусков Арминия, если ему пришлют яду. «Адгандестрию было отвечено, что римский народ отмщает врагам, не прибегая к обману, и не тайными средствами, но открыто и силой оружия. Благородством ответа Тиберий сравнился с древними полководцами, запретившими отравить царя Пирра и открывшими ему этот замысел». Показательное расхождение с внутренней политикой.

Почему же отравления стали столь частым событием или, по крайней мере, стали считаться частым событием, ибо их постоянно разоблачали? Тут надо, конечно, учитывать и выставляемые Светонием на первый план личные, психологические причины, и общую атмосферу. Наблюдавшие за властью писатели, как и все общество в целом, находились под влиянием иррациональных страхов. Боязнь потусторонних сил вновь и вновь заставляла вспоминать о яде. Плиний Старший отмечал, что среди его современников не было ни одного, кто бы не боялся, что на него наведут порчу. Слово *veneficium* означало одновременно и отравление и колдовство, поэтому яд рассматривали как вездесущую опасность. И в первую очередь этот феномен затрагивал правящие круги.

Однако для полного понимания ситуации такой общей констатации недостаточно. Необходимы конкретные ответы, которые касались бы, во-первых, самой структуры политической системы, порождавшей столь специфические практики и верования. А во-вторых, они должны прояснять устройство идеологической системы, которая использовала *veneficium* для пропаганды новых династий.

Начиная с прихода к власти Августа и до смерти в 96 г. н. э. Домициана функции принцепса выполняли одиннадцать человек. Они наследовали друг другу по нисходящей линии и не только по прямому родству, но и через усыновления. Это делало преемственность произвольной, хотя ее и утверждал Сенат. Таким образом, учреждения *res publica* сохранялись, но постепенно устанавливалась династическая логика передачи власти. Такое положение порождало напряженность и дворцо-

вые интриги, в обстановке которых ссыла на яд казалась все более и более естественной в случае неожиданной или преждевременной кончины. Возможно, что теперь, когда власть концентрировалась в одних руках, весть о смерти ее носителя приобретала гораздо более широкий общественный резонанс, чем прежде. Как замечал Тацит, простому человеку кончина правителя казалась событием более ужасным, чем оно было на самом деле. Именно поэтому он приписывал действие природы преступлению. Монархическая система драматизировала смерть императора или его официального наследника из-за наступающего разрыва, угрозы неясной и нестабильной ситуации. Поскольку следствие — наступление нового правления — относилось к политической сфере, то и причины казались естественным искать в той же сфере. В умах зарождалось подозрение в отравлении.

Труднее установить связь между политикой принципата и реальным употреблением ядов. Прежде всего, сама эта реальность часто оказывается сомнительной, хотя есть случаи, когда ее можно считать доказанной. Имеется свидетельство, что в начале I в. при императорском дворце существовала специальная группа «пробователей» (*praegustatores*), состоявшая из рабов и вольноотпущенников. Возникновение подобной практики свидетельствует не только об ориентализации дворцовых нравов. Оно отражает самое настоящее опасение, порожденное реальными отравлениями.

Возникает на первый взгляд парадоксальная ситуация. В самом деле, обострение политической борьбы вызвало увеличение числа убийств с помо-

щью яда. Однако одновременно оно же востребовало средство, призванное затушевать эту борьбу, чтобы смерть убитого противника можно было бы приписать природе. Получается, что в эпоху Юлиев и Клавдиев отравления совершались не во имя громко провозглашавшихся политических целей. Яд не принадлежал к арсеналу ни гордого тираноубийства, ни высокомерной претензии на всемогущество, как у Митридата. Отравления оставались тайным, необъявленным делом. Никто не брал на себя ответственность за совершение этих отвратительных темных преступлений, часто связанных с миром женщин. В прежние времена политическая сила пребывала в публичном пространстве, теперь же она переместилась во внутреннее пространство семьи. Режим принципата в каком-то смысле приватизировал власть. Политическая борьба, интегрированная в домашнюю сферу, стала перенимать нравы последней. Использование женщинами яда для достижения своих целей внутри семьи считалось обычным делом. Семья императора не отличалась от других. И в ней, как и везде, матроны незаконными способами добивались верховенства. Ужасная Агриппина, настоящая «серийная отравительница», по крайней мере в изображении Тацита, отнюдь не составляла исключения. На смену *virtus* (сила, доблесть), свойственному *viri* (мужам), приходило женское качество *dolus* (хитрость). Причем скандальное влияние женщин на политическую жизнь, по-видимому, вновь обрело актуальность около 110–120 гг. Светоний попал в немилость, скорее всего, из-за непочтительного отношения к супруге Адриана. Ибо история, которую он писал, так же как и история Тацита, разумеется, была идеологически созвучна его собственному времени.

Какие средства использовали идеологи, говорившие о политических отравлениях, и какие цели они преследовали? Становление принципата с его склонностью к тирании порождало оппозицию, возникавшую вместе с ним, а позже ставшую реакцией на злоупотребления режима. Писавшие об этом авторы могли быть свидетелями событий, а могли черпать свидетельства из весьма пристрастных источников, которыми мы сегодня не располагаем. Тема отравления входила в набор аргументов всех этих писателей. Как Тацит, так и Иосиф Флавий утверждали, что сочинения о Тиберии, Калигуле, Клавдии и Нероне недостоверны. На тех из них, что были написаны при жизни императоров, лежит отпечаток страха или лести, на тех, что написаны после их смерти, — отпечаток ненависти. Рассказывая о правлении Тиберия, Тацит и сам, наверное, пользовался памфлетами, весьма недружелюбно настроенными к наследнику Августа. Произведения вроде *Exitus illustrium virorum*, в котором назидательно рассказывалось о конце жертв императорской тирании, должны были послужить материалом последующим историкам.

Однако выбор позиции историка выражался также в его повествовательных приемах. Сегодня мы хорошо знаем, как сконструирован рассказ Светония в «Жизни двенадцати цезарей»: так, чтобы выстроить искусственную «истину». Говоря об отравлениях, этот историк, как и другие, манипулировал фактами, ловко их переставляя. Некоторые сюжеты изложены по известным трафаретам и потому вряд ли соответствуют действительному развитию событий. Именно так автор писал, например, о содействии врачей преступлениям Нерона.

Образцовый рассказ об отравлении никак не мог обойтись без предательства врача. Обстоятельства гибели Клавдия и Британника оказались слишком похожими, чтобы быть аутентичными. Когда речь заходила о яде, и у Светония, и у Тацита тенденция литературности одерживала верх над тенденцией историчности. Оба автора детально живописали агонию и кончину отравленных, заботились о драматизации и об эффектности сцен в ущерб фактической и хронологической точности. Притом очень часто во всех этих повествованиях обнаруживаются сильные коннотации, например, смерть Британника и смерть его сестры, жертв Нерона, напоминают распри Атридов. Понемногу инсинуации, подозрения, гипотезы превращались в утверждения, а слухи, которые так часто подхватывал Светоний, оборачивались проверенными фактами, что ставит под сомнение достоверность сообщения. В голове читателя незаметно оформляется нужная автору идея. Вот момент, когда Нерон шутит о грибах, этой пище богов, благодаря которым его предшественник достиг сонма богов. Именно здесь Светоний переводит предположение о причастности Нерона к смерти Клавдия в утверждение. А дальше следует череда черных преступлений Нерона, завершаемых жутким отравлением Бурра.

Подобное устройство рассказа существенным образом искажало его предмет. Очевидно, что, несмотря на уверения авторов в своей беспристрастности, они ставили перед собой вполне определенную цель. Эти историки состояли на службе, и их ловко составленные обвинения в отравлении призваны были очернить предыдущие династии.

Обличение императоров I в. началось до эпохи Антонинов. Сразу после смерти Нерона, а позже —

Домициана историки и писатели принялись разоблачать ушедшего тирана и восхвалять нового монарха, предостерегая его от ошибок предшественника. Плиний Старший, который выражал, как считается, интересы Флавиев, видел в Калигуле и Нероне отвратительное бедствие. Писатель много раз упоминал имя Нерона в «Естественной истории» и ни разу не сказал о нем хорошо. Плиний приписывал этому императору больше отравлений, чем писавшие несколько десятилетий спустя Тацит и Светоний, и изображал его воплощением восточного тирана.

Тем не менее именно к временам Антонинов восходит традиция изображать правителей предыдущего века исключительно в черных красках, как совершенно отвратительных персонажей, в злобном исступлении травивших всех вокруг. Она началась со Светония, сторонника своего рода сенаторского принципата, который он противопоставлял деспотизму Нерона, якобы имевшего намерение отравить весь Сенат. В разоблачительных текстах преступления сильно преувеличивались, подчеркивалось, что злодеи попирали закон, который должны были охранять и укреплять. Рассказывая об убийстве Британника, Светоний намеренно вложил в уста Нерона слова, показывавшие, что император сознательно действовал против закона. Нерон якобы говорил, что боится *Lex Julia de sicariis* (повторявшего *Lex Cornelia*), который тем не менее без стыда нарушал. Знаменитая история отравления моря ядами Калигулы должна была подчеркнуть противоестественный характер его правления, отравлявшего саму природу. Все эти детали способствовали окончательному разоблачению основанного Августом политичес-

кого режима в эпоху, когда власть провозглашала умеренность (*moderatio*) и милосердие (*clementia*). Теперь императоры демонстрировали стремление вернуть политической сфере осмысленность и нравственность и отмежевывались от жестоких нравов первой императорской династии (которые один историк сравнил с нравами ужасной тexasской семьи из нескончаемого американского телесериала «Даллас»).

За критикой первых императоров у Светония скрывалась апологетика Адриана. Здесь содержалась и надежда на возвращение к прежнему римскому духу, и предостережение новому властителю от обыкновений восточных деспотов-отравителей

«Анналы» Тацита написаны чуть раньше. Это рассказ свидетеля последних лет Нерона. В правление Домициана историк подвергался преследованиям, зато император Нерва в 97 г. сделал его консулом. Тацит придерживался сходных со Светонием взглядов, разве что больше идеализировал времена республики. Германика он превозносил как второго Александра, который не был коронован и погиб из-за подлости близких. Разумеется, Тацит приспособливался к интересам династии Антонинов. Правление Нервы он изображал как некое равновесие между республиканской свободой и принципатом. Манера поведения Адриана, получившего прозвище Маленького Грека, не нравилась писателю. Он опасался династических интриг. Сенат считал, что принципсом должен быть самый достойный, а родственные связи в данном случае не имеют никакого значения. Они уже стали источником катастроф и многочисленных преступлений, не говоря уже о подавлении свободы римского народа.

Занимавший должность претора, т.е. судьи, Тацит очень жестко описывал убийства, совершенные первыми императорами. Он писал «Анналы» в начале правления Адриана, когда тот производил жестокую чистку в своем окружении, воскрешавшую в памяти самые худшие времена. Хотя Адриан не применял яда, тем не менее легко провести параллель между тайным коварством Ливии и Тиберия и поступками Адриана и императрицы Помпеи Плотины, между Маленьким Греком и Нероном, любовь которого ко всему греческому имела плачевные последствия для *libertas romana*.

Автор «Анналов», однако, действовал тонко. Он не признавал некоторых преступлений, о которых говорила молва, чтобы придать бóльшую достоверность другим. Например, отравление Друза Сеяном Тацит считал слишком эффектным, чтобы быть правдой. Напротив, он полностью соглашался с тезисом об отравлении Британника и подчеркивал, что это было возмутительное нарушение законов гостеприимства. Он, кроме того, отмечал некоторое равнодушие людей к трагической судьбе знатного юноши: устранение Нероном конкурента всем представлялось неизбежным. Ссоры между братьями при династии Юлиев-Клавдиев происходили постоянно, разделить власть они не могли. Таким образом, автор «Анналов» связывал преступления с деспотическими склонностями династии. Сам же режим принципата, по мнению Тацита, вовсе не обязательно должен был привести к политическим отравлениям. Все дело в том страшном воплощении, которое он получил в лице Нерона, отравителя родной матери Агриппины и духовного отца Сенеки. Именно при этом императоре произошло полное разращение власти.

Средневековые хронисты обычно разоблачали римских императоров-язычников, как гонителей христиан. Отравления как таковые их не интересовали. Рассказывая о политических событиях, они иногда предполагали или утверждали, что был применен яд. *Veneficii* являлись одним из инструментов преследований, а императоры занимали свое место в ряду тиранов.

Одну эпоху длительной истории политических отравлений хронисты, однако, выделяли как время, когда преступлений совершалось особенно много. Когда Тома Базен, враждебно настроенный к Людовику XI, живописал преступления этого монарха, он сравнивал французского короля с Домицианом. Рассказы Светония об императорах I в. отозвались в историях об отравленных кольцах семейства Борджиа. *Veni, vidi, venenavi* (пришел, увидел, отравил)* — могли бы воскликнуть многие из властителей Рима, предавших его главные ценности.

ФИГУРЫ ОТРАВИТЕЛЕЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕГО РИМА

Политическую ситуацию последних веков Империи характеризуют резкие контрасты. Относительно спокойным считается век династии Антонинов (96–192 гг.). Затем наступило время нестабильности. Ожесточенная борьба за власть велась теперь не столько в стенах дворцов, сколько в походных палатках военных. Быстро росла

* Автор перефразирует известный афоризм Гая Юлия Цезаря: *Veni, vidi, vici* — Пришел, увидел, победил.

роль армии в политике. Прежде чем в IV в. стать христианской, а потом, после смерти Феодосия в 395 г., разделиться на две части, Империя пережила несколько фаз стабильности и множество потрясений. Политические перипетии тех времен в деталях донесли до нас историки, писавшие по-гречески, как Дион Кассий и Геродиан (III в.), или по-латыни, как составители «Истории Августов» (самый конец IV в.). Позиция этих авторов всегда ясна, особенно в вопросах религии. Рассказывали ли они о политических отравлениях? По сравнению с предыдущей эпохой таких преступлений стало меньше, однако она не выглядит менее жестокой. Итак, пришли ли мечи на место ядов (*venena cedunt gladio*), если перефразировать фразу Цицерона?

Были ли невиновны Антонины?

Закон Траяна запретил выращивание волчьего корня (аконита), растения, сок которого очень токсичен. Рескрипт Антонина Пия, включенный позже в кодексы Поздней Империи, уточнял, что убийство ядом — это более тяжкое преступление, чем убийство мечом. Возникновение новых юридических норм, разумеется, не было непосредственно связано с развитием политических событий. Вместе с тем оно символизировало в какой-то мере устранение яда из сферы политики. Заметное изменение, которое ощущается при чтении источников, приходится на время между Нервой и Коммодом. Впрочем, следует обязательно учитывать еще и фактор умолчания. То, что письменные памятники не донесли до нас сведений об отравлениях, может означать лишь то, что

память о них была утрачена. Династия Антонинов не имела таких непримиримых разоблачителей, как династия Юлиев-Клавдиев, но в то же время Коммоду не в чем было завидовать Нерону. На самом деле яд отнюдь не превратился в устаревший аксессуар, особенно в периоды правления Адриана и Коммода.

Удивительно ли то, что при Адриане яд снова оказался востребованным? Этот император имел сомнительную репутацию еще до прихода к власти. Считали, что он слишком высокомерен к Сенату и к тому же слишком подвержен восточным влияниям. Адриана называли *Graeculus* — *Маленький Грек*, подразумевая, что он воспринял дурные обыкновения греков. Слово означало еще и человека, который всюду сует свой нос. В «Истории Августов» Адриан изображен человеком жестоким и недоверчивым; подчеркнуто, что с годами эти черты характера становились все более заметны. Он ненавидел тех, кого назначал своими преемниками, открыто или тайно убивал многих своих подданных. Упоминалось, например, что Адриан отравил императрицу Сабину, правда, с оговоркой, что данный случай восходит, скорее всего, к досужей сплетне. Как бы то ни было, в этот период в головах людей вновь соединились яд и тирания.

Луций Вер, умерший в 169 г., также не был человеком высокой морали и организовывал отравления. Посвященный этому императору рассказ в «Истории Августов» написан спустя более чем два века после его правления. Перед автором текста, вероятно, стояла задача отделить образ самого лучшего из императоров-язычников — философа Марка Аврелия. Последний

правил вместе с Луцием Вером; оба они являлись внуками Адриана. Марку Аврелию приходилось сносить оскорбления со стороны брата-соправителя, который без колебаний уничтожал тех, кому поручалось за ним присматривать. Так, например, с этой целью Марк Аврелий отправил в Сирию легата Либона, который был убит. Смерть Луция Вера породила множество слухов. Автор текста в «Истории Августов» придерживался версии апоплексического удара, хотя не замалчивал и другие, уделяя большое место разговорам об отравлении. Распространялась, в частности, молва, что ни в чем не знавший меры Луций Вер съел отравленных устриц, посланных ему тещей Фаустиной, с которой он состоял в связи. Другой слух приписывал смерть правителя его жене Луцилле. Самым важным для составителя текста в «Истории Августов» (так же как и для Аврелия Виктора, сочинение которого служило в данном случае источником) было устранение малейшего подозрения, что отравление могло быть совершено по приказу самого Марка Аврелия. Среди публики ходили в том числе толки, будто император во время трапезы предложил своему брату кусочек свиной матки, предварительно разрезав это изысканное блюдо ножом, намазанным ядом с одной стороны. Биограф Луция Вера в «Истории Августов» считал, что подобное обвинение задевает честь Марка Аврелия, несмотря на то что все поведение Луция Вера служило ему оправданием. Такая точка зрения свидетельствует, что тираноубийство — а речь шла о тиране — при помощи яда рассматривалось как законное. «История Августов» отнюдь не клеймила императора, обвинявшегося в братоубийстве, как это сделали бы Светоний и

Тацит. Напротив, здесь старались обелить Марка Аврелия, о котором в целом сохранилась добрая память.

Объявленный после смерти «врагом богов и людей» Коммод был известен своими «странностями», приводившими в негодование многих представителей правящих элит. Он иступленно преследовал высших должностных лиц государства, уничтожал с помощью холодного оружия или яда своих префектов, не оставляя их в должности больше трех лет. У Геродиана содержится следующий рассказ о конце последнего из Антонинов. Окружение императора, узнав о том, что он собирается покончить со многими сенаторами, дворцовыми служителями и даже со своей любимой наложницей Марцией, потому что все они так или иначе препятствовали его разнузданности, — решило его убить. Яд выбрали как самое надежное и самое простое в применении средство. Непосредственное исполнение плана поручили Марции, так как Коммод любил, когда она подавала ему питье. Наложница поднесла императору кубок сразу же после ванны. Поскольку купание в горячей воде вызывает сильную жажду, этот момент часто использовали для отравлений. Никак не ждавший подвоха от Марции Коммод выпил яд, который погрузил его в оцепенение. После еды началась рвота, возможно, из-за того, что отравленный принимал какое-то противоядие. Геродион уточнял, что у императоров было принято принимать противоядие перед едой, такая предосторожность вошла в обыкновение уже давно, еще в I в. Аврелий Виктор, со своей стороны, полагал, что действию яда мешало большое количество съеденного. Убийцы испугались, что

император останется в живых, и послали молодого слугу его задушить. Согласно Диону Кассию, в заговоре участвовали префект, высокопоставленные придворные и дворцовые служители. Именно они убедили Марцию отравить Коммода говядиной.

В данном примере мы снова видим, что важнейшую роль играет женщина. Кроме того, он демонстрирует недостатки яда: это орудие убийства может действовать по-разному и не всегда производит желаемый эффект. Многочисленные факторы делали результат покушения гораздо менее предсказуемым, чем при использовании холодного оружия. Как раз это, между прочим, подчеркивал Макиавелли в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия», приводя в пример расправу с Комодом.

Подробности рассказа о Коммодe в «Истории Августов» заставляют снова переосмыслить понятие *veneficium*. Во время беременности будущая мать императора видела во сне, что у нее родится очень опасная ядовитая змея. Отравления, впрочем, не заняли преобладающего места среди бесчисленных убийств, которые совершил Коммод, находясь у власти. Да и специальное сенатское постановление, предписавшее выбросить труп бывшего императора в Тибр, подцепив его крюком, разоблачало его страшные преступления, но не использовало слова «отравитель». Там было сказано, что Коммод *omnes occidit* — убивает всех, как новый Нерон или новый Домициан. Отравление вписывалось в его злодеяния, однако не выделялось среди них.

Еще один образец доброго императора в «Истории Августов» Александр Север изображен размышляющим о смерти. Этот правитель осознал, что самые лучшие люди всегда умирали насильственной смертью. Главный пример — Александр Великий, в связи с которым яд здесь, кстати, не упоминался. Последний император из династии Северов имел все основания для невеселого заключения: почти все императоры после Коммода были убиты. Однако, как правило, не ядом. Впрочем, к этому средству, похоже, имели склонность Септимий Север и его семья. Геродиан писал, что сыновья Септимия Севера Септимий Бассиан Каракалла (получивший также имя Антонин) и Луций Публий Септимий Гета никогда не садились за стол вместе, боясь быть отравленными. Каждый из них подначивал своего виночерпия подать яд сопернику, но бдительное отношение друг к другу мешало братьям достичь цели. В конце 212 г. Каракалла все же убил Гету и оправдывался тем, что тот угрожал его жизни. Император явился в Сенат и привел три примера отравлений, совершенных правителями: первые два — преступные и третий — спасительный, по приказанию Марка Аврелия. Каракалла перечислял заговоры, организованные против него Гетой с применением смертельных ядов и всякого рода коварных средств. Согласно «Истории Августов», Каракалла сам распространял среди своих воинов слухи, что его противник собирается его отравить. Впервые обвинение в *veneficium* выдвигалось в качестве оправдания убийства соперника. И это

обвинение, которое невозможно было проверить, становилось оружием более грозным, более эффективным, чем любая другая клевета, предназначенная для дискредитации конкурента. Случай Каракаллы явился предвестником множества других. По сходному сценарию, в частности, в 1407 г. был убит герцог Орлеанский по приказу герцога Бургундского.

Вместе с тем в III в. и позже политическое насилие в Римской империи осуществлялось прежде всего с помощью холодного оружия. «История Августов» полна рассказами о коварных ударах, о бряцании оружием, о пролитой крови. Правителей в это время могли убивать из-за угла или в открытом бою, но никогда не пытались скрыть сам факт убийства. Возобладал закон силы, императоров провозглашала и низвергала армия. В такой ситуации совершенно исчезла потребность в тайном применении яда. Власть теперь устанавливалась силой, а династическая легитимность (хотя бы искусственная) не имела никакого значения. Тем не менее в соперничестве между крупными фигурами императорского окружения мог по-прежнему применяться яд. Так, в правление Гордиана III (238–244 гг.) при подозрительных обстоятельствах скончался его тесть, префект претория Мизитей. Интересы знатного придворного столкнулись с амбициями будущего преемника императора, Филиппа, который якобы подменил ядовитейшим снадобьем микстуру против дизентерии. Когда Гордиан тоже пал в результате одного из заговоров, империей завладел Филипп.

«История» Аммиана Марцеллина, считавшего себя продолжателем Тацита, посвящена в первую очередь военным и политическим событиям. В ней немало сведений о политических отравлениях. Кончины великих и отсутствие детей у их жен порождали слухи. В 356 г. бездетная жена императора Констанция II якобы решила с помощью яда добиться выкидыша у своей свояченицы Елены. Императрица боялась появления ребенка, который мог стать наследником. В 364 г. в Вифинии после восьми месяцев правления умер тридцатитрехлетний Иовиан. Его смерть породила множество предположений, которые Аммиан Марцеллин сравнивал с разговорами, последовавшими за кончиной Сципиона Эмилиана. Историк рассказал также о смерти Валентиниана в 375 г., объяснив ее апоплексическим ударом, но отметив, что умирающего старались показать как можно большему числу людей, чтобы развеять слухи вокруг его кончины. Это весьма показательная предосторожность.

Власти распространяли слухи об угрозах отравления и порчи, дабы получить повод для политических чисток в Риме или в провинции. В 358–359 гг. нотариус Павел предъявил обвинение в оскорблении величества всем тем, на кого поступили доносы в занятиях *veneficia* (в данном случае это слово понималось как *магия*). Для того чтобы попасть под каток репрессий, достаточно было, чтобы человека увидели шатающимся возле погребальных мест. В 363 г. префект города Рима Априониан поставил себе главной целью пресле-

дование *venefici*, число которых соответственно уменьшилось. Он верил, что сам стал жертвой отравления, когда находился в Сирии (т.е. на вредоносном Востоке), и это стоило ему глаза. Апрониан казнил, например, некоего возничего Гиларина на том основании, что тот послал своего сына учиться тайным, запрещенным законом наукам, хотя речь шла об оккультных практиках, а не об умении приготовить яд. Аммиан Марцеллин стремился подчеркнуть неодобрительное отношение в том числе и языческих властей ко всякому наведению порчи и прочим магиям *халдеев* и *математиков*, независимо от того, имели ли они отношение к материальным ядам.

В 368–370 гг. разразился скандал, в чем-то напоминающий громкие дела времен республики. Будущий префект Африки Хилон и его жена Максима подали префекту Рима Квинту Клодию Гермогениану Олибрию жалобу на то, что их пытались околдовать. Они выдвигали обвинение против большого числа сенаторов, а также женщин, принадлежавших к высшей знати. Поскольку Олибрий был болен, дело поступило на рассмотрение префекту хлебоснабжения Максиминоу, который воспользовался им, чтобы устранить многих видных людей. Он добился от императора Валентиниана, чтобы эти преступления были квалифицированы как оскорбление величества, и подверг пытке тех, кого эдикты прежних императоров от нее освобождали. Преследование затронуло важных лиц, например будущего префекта Рима Таррация Баса. Его обвинили как соучастника отравления (или порчи) возницы с целью получения желаемого результата на скачках. Сенаторы

Пафий и Корнелий сознались, что «осквернили себя колдовством» и были казнены.

В данном случае инкриминирование *veneficium* становилось удобным средством для «чистки» политического сообщества, причем средства чрезвычайно эффективного. Отклонить подобное обвинение было нелегко, а римское общество традиционно испытывало отвращение к отравлению и ассоциировало его со всякой мерзкой дьявольщиной и колдовством.

Итак, обвинение в применении яда встречалось чаще, чем его действительное употребление. Юридическая процедура давала отличную возможность как бы легитимно устранять неудобных людей. Трудно сказать, шла ли в приведенном деле речь о религиозной борьбе. Те, кого преследовали, принадлежали к языческой знати, но репрессии осуществляли люди, поставленные противником христианства императором Юлианом. Возникшая позже аналогия с религиозным расколом, когда употребление яда связывалось с силами ада, в IV в. еще не была актуальна. Охота за *venefici* тем легче вписывалась в общую программу очищения общества, что выпущенный еще во II в. Антонином Пием рескрипт позволял преследовать колдунов и астрологов.

Законодательство Поздней Империи, касавшееся *veneficium*, по всей видимости, нужно рассматривать именно в этой перспективе. В V в. был составлен кодекс Феодосия, значительная часть которого впоследствии вошла в кодекс Юстиниана. Он содержал в себе весь инструментарий репрессий, с течением времени еще развивавшийся в серии императорских рескриптов. Кодекс Феодосия

также включал в себя два известных еще в IV в. акта, которые не позволяли *venefici*, как и людям, совершившим другие тяжкие преступления, подавать апелляции. В соответствии с актами Константина и Валентиниана на них не распространялись императорские амнистии по случаю государственных праздников: Пасхи, рождения детей в императорской семье. Действовал эдикт, квалифицировавший преступления с применением яда и колдовства как «самые жестокие» (*scelera saeviora*), следовавшие сразу после оскорбления величества. Все эти меры затрагивали сферу политики не столько потому, что имели целью пресечь отравления в верхах, сколько потому, что организовывали защиту общества и государства от *venefici*. Кроме того, во времена крепнувшего авторитаризма они давали власти необходимые репрессивные средства для устранения политических противников на основании несмываемых обвинений.

Усиливающаяся власть всегда проявляет стремление к тирании. С точки зрения христианских авторов, начиная с Августина, это было испытание, посланное свыше. Таким образом, тираноубийство осуждалось. Однако связь *veneficium* с колдовством делала этот *modus operandi* совершенно неприемлемым для христиан.

Следует признать, что распространенные представления об отравлениях в Римской империи II–V вв. слишком упрощены. Тень Локусты заслонила последующих *venefici*, тень Нерона упала на Коммода. Нельзя сказать, что теперь вместо ядов пускали в ход исключительно холодное оружие. В империи, постепенно двигавшейся к христианству, этот коварный способ устранения неугодных

существовал. Обычно к нему прибегали те, кто злоупотреблял властью, или женщины. В восприятии людей он смешивался с порчей, гаданиями, колдовством. Преступления, связанные с отравлением, продолжали беспокоить власти, поскольку они нарушали политический процесс, разъедали общественные связи, подрывая стабильность системы. Применение яда стали выделять среди других убийств, как особо тяжкое преступление. Ужас перед отравлением отразила формула, появившаяся еще в эпоху Антонина Пия. Она продолжала жить в долгие века Средневековья, ибо позволяла соединять обвинение в убийстве ядом с другими тяжкими грехами и активно использовалась в политической борьбе.

Невозможно отделить политическое отравление от отравления как такового и от его оценки данным обществом. Если представление о «римском обществе» как о целостности от основания города до падения империи, о существовании некоего «римского» характера является упрощением, то, оценивая римскую политическую культуру, можно сказать, что этой цивилизации было присуще неприятие отравления. Оно проявлялось сильнее, чем в Греции, и отделяло ее от цивилизации восточной, обыкновения которой, как считалось, дурно влияли на римские нравы. Тем не менее между воплощенным в Фабриции нравственным идеалом и жизненной реальностью пролегла пропасть. Яд употреблялся в римском обществе уже в глубокой древности, задолго до того, как «побежденная Греция завоевала своего грубого победителя». Связывавшийся с магией, он естественно проникал в сферу политики уже в республикан-

скую эпоху. В умах людей он тесно связывался с миром женщин и с медицинским сообществом. Подразумевалось, что отнять жизнь могут те, кто ее дает; отравить способен тот, кто поддерживает жизнь; чтобы приготовить яд, нужно уметь готовить лекарства.

Новые структуры и формы власти, которые складывались в I в., по-видимому, больше, чем прежние, благоприятствовали политическим отравлениям, хотя Тит в свое время утверждал, что империю можно приобрести или потерять единственно по воле судьбы, а никак не через преступление. Принцепс назывался первым должностным лицом республики, но на самом деле он монополизировал высшую власть. Отныне она осуществлялась внутри его дворцов, в тени которых зарождались слухи и подозрения. Его род становился полем сведения счетов. За полтора века правления двенадцати цезарей было совершено больше всего отравлений. Изучавший «анатомию морали» ранних императоров Светоний, обнаруживал у них что-то вроде змеиной ядовитой железы. Отравление становилось практически органическим свойством политики дурного императора. Однако убийства ядом смешивались с другими преступлениями, и *veneficium* пока не воспринималось как *sumtum* мерзости и злодеяния. Важная идея о том, что ядом убивать хуже, чем мечом, вырисовалась лишь после Тацита и Светония. Впрочем, и такая оценка не останавливала действий заговорщиков-отравителей, которые притом редко ограничивались ядом. Зато она хорошо служила разоблачению и уничтожению врагов. В 70–120 гг. в политических элитах не столько при-

меняли яд, сколько обвиняли в его применении. В беспокойные времена поздней империи инкриминирование отравления стало эффективным политическим оружием. Вместе с тем сама власть в тот период достигалась и сохранялась при помощи военной силы, а не яда. Приближалась эпоха «варварских» королевств.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОТ ВАРВАРСКИХ КОРОЛЕЙ
К БЛАГОРОДНЫМ РЫЦАРЯМ:
УМЕНЬШИЛОСЬ ЛИ ЧИСЛО
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ОТРАВЛЕНИЙ?

Западная Римская империя пала в 476 г., и яд не играл никакой роли в этом событии. Низложение Ромула Августула, которого в тот момент почти никто не заметил, совершилось открыто. Это была одна из мелких подробностей перманентной борьбы и нестабильности. Политические конфликты выходили наружу, претенденты на власть не нуждались в иллюзорной легитимности и пользовались грубой силой без уловок и без прикрас. Зачем измышлять хитрости для отравления своего противника, если можно убить его не таясь или просто отстранить от власти?

После 476 г. этот фактор, по-видимому, сказывался еще сильнее. Низложение последнего императора привело к перераспределению власти в пользу вождей племен, которые провозгласили себя королями. Все они были германцами, но усвоили политическую культуру империи, особенно позднего периода, когда очень велика стала роль армии. Новая культура складывалась из взаимного проникновения римской и той, что принято называть варварской. Вторая явно отдавала предпочтение физической силе и разрешала внутренние конфликты при помощи судебных поединков. Все это наводит, казалось бы, на мысль, что

в этой системе взаимоотношений нет места для политических отравлений. Тем не менее *veneficii* не исчезли из римско-варварского мира.

Потом наступила эпоха Каролингов, которые объединили под своей властью большинство народов, управлявшихся прежде косматыми королями Меровингами. В отношении ядов тут просматривается явная преемственность. В эпоху каролингского Возрождения сильные мира сего вновь открывали для себя античные тексты; Эйнгард отделявал *Жизнь Карла Великого* по образцу Светония. Однако незаметно, чтобы отравления, столь характерные для дворцов Юлиев-Клавдиев и Флавиев, приживались при дворах потомков Пипина.

С X в. складывалось феодальное общество, во многом унаследовавшее культуру раннего Средневековья; его раздирали политические конфликты. В новой системе взаимоотношений продолжал главенствовать культ силы, но применение ее регулировалось с помощью христианских и рыцарских этических ценностей, которые спланивали верхушку общества. Поскольку власть дробилась, то и политических конфликтов становилось больше. Однако теперь они регламентировались нормами, не допускавшими вероломства и низких методов борьбы. Употребление ядов оказывалось несовместимым с «идеологией меча».

Таким образом, эта часть нашего очерка вообще не должна была бы существовать. Авторы сочинений по истории ядов и в самом деле иногда считают возможным от римских цезарей прямо переходить к Валуа и Борджиа.

И все же между ценностями и практиками, между историографическими предрассудками и

реальностью, которая выявляется по источникам, пролегла пропасть. Яды устранились из политического пространства лишь частично. Их применение при этом обнаруживается отнюдь не только на окраинах Европы, где враги Запада продолжали развивать свои вредоносные обыкновения.

ОТНОШЕНИЕ К ЯДУ
В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
НЕ ОСТАВАЛОСЬ НЕИЗМЕННЫМ

Наше представление о раннем Средневековье сформировалось в XIX в., прежде всего, по «Рассказам о Меровингах» Огюстена Тьерри. Созданный историком образ эпохи складывается из беспредельного насилия, жестокой кровной мести, варварских обычаев, когда серьезность преступления оценивалась тяжестью нанесенных ран и количеством пролитой крови во время судебных поединков. Германские короли обладали большой военной мощью, что развязывало неистовство страстей. Утоляли их сплошь и рядом ударами кинжала или скрамасакса. Не то чтобы варвары были лишены коварства — хитрость они применяли при подготовке насильственных операций. Но вот тайным оружием они не пользовались. Врага уничтожали силой, в открытом столкновении.

Когда Хлодвиг захотел избавиться от родственников, чтобы обеспечить власть над франками своим прямым наследникам, он начал с коварного притворства. Король жаловался на одиночество, чтобы родственники проявили сочувствие, и он узнал об их существовании. Конечно, это была

ловушка. Идентифицированные жертвы погибли под ударами мечей, нанесенными людьми первого христианского короля. Хлодвигу необходима была демонстрация силы, незаметно действующий яд ему совершенно не подходил.

В 751 г. к власти пришел Пипин Короткий, и началась династия Каролингов. Этот переход также не потребовали никаких тайных заговоров против последнего Меровинга Хильдерика III. Препрежний режим уже давно показал свою несостоятельность, воля к разрыву с ним действовала открыто. Узурпация не нуждалась в тайне, ей не нужен был яд.

Означает ли это, что в германских королевствах не имели представления о токсических веществах, которые так активно применяли прежде? С одной стороны, распространение прямого насилия делало варварские государства похожими на позднюю империю. Постоянное вмешательство армии в политику как будто сужало возможности использования тайного оружия яда. С другой стороны, власть оказывалась приватизированной, переходила в семейное владение. А это порождало такое зло, как домашнее отравление.

Вот почему разумно говорить не об исчезновении яда из политики в V–X вв., а о постоянных колебаниях в его применении и в отношении к нему.

УМЕНЬШАЕТСЯ ЛИ РОЛЬ ЯДА В МУЖСКОЙ БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ?

Практически все наши представления о властных отношениях внутри германских королевств и об отношениях этих королевств друг с другом почерпнуты из поздних источников. Их авторами были

воспитанные на латинской культуре клирики, от которых невозможно ждать беспристрастности. Церковная идеология предписывала сурово клеймить безудержное насилие варварской элиты. В средневековых текстах складывался образ германских вождей как грубых дикарей. На первый взгляд в этом мире ожесточенной и яростной борьбы не должно было находиться места отравлениям.

В середине VI в. готский историк Иордан написал сочинение «О происхождении и деяниях гетов». Из него можно узнать о множестве преждевременных насильственных смертей, но там всего лишь раз упоминается о подозрении в намерении отравления. Употребление яда не исчезло из кругозора правителей варварского общества, в котором сохранялись разнообразные магические практики, а следовательно, и *veneficium*. Заклятия и дурные «травы» фигурировали в знаменитой *Салической правде*, составленной в 507–511 гг. по приказу Хлодвига. Около десятка историй, связанных с применением яда, рассыпаны по тексту «Истории франков» епископа Григория Турского. Правомерно задаться вопросом, воспроизводили ли первые германские короли столь богатые возможностями методы римских императоров, когда пускали в ход яд? Или они как-то преобразовывали старый опыт?

Под влиянием ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Долгое время считалось, что в момент падения Западной Римской империи произошел резкий разрыв политической и идеологической традиции.

Современная историография, напротив, подчеркивает естественное сохранение элементов римской культуры в так называемых варварских режимах на протяжении длительного периода. В этих королевствах продолжали назначать на те же должности и давать те же титулы, что в Римской империи; вплоть до начала VII в. следовали античным традициям составления текстов.

В самом деле, повествовательные источники, похожие на те, о которых шла речь в предыдущей главе, продолжали рассказывать об отравлениях. Однако использование яда относилось к периферии политического процесса или к периферии преступления. Так, например, Секундин, сподвижник короля франков Теодеберта I, покончил с собой, приняв яд, под угрозой мести со стороны сына убитого им соперника. Он сделал это, когда осознал, что не сможет спастись от своих врагов. Точно такой же шаг совершали до него многие античные персонажи. Яд в данном случае служил не разрешению конфликта — он просто гасил его.

Иногда ссылки на яд появлялись в качестве объяснения неожиданных неприятностей: кто-то якобы ставил своей целью подобное нарушение нормального хода жизни. Преступному употреблению отравы могли приписать опустошительное действие эпидемии. Дизентерия 570-х гг. породила слухи о тайном употреблении яда, хотя Григорий Турский называл ее карой Божьей, посланной за нечестие и непрекращающиеся распри. Если мучительная болезнь, хроническая или внезапная, поражала кого-то из сильных мира, у окружающих сразу же возникало подозрение, что он отравлен. Когда врачи не могли справиться с болезнью жены Гунтрамна Бургунд-

ского Австрагильды (VI в.), она стала утверждать, что ее травят, неизвестно для чего. Проявив беспримерную жестокость, которая была бы уместна в текстах Светония или Тацита, она приказала казнить медиков, дабы они последовали за ней в могилу.

Нередко в варварские времена случались попытки отравления людей Церкви едой или питьем. По крайней мере, об этом упоминали авторы, повествовательной моделью которым служили Библия и писания отцов Церкви. Довольно часто кто-то подвергался гонениями на религиозной почве, например со стороны готов-ариан или со стороны правителей-тиранов, вроде Хильперика I (VI в.). Короли-франки тогда еще не стали католиками, но приверженность их к античной христианской культуре не вызывает сомнений. В соответствии с моделью, восходящей к преданию о святом Иоанне Богослове, отравление считалось испытанием святости. Иоанн вышел из него с честью — выпил яд и остался жив. Таким образом святой одерживал победу над грешниками, готовившими смертельные зелья. Такая же агиографическая схема обнаруживается у Сульпиция Севера в «Житии святого Мартина, епископа и исповедника». Правда, данный случай весьма далек от политики, ибо будущий просветитель Галлии, скрывшийся от мира на острове, травил себя сам. Этот совершенный отшельник-аскет ел ядовитый корень морозника, нейтрализуя его молитвой. Около 525 г. появилось сочинение Григория Великого «Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души», в котором описывались злоключения Бенедикта Нурсийского. В нем, а также в «Житии Самсона Дольского» вновь всплывала идея неуязвимости

и пророческой силы святых. Их враги здесь указывались совершенно внятно, и это уже были не язычники. По большей части они принадлежали не к политическим, а к церковным кругам — к монашеству. Вместе с тем использование яда в данном случае можно рассматривать как оружие в борьбе за власть, которую монахи стремились отнять у святого Бенедикта, ибо настоятель замучил их строгостью.

Впоследствии подобная схема воспроизводилась много раз. Иногда крестное знамение, осенявшее кубок с отравленным вином, мгновенно его разбивало — это был еще один способ изгнания демонов. Активный борец с арианством Григорий Турский, открывший традицию отождествления ереси с кознями дьявола, подчеркивал испытательную функцию яда. Он утверждал, что любой добрый католик может без ущерба для себя выпить отравленное питье, призвав на помощь Святую Троицу. Напротив, вино причастия, которое выпила Авдофледа, супруга короля остготов арианина Теодориха, оказалось для нее фатальным, потому что ее дочь Амаласунта влила в него яд, а Господь отказал в помощи плохой христианке. Историю с вином причастия историки считают вымыслом Григория Турского, вдохновленного образом Нерона. Однако она показывает, какое место занимал яд в сознании ранних христиан.

Отметим, наконец, последнюю «римскую» черту отношения варваров к яду. Она касается взаимоотношений с другими королевствами. Византийский писатель, секретарь полководца Велизария Прокопий Кесарийский в «Войне с готами» ничего не говорил о попытках отравления внешних врагов.

Это и понятно, потому что война с помощью яда не могла принести славы*. В то же время в западных источниках, напротив, содержатся весьма показательные обвинения в адрес константинопольских василевсов. В «Хронике» Фредегара можно прочитать, что император Восточной Римской империи Маврикий (582–602 гг.) послал в Италию человека с поручением войти в доверие правителя ломбардов Адалоальда в качестве массажиста и обмазать его тело мазью, которая сковала бы его волю и заставила повиноваться приказам агентов Константинополя. Павел Диакон в «Истории лангобардов» указывал, что этот король был низложен как раз по причине безумия, однако не связывал его болезнь с каким-то определенным ядом и отравлением. Фредегар тоже не утверждал, что Адалоальда убила византийская мазь. Он разъяснял, что короля отравил герцог Турина Хароальд. Последний знал, что Адалоальд, полностью находясь во власти своих врагов, приказал убить знатных ломбардов королевства, дабы обеспечить византийцам победу.

Эта история заставляет вспомнить еще одну, тоже связанную со «злоумышлением римлян» (как называли тогда византийцев). Один из ломбардских герцогов выпил в Равенне такое питье, что потерял рассудок, который никогда больше к нему не возвратился. Оба дела, как представляется, сви-

* Интереснее то, что отсутствуют дела о *veneficium*, касающиеся двора Юстиниана. А между тем там свирепствовала коварная императрица Феодора, владевшая приемами колдовства. Прокопий Кесарийский рассказал об этом в памфлете «Тайная история, или Анекдоты», где упоминалось о преступных императорах, о тиранстве Феодоры, о ложных обвинениях, колдовстве, зельях (IX, 12; XXII, 7), но не об отравлениях. (Примеч. автора.)

детельствуют о том, что глубоко укоренившиеся в римской культуре представления о восточном (в данном случае греческом) обычае отравления внешнего врага оказались весьма живучи.

Итак, в варварских королевствах сохранялись черты отношения к яду, свойственные античности, которые приспособлялись к новому обществу. Большую роль в этом процессе, как и в нашем понимании его, играли писатели раннего Средневековья, видевшие реальность сквозь призму римско-библейских представлений и соответственно искажавшие ее.

Вместе с тем правители той эпохи обладали и собственным взглядом на отравление.

КАК ВАРВАРЫ ИСПОЛЬЗОВАЛИ ЯД В ПОЛИТИКЕ

Элиты варварских королевств восприняли идею своих предшественников об использовании отравлений в борьбе за власть. Этот факт показывает, что они приобщились к римской политической культуре и подражали имперским нравам, подчас в самых неприглядных их проявлениях. Впрочем, новые хозяева Запада не забыли и своих собственных традиций. Григорий Турский засвидетельствовал применение франками отравленных стрел во время войны. Подобная практика распространилась и на внутренние отношения. Не случайно в пересмотренном Каролингами варианте Салической правды фигурировал более существенный штраф за покушение, если против врага использовали отравленные стрелы. Причина коре-

нилась, вероятно, в том, что чаще стали встречаться именно такие нападения, в которых риск смертельного исхода был гораздо выше, чем в случае с обычными стрелами.

Наряду и вместе с другими видами оружия, яд находил себе место и в политике. Так, у Григория Турского можно прочесть истории о кинжалах, обмазанных ядом. Таким оружием в 575 г. закололи короля франков Сигебера; такая же смерть постигла, как считалось, и Хильдебера II, его сына. Употребление двойного оружия само по себе весьма интересно. Оно означает, что, пуская в ход яд, организаторы не ставили перед собой цель избежать применения силы или скрыть преступление. Ловушка имела место, т.к. убийство короля совершали посетители, явившиеся под видом бродяг. Однако яд здесь выступал гарантией результата покушения. В том случае, если бы кинжал не задел жизненно важных органов, яд компенсировал бы неловкость убийц, неизбежно разлившись по всему телу. Таким образом, из замены насилия отравление превращалось в его вспомогательное средство. Раздиравшие королевство Меровингов конфликты, связанные с кровной мстью, разрешались открыто — оскорбление нельзя было смыть втайне. За одним исключением.

В самом деле, конфликты, возникавшие внутри власти, разрешались иногда без прямого физического насилия. В стенах королевских дворцов случались внутрисемейные отравления, и там не ограничивались обмазыванием ядом клинков.

Король франков Хлодвиг ожесточенно боролся со своими соперниками. Ссоры не утихали среди потомков Хлотаря I. При этом травили противни-

ков достаточно редко. Во время «процесса» королевы Австразии Брунгильды Хлотарь II обвинял ее в убийстве десяти королей, и только одно из них было совершено с помощью яда. Да и в отношении этого преступления среди средневековых историков не существовало согласия. Франкский хронист VII в. Фредегар не имел ни малейшего представления о том, что австразийский король Хильдебер II в 595 г. погиб якобы от яда. А вот Павел Диакон, который по времени отстоял от события дальше, сообщал, что Хильдебера убили именно ядом. Точно так же франкский автор ничего не знал об отравлении Теодориха II Австразийского в 613 г.; в то время как анонимная хроника VIII в. *Liber Historiae Francorum* рассматривала такое предположение. Мы не знаем, было ли умолчание Фредегара намеренным, или он действительно ничего не знал.

Вернемся, однако, к Хильдеберу. Двадцатипятилетний правитель Австразии неожиданно умер вместе со своей супругой. Убийство имело целью уничтожить австразийскую ветвь династии и готовилось при дворе Нейстрии. У Павла Диакона написано, что молодой король «умер, побежденный силой яда» (*vi veneni extinguitur*). Глагол здесь (*extinguere* — *гасить*) хорошо соответствует римскому словоупотреблению, что совершенно неудивительно у образованного автора, предвозвестника каролингского Возрождения. А вот слово *vis* — *сила* (*vi* — *ablativus* от *vis*) заслуживает внимания, поскольку показывает, что отравление как бы полагалось на силу, разумеется, не физическую, а неуловимую смертоносную, побеждавшую жизненную силу. Тем не менее у франков обычная грубая *vis* в убийствах, связанных с кровной мстью, применялась гораздо чаще, чем *vis veneni*.

В истории королевства вестготов яд встречается довольно редко, причем практически нет надежно достоверных случаев. Великий мыслитель раннего Средневековья Исидор Севильский, повествуя о смерти короля Сисибута в 620 г., перебрал классические гипотезы: болезнь, неправильное лечение, яд. Кастильский источник XIII в. донес до нас сведения об отравлении около 680 г. «беспольного» короля Вамбы. Этот монарх проявил умственную неспособность к управлению, и встал вопрос о его замене. У вестготов правители были выборными. При этом как раз в них видели традиционную модель каролингской монархии, поскольку над ними совершался обряд помазания. Не из-за этого ли Вамбу именно отравили, ведь библейский завет запрещал поднимать руку на помазанника Божия. Хотя для отстранения вроде бы достаточно было отправить его в какой-нибудь монастырь.

Во второй половине VI в. в Италии появилось королевство лангобардов, где тоже применяли яд. В вестготском примере при помощи *venenit* избавлялись от безумного и потому опасного короля; речь вовсе не шла о мести за какое-либо оскорбление. У лангобардов мы встречаемся со сходной ситуацией. Яд давал возможность положить конец дурному правлению, избежав при этом сопротивления и не проливая крови. В другом случае правитель оказался жертвой коварства медиков-отравителей, причина которого неясна. В 671 г. король лангобардов Гримоальд повредил себе вену, стреляя из лука. Врачи назначили ему лечение с применением *venenata madicamina*, которое, по свидетельству Павла Диакона, ускорило его уход в мир иной. Вероятно, впрочем, что писатель лишь

передавал слух, порожденный болезнью монарха, а также лексической амбивалентностью понятий «лекарство» и «яд». Если снадобье не вылечивало, мазь не облегчала состояния, а больной при этом имел отношение к власти — мгновенно начинали говорить, что «лекарство было ядом».

Обращение к яду зафиксировано в варварских королевствах и на других уровнях общественной жизни. В силу того, что дошедшие до нас источники составлены людьми Церкви, там описаны главным образом преступления, совершавшиеся в епископских кругах. Григорий Турский являлся прелатом и, решив создать «церковную историю», описать гонения на Церковь и ее триумф, естественно, проявлял большое сочувствие к страданиям духовных лиц. Он рассказал, как погиб, выпив отравленный напиток, Францилион, один из его предшественников на епископской кафедре Тура. Историк никого не обвинял в смерти епископа и не объяснял, стало ли употребление яда следствием нежелания проливать кровь священника. В «Истории франков» содержится также упоминание о смерти в 575 г. епископа Ангулемского Марахара. Он съел отравленную рыбную голову, присланную Фронтонием, который жаждал занять его кафедру. Последний достиг своей цели, но по воле Божьей занимал это место всего лишь один год.

Еще один пример такого рода привел Григорий Великий. Выдающийся богослов и Папа Римский с 590 до 604 г. сообщил о неприятном случае, происшедшем в 566 г. со стареющим епископом Каноссы Сабином. «Обуреваемый желанием стать епископом» архидиакон подал прелату отравлен-

ный кубок. Сабин не растерялся и, так же как в свое время святой Бенедикт, выпил кубок, осенив его крестом. Яд не нанес ему ни малейшего вреда, тогда как преступник, согласно воле Божией, на глазах у епископа скончался от яда злобы. Родившаяся здесь яркая метафора, естественно, впоследствии не раз воспроизводилась.

Итак, по всей видимости, к употреблению яда предрасполагали внутрицерковные интриги. Развитие епископий в городах усиливало напряженность и способствовало таким преступлениям. Как никакое другое оружие, яд соответствовал церковной среде, подходил клирикам, злоумышлявшим против клириков. Духовные лица испытывали ужас перед кровью и перед применением насилия, особенно по отношению к себе подобным.

Впрочем, наше заключение требует осторожности, поскольку не существует такого табу, которое бы не нарушалось. У Григория Турского мы встречаемся с многочисленными кровавыми убийствами священников. Официальная доктрина Церкви по всем этим вопросам в ту пору, по-видимому, была еще очень далека от завершенности. Случалось, что представители духовенства оказывались замешанными даже в магии, хотя, казалось бы, перед подобным соблазном им следовало быть гораздо более стойкими, чем мирянам.

Из всего сказанного выше видно, что правители варварских королевств никак не могли похвастаться невинностью в области применения ядов. Германцы подвергались античному влиянию, но располагали и собственными традициями. На практике яды использовались умеренно, поскольку

ку преобладали грубые средства борьбы, более соответствовавшие становлению ценности силы.

В XII в. знаменитый средневековый автор Готфрид Монмутский написал «Историю бриттов», в которой отразил древние кельтские легенды. Постыдное коварство он приписывал в первую очередь саксам, которые в V в. завоевывали островных бриттов. Некий врач-сакс вошел в доверие короля Амвросия Аврелиана и опаивал его смертельным снадобьем под видом медового напитка. Его легендарный преемник и, по некоторым версиям, брат Утер, отец знаменитого Артура, также погиб от яда, который ему дал шпион-сакс или собственный виночерпий, подкупленный врагами-германцами. Итак, практика отравления приходила в Британию с континента, т. е., как и полагалось, с Востока.

И очень часто яд применяли женщины.

ОРУЖИЕ ЯДА ПОДХОДИТ ЖЕНЩИНАМ

Совершенно неправильно было бы сводить германский политический мир к королям-мужчинам и их военной свите. В наши дни историки интересуются также скрывавшимися за стенами варварских крепостей женщинами. Они попадали в политические круги через замужество и привносили туда собственные амбиции. Авторы источников, которыми мы располагаем, — это исключительно мужчины, да притом еще духовные лица. Случалось, что они изображали женщин, близких к власти, в образах святых, как, например, Клотильду и Радегонду. Однако гораздо чаще жены и матери королей

представлялись «бесстрашными и бесстыдными» чудовищами, вроде Брунгильды и Фредегонды, которым яд помогал утолять необузданную жажду власти. Главными отравителями варварских времен являлись именно эти женщины — по крайней мере, так обстоит дело, если смотреть через призму доступных нам источников. С ними связано больше половины примеров отравлений в сочинении Григория Турского. «Женщина, проклятая среди женщин, ловкая в измышлении коварств, — ты не останавливаешься перед убийством, отравлением, уничтожением прекраснейшего рода французских королей... Десятеро из них пали по твоей вине. Одних сразили посланные тобою убийцы, других ты убила сама или отравила ядом», — такие слова хроника XVI в. приписывала королю Хлотарю, который в 613 г. расправился с Брунгильдой.

Прошло много веков, а образы знаменитых франкских королей продолжают внушать ужас.

Роль женщин в развитии политических конфликтов

В 2001 г. вышла в свет фундаментальная монография историка из Хайфы Ниры Пансер «Бесстрашные и бесстыдные. Какую честь оказывали женщинам во времена первых Меровингов». По данным автора, во франкских «политических сообществах» женщины — жены, дочери и матери королей — играли роль, далеко выходящую за рамки функции воспроизводства. Королевы играли на политическом поле не менее значительную роль, чем майордомы. В VI – первой половине VII вв. статус у Меровингов считался более важ-

ным, чем пол. То же самое наблюдалось и у лангобардов, быть может, не так выражено, потому что, видимо, под влиянием римских традиций там сложилось более жесткое распределение ролей в зависимости от пола.

Итак, у франков оставалось пока что размытым и невнятным то, что в английском языке именуется *queenship* (сан королевы). Супруги королей не имели четких функций, связанных с их положением; они использовали властные стратегии, присущие мужчинам. При этом королевы отнюдь не были пассивными производительницами потомства, материнство они превращали в политическую силу. Хотя женщин использовали в качестве орудия примирения и закрепления союзов между правителями, они сами активно участвовали в конфликтах и изо всех сил старались сохранить свое господствующее положение, которое делала непрочным фактическая полигамия их супругов. Законной признавалась кровная месть, и очень часто ее осуществляли именно «правительницы», отдававшие приказ об убийстве или даже сами совершавшие насилие. Вызванные нанесенным оскорблением чувства женщины не считались законной причиной для мести. Однако именно они стали причиной великой распри внутри династии Меровингов во второй половине VI в., героинями которой стали Брунгильда и Фредегонда. В борьбе за власть могли участвовать как мужчины, так и женщины: защита чести обычно предусматривала противостояние пары непримиримых врагов — мужчин или женщин.

Определив, таким образом, какую роль играли женщины в варварских королевствах, посмотрим, как часто они пользовались ядом.

ОТРАВИТЕЛЬНИЦЫ ЗНАМЕНИТЫЕ И НЕ ОЧЕНЬ

Из повествовательных источников раннего Средневековья, а также их поздних компиляций мы знаем несколько примечательных фигур королев-отравительниц. Притом данное оружие они использовали по обстоятельствам, не пренебрегая и другими. Они владели якобы искусством приготовления смертоносных напитков и блюд. Невозможно сказать, существовала ли эта их способность на самом деле или только в воображении писателей-мужчин. В варварских правдах *venefici* и *veneficae* (отравители и отравительницы) фигурировали на равных, т. е. закон не относил это преступление исключительно к женщинам. Как бы то ни было, считалось, что всякая королева непременно владеет искусством приготовления ядов. В 440–442 гг. в таком злодеянии заподозрили супругу сына короля вандалов, покушавшуюся якобы на своего мужа. В наказание женщину искалечили и отправили к отцу, королю вестготов.

История кельтских королевств донесена до нас англо-норманнскими авторами, которые жили на много веков позже описываемых событий. Они, конечно, излагали легенды. У Готфрида Монмутского есть рассказ об отравлении около 450 г. короля Вортемира, ставшего жертвой своей мачехи Ронуен. Эта женщина отлично разбиралась в свойствах трав, знала о смертоносном действии волчьего корня. Ронуен владела «наукой о ядах», но кроме них еще и тонкими секретами природы, проникновение в которые приписывалось женщинам в силу их физиологии, подчиненной естественному ритму.

Такой же осведомленностью якобы обладала франкская принцесса Гундеберга, жена короля лангобардов Хароальда, правившего с 626 г. Согласно Фредегару, отвергнутый воздыхатель обвинил королеву в том, что она хотела отравить мужа, чтобы выйти замуж за герцога Тассо и возвести его на престол. Гундебергу изгнали, но она потребовала Божьего суда. Состоялся поединок, в котором клеветник потерпел поражение и погиб. Таким образом, честь франков, несправедливо оскорбленных в лице одной из их представительниц, была спасена.

Отравлению часто сопутствовал дух адюльтера, поскольку и то и другое связано с обманом. История Гундеберги, кроме того, показывает, насколько сильно в представлениях эпохи употребление яда ассоциировалось с женщиной. Примерно к 610 г. относится случай лангобардской принцессы Ромильды, свидетельствующий о том же. Вдова герцога Гизульфа сдала город аварам, но их вождь заподозрил, что она способна убить кого-нибудь «ядом или предательством». Так утверждала поздняя традиция, однако важным здесь является тот факт, что женщина, естественной функцией которой является деторождение и кормление, проявляла склонность к отравлению. Рассказавший эту историю Павел Диакон представил Ромильду бесстыдной предательницей, поплатившейся за свои преступления смертью.

Описывая отравительниц, клирики-женоненавистники следовали определенным стереотипам. Например, они сближали понятия *regina* и *venefica*. Житие святого Самсона, посвященное деяниям жившего в VI в. епископа Дольского и

Бретонского, написано спустя два века после его кончины. Автор сообщал о попытке отравить святого человека, совершенной женой короля бриттов Юдуала, у которого прелат обедал. Епископ осенил кубок крестным знамением, и он мгновенно рассыпался, причем пролившийся яд был настолько силен, что прожег до кости руку того, кто держал сосуд. Агиограф утверждал, что преступная королева действовала под влиянием демонических сил, и это соответствовало жанру жития. Однако во всем остальном автор использовал те же повествовательные модели франкских текстов, которые обнаруживаются в историях злодеяний Брунгильды и Фредегонды, направленных против деятелей Церкви.

Знаменитые королевы из династии Меровингов, вошедшие в историю как два кровавых чудовища, по необходимости тоже употребляли яд. Не следует считать, что при этом они стремились избежать насилия — в иных случаях злодейки без колебаний проливали кровь, невзирая на ранг жертв. Весьма красноречива история Фредегонды. Едва став любовницей короля Нейстрии Хильперика, юная девица принялась сеять смерть повсюду и всеми средствами. Организовав убийство епископа Руана Претекстата (преступление, заклеянное Григорием Турским), она навлекла на себя гнев епископа Кутанса и решила ему отомстить. Из осторожности прелат отказался разделить с Фредегондой трапезу, после чего она послала ему смертоносный напиток из вина и меда. По рассказам Григория Турского, королева проявляла невероятную жестокость по отношению к служителям Церкви. Она использовала освященные предметы

против жертв, лишенных чудесных способностей святых. Возможно, что именно Фредегонда отравила в 595 г. Хильдебера II Австразийского.

Ненавистная соперница Фредегонды, вестготская принцесса Брунгильда не оставалась в долгу. В длинном перечне ее преступлений фигурировало отвратительное отравление Теодориха II Австразийского. Этот внук королевы в 613 г. скончался, выпив после купания поданный ему кубок. Как считалось, яд был приготовлен по приказу Брунгильды, которой он угрожал в ответ на ее клевету. Смерть Теодориха объясняли по-разному, однако традиционной стала гипотеза отравления, выдвинутая «Книгой истории франков» (начало VIII в.). В XIII в. она была повторена в «Больших хрониках Франции». В них говорилось, что уделом несчастного короля стала «плохая смерть», т.е. внезапная, вызванная быстродействующим ядом. Именно это обстоятельство стало теперь важным, поскольку Церковь проповедовала необходимость духовного приуготовления к смерти посредством исповеди. История смерти Теодориха II сыграла большую роль в формировании черного образа Брунгильды, отравительницы своих потомков.

Благодаря своим злодеяниям осталась в памяти потомков еще одна лангобардская принцесса — Розамунда. В XIV в. Боккаччо упоминал ее в трактате «О злочлечениях знаменитых людей» (*De casibus virorum illustrium*). Тосканский поэт не слишком подчеркивал то, что Розамунда являлась именно отравительницей. Рассказывая, к примеру, о попытках Медеи отравить Тезея, он не уподоблял ей лангобардскую принцессу. Тем не менее Боккаччо, в соответствии с традицией раннего

Средневековья, сообщал, что Розамунда сначала убила своего супруга Альбоина, а затем — любовника Гельмигиса. По словам Григория Турского, она в 573 г. отравила своего мужа, дав ему яд вместо лекарства, после чего сама была убита вместе со своим любовником. Павел Диакон спустя два века предлагал другую версию, которую и подхватил Боккаччо. Он утверждал, что сообщник королевы Гельмигис также погиб от яда, данного Розамундой. В его драматическом повествовании королева протягивала Гельмигису, только что принявшему ванну, чашу с ядом, предлагая выпить укрепляющий напиток. Обнаружив обман, умирающий, обнажал меч и принуждал убийцу допить смертоносное питье. Через час оба были бездыханны. У Павла Диакона убийства монархов часто осуществлялись в ванной: раздевание делало королей беззащитными, купание расслабляло и притупляло реакции. И, кроме того, жар бани вызывал жажду, так что жертвы потом с удовольствием пили возбуждающий «эликсир юности».

СТРАСТИ И МОГУЩЕСТВО

Королевы раннего Средневековья обращались к яду, руководствуясь мотивами, относящимися как к сфере эмоций, так и к сфере политики. В те далекие времена королевский замок являлся одновременно и пространством дома, и структурой управления; страсти и власть находились в неразрывной связи. Злодеяние замышлялось против того, кто мешал удовлетворению желаний и амбиций, против ненавистного оскорбителя. Королева, составлявшая неотъемлемую часть семьи, как

правило, травила или подстрекала к отравлению кого-нибудь из близких: постылого мужа или неудобного деверя, иногда даже стеснявшую ее мать. Именно последний случай имел место около 526 г. Амаласунта, дочь Теодориха I и Авдофледы, отравила свою мать, поскольку та противилась ее браку с несвободным претендентом.

Еще чаще причиной применения яда против королей становился незавидный статус женщин в верхних слоях германского общества. Очень часто они оказывались в положении брошенных жен или должны были мириться с соперничеством подруг своих супругов, женщин более низкого происхождения. Королевы тревожились за политическое будущее своих сыновей, которому угрожало наличие у монархов многочисленных детей от разных союзов. Так, около 560 г. Маркатруда, супруга бургундского короля Гунтрамна, отравила Гундобада, сына короля от первого брака с женщиной более низкого ранга. В то же время королевские жены могли испытывать недобрые чувства к мужьям, за которых их выдали насильно в целях укрепления мира и союза со вчерашним врагом. Та вестготская принцесса, которую подозревали в приготовлении яда для ее супруга, сына короля вандалов, перед этим терпела его дурное обращение. Розамунда, отравившая в 573 г. Альбоина, ненавидела своего мужа, потому что тот убил ее отца.

Впрочем, бывало, что королевы совершали или заказывали убийство с помощью яда, не имевшее ничего общего с семейными делами. Таким образом они ввязывались в политическую борьбу, пытаясь узурпировать власть (как полагал Григорий Турский) или действуя в соответс-

твии с политическими обыкновениями, в ту пору открывавшими возможности возвышения перед женщинами (согласно тезису Ниры Пансер). Как бы то ни было, их жажда власти наталкивалась на препятствия. В тех случаях, когда таковыми становились мужья, обычно появлялся яд. Сообщник Розамунды Гельмигис рассчитывал заменить Альбоина в качестве мужа и монарха. Однако королева решила отравить любовника именно для того, чтобы править самой. Такая же жажда власти обуревала и старую Брунгильду, когда она велела приготовить сильный яд для своего внука Теодориха Австразийского. Неудавшееся отравление святого Самсона Дольского супругой бретонского короля свидетельствует не только о коварстве дочерей Евы. За этим преступлением могла стоять враждебность к возраставшему влиянию прелата, и даже ненависть язычницы. Фредегонда, отравившая епископа Кутанса Ромахара, язычницей не являлась. В данном случае налицо именно стремление уничтожить авторитет, способный вести эффективную пропаганду против преступного режима.

Итак, *veneficii*, которые совершали королевы, обуславливались в большой мере политическими мотивами. Обращение к яду объяснялось, во-первых, непрочностью их положения и необходимостью укреплять его любыми средствами, а во-вторых, стремлением, несмотря ни на что, играть значительную роль. Следует отметить, что в подобных ситуациях женщины становились не только убийцами, но и жертвами. Всегда существовал риск быть отравленной соперницей. Третья жена Гунтрамна Австригильда, страдая дизентерией, считала себя жертвой отравления.

Наконец, следует принимать во внимание негативные последствия частой смены жен, практиковавшейся германскими королями. Их высокая матримониальная активность объяснялась необходимостью политических союзов и потребностью в потомстве. Ставшую ненужной королеву неудобно было просто грубо прогнать, не выдвигая никакой причины. И тут очень полезным становилось обвинение в попытке отравления. В самом деле, существование подобного злодейского плана одинаково трудно как доказать, так и опровергнуть. Некоторые из вышеприведенных примеров являются собой именно такие случаи. В 440 г. дочь вестготского короля отослали к отцу покалеченной, т.е. негодной к повторному браку, на том основании, что она будто бы готовила отравление. Франкская принцесса Гундеберга в 626 г. была изгнана королем лангобардов под тем же предлогом, однако она сняла с себя вину с помощью судебного поединка. Мы не знаем, принял ли вновь оправданную королеву ее супруг Хароальд. Но в любом случае данная история показывает огромную уязвимость германских принцесс, выдававшихся замуж за соседних королей. В замках супругов их воспринимали как чужих, вследствие чего там легко возникали самые худшие подозрения на их счет.

УМЕРЕННОСТЬ И НОВЫЙ ПОДЪЕМ В КОНЦЕ КАРОЛИНГСКОЙ ЭПОХИ

М.Пайе, автор довольно посредственной книжки «Кинжал и яд», вышедшей в 1995 г., не слишком удачно сделал центром своей интриги правление Карла Великого. На самом деле в источниках по

политической истории германцев с 686 и 876 гг. практически отсутствуют отравления. И похоже, что этот странный феномен объясняется не только фактором случайного отбора дошедших до нас памятников. Имеется лишь одна история, относящаяся к 802 г., которая касается островных англосаксонских государств. Имеется также относящийся примерно к 810 г. слух о том, как лангобарды будто бы отравили луга, дабы помешать продвижению войск Карла Великого. Притом, с одной стороны, речь могла идти об уничтожении не столько людей, сколько животных, а с другой стороны, передавший эту историю Агобард Лионский сам сомневался в ее истинности. Употребление яда в политической борьбе возобновилось с упадком каролингского государства, когда граф Бозон, маркиз Прованса, не принадлежавший к роду Каролингов, попытался узурпировать королевский титул. В дальнейшем вплоть до конца X в. оружие отравления, пусть умеренно, но использовалось в политике, или, по крайней мере, о нем писали средневековые авторы.

Яд использовался в обществе,
но не в политике

Период с середины VII в., когда начался упадок Меровингов, до середины VIII в., когда утвердилась династия Каролингов, отнюдь не был мирным для франков. Однако в противостоянии могущественных претендентов на должность майордома, становившегося настоящим носителем власти, в распрях между нейстрийской и австразийской семьями, имевших привкус кровной мести, в ссорах между

Пипинидами — отравления, видимо, не использовались. Лилась кровь, а не яд. Единственный случай, в отношении которого можно сомневаться, — это козни тещи Карла Мартела Плектруды против зятя. Королей Меровингов очень часто отстраняли от власти, но при этом лишали их всего лишь шевелюры, а не жизни, постригая в монастырь. Восшествие на престол в 751 г. новой династии также не сопровождалось уничтожением низложенного Хильдерика III или насилием над ним. Бывший король умер в 755 г., и это событие осталось незамеченным. Бесплезного короля лишили власти, и Церковь узаконила передачу престола Пипину Короткому. Потомки Хлодвига не имели никакой поддержки, так что новым хозяевам франкского мира совершенно незачем было организовывать тайное уничтожение Хильдерика.

В правление Пипина складывался порядок династической стабильности. Освященная Церковью королевская власть приобретала сакральный характер. В то же время политическое противостояние в эпоху Каролингов не прекращалось. Наследники оспаривали друг у друга владения, совершались военные походы в Аквитанию, земли лангобардов, Испанскую марку, языческие земли на Востоке. Власти вновь и вновь приходилось противостоять упорным противникам. Однако ни в военных кампаниях, ни в семейных расправах яд не применялся, хотя политические нравы вряд ли сильно изменились со времен прежней династии. В ходе многочисленных династических споров: между Карлом Великим и его братом, между наследниками Людовика Благочестивого — использовался исключительно меч, а не яд. В период борьбы между внуками

императора: Лотарем, Людовиком и Карлом — в ход пускали исключительно холодное оружие; яд оставался в стороне. Между тем сама личность баварской принцессы Юдифи, супруги Людовика Благочестивого, обладала всеми чертами классической отравительницы. Ее обвиняли в колдовстве с целью подчинения себе воли супруга, подобно библейской Иезавели.

Является ли отсутствие упоминаний об отравлениях следствием исчезновения яда из общественной жизни и представлений людей? Разумеется, нет, и молчание источников, таким образом, выглядит совершенно загадочным. Императорское законодательство, церковные каноны и ритуалы покаяний, непреложно свидетельствуют, что *veneficii* оставались весьма прочно укорененным явлением. О них шла речь в каролингской версии Салического закона. Церковь квалифицировала эту практику как пережиток язычества, который нужно безжалостно давить. В 850 г. состоявшийся в Павии Синод епископов констатировал распространенность практики колдовства и отравлений (*veneneriae*) в окрестностях города и приказывал начать ее преследование. Он сформулировал репрессивный закон с целью христианизации и очищения общества. Сведения об использовании ядов не могли исчезнуть и из сознания образованных людей, которые сохранили для нас память о прошлом, тем более что так называемое каролингское Возрождение состояло в возвращении к античным текстам, в которых так много историй об отравлениях. Автор «Жизни Карла Великого» Эйнгард, беззастенчиво восхвалявший императора и приписывавший ему достоинства Августа, широко черпал из Светония. И тем не менее ни он, ни

Нитхард, писавший о борьбе сыновей Людовика Благочестивого, ни хроники, составлявшиеся в крупных монастырях империи, ничего не говорили об отравлениях.

Причины этой удивительной «невинности» источников в отношении яда, возможно, следует искать в действительном отсутствии фактов отравления в кругах политической верхушки. Проверить, как было на самом деле, разумеется, невозможно; объяснить такое положение трудно. Можно предположить, что Каролингов оберегал сакральный характер их власти, освященной Церковью. Наверное, следует обратить внимание на отсутствие слухов в связи со странными кончинами — однако откуда этот резкий разрыв с многовековой поведенческой традицией? — или, вернее, на то, что отравления или подозрения в их совершении не получали никакого отклика. Единогласное молчание разных имеющих в нашем распоряжении источников, авторы которых, как правило, были близки к власти, можно, конечно, объяснить политической тенденциозностью, как бы выполнением заказа правящей династии. Однако это предположение тоже довольно шатко, поскольку переоценивает влияние властей на умы.

Применение яда в политике в каролингскую эпоху можно обнаружить, переправившись через Ламанш. Большинство королевств англов и саксов, в отличие от объединенных Карлом Великим франков, раздирало жестокое соперничество. Оно постоянно порождало заговоры, примерно так же, как во времена первых германских королевств на континенте. Совсем не удивительно, что в центре дела, имевшего место в 802 г. в королевстве Уэссекс

оказалась королева. Короля Беортрика отравила Эдбурга, его жена и дочь его врага, короля Мерсии Оффы. Одни говорили, что королева искала смерти молодого протеже короля, но ошиблась и убила своего супруга. Другие, напротив, утверждали, что она не только намеренно дала мужу яд, но убивала таким же образом еще и духовных лиц. Как бы то ни было, сообщалось, что Эдбурга бежала из Уэссекса, стремясь объединиться с сыном Карла Великого. Потом она некоторое время скрывалась в монастыре на территории Франкской империи, но была оттуда изгнана. В конечном счете королева оказалась в Павии, где окончила свои дни в нищете. Несчастливая гибель Беортрика якобы заставила жителей Уэссекса упразднить статус королевы. Его восстановили лишь спустя несколько десятилетий (причем некоторые считали, что напрасно) для супруги Этельвульфа, дочери Карла Лысого. Нигде, как в этом случае, не выразилась так отчетливо тесная связь между властью, женским началом и применением яда. Эдбурга соединяла в себе едва ли не все черты принцессы-отравительницы: она являлась иностранкой и, следовательно, вызывала подозрение *a priori*; она была дочерью врага, могла оставаться верной отцовскому делу и, следовательно, несла в себе опасность. Она вела себя как тиранка, без всякого на то права требуя себе места, которое занимали королевские советники. Ее обуревала *cupiditas dominandi* (жажда власти). Недоставало Эдбурге только адюльтера. Кроме всего прочего, история этой королевы в сочинениях английских авторов XI и XII вв. играла еще дополнительную роль. Она явно бросала тень на Карла Великого, отношение которого к убийце изображалось, по меньшей мере, как двойствен-

ное. Однако Эдбурга так и осталась единственной отравительницей в окружении знаменитого императора франков.

Появление яда в поздней империи Каролингов

Употребление яда возвратилось в мир Каролингов вместе с узурпацией власти. В 879 г. первый из не принадлежавших к династии грандов империи герцог Прованса Бозон посмел провозгласить себя королем. Он пренебрег положениями грамоты Папы Стефана II, когда тот в 754 г. помазал Пипина Короткого и провозгласил, что отныне корону во франкском мире будут носить только представители рода Пипинидов. Прокаролингский источник «Хроника Фульды» приписал Бозону убийство с помощью яда, совершенное притом не столько для того, чтобы получить власть, сколько просто в силу порочности натуры. Герцог обвинялся в том, что отравил свою жену, чтобы жениться во второй раз на похищенной им Ирменгарде. Вероятно, все же это была попытка легитимизировать правление, ибо невеста приходилась дочерью Людовику II Итальянскому, принадлежавшему к династии Каролингов. В данном случае вместо обвинения неудобной супруги в отравлении и развода с ней, осуществлялось ее прямое устранение с помощью яда. Новый союз приобретал в результате вид законной христианской моногамии.

Итак, обвинение Бозона в преступлении возвращало практику отравлений если не в политическую реальность, то, по крайней мере, в сознание людей. В 877 г. по пути из Италии скончался император Карл Лысый. Терзаемый лихорадкой,

монарх принимал порошки, прописанные его врачом Седекией, евреем, имевшим репутацию мага. Ничто не могло лучше способствовать рождению слухов об отравлении. Причина убийства заключалась будто бы в жадности или коварстве лекаря, обреченного выступать в роли злодея в силу своего еврейства. Здесь невозможно было усмотреть никаких политических мотивов, зато выдвигалось с течением веков все прочнее утверждавшееся обвинение иудеев в ненависти к христианской религии, которую в тот период символизировал император франков. Надо сказать, что этой версии придерживались не все источники; в «Хронике Фульды», например, сообщалось, что король скончался от дизентерии. Однако двенадцать из двадцати трех средневековых авторов, писавших о смерти Карла Лысого, утверждали, что его отравил врач. Здесь впервые убийцей земного государя выступал еврей. Впоследствии история смерти Карла Лысого стала моделью образцового рассказа, выражавшего средневековый антииудаизм, который в конце IX в. еще не в полной мере оформился.

В 879 г. после короткого двухлетнего царствования умер Людовик II Заика. Его преждевременная смерть также спровоцировала слухи об отравлении, хотя, по правде говоря, наиболее важные источники, вроде «Хроники Фульды», приписывали ее опять-таки дизентерии. Толки об отравлении короля упомянуты в «Хрониках Франции», составитель которых, возможно, почерпнул сведения о них из «Анналов Сен-Бертена». Последний памятник, впрочем, ограничивался лишь упоминанием слуха, порожденного не столько смертью, сколько болезнью короля; в отравлении там никто не обвинялся. Данный случай отражал скорее состояние

умов в империи франков, взбудораженных неурядицами и беспорядками периода нестабильности.

В 888 г. знать избрала монархом Западно-Франкского королевства представителя династии Робертинов Эда. Младший сын Людовика II Заики, будущий Карл III Простоватый в тот момент был еще слишком мал. Однако Эд, граф Парижский, имел не только друзей. Некоторые возмутились нарушением папского постановления 754 г., выступая с позиций каролингского легитимизма, весьма распространенного в кругах духовенства. Пока Эд вел войну в Аквитании, его противники составили заговор с целью посадить на престол юного Карла. Замысел их не удался, и в результате стороны договорились, что после смерти короля Робертина преемником его станет сын Людовика II Заики.

В 898 г. Эд умер, и некоторые усмотрели в его кончине преступный умысел, свидетельство того, что Карл слишком спешил получить трон. Век спустя аббат Фолькуин утверждал, что гранды воспользовались ядом для того, чтобы отнять власть у Эда. Таким образом, династическая нестабильность толкала воображение к мыслям об отравлении. Процесс этот не зашел слишком далеко, однако все же сказывался во времена последних Каролингов.

Традиция, представленная в первую очередь хроникой Адемара де Шабанна XI в., приписывала следовавшие одна за другой кончины последних Каролингов Лотаря и его сына Людовика V в 986 и 987 гг. отравлениям и колдовству. При этом не обвинялись их преемники Капетинги. В центре событий вновь оказывались королевы. Неверная жена Лотаря Эмма сначала безуспешно искала убежища у Гуго Капета, а потом была взята в плен

Карлом Лотарингским, братом умершего. В смерти Людовика V некоторые источники обвиняли его супругу Бланш. Несчастный случай, происшедший с Людовиком V на охоте засвидетельствован самыми надежными источниками. И тем не менее утверждения об отравлении супругой сохранялись. Обе эти истории имели целью дискредитировать каролингский род, главы которого находились якобы во власти королей, колдуний и грешниц, что выгодно подчеркивало достоинства восходящей династии. В середине XIV в. появилось даже «Сказание о Гуго Капете», герой которого выступал в роли мстителя за отравление Людовика V; такой не слишком значительный подвиг сохранялся в памяти.

Применение яда вновь становилось актуальным и на более низких уровнях власти в Западно-Франкском королевстве и у его границ. Составлявшие хроники клирики обращались к старым повествовательным схемам. В то время правители вели активную борьбу за Реймс, где находился архиепископский престол и который являлся оплотом каролингского легитимизма. Власть того, кто получал этот город и контролировал архиепископа, резко увеличивалась. И вот один из грандов, Герберт II де Вермандуа, стремясь включить Реймс в орбиту своего влияния, организовал в 925 г. отравление архиепископа Сеульфа, который занимал престол в течение трех лет. Герберт II хотел видеть на престоле крестителя франков святого Ремигия одного из своих подданных. Весьма враждебный светской власти реймский историк Флодоард в данном случае,

по-видимому, поверил слуху, который она передавала.

В 981 г. похожая история произошла в Бретани. Бретонский граф Конан I организовал отравление графа и епископа Нантского. Правда, последний был настолько же воином, насколько и клириком; злодеянию Конана предшествовала военная конфронтация. Возможно, что обращение к медику явилось следствием невозможности победить противника на поле боя. В случае с Сеульфом таких дополнительных обстоятельств не существовало.

X век в истории Западно-Франкского королевства называли «веком железа». К политическим отравлениям прибегали тогда не слишком часто, но все же по источникам видно, что коварные методы борьбы возрождались. К науке ядов проявляли интерес в окружении королей. Об этом свидетельствует эпизод, зафиксированный в «Истории франков» монаха аббатства святого Ремигия в Реймсе Ришера. Хронист писал, что в 946 г. при дворе Людовика IV произошло состязание врачей. Епископ Амьена Деруд, славившийся также как искусный лекарь, соревновался в применении яда со своим коллегой из Салерно, центра медицинского знания, находившегося тогда в самом расцвете. Очень может быть, что наградой в соревновании было место королевского медика, к которому стремились оба. Вот почему участники желали показать прежде всего не способность вредить, а способность исцелять. Как бы то ни было, победителем вышел амьенский прелат. Он продемонстрировал способность перебороть яд своего соперника благодаря мощному противоядию собственного приготовления. Салернский

же врач, приняв предложенный Дерудом яд, умолял его дать и соответствующее лекарство.

Употребление яда или, по крайней мере, упоминания об этом снова стали появляться и в других частях распавшейся империи, особенно в Италии. В 899 г. впал в апатию и потерял разум Арнульф, последний принадлежавший к династии Каролингов король германских земель. Для него приготовила яд Агильтруда, жена Гвидо Сполетского. Этот противник и соперник монарха не мог найти другого способа, чтобы избавиться от неудобного правителя. Отравительница славилась также умением колдовать, и ее женское коварство оказалось эффективно там, где мужское оружие успеха не имело. Это, конечно, не принесло чести Гвидо, который рассчитывал на злодеяние; в конце концов его постигла Божья кара. В 950 г. скончался король Италии Лотарь. Согласно Флодоарду, его отравил кандидат на трон Беренгар Иврейский. Впрочем, хронист рассказывал в данном случае о далеких землях и говорил с осторожностью.

Папский Рим также не оставался в стороне. Тем более что его раздирала ожесточенная борьба между аристократическими семьями, каждая из которых стремилась посадить на престол святого Петра своего человека. К середине IX в. относится скандальная легенда о называемой папессе Иоанне, которая заняла якобы папский престол, скрыв, что является женщиной.

В 882 г. умер Папа Иоанн II. Он стал первым в длинной череде понтификов, смерть которых приписывали соперникам, желавшим овладеть тиарой. Папу на самом деле не просто отравили, а потом еще прикончили молотом. Возникает предположение, что убийцы пытались сначала избе-

жать прямого насилия из уважения к рангу жертвы или заботясь о тайне. Впрочем, для той эпохи разнузданные бесчинства были весьма характерны, так что подобная аргументация рискованна. Согласно *Liber pontificalis*, веком позже яд стал причиной смерти Иоанна XIV, если только в данном случае речь не шла о Бенедикте VII. В 1003 г. наступил черед Иоанна XVII. Можно подумать, что имя понтифика, заимствованное у святого Иоанна Богослова, чуть ли не предопределяло соответствующее событие. Как апостолу, так и последующим Иоаннам приходилось подвергаться испытанию ядом, при том что понтифики отнюдь не проявляли способности являть чудеса, которой обладал их святой тезка.

За год до Папы Сильвестра II (1003) в Италии умер император Оттон III (1002). Говорили, что его отравила женщина, мужа которой приказал казнить монарх. Это был чистый вымысел, но слухи распространялись, и это свидетельствовало о возвращении фактора яда в политическую сферу. В действие вступала старая модель осмысления внезапной смерти могущественного правителя, вроде Цезаря или Александра.

Причины такого возврата следует искать в эволюции политических структур. Во второй половине X в. к ним, возможно, добавлялось еще и возобновление связей с Византией, т. е. с Востоком. Именно оттуда происходила мать Оттона III Феофано. Когда в 949-м, а потом в 968 г. кремонский епископ Лиутпранд осуществлял дипломатические миссии в Константинополь, он наблюдал там дворцовые нравы и ритуалы, как и в римскую эпоху, отмеченные страхом перед отравлением. Из

Второго Рима епископ возвратился в уверенности, что его хотели отравить вином, хотя на самом деле оно пропиталось ароматом смолы от бочки, в которой содержалось. Очевидно, что западная культура, попавшая под обаяние великолепной империи «лживых и преисполненных хитрости» василевсов, заразилась от нее страхом перед смертоносными пирами.

Шарль Лелё еще в 20-е гг. XX в. писал, что воинственные и кровожадные варвары умели вместе с тем применять яд. И если поразмыслить, в этом утверждении нет ничего парадоксального. В королевствах, выросших на развалинах Западной Римской империи, смешивались обычаи германцев и римлян. Первые не подозревали о тайном оружии политического коварства, системе власти вторых была присуща давняя традиция его использования. Королевы-отравительницы не являлись специфическими фигурами германского мира. В их образах, кроме языческой традиции, распознаются черты порочных библейских цариц. Они не специализировались на отравлениях, а применяли любое оружие, когда мстили врагам или хотели добиться власти, поэтому нельзя сказать, что *modus operandi* этих персонажей определялся их полом.

Итак, главный вопрос состоит не в том, что в политической борьбе у франков и лангобардов яд применяли преимущественно женщины. Гораздо загадочнее длившаяся два века пауза в его употреблении. По всей вероятности, она существовала в большей степени в источниках, чем на самом

деле, и совпала с установлением режима, обладавшего сильной легитимностью. В период кризиса и распада каролингской монархии яд снова стал заметным оружием в политической борьбе.

В эпоху Каролингов практическое применение яда, скорее всего, не исчезло. Однако создатели текстов прославляли всю династию Пипина Короткого и Карла Великого и как бы ставили в скобки все подобные факты. В изменившемся контексте так называемых рыцарских времен, внешне еще менее благоприятных для отравлений, литература, вспоминая истоки Франции, должна была поставить такую позицию под сомнение.

ЯД ИЛИ МЕЧ.
(НЕ)СВОЕВРЕМЕННОЕ ОРУЖИЕ
ДЛЯ РЫЦАРСКИХ ВРЕМЕН

В конце IX – начале XI в. политическая система Западной Европы претерпевала серьезные изменения. Могущество королевской власти постепенно уменьшалось, перераспределяясь в пользу крупных сеньоров феодалов. Их замки превращались в новые центры власти, связь которой с подданными становилась более тесной. Складывалась система вассалитетных или феодальных отношений, в которой главенствовали присвоившие себе права сюзеренов герцоги и графы. Уровень насилия в это время был чрезвычайно высок, что историки обычно объясняют отсутствием гарантий мира на самом верху общества. Как бы то ни было, борьба за власть продолжалась, приобретала кровавый характер и выливалась в прямые вооруженные столкновения. Соперники бросали друг другу вызов, а исход сражений воспринимался как решение Божьего суда. Появилось обыкновение благословлять мечи, а сословие воинов (*militia*) наделялось особыми чертами; возникала специфическая рыцарская этика, регулировавшая применение силы. Вассалитетные отношения пришли на смену исчезнувшей систе-

ме связей, они структурировали и сплачивали верхушку общества. Верность вассала сюзерену обеспечивалась клятвой и обменом дарами; рыцарь получал фьеф (землю в условную собственность) за службу. Происшедшие изменения отражала и идеализировала рыцарская литература, которая появилась в XI в. («Песнь о Роланде»). Герои из истории кельтов или франков без колебаний убивали противника в открытом бою, который велся по строгим правилам, во имя чести рода, дамы или Господа. Поэзия трубадуров воспевала войну, изображала ее свежей и радостной, сравнивала ее с приходом весны.

Каково же могло быть место яда в этой системе рыцарской добродетели, которая с презрением относилась, например, к арбалету, «оружию дьявола», отдававшему лучшего рыцаря во власть любого мужика, умевшего стрелять? Не должно ли было применение коварного оружия восприниматься как из ряда вон выходящее преступление? Политические столкновения происходили все чаще, однако их участники не могли применять средства, не соответствовавшие этике воинов. Ничто не было так чуждо идеологии меча, как происки и козни с целью отравления. И тем не менее в XI – начале XIII в. яд не исчез из взаимоотношений внутри властных элит. Более того, XII в. английский историк Дж. Рассел даже назвал в 1978 г. «веком ядов». Отравление оставалось излюбленным способом действия тех, кто не мог носить оружие, т.е. клириков и женщин. Не исключалось оно и из практики феодальных элит. Яд фигурировал даже в литературных вымыслах.

И этот парадокс требует объяснения.

В 1114 г. архиепископ Оша проводил расследование об отравлении епископа Олорона епископом Дакса. Не шла ли в данном случае речь об использовании служителями Церкви яда за неимением возможности прибегнуть к оружию воинов? Франкское общество еще со времен Каролингов делилось на категории. Одним из критериев их классификации являлось право носить оружие, которое распространялось на *milites*. Другие группы населения — *inermes* — оружием не обладали. Прежде всего к ним относились простолюдины, не имевшие никакого доступа к власти. Кроме них, были и знатные «безоружные», принадлежавшие, наоборот, к миру сильных и обладавшие всеми материальными знаками могущества: королевы и владелицы замков. Они не носили оружия, поскольку являлись женщинами. Не носили оружия также и прелаты: Папа, кардиналы, епископы и аббаты. Духовным лицам это запрещалось каноническим правом.

При этом случалось, что, невзирая на свое положение, дамы и прелаты все же применяли силу. И тогда все настоятельнее утверждавшиеся социальные нормы могли их подтолкнуть к соответствующим способам действия. Таким образом, сложившиеся представления о «безоружности» этих групп влекло за собой применение специфических мер по отношению к тем, кто им угрожал. Они предусматривали уничтожение врагов без пролития крови.

«Это их ремесло — / Лгать, предавать и отравлять людей» (*Ceo est lur mestier / Mentir, trahir et gent empoisonner*), — восклицал автор «Поругания женщин» (XIII в.). Приведенная цитата выдает, конечно, женоненавистническую сатиру, однако в эпоху расцвета Средневековья насилие и в самом деле часто принимало разные формы в зависимости от пола того, кто его применял. В книге «Дамы XII в.» Жорж Дюби блестяще показал, как безоружная женщина выковывала свое собственное оружие. А во времена «возрождения XII века», когда вновь оживало наследие древней культуры, авторы-клирики и, как правило, мужчины с легкостью приписывали женщинам склонность к отравлению. Античность была так богата прекрасными римлянками-отравительницами, о которых писал, например, около 1200 г. английский клирик Готье Мап в «Сказках для придворных»: «Ливия убила своего мужа, потому что она его слишком ненавидела, Люцилия — своего, потому что она его слишком любила. Первая намеренно дала мужу выпить настойки волчьего корня; вторая же ошиблась: напиток, который она подала своему мужу, вызывал не любовь, а безумие». Сама Библия связывала Еву с несчастьем (*Eva/vae*); первородный грех осмысливался как отравление Адама его подругой. В сочинениях немецкой аббатисы XII в. Хильдегарды Бингенской Ева даже оказывалась у истоков появления ядов на земле. А франко-норманнский историк XII в. Ордерик Виталий, со своей стороны, проводил параллель между судьбой Адама и предполагаемым отрав-

лением в 1085 г. норманнского герцога Калабрии и Апулии Роберта Гвискара собственной женой. Герцог будто бы был изгнан из земной жизни, как Адам — изгнан из рая. И в том и в другом случае смерть становилась следствием «предательства со стороны женщины». Оно противопоставлялось рыцарской добродетели, по определению являвшейся мужским качеством. Можно сказать, что данные отравления носили скорее семейный, а не политический характер. Однако не стоит забывать, что в сознании толкователей Библии XII в. власть возникла в садах Эдема, а первая в истории человечества пара представляла собой также и первое политическое сообщество. Речь шла о государе и о его взбунтовавшейся подданной. Понятно, что в «Книге о манерах» Этьена де Фужера, капеллана Генриха II, а затем епископа Реннского, плохая женщина изображалась отравительницей своего господина. Фужер клеймил графинь и королев еще сильнее, чем прочих женщин, ибо знатные дамы «сеют ненависть, /Подстрекают к ссорам и похищениям».

Согласно определенной культурной традиции, историки и составители хроник, принадлежавшие по преимуществу к духовенству, стремились связывать отравления с многочисленными *dominae* (госпожами), жаждавшими власти. И эта жажда сама по себе уже являлась духовной узурпацией, поскольку Бог поставил женщину в подчиненное положение. Благодаря стереотипному мышлению количество высокопоставленных отравительниц, несомненно, преувеличивалось. Впрочем, яд вообще обладал свойством чаще появляться в речах, нежели в реальной жизни, и соотноше-

ние того и другого часто невозможно бывает проверить.

XI и XII вв. являют нам целую галерею отравительниц. Ордерик Виталий, находил их повсюду: от герцогства Нормандского до самых отдаленных земель на юге, до которых добрались норманны. Согласно Виталию, считалось, что искусством яда, полученным от врачей Салерно, владела вторая супруга Роберта Гвискара Сигельгаита, которая происходила с юга Италии. Она становилась воплощением женщины-отравительницы, жаждавшей власти для себя и для своего потомства. Сигельгаита решила избавиться от сына Роберта от первого, норманнского, брака, поскольку боялась, как бы он не погубил ее собственного сына Рожера. Она приказала врачам приготовить сильный яд, но затем по приказу мужа сама же изготовила противоядие, дабы спасти жертву. Молодой человек избежал смерти, но на всю жизнь остался бледен. Спустя двадцать семь лет он умер от яда неизвестного происхождения. Хотя пасынок Сигельгаиты выздоровел, она опасалась наказания со стороны супруга, продемонстрировав опасную способность убивать и даровать жизнь. На следующий год она с большим успехом применила ее в отношении самого Роберта, поскольку рассчитывала выйти замуж за византийского императора Алексея Комнина, с которым герцог Калабрии воевал. Василевс был доволен устранением опасного врага, но тоже беспокоился по поводу умений Сигельгаиты и якобы приказал предать ее смерти. Заслуживающие доверия источники не подтверждают эту историю, которая, по всей видимости, отражает стереотипные представления.

У Ордерика Виталия часто встречалась фигура мачехи-отравительницы, особенно на земле всяческих опасностей — в Сицилии. Аделаида, жена графа Сицилии Рожера I Сицилийского, брата Роберта Гвискара, и мать маленького Рожера II, в 1130 г. ставшего первым королем Сицилийским, овдовела в 1101 г. Пока ее сын был мал, делами управлял зять, доблестный рыцарь. Потом Аделаида сочла, что его миссия представляет собой опасность для Рожера, и отравила регента. В то же время графиня лелеяла мечты о новом выгодном браке. Обуреваемая жаждой почестей и роскоши, она попыталась вступить в союз с Балдуином Иерусалимским, однако была отвергнута как подлая преступница.

Отравительницей считалась также жена французского короля Филиппа I Бертрада де Монфор. Она якобы стремилась навести порчу на будущего Людовика VI, а потом пыталась дать ему смертельный яд. Биограф короля Сугерий, не слишком благожелательно настроенный по отношению к Бертраде, ничего обо всем этом не говорил, что, разумеется, ставит под сомнение заявления нормандского монаха. Тем не менее они отражают весьма показательное восприятие принцессы-отравительницы. Бертрада не довольствовалась женским влиянием на мужчину, обеспеченным ее чарами (в прямом и переносном смысле), и применяла яд, дабы обеспечить дорогу к трону своему потомству. Какой-то маг, прибывший с Востока или из Испании спас Людовика; однако о преступлении его мачехи отныне свидетельствовала постоянная бледность принца. Хронист монастыря Сент-Эвркуль, возможно, знал о раздорах при дворе Капетингов. Добавляя

к рассказу о беспутстве Бертрады историю отравления, Ордерик Виталий подчеркивал эти распри и высвечивал достоинства англо-нормандской власти. Покушаясь на жизнь пасынка, королева обеспечивала приход к власти своего сына и упрочение своей власти в качестве регентши. Вступление же на престол Людовика ухудшило бы ее материальное и политическое положение.

Источники сообщают нам и о других высокопоставленных отравительницах. Согласно некоторым поздним французским текстам, королева Мелизанда Иерусалимская в 1148 г. уничтожила с помощью яда графа де Сен-Жилля, явившегося на Восток с большим войском. Автор «Истории деяний в заморских землях» (XII в.) епископ Вильгельм Тирский об этом не упоминал, хотя сообщал, что собственный муж Мелизанды не чувствовал себя в безопасности в обществе своей жены, которую, кроме всего прочего, уличали в связях с мусульманами.

Еще одна сицилийская наследница, Констанция, супруга императора Генриха VI, которому она принесла нормандские владения, обвинялась в отравлении супруга. Согласно некоторым, главным образом, германским авторам, она хотела отомстить императору за жестокую расправу с непокорными сицилийцами. Констанция якобы дважды покушалась на жизнь своего супруга: в 1196 и в 1197 гг. Итальянские авторы вполне обоснованно приписывали смерть Генриха VI болезни, тогда как немецкие авторы обличали иностранную принцессу, коварную итальянку, представлявшую угрозу для любого оказывавшегося в Италии императора.

Королева управляла снабжением и бытом двора, и эта функция давала возможность причинять вред, если она стремилась играть роль в борьбе за влияние вокруг короля или наследника. Обращение к яду часто изображалось как пароксизм страсти, неудержимой жажды власти, когда женщина вставала на путь, противоположный ее предназначению подчиняться и быть покорной. Кроме того, в королеве-отравительнице проявлялась еще и естественная склонность власти к тирании, каковую она устанавливала в домашнем мире, где являлась двойником супруга. Совершая отравление, она осуществляла очевидную тираническую узурпацию.

Следует отметить, что монархи теперь реже прибегали к обвинению неудобной супруги в отравлении, чтобы избавиться от нее. И это при том, что Церковь все больше ставила под свой контроль институт брака и усложняла развод. Когда в 1152 г. Людовик VII расставался с Альенорой Аквитанской, для оправдания развода выдвигались разные доводы. Однако смутные намеки на угрозу жизни короля появились лишь в 1260 г. в «Хронике реймского менестреля». Филипп-Август, пытаясь аннулировать свой брак с Ингеборгой Датской, пожаловался на наведение порчи, но не убедил церковные власти. В XIX в. высказывалась гипотеза, будто бы на короля Франции пагубно действовало дыхание его супруги-датчанки, однако она сродни истории о деве-отравительнице, которая, согласно поверьям, являлась с севера. На самом деле у этих обвинений были свои коварные мотивы, и вряд ли тут можно говорить об отравлении.

Рассказывать о дамах-отравительницах и не сказать ни слова о дамах отравленных означало бы

поистине монастырское женоненавистничество. Невозможно установить, когда на женщин покушались при помощи яда, а не холодного оружия, принимая во внимание их слабость. Наверное, рыцарская этика, «кодекс убийства по правилам» делали все более незаконным употребление оружия против безоружных. Возможно, по отношению к женщинам совершали теперь меньше актов открытого насилия, чем прежде. Но в документах содержатся примеры отравлений высокопоставленных дам. Так, сильные подозрения в применении яда возбудила смерть принцессы Сибиллы Апулийской, хотя подробностей о причинах и обстоятельствах этой кончины Ордерик Виталий ничего не сообщил.

ГРИГОРИАНСКАЯ РЕФОРМА ЦЕРКВИ И ПРИМЕНЕНИЕ ЯДА

Григорианская реформа Церкви столкнулась с сильным сопротивлением как духовенства, так и мирян и светских властей. Духовенство отказывалось подчиниться новым нормам; знать не желала усиления влияния Церкви, а государи и города вообще стремились с ним покончить. Борьба становилась все более ожесточенной. С конца XI до начала XIII в. выявляются четыре случая употребления яда против епископов Франции. Данная цифра представляет больше половины случаев, в отношении которых способ убийства известен. И конечно, яд пускался в ход отнюдь не только во владениях Капетингов; он применялся *urbi et orbi*.

Начиная с конца IX в. от отравлений страдало прежде всего папство. Кардинал Петр Дамиани в

своих агиографических произведениях нигде не указывал яд в качестве причины преждевременной смерти пап. Он говорил только о воле Божией. В ту эпоху если могущественных людей постигала несчастная смерть, то оружием ее чаще являлся меч. При этом папский престол всегда составлял предмет вожделения, что провоцировало распри между знатными римскими семьями. В устранении нежелательных понтификов яд являлся очень удобным средством, и около середины XI в., по видимому, начал применяться чаще. В 1047 г. умер Папа Климент II. Некоторые источники приписывали его смерть отравлению. Проведенные в XX в. анализы обнаружили свинец в останках Климента. Это, впрочем, еще не доказывает отравление: свинец в то время содержался во многих лекарствах. В 1087 г. слухи породила смерть Виктора III. Понтифик почувствовал сильные боли после причастия, симптомы напоминали дизентерию. Виктор III умер, и года не проведя на папском престоле. Стечение таких обстоятельств, накладывавшееся на общую нестабильность, порождало подозрения. Не исключено, что в период между понтификатами Климента II и Виктора III от яда погибли еще пять других пап. В конце XI в. лихорадка отравлений стихла вплоть до сороковых годов XIII в.

Она хорошо соответствовала борьбе идей. В самом деле, яд сыграл свою роль в противостоянии папства и империи в последней четверти XI в. Борьба сопровождалась острой полемикой, выдвигались обвинения в отравлениях. Окружение императора Генриха IV старалось распространить самые неблагоприятные слухи о человеке, зани-

мавшем престол святого Петра. Его цель состояла в дискредитировании Григория VII, стремившегося навязать свою верховную власть светским государям. В 1080 г. состоялся собор в Бриксене, настоящий антигригорианский форум, где понтифика клеймили как отравителя, приписывая ему смерть, по меньшей мере, четырех его предшественников. Папу обвиняли в тираническом авторитаризме, стремлении к убийству всех тех, кто мог помешать реализации его беспредельных амбиций. Близкий к Генриху IV кардинал Бенно взял на себя труд представить Папу как серийного отравителя, ради тиары готового на все. В течение четырнадцати лет (1047–1061 гг.) с помощью своего доверенного лица будущий Папа Григорий VII якобы предал смерти с помощью яда уже не четырех, а шестерых пап, не считая седьмого, который был убит холодным оружием. Бенно писал, что если бы Гильдебранда не избрали Папой, то он приказал бы отравить избранного. Портрет получился практически карикатурный. Сочинение, написанное, скорее всего, после 1085 г., призвано было очернить память Григория VII и помешать его сторонникам: Автор стремился изобразить личность, которая никак не могла иметь права на престол святого Петра, и его решения, следовательно, не могли быть действительны. По количеству совершенных убийств Григорий VII сравнивался с Нероном, однако отвратительность персонажа подчеркивалась еще и тем, что он совершал святотатства, ибо являлся человеком Церкви. Недолго правившему Папе Виктору II в 1057 г. яд был подан в чаше с причастием. Среди направленных против Григория VII доводов подчеркивалось это вдвойне

преступное применение яда. Голословные обвинения в отравлениях обретали столь большое значение потому, что лучше воздействовали на умы простых людей, чем аргументы, связанные с каноническими устоями Церкви.

Власть епископов породила зависть, высокое положение делало их обычной мишенью для отравлений. Это и в самом деле случалось довольно часто, причем в роли отравителей также выступали люди Церкви. В 1009 г. скончался в тяжелых мучениях епископ Вигберт Мерзебургский. Его преемником стал Титмар Мерзебургский, которого трудно заподозрить в покушении, ибо он сам рассказал о смерти предшественника в своих знаменитых *Хрониках*. Он упомянул также о похожей кончине в 1017 г. епископа Альтмана, возложив ответственность на окружение прелата. Век спустя, в 1121 г., также жестоко страдая, окончил свои дни епископ Фредерик Намюрский, очень недолго занимавший свою кафедру. В тот момент Церковь империи раздирала распря между Генрихом V и папством. Непримируемый и безжалостный соперник епископа архидиакон Александр де Жюлье при сообщничестве прислуги уже неоднократно подсылал ему сильный яд. На этот раз его цель была достигнута. Вне всякого сомнения, этот случай, представленный как истинное мученичество, являлся элементом григорианской пропаганды, стремившейся заклеить дурного императора. Генрих V действительно поддерживал соперника отравленного прелата. В подтверждение гипотезы приводилось чудо: труп выделял принятый яд. Это соответствовало представлению о несовместимости токсической субстанции со святостью,

которое проводилось в агиографической литературе.

В Англии XII в. король ожесточенно боролся с Папой за контроль над Церковью. В этих условиях все большую роль играло архиепископство Йоркское, второй по значимости церковный престол в королевстве. Именно он становился предметом вожделения, и для достижения желанной цели претенденты часто пускали в ход яд. Громкое дело имело место в 1154 г. Племянник короля Генриха I Боклерка архиепископ Уильям Фиц-Герберт был в 1141 г. избран капитулом Йоркского собора, а потом, в 1147 г., низложен за симонию, невоздержанность и грубость. Позже он снова занял престижный престол, а на следующий день после торжественной интронизационной мессы испустил дух. Внезапная смерть архиепископа, а также почерневшие зубы заставляли говорить об отравлении. Архидиакон Ричмонда Осберт, выступавший против возвращения Фиц-Герберта, подозревался в этом преступлении, тем более серьезном, что яд был подмешан в вино омовения, которое следует за причащением. В качестве главы Английской церкви король начал расследование и предложил Осберту очиститься от обвинения, дав клятву в присутствии короля, поскольку духовному лицу не подобало участвовать в поединке. Монарх полагал, что столь тяжкое преступление относится к его ведению. Церковь же противопоставила этому пониманию свою привилегию судить духовных лиц. Спустя какое-то время архидиакона, по видимому, оправдали благодаря расследованию, проведенному Робертом Ньюбургским. Данный эпизод показывает, что дела об отравлениях были

характерны прежде всего для раздражаемой ожесточенными конфликтами церковной верхушки.

В той части королевства Франции, которая находилась под властью Плантагенетов, отравление епископа также представляло собой распространенное средство улаживания касавшихся Церкви разногласий. Они возникали из-за местных амбиций и из-за споров, должна ли она подчиняться Папе или королю. Известно два покушения с применением яда на епископов Пуатье: на Иоанна Бельмэна в 1166 г. и на Адемара де Пейра в 1198 г. В их лице гонениям подвергалась григорианская церковь с ее авторитаризмом и реформами. Первое дело хорошо документировано. Известно, что Иоанн Бельмэн происходил из Кентербери, учился вместе с Томасом Беккетом в Англии, стал блестящим прелатом и был замечен Генрихом II. Приэтом он очень дорожил прерогативами Церкви, поддерживал изгнанного в Бургундию Беккета и протестовал против попыток государей уменьшить его власть. Это не понравилось Генриху II, ставшему графом Пуату через брак с Альенорой Аквитанской. Монарх нашел в Пуатье союзника в лице архидиакона Ричарда Ильчестерского. Когда в 1166 г. Иоанн Бельмэн заболел, его друг Иоанн Солсберийский имел большие основания заподозрить отравление. Неясно, как оно было совершено; возможно, отравили вино причастия. Неизвестны конкретные исполнители, принадлежавшие к окружению епископа. Однако подстрекателей распознать не составляло труда. Чудесное исцеление Иоанна стало весьма болезненным поражением для Генриха II, дело которого оказалось таким образом дважды дискредитирова-

но: во-первых, покушением, во-вторых, его исходом. Посмеив подняв руку на человека Господа, он был посрамлен Провидением, совершившим чудо.

Скончавшийся спустя три десятилетия Адемар де Пейра не обладал столь сильной поддержкой. Он стал мишенью для враждебных действий со стороны короля Ричарда Львиное Сердце, который был также графом Пуату и герцогом Аквитании. Архидиакон, сторонник реформ, ездил в Рим, чтобы пройти посвящение в сан, в котором ему отказывал архиепископ Бордоский. Он умер сразу по возвращении. Место Адемара де Пейра досталось протезе графа и герцога Морису де Блазону, что в глазах сторонников усопшего, определенно указывало на преступника.

Случай настоятеля аббатства Сен-Марциал в Лиможе Гийома Юриеля, ставшего епископом города в 1097 г., произошел веком раньше. Здесь на политической сцене противостояли друг другу две партии внутри церковного учреждения. У епископа было много врагов; феодалы не желали признавать его стремления вернуть перешедшие в их руки имущество и права. При этом многие члены церковного капитула не желали терпеть тот факт, что он занял место другого прелата. Того сочли недостойным, а право Юриеля управлять епископством утвердил Папа Урбан II. В конце концов прелата отравили — его постиг удел строгого сторонника реформ, принадлежавшего к черному духовенству. В данном случае речь шла о расколе между добрыми прелатами, верными линии папского Рима, и дурными клириками, погрязшими в мирской суете.

Повествуя о подобных событиях, хронисты следовали стереотипным схемам, совсем не всегда соответствовавшим действительности. Если прелат умирал вскоре после вступления в сан, а другой был к нему близок, сразу вставал вопрос об отравлении. «То, как он умер, показывает, что он стал жертвой яда», — писал хронист. Устройство Церкви на Святой земле отличалось большой беспорядочностью, среди духовенства постоянно происходили ссоры. Однако составители хроник пытались наложить готовые схемы на события, которые в действительности имели мало общего. Так, «История императора Ираклия», восходившая к хронике Вильгельма Тирского, приписывала смерть в 1186 г. епископа Тирского отравлению, совершенному якобы патриархом Иерусалимским Ираклием. Тут просто повторялся рассказ о конце патриарха Антиохийского, заимствованный у Вильгельма, который не имел никакого отношения к реальной истории. Подобные фальсификации свидетельствуют о том большом месте, какое занимали мысли о яде в умах тех, кто описывал правящие круги Церкви.

Церковные элиты феодальных времен действительно являли собой среду, благоприятную для применения яда. Жесткость реформаторов порождала враждебность; словесный яд их инвектив нередко превращался в настоящий, оказывавшийся в чаше с причастием или в дароносице. Тот факт, что отравлялась даже в святых дарах, становился символом пароксизма отравлений. Разрабатывались меры предосторожности. В 1249 г. умер от яда доминиканец, епископ Магеллона, вероятнее всего, отравленный против-

никами его реформаторских настроений. После этого появилось предписание, чтобы перед причащением епископа святые дары пробовал кто-нибудь другой.

Наряду с отравлениями, известно и очень много случаев удушения епископов шарфами, убийства их холодным оружием. Запрет на пролитие крови легко преодолевается, и далеко не только потому, что борьба в те времена велась дикими методами. Способы убивать и умирать определялись смыслом преступления, т. е. дело, которому служили убийства, оказывалось важнее для выбора оружия, чем положение людей. Невозможно себе представить, чтобы напряженная борьба Генриха Плантагенета и Томаса Беккета завершилась применением нескольких капелек яда. Ей нужна была кровавая баня 1170 г. в Кентерберийском соборе.

ОТРАВИТЕЛИ-РЫЦАРИ, БАРОНЫ И ГОСУДАРИ

По идее яд должен был бы быть абсолютно неприемлем для тех, кто носил оружие *ex officio*. Во-первых, они располагали другими возможностями разрешать свои споры; во-вторых, отравление противоречило рыцарской этике. Действительно, использование яда рыцарями случалось редко, и если об этом упоминают источники, то речь идет именно о нарушении правил. И снова гораздо более важным, чем доказанность преступления, оказывалось обвинение в применении яда с целью разоблачения нерыцарского поведения.

ПРЕНЕБРЕГАЛИ ЛИ СЕНЬОРЫ ЭТОЙ ЗАМЕНОЙ ОРУЖИЯ?

Сеньоры, владельцы замков и держатели бана, часто конфликтовавшие с соседями, с монахами или со своим сюзереном, сильно зависели от обязательств, касающихся личной мести. Такое положение сеяло насилие, которое осуждала Церковь. Мечь осуществлялась открыто, с оружием в руках, поскольку, как правило, речь шла о восстановлении поруганной чести, и огласка была необходима. Яд в этом прекрасном мире вроде бы оказывался совершенно ни при чем. Однако он там присутствовал.

В описаниях английского клирика Ордерика Виталия мелкое и среднее норманнское рыцарство без всякого стыда травило своих врагов. Его представители привносили употребление яда в то самое общество, которое, как считалось, руководствовалось благородными порывами, а не тайными расчетами. В «Церковной истории», написанной монахом аббатства Сент-Эврুলь, насчитывается не меньше шестнадцати дел с применением яда. Подавляющее их большинство разворачивалось в замках. Нормандский рыцарь Робер Жируа вызвал враждебное к себе отношение герцога Вильгельма. В 1061 г. он был убит, причем не тем способом, который соответствовал бы его положению, а с помощью отравленного яблока, которое невинно протянула ему супруга Аделаида, являвшаяся кузиной герцога. Монах-хронист никого не обвинял, замечая, впрочем, что ни один из шести представителей рода Жируа не умер собственной смертью. Отравления для разрешения конфликтов внутри

рода или между родами происходили в первую очередь тогда, когда кровную месть осуществляла женщина. В 1063 г. Эрно д'Эшофур умер сразу же вслед за своим воином Жильбером де Монтгомери, причем еще двое других избежали смерти лишь благодаря искусству врачей. Убийство совершила благородная нормандка Мабилла, мстительная невестка Эрно. Сначала она возбудила подозрение, и вот несчастному Жильберу пришлось проглотить отравленные еду и питье, предназначенные для сеньора д'Эшофура, благо обычаи поведения за столом и разделения блюд легко позволяли производить подобного рода процедуры. Вторая попытка оказалась фатальной для Эрно. Так была утолена жажда мести Мабиллы, которая вскоре и сама была убита. Ее подстерегли при выходе из купальни и отрубили ей голову.

Другое сугубо мужское дело показывает, что яд проникал и в борьбу между рыцарями. В 1094 г. умер Вильгельм Жируа, содержащийся заложником у Робера де Беллема. Распространился слух об отравлении. Беллем был человеком неслыханной жестокости, но в данном случае он использовал исполнителя, чтобы отомстить за эпизоды, связанные скорее с насилием, чем с ядом.

Причины отравления сеньора Гуго д'Амбуаза в 1153 г. непонятны. Хронист сообщил, что он мгновенно скончался во время трапезы, став жертвой яда своих врагов, которые лестью завоевали дружбу его брата. Виновные обозначены здесь словом *milites* — ничто не может лучше иллюстрировать тот факт, что речь шла об отношениях между рыцарями. А вот способы действия оказались совсем не рыцарские. Сначала жертве приготовили

ловушку, вошли к ней в доверие, проявив гостеприимство, означавшее по традиции согласие и мир. Впрочем, сообщение это всего лишь передавало слух, порожденный обстоятельствами смерти сеньора. И все же даже предположение подобного преступления свидетельствует, что мысль о возможности использования отравления появлялась в умах рыцарей. Жила она и на самой верхушке общества: в головах королей и принцев.

Яды при дворах королей

Существовали ли особо опасные с точки зрения отравления дворы? Согласно средневековым авторам, эта опасность зависела от устройства власти. В XII в. политическую мысль стимулировал расцвет хорошо структурированных монархий: Сицилийского королевства, Англии. Писатели предостерегали правителей от злоупотребления властью, которое могло бы повлечь за собой неприятные последствия. Иоанн Солсберийский в «Поликратике» утверждал, что служба государю увеличивает напряженность внутри дворов. Придворные боролись друг с другом за внимание государя, иногда применяли колдовство, дабы подчинить себе его личность. Они могли даже покушаться на жизнь государя или его наследника, если опасались изгнания или немилости. В таком случае, по мнению писателя, яд мог получить широкое применение.

Таким образом, в «Поликратике» Иоанна Солсберийского или у автора начала XIII в. Жиро из Камбрэ яд выступал едва ли не символом тирании.

Слово *тиран* соотносилось с латинским *tyrus* — *гадюка*, т.е. существом по сути своей ядовитым; и *тирания* метафорически рассматривалась как яд, разъедающий политический организм. Жиро из Камбрэ утверждал, что тиран пользуется отравлением, как Тиберий, и рискует погибнуть отравленным, как Александр. Иоанн Солсберийский не одобрял отравление тиранов, как ужасное преступление, несовместимое с христианской верой. Однако в этих случаях он проявлял понимание, если речь шла о самой жизни политического сообщества. По поводу смерти Тиберия Иоанн замечал, что если язычники применяли яды, не испытывая угрызений совести, то христианам не подобает действовать вопреки моральным заповедям своей религии. Оба писателя выражали сожаление об ухудшении положения в Английском королевстве. Жиро, посвятивший свое сочинение наследнику Филиппа-Августа, противопоставлял Англию монархии Капетингов. Он восхищался мягкостью французских государей, которые умирали соответственно только естественной смертью, в то время как «короли Британии» жестоко страдали от насилия. Еще до Жиро то же самое писал дуайен собора Святого Павла в Лондоне Ральф де Дисето: кончины королей Капетингов наступают всегда в свое время, поскольку их подданные сохраняют верность монархам, и те защищены от покушений, будь то с помощью меча или яда.

Отравление в этом противопоставлении двух монархий выглядело всего лишь одним из вариантов насилия, но французская монархия становилась похожа на миролюбивое папство, как его описывал Петр Дамиани. Стоит ли удивляться?

Однако выдерживает ли подобный образ проверку фактами?

В самом деле, внутри дома Капетингов отравления случались редко, если вообще случались. Вплоть до времен Филиппа I ничего такого не обнаруживается. Ордрик Виталий упомянул об отравлении в 1060 г. Генриха I его врачом. Однако в этом деле не было ничего политического. Произошел несчастный случай, причем связанный скорее с неосторожностью короля, чем с ошибкой врачей. После истории Бертрады о яде при дворе Капетингов заговорили лишь в начале XIII в. В 1226 г. умер от дизентерии король Людовик VIII, по прозвищу Лев. Этот сын Филиппа-Августа, правивший только три года, вел тогда крестовый поход против альбигойцев на юге страны и осаждал Авиньон. Жителей города французские рыцари называли *potionatores* (те, кто поят), поскольку были убеждены, что те намеренно распространили болезнь. Кроме того, прозвище намекало также на ересь авиньонцев, поскольку в те времена часто использовали метафору яда для обозначения неверных доктрин. Смерть короля мгновенно породила слух об отравлении. Преступление приписывали графу Шампани Тибо IV, который самовольно покинул войско и боялся королевского гнева. Скорее всего, вероломство графа и смерть короля связало то, что эти события последовали одно за другим. Разговоры об отравлении наносили ущерб чести Тибо IV, который, между прочим, считался влюбленным в королеву, целомудренную Бланку Кастильскую. Как бы то ни было, оказывалось, что пэр королевства, воплощение рыцарства и куртуазности, мог в то же время

использовать низкое и недостойное средство, за что, как писал составитель рифмованной хроники Филипп Мускес, его «повсюду ненавидели». Тому же графу Шампани хронисты приписывали еще и отравление в 1234 г. Филиппа Юрепеля, графа Булонского, честолюбивого побочного сына Филиппа-Августа.

В Нормандии, борясь друг с другом, принцы подчас пускали в ход яд вместо рыцарского оружия. В 1028 г. отец Вильгельма Завоевателя Роберт погубил с помощью профессиональной отравительницы своего брата и соперника герцога Ричарда III. Паломничество Роберта в Иерусалим, по-видимому имевшее целью искупить грех братоубийства ради узурпации престола, вроде бы подтверждает эти сведения. Но может быть, он хотел покаяться только в том, что прежде вел с братом войну. Как бы то ни было, спустя семь лет в Никее отравитель сам умер якобы от яда, данного одним из его приближенных. В глазах современников это был примерный конец, несомненная Божья кара. Очень может быть, что приведенные эпизоды имели целью запятнать фигуру предка Вильгельма Незаконнорожденного (Завоевателя), дабы бросить тень на прославленного принца, который и сам будет обращаться к яду.

Напротив, в Англии после бурной эпохи норманнского завоевания, прекратились отравления королей. Иоанн Солсберийский не без гордости утверждал: «Британия всегда испытывала отвращение к ядам, употребление их против принцев здесь неизвестно». Однако автор «Поликратика» вспоминал о неведении в отношении ядов лишь для того, чтобы призвать к сохранению этого

обыкновения. Дело в том, что в период усиления монархии положение менялось. В 1216 г. умер побежденный своими баронами король Иоанн Безземельный, которого незадолго до этого они заставили даровать Великую хартию вольностей. Его конец был приписан отравлению, совершенно-му послушником монастыря Швеншед, где монарх искал убежища. Монашек якобы услышал слова короля, что, как только его дела пойдут лучше, он резко поднимет цену на хлеб, дабы увеличить свои средства. Иоанн, которого самого подозревали в применении яда, демонстрировал таким образом возмутительное тираническое намерение, угрожавшее безопасности и жизни всей *communitas Anglie*. И этому намерению был положен предел при помощи яда.

В 1154 г. яд снова появился при сицилийском дворе, изрядно потрепанном после смерти Рожера II. Король Вильгельм I Злой стал мишенью заговора, организованного архиепископом Палермским в сообщничестве с Майо из Бари, канцлером и главным адмиралом, связанным с мусульманскими дворцовыми евнухами, которых презирала норманнская знать. Яд не подействовал, и среди участников дела начались распри, адмирал попытался отравить архиепископа. В рассказе об этом деле явно присутствуют черты средиземноморской политической культуры с ее дворцовыми интригами, когда эмиры и султаны легко исчезали из политического пространства. Век спустя описания хитрых ловушек, которые устраивали друг другу мусульманские владыки, описывал Жуэнвиль. В такой культуре преступить законы рыцарства было легче.

ОТКАЗ ОТ ВОЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ
или СВИДЕТЕЛЬСТВО НЕМОЩИ?

ЯД ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ГОСУДАРЯМИ

Яд играл свою роль в соперничестве между крупными сеньорами и за пределами замков. В странах ислама допускалось его использование с целью экономии военных сил, что противоречило рыцарской культуре, признававшей только открытый бой. В книге VIII в. арабского сочинения *Secretum secretorum*, предназначенной для султана, давался совет отравить воду осаждаемым; тогда для завоевания крепости потребуется меньше сил. Действительно, трудно придумать лучшее средство для снятия осады или овладения крепостью, чем распространение заразы среди осаждающих или отравление источников осажденным.

Не случайно во взаимоотношениях латинского Запада с державами Востока, будь то мусульманские государства или Византия, яд играл существенную роль. Он осмысливался как позорное оружие врагов латинского христианского мира. В священной войне рыцарство нашло самое высокое оправдание своему существованию. Оно смело выступило против врагов, готовых ради сохранения своего владычества над землей Иисуса применять самые гнусные средства. С самого начала крестовых походов считалось, что мусульмане используют яд против крестоносцев. Первой их жертвой якобы стал защитник Гроба Господня Готфрид Бульонский. Данная традиция никак документально не подтверждена, однако передана многими авторами. Гвиберт Ножанский, Ордерик Виталий утверждали, что принц умер 18 июля

1100 г., отравленный жителями Иоппии (Яффы), которые были очень злы на его победу. Коварство возмещало недостаток силы, и за этим случаем последовали другие. Около 1240 г. английский принц Ричард Корнуоллский и его войско попали в ловушку; половина армии оказалась отравленной. Во время крестового похода в Египет султан Вавилона (т.е. мамлюкский султан Египта), воюя против Людовика Святого, отравлял провизию крестоносцев.

Византия враждебно относилась к экспансии западноевропейцев на Восток под предлогом крестовых походов. В то же время, по мнению людей с Запада, византийцы наследовали традиции подлых отравителей, которых клеймил еще Вергилий (*страшусь данайцев [греков], даже дары приносящих* — *Энеида*, II, 49). Считалось, что в Константинополе яд широко использовался во внутренних делах и употреблялся против крестоносцев. Он компенсировал несостоятельность в военном отношении; на Востоке добивались победы больше хитростью, чем силой. По словам Жиро из Камбрэ, византийцы применяли яд против людей с Запада, которым завидовали вследствие собственного упадка. Западные средневековые авторы не переставали клеймить византийскую *malitia*. Согласно историку-цистерцианцу XIII в. Обри де Труа-Фонтену, император Алексей Комнин, постоянно замышлявший какое-нибудь коварство и боявшийся нападения, якобы отравил благородного и доблестного Роберта Гвискара, развратив предварительно его жену и отравив источники. Сын Роберта Гвискара Бозмунд до такой степени страшился подлых зло-

деяний и отравления со стороны людей, присылаемых греками, что отказался принимать пищу, которую предоставлял ему византийский государь. Во время Третьего крестового похода конные или сидевшие в засаде лучники посылали в сторону солдат Господа дождь отравленных стрел. Около Адрианополя едва не стала жертвой ловушки армия императора Фридрихи Барбароссы. Жители оставили в распоряжении воинов бурдюки с отравленным вином. Провинции платили василевсу дань токсическими веществами, и это потрясающий знак того, насколько *venenit* интегрировался в византийскую систему управления. По всей видимости, токсины использовались для целей императорской охоты. Однако западные авторы вписали этот факт в историю взаимоотношений с крестоносцами, обличая вероломство византийцев. Противостоявшие коварству европейские воины ставились в число избранных Господа. Неуязвимость солдат, отведавших отравленного вина представлялась как чудо, которое хронист сравнивал с библейским эпизодом, когда вода была непригодной для египтян, но питьевой для евреев.

На Западе подобным методам вроде бы не должны было находиться места. Однако это не так: они использовались довольно часто. В 1040 г. будущий король Англии Вильгельм Незаконнорожденный якобы именно с помощью яда избавился от угрозы для герцогства Нормандского, которая исходила от графа Бретонского Алена III. Следует, правда, признать, что обвинение носило весьма тенденциозный характер. В 1155 г. Фридрих Барбаросса применил противоположную схему.

Он якобы отравил источник, снабжавший водой состоявшую в союзе с Миланом крепость Тердону (Тортону), которую осаждал. Льстивый биограф Фридриха Отон из Фрайзинга не усмотрел в этом ничего плохого. Он заметил только, что город, так хорошо защищенный природой, следовало осаждать именно с помощью природных сил. Действительно, очевидно, что осада, предполагавшая тайные маневры: подкопы, обходы и т. п., когда техника брала верх над доблестью, — должна была бы легче допускать применение яда. Коварное мастерство в данном случае преобладало над рыцарской прямоотой.

В «Кёльнских анналах» сохранилось свидетельство о борьбе между герцогом Саксонским и Баварским Генрихом Гордым и королем Конрадом III. Генрих победил королевские войска в битве при Кроненберге, однако в 1139 г. ему ловко поднесли яд, что свело на нет военное превосходство. Данный случай, подобно многим другим, хронист, отделенный от события большим промежутком времени, передавал с осторожностью. Возникла догадка, объяснявшая смерть герцога политическими причинами, и это свидетельствовало, кстати, о наличии в ту эпоху общественного «мнения». Сам король Конрад III умер в 1152 г. в Бамберге, и его смерть совершенно неосновательно приписали Рожеру II Сицилийскому, который якобы стремился помешать германскому государю вступить на территорию Италии. Получался своего рода превентивный акт, заменявший военную конфронтацию. И снова доверие к ссылке на применение яда повышалось итальянским контекстом. От юга Италии было совсем недалеко и до врагов христианской веры.

Историки, находившиеся на службе у Филиппа II Августа, отмечали, что энергичный воин Ричард Львиное Сердце договаривался с мусульманами. В 1191 г. короли Франции и Англии прибыли на Святую землю. Вскоре Филипп заболел, по всей видимости, военной потницей. У него выпадали ногти и волосы, шелушилась кожа. Французскому королю пришлось возвратиться домой. В глазах его приближенных болезнь государя выглядела как предательское отравление. Они считали, что Филиппа II «опоил» Ричард, вступивший в сговор с мусульманами. Для того чтобы уничтожить их сюзерена, которого он ненавидел, английский король не погнушался связью с презренной сектой ашашин (ассасинов — курителей гашиша). Он рассчитывал убить своего французского соперника, «не прикасаясь к нему рукой», как говорилось в «Истории императора Ираклия», подчеркивая трусость того, кто убивает на расстоянии.

К 1242 г. относится попытка отравления Людовика IX. Вассал, загнавший себя в тупик, решил обратиться к яду, потому что победить силой оружия было невозможно. Подлость виновного, графа Гуго де Ла Марша, отказавшегося принести оммаж королю и решившего вступить в союз с Генрихом III Английским, подчеркивалась тем, что активную роль он предоставил жене. Она наняла двух презренных негодяев (что делало еще более очевидной низость преступления) и, пообещав им земли и рыцарство (знак того, как извращенно она понимала рыцарство), предложила отравить пищу короля. Преступников схватили на месте преступления, когда они подсыпали яд в мясо на королевской кухне. Их ожидала виселица,

графиню — разочарование и отчаяние. Впрочем, средневековые авторы охотно эксплуатировали данный эпизод не столько для того, чтобы дискредитировать графа, сколько для превознесения Людовика IX, процесс канонизации которого начался сразу же после его смерти. Гийом из Нанжи в «Житии святого Людовика» утверждал, что «наш Господь, который всегда защищает своих», уберегал короля и его братьев от отравления, а потом возвел монарха в ранг святых. Бессилие яда классическим образом доказывало святость жертвы.

Вместе с тем ссылки на отравление были призваны прежде всего дискредитировать политических противников. Обвинение подобного рода в адрес могущественного врага являлось сильным нематериальным оружием, поскольку порождало самые негативные ассоциации. Оно подразумевало бесчестье и полное уничтожение репутации обвиняемого. В 1066 г. Конан Бретонский обвинил Вильгельма Нормандского в том, что тот тридцать лет назад отравил его отца Алена III. Очевидная цель состояла в дискредитации соперника и стремлении оправдать свои собственные претензии на нормандское герцогство, которое Конан мечтал заполучить.

Вильгельму приписывались и другие злодеяния подобного рода. Английский историк Д.Дуглас, поверивший обвинениям в адрес Завоевателя, проверить которые невозможно, утверждал даже, что тот проводил «политику яда». Ордрик Виталий повествовал о трудностях, с которыми столкнулся новый король Англии, пытаясь удержать власть над недовольными нормандским игом аристокра-

тами. В 1075 г. два эрла (графа), Роджер Херефорд и его зять Ральф Норфолк, один из редких англосаксонских аристократов, сохранивших к тому времени свои владения, попытались воспользоваться бурей, отрезавшей Англию от Нормандии, и поднять страну против нового хозяина. К ним присоединился еще один англосакс Вальтеоф Нортумбрийский. Оправдывая свое предприятие и стремясь воодушевить сторонников, они утверждали, что герцог Нормандский незаконнорожденный, но, помимо этого, еще и виноват в отвратительных преступлениях. Он якобы отравил графа Манса, племянника почитаемого саксонского короля Эдуарда Исповедника (такое уточнение было способно поднять островитян), а также его супругу. Вильгельм Завоеватель сначала взял их в заложники, а потом убил, пренебрегая законами гостеприимства. Нового короля обвиняли также в том, что в 1066 г. убил доблестного графа Бретонского Конана, отравив ему вожжи или перчатки.

Восстание не имело успеха, однако риторика его организаторов хорошо иллюстрировала идеологическую функцию, которую выполняло обвинение в отравлении, имевшее часто оттенок ксенофобии. На этом примере хорошо видно, как действовал аргумент яда. Это было незаконное оружие незаконного государя, низвержение которого выглядело, следовательно, вполне легитимным. Отравитель попирает законы рыцарства, покушался на гостя, уничтожал безоружных, будь то вследствие обстоятельств (как граф) или по самой своей природе (как его жена). А самое главное — злодей добивался победы не на поле боя.

В конце XII – начале XIII в. история пресловутого отравления Филиппа II Августа Ричардом Львиное Сердце прочно вошла в пропагандистский арсенал Капетингов. Она была призвана оправдать жалкий возврат короля Франции, которого затмил величественный вассал, а заодно лишить короля Англии статуса образцового рыцаря. Слуху о презренном поступке Ричарда предстояла долгая жизнь. Предательство вассалом сюзерена совершалось здесь, кроме всего прочего, с помощью мусульман, которым таким образом уподоблялся английский король в своей гнусности и в своем позоре. В то же время король Капетинг, напротив, поступал как совершенный рыцарь. Прежде чем пуститься в обратный путь, он собирал своих баронов; проезжая через Рим, молился на могилах апостолов и получал благословение Папы. Подобно своему предку Людовику VI, он сохранял на теле следы отравления, которые демонстрировали его благочестивое страдание и подлость его врага. Мы не знаем, предпринимали ли потомки Ричарда меры, чтобы смыть оскорбление. Известно только уточнение хрониста Вильгельма Ньюбургского, что глава секты ассасинов рассылал письма с уведомлениями на эту тему. Он утверждал, что король Англии не вступал с ним ни в какие переговоры с целью нанесения вреда французскому монарху.

Такой же характер дискредитации носили и обвинения графа Шампанского. В данном случае главная мишень состояла не столько в его статусе рыцаря, сколько в его положении подле регентши Бланки Кастильской. Некоторые бароны стремились отстранить ее и установить собственный контроль над властью. Епископ Турне Филипп

Мускес указывал, что обвинение против Тибо IV выдвинул дядя Людовика IX Филипп Юрепель, являвшийся кандидатом на регентство.

Итак, отравление было далеко не чуждо миру рыцарства. В 1994 г. английский биограф Ричарда Львиное Сердце Дж. Джилингом высказал суждение, что это было своеобразное последствие регулирования насилия, которое предпринимала Церковь, что-то вроде обхода запретов на сражения в периоды Божьего мира и перемирий. Следует, правда, признать, что отравления происходили в основном как раз в периоды войн.

В то же время упоминание значительного числа знатных рыцарей, «погибших не от меча, а от яда», как писал Ордерик Виталий, оставляет ощущение нарушения порядка. Подобные случаи воспринимаются едва ли не как скандальные исключения, и лишение храброго рыцаря достойного конца навсегда покрывает его убийцу позором. Вот почему отравление в рыцарские времена никогда не исчезало с горизонта сознания, составляя *exemplum* бесчестья, весьма полезный в борьбе с врагом.

КОГДА ЯД ПОЯВЛЯЕТСЯ ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ: ОТ ИСТОРИИ К ВЫМЫСЛУ

Героические подвиги и испытания, позаимствованные из истории, но существенно переработанные в произведениях литературы XII и XIII вв., разворачивались в мире, который не был тождественен реальному, но не был и чужд ему. Неудивительно, что отравление занимает свое место в этом вымыш-

ленном пространстве. Стоит посмотреть, какое именно и как это соотносится с действительностью.

СКРОМНОЕ, НО ЗАМЕТНОЕ МЕСТО В ЛИТЕРАТУРЕ

«Здесь лежит Гаэрис Блан из Караэ, брат Мадора де ля Порте, которого королева убила при помощи яда» (*Ici gist Gaheris le Blans de Karaheu, li freres Mador de la Porte, que la reine fist morir par venim*). Такова эпитафия из произведения «Смерть короля Артура», написанного около 1230 г. Рыцари Круглого стола решили высечь ее на могиле своего несчастного товарища, погибшего в результате отравления. Ответственность возлагалась на королеву Гвиневру, которая ввела яд в рыцарский мир. Одну из важных тем произведения, о котором идет речь, составляла исчерпанность рыцарских ценностей. Выражал ли данный случай эту идею или являлся расхожим эпизодом, который повторяли литераторы?

На самом деле в более ранних произведениях встречается не так уж много отравленных героев. Причем погибали они от отравленного меча нечестного противника (как, например, в истории о Тристане и Изольде) или от укуса огнедышащего дракона, а не вследствие настоящего отравления. Любовные напитки ядами считать нельзя, и они остаются за пределом политического поля.

В произведениях каролингского цикла, относящихся к XII в., не содержится никаких сведений об отравлениях, что соответствует реальнос-

ти описываемой в них эпохи. В XIII в. появилась эпическая поэма «Гаидон», продолжение «Песни о Роланде». Она начинается с рассказа о заговоре противников героя с целью его отравления. Враг Карла Великого, могущественный брат Ганелона Тибо д'Аспремон, досаждают императору и стремится навредить герою, именем которого названа поэма. Он замышляет послать императору отравленные яблоки и вино от имени Гаидона. Таким образом, Тибо станет королем, а предполагаемый отравитель будет казнен. Однако императора хранит Господь, и он избегает яда. Гаидон, оказавшийся под подозрением, должен доказать свою невиновность, сразившись с истинным отравителем.

В романах греческого цикла о яде говорилось в связи со смертью Александра Великого. Рассказы о подвигах македонского полководца были очень широко распространены, что делало и убийство доблестного героя любимой темой культуры элит. В литературных произведениях об истории Рима отравление редко оказывалось в центре интриги. В «Романе о Долопатосе» речь идет о короле Сицилии, современнике Августа и Вергилия. У него есть сын по имени Лициниан. Воины ему завидуют и решают отравить принца во время пира, но не по политическим мотивам, а просто предавая друга. В романе «Вильгельм из Палермо», анонимном произведении первой половины XIII в., герой отравлен дядей, который стремится открыть себе дорогу к трону Апулии, но это лишь завязка.

Остается Бретонский цикл. В произведениях, посвященных королю Артуру, яд появлялся редко, и редко связывался с конфликтами внутри власти.

В «Рыцаре телеги» Кретьена де Труа (около 1170–1180 гг.) речь идет о злонамеренных врачах, нарочно отравляющих раны Кея. Однако по отношению к главному рассказу эта история второстепенна, так же как и отравление Идера Кеем из ревности. Вместе с тем, отравители не вовсе отсутствуют.

Около 1150 г. нормандский поэт Роберт Вас написал для королевы Альеноры «Роман о Бруте», первый текст о Круглом столе, в котором создан рыцарский образ короля Артура. Там не наблюдалось недостатка ни в отравителях, ни в отравленных. Так, например, Мембриз, сонаследник королевства Корнуолл, был готов убить «ядом, или силой, или предательством всякого, кто ему мешал». Мерлин предрекал братьям Утеру и Аврелию отравление. Действительно, Утер отравил брата с помощью лжемедика-сакса. В свою очередь, Утер погиб, набрав воды из источника, отравленного саксами. Таким образом, в артуровском цикле яд появился задолго до произведения «Смерть короля Артура» (1230). Здесь он также играл существенную роль. Рыцарь по имени Аварлан, желая отравить своего врага Говэна, устраивал так, что Гвиневра подносила ему отравленный плод, который по недосмотру съедал другой рыцарь. В защиту королевы выступал Ланселот, доказывая, что она не виновна в убийстве, которого не хотела совершать. Он героически сражался с обвинителем, истина торжествовала. Признавалась невиновность той, что, начиная от имени (*вуивра*, мифологическая змея) и кончая действиями, совершенными по неведению, как будто являлась воплощением принцессы-отравительницы.

Яд является в БОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ ИСПЫТАНИЕМ, ЧЕМ
ОРУДИЕМ ПОЛИТИКИ

Поиски Грааля наряду с поисками Дамы или славы составляли сердцевину «рыцарского приключения». Сосуд с ядом являл собой прямую противоположность Святой чаше, наполненной кровью Христа. Тот, кто использовал яд, весьма серьезным образом нарушал порядок в мире рыцарства. Противопоставление славных побед силой оружия и постыдного успеха в отравлении отчетливо выражалось в средневековых исторических текстах и бытовало в литературных произведениях. Так, в «Романе о Бруте» объяснялось, что завоеватели-саксы хотели убить короля Утера, отца Артура, «ядом, / Отравой или предательством, / Поскольку не доверяли своему оружию». Для того чтобы вернее осуществить преступление, отравители эксплуатировали узы дружбы и близости. Возможно ли большее зло, чем враг в собственной семье, задавался вопросом автор, вторя Цицерону и Боэцию. Эта тема возникала также в «Романе о Долопатосе»: «Нет ничего опаснее, / Ничего хуже и докучливее, / Чем враг в своей семье, / О котором думают, что он друг». Связывающая рыцарей одного поколения дружба разрушалась завистью, порождавшей отравления, возможно, потому, что аристократическое равенство подвергалось испытанию утверждавшейся королевской власти.

Отравление становилось испытанием и для жертв. Героизировались ли они в силу того, что не были побеждены силой, или, наоборот, унижались, поскольку гибли как обычные смертные? Средневековые авторы по-разному отвечали на

этот вопрос. С политической точки зрения главная идея заключалась в том, что яд наказывал превышение власти. В «Романе об Александре», сочиненном около 1180 г. Томасом Кентским, отравление царя показывало, что ждет королей, пренебрегавших советами баронов и несоразмерно возвышавших слуг низкого происхождения. Если яд действовал неэффективно, это свидетельствовало, напротив, о замечательных качествах правителя. Герой «Романа о Долопатосе» Лициниан без страха отправлялся на пиршество, где его собирались отравить, ибо он прочел черные замыслы своих сотрапезников по звездам, а это не дано обычным людям. Гостеприимство этих людей — притворное, щедрость — опасна, однако герой предвидел момент предательства, знал, что в золотом кубке — смертоносный напиток. Юный, но уже мудрый герой предлагал, чтобы из него отпили сначала великодушные хозяева. Они уклонялись, возопив о бесчестье, ибо правила поведения за столом требовали принять подношение. Однако в конце концов вынуждены были выпить и погибнуть. Лициниан торжествовал над коварством сотрапезников, что узаконивало его власть как государя. Неудача отравителей подтверждала, как и в житиях святых, совершенство жертвы.

Попытка отравления испытывала также способность героя противостоять клевете. Гаидону и Гвиневре это удалось благодаря поединку, т.е. спасительному возвращению к настоящему оружию, к битве. В «Смерти короля Артура» Ланселот выступал защитником королевы Гвиневры, обвиненной в предательстве рыцарем Мадором, который считал ее виновной в смерти его брата. Мадор

терпел поражения, что доказывало невиновность королевы. Тот же повествовательный мотив встречается в «Герцогине Паризе», примерно того же времени, что и «Смерть короля Артура». Разница заключалась в том, что здесь поединок в защиту обвиняемой не был честным, защитник продался обвинителям. Таким образом, извращение аристократического способа разрешения конфликта соединялось с привнесением в рыцарские обыкновения коварного оружия яда. И то и другое фальсифицировало нормальное соперничество. Приведенные эпизоды показывают, как в призрачный мир рыцарства проникали пятнавшие его низменные практики, которые тем лучше подчеркивали противостоящую им добродетель истинных героев. С политической точки зрения они отражали усиление внутренних противоречий, излишнюю легковёрность правителей, которых легко толкали на несправедливые действия, упадок политических нравов, неуважение к государю. Кроме всего прочего, они содержали в себе предостережение правителям, адресатам подобных рассказов. Мотив столкновения рыцарственных героев, близких к власти, с опасностью отравления встречался в литературе вплоть до позднего Средневековья.

Яд никогда не исчезал из жизни рыцарства. Причем он существовал не в далеких мусульманских странах, не в виртуальном мире Девяти героев, двое из которых умерли от яда. Он являлся реальностью христианского латинского мира. Количество упоминаний об отравлении правителей в период с 1000 по 1250 г. сильно превосходит количество

их же в предыдущие пять веков. Парадоксальным образом это объясняется, видимо, тем, что применение яда в политических целях теперь предавалось проклятию. По мере складывания и утверждения военных рыцарских ценностей, восхвалявших доблесть, честность и верность, отвращение к применению яда росло. При этом обвинение в этом злодействе все чаще выдвигалось клеветнически, ибо оно исключало предполагаемого отравителя из рыцарского *ordo*, дискредитировало его дело. Вот почему вопрос о яде оставался актуальным. Нередко в делах об отравлении речь шла о людях, чуждых военному делу. Религия, национальность, пол или принадлежность к духовенству обрекали их на подозрения в применении яда. В то же время и могущественные воины, надлежащим образом посвященные в рыцари, не гнушались отравлением своих противников. В сочинении Симона де Марвиля «Ястребиные обеты», написанном около 1315 г., рассказывалось, как герольд Фландрии Ги де Намюр дал торжественную клятву пробовать напитки и пищу императора Генриха VII с целью защитить его от отравления. Подобное поведение являлось характерной демонстрацией рыцарского героизма. В 1311 г. благородный вассал заплатил за эту клятву жизнью. Разумеется, конфликты в публичном пространстве чаще разрешались боем, оскорбленная честь восстанавливалась открыто, власть завоевывалась или сохранялась силой оружия. В то же время одним из способов действия все же оставалось применение яда. Если задуматься, становится очевидным, что именно в эту эпоху начинал складываться взгляд на отравления, долгое время бытовавший при папском дворе, начина-

ло вырисовываться представление, что яд — хорошее оружие против внешних врагов. В период, когда слабая раздробленная монархия уходила в прошлое, уступала место более централизованной и авторитарной власти, что благоприятствовало интригам и коварным ударам в спину, употребление яда вновь ассоциировалось с тиранией.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВОЗРОЖДЕНИЕ
ГОСУДАРСТВА:
ЯД ПОЯВЛЯЕТСЯ ВНОВЬ

Давно известно, что привычное деление истории на хронологические периоды упрощает реальность. Конец Средневековья тесно связан с началом нового времени. В эти эпохи писали похожие тексты, политические и ментальные структуры были очень близки. Начало становления централизованного абсолютистского государства восходит к Средним векам. Оно продолжалось в XVI в., а окончательно эта форма власти утвердилась в XVII в. Гуманистическая мысль развивалась с XIV в., тогда же складывались идеологические основания охоты на колдунов и ведьм, т. е. формировались два главных феномена раннего Нового времени.

Все перечисленные факторы сказались, видимо, в том, что применение яда в политике достигло небывалых масштабов в период с середины XIII до второй половины XVI в. Мир раздирали конфликты на религиозной почве, и слухи о яде возникали беспрестанно. Флорентийский историк Гвичардини в 1971 г. утверждал, что на европейской политической сцене отравление стало известно лишь с начала XVI в., а до этого оно было характерно только для Италии. Это совершенно неверно. Уже в 1310 г. в трактате *De venenis* великий падуанский врач Пьетро д'Абано предуп-

реждал «принцев, прелатов и всех благородных людей», что отравление угрожает им на каждом пиру. В 1568 г. Жак Гревен написал для королевы Англии «Две книги о яде». В прологе автор утверждал, что «изучение ядов обрело сейчас тем бóльшую важность, что люди стали более злонамеренными». Гревен забывал, что людской злонамеренности нередко случалось проявляться и в предыдущие века.

Рост числа дел об отравлениях, относящихся к эпохе осени Средневековья и весны Нового времени в значительной степени объясняется расширением документальной базы. Множились самые разнообразные хроники, которые притом не являлись теперь единственным, как прежде, источником сведений. Тут и там появлялись архивы, где хранились реестры юридических органов, письма и депеши, инвентари и счета; речи и памфлеты на злобу дня печатались в типографиях; появлялись все новые и новые трактаты по праву или по медицине, в которых шла речь о ядах.

Однако дело не только в увеличении массы источников. По-видимому, число отравлений внутри правящих кругов росло. Могущественные и знатные люди заказывали себе трактаты о ядах отнюдь не из праздного любопытства — они беспокоились за свою жизнь. Они действительно сознавали опасность отравления и внезапной смерти. Совершенно неоспоримо то, что мысль о яде прочно закреплялась в сознании, даже если практика в этой области и не была столь активной. Рыцарские идеалы больше не довлели борьбе за власть, которая по мере увеличения мощи государства становилась все ожесточеннее. При королевских дворах расцветали интриги и соперничество.

Осуществление власти связывалось с выгодами, поэтому соперничество в окружении правителей интенсифицировалось, конфликты между монархами приобретали более радикальный характер. Все сильнее проявлялся феномен общественного мнения, которым манипулировали, призывая его в свидетели. Оно, однако, начинало выражать и свое собственное понимание того, что происходило за стенами дворцов. Государственные дела велись закрыто, что множило обвинения в отравлениях. Наконец, все больше распространялась вера в то, что вдохновляемые дьяволом враги (мусульмане, евреи, ведьмы) тайно вредят христианам. И это также способствовало массовому психозу страха, боязни отравлений, создавало проблему правителям, которые должны были защищать европейский мир. По мнению Чосера, отравления доказывали существование дьявола. Итак, судя по всему, с 1250 по 1600 г. яд применяли все чаще, в особенности на верхушке общества.

ЯД, МИТРА И ТИАРА

«Церковь испытывает отвращение к крови». Специалисты по каноническому праву, начиная с XII в., без конца повторяли эту цитату из «Декрета Грациана». Она просто вошла в поговорку. В первоисточнике речь шла об отказе духовенства проливать кровь, т. е. применять смертную казнь, что абсолютно точно соответствовало заповеди Ветхого Завета: *non occides* (не убий). И тем более кощунственным считалось проливать кровь духовных лиц. Хочется, однако, чуть слукавив, подчеркнуть буквальный смысл данного высказывания. Тогда получается, что ужас перед пролитием крови влек за собой лицемерную практику использования для разрешения конфликтов яда, особенно в период, когда власть крепла, а внутри нее росла роль тайных методов. В эпоху инквизиции или конклава, новые формы которого появились в 1241 г., князья Церкви тем более становились жертвами криминальных расчетов, что они, как и яд, прятались от глаз людей. Случаен ли был тот факт, что слух об отравлении английского кардинала Роберта Самеркота, вызывавшего опасения соперников, распространился именно в связи с папскими выборами 1241 г.?

Угроза представлялась прелатам настолько непосредственной, что два первых трактата о яде,

появившихся в Западной Европе, принадлежали духовным лицам. Один написал генерал ордена миноритов (францисканцев) Раймон Годфруа, избранный в 1289 г., второй — Папа Бонифаций VII или один из его преемников. В 1575 г. Амбруаз Паре писал, что «прелаты часто подвергаются отравлению, ибо их место вызывает зависть многих» («Трактат о ядах», глава VII). Итак, в центре историй об отравлении первыми оказались Папы, кардиналы, епископы. Они становились как жертвами, так и организаторами подобных преступлений.

ПРЕЛАТЫ И ЯДЫ

Зависимость епископов от пап и государей увеличивалась, однако их власть продолжала оставаться значительной, особенно в том, что касалось вопросов веры. Главы епархий, кроме того, получали довольно большие доходы, хотя и очень разные в зависимости от конкретного места. Понятно, что должность епископа часто становилась вожделенной, а тот, кто ее занимал, вызывал вражду. Весьма полезным оружием в подобных случаях оказывался яд: он позволял не проливать кровь безоружных лиц и обеспечивал видимость естественной смерти.

Традиция продолжается:

ОТРАВЛЕНИЕ ЕПИСКОПОВ РАЗДИРАЕМОЙ ИНТРИГАМИ
ЦЕРКВИ

Список отравленных или считающихся отравленными епископов велик. Разумеется, далеко не все включенные в него персонажи на самом деле

погибли от яда. В конце Средневековья была весьма распространена склонность связывать неожиданную смерть высокопоставленных людей с внешними причинами, заговором. Возможно, это явилось следствием развития медицины, того, что телу, здоровью, а значит, и смерти стали уделять больше внимания. Итак, внезапные кончины епископов неизменно порождали разговоры о причинах и обстоятельствах смерти. Впрочем, ответственность редко возлагалась на конкретного человека, делались только намеки, что соперник открыл себе доступ к епископской кафедре.

Подобные случаи имели место повсюду в христианском мире. В 1259 г. в Датском королевстве скончался епископ Оркуса. Говорили, что он стал жертвой отравления с помощью гостии. В 1268 г. окончил свои дни епископ Зальцбурга Ладислас; его якобы отравили приближенные. Таких примеров, касающихся прелатов, множество. В 1335 и 1411 гг. говорили об отравлении епископов Вюрцбурга, в 1322 г. — Фрейзинга, в 1371 г. — Утрехта, в 1385 г. — Констанцы, в 1386 г. — Камина в Померании, в 1390 г. — Пассау. В 1270 г. от отравленной гостии погиб польский епископ Ладислас. Такое святотатство, как использование хлеба жизни в качестве орудия убийства, было, по-видимому, весьма обычным делом после случая с епископом Магелонна, описанным в предыдущей главе.

Благодаря расследованию, проведенному епископальной юстицией и двумя францисканскими следователями, нам хорошо известна история епископа Авиньона Бертрана Эмини. Этим прелатом были недовольны могущественные местные фамилии. Кто-то засматривался на завидную ави-

ньонскую кафедру, кого-то не устраивала политика сторонника авторитарной линии Бонифация VIII, каковым являлся, по-видимому, Эмини. Как бы то ни было, в 1305 г. каноники организовали заговор с целью отравления епископа. Члены кафедрального капитула во главе со своим дуайеном прямо посреди епископского дворца обсуждали, сколько надо заплатить повару за исполнение преступления. Злодейский замысел был раскрыт, реализовать его не удалось. В акте расследования покушение, исходя из положения жертвы и *modus operandi* злоумышленников, квалифицировалось как «преступление против природы». С точки зрения существовавших между заговорщиками и епископом связей дело признавалось «преступлением предательства». Члены капитула собирались убить человека, обладавшего над ними двойной властью: институциональной и домашней. Они нарушили долг верности как служители Церкви и как слуги. При всем том виновным удалось избежать наказания. И даже не потому, что отравление не состоялось — правовая система того времени уравнивала преступление и подготовку преступления. Дело в том, что обвиняемые пользовались поддержкой могущественных местных семей. Несчастливого прелата перевели в 1310 г. во Фрежюс, где он находился в большей безопасности. Очень может быть, что слухи об отравлениях епископов возникали как отклик на подобные дела.

Как бы то ни было, они возникали снова и снова. В 1313 г. ответственным за смерть епископа Шалонского объявили его преемника Пьера де Латийи. После этого наступила некоторая передышка, однако князья Церкви продолжали оставаться преимущественными жертвами отравле-

ний. В 1350 г. скончался кардинал Ганибалдус, отравленный «римлянами». В ноябре 1373 г. умер посланный во владения короля Наваррского кардинал Ги де Булонь — и опять говорили о яде. Филипп Алансонский, архиепископ Ошский имел могущественного врага — короля Франции Карла V и жил в страхе перед отравлением. В 1375 г. он заказал своему врачу Франциско Казини из Сиены трактат о ядах. Вероятно, за неимением сочинения подобного рода скончался в 1388 г. епископ Лана Пьер Эслен де Монтегю. Незадолго до этого он выступил перед духовенством в Реймсе за освобождение Карла VI от опеки дядьев. Некоторые посчитали, что столь недвусмысленно выраженная позиция задела сторонников продолжения опеки над королем, и прелат якобы поплатился жизнью за свою прямоту. Так ли это было? Хронист Жан Жювеналь дез Юрсен писал, что «во вскрытом теле обнаружили яд», и добавлял, что отравленный приказал не преследовать убийцу, которого отлично знал. В данном случае клириков подозревали не как таковых, а как участников политического процесса.

Напротив, объектом покушений колдунов и колдуний становились как раз представители церковных властей как таковые. В XV в. церковная юстиция преследовала ведьм все ожесточенней. Прислужникам дьявола приписывалось оружие, которое заставляет вспомнить древние определения *veneficium*, т. е. отравление материальным ядом в сочетании с мистическим заклинанием. Цель средневековых *venefici* состояла в ослаблении господства Церкви и ее репрессивной силы. Епископ Оснабрюка погиб в 1436 г. от яда, состря-

панного дьяконом, дополнявшим его действие магией. Архиепископа Эмбрюна отравила, как считалось, шестидесятилетняя ведьма, использовавшая ядовитый порошок, приготовленный из лобковых волос и плоти ребенка. В 1461 г. умер дуайен церкви Нотр-Дам в Аррасе Жак Дюбуа, непримиримый гонитель вальденсов. Говорили, что причиной безумия, язв на теле и смерти архиепископа явились колдовство и яд.

В Риме XV в. о ведьмах ничего не было слышно. Тем не менее преждевременная смерть прелатов случалась часто. Слухи возникали как в городе, так и при папском дворе. Приближенный миланского герцога кардинал Вителлески в 1433 г. внезапно скончался в тюрьме, успев произнести всего лишь одно слово: *veleno* (по-итальянски — яд). Кардинал Сен-Сикст умер в 1474 г. — снова *veleno*. Кардинал Борджиа, епископ Мелфи — *veleno*. В 1503 г. окончили свои дни несколько прелатов. Джованни Мичиели, кардинал Сент-Анджело, епископ Падуи, Вероны и Виченцы скончался после двух дней мучительной болезни, сопровождавшейся сильной рвотой. Неожиданно умерли кардинал Джованни Лопез, епископ Капуи, и кардинал Джованни Батиста Феррари, епископ Модены. Кардинал Орсини скончался, находясь в заключении, что всегда порождает слухи. Вновь и вновь звучало: *veleno, veleno, veleno*. Папский престол в это время занимал Александр VI Борджиа. Ничего удивительного, что в 1510 г. в сочинении *De cardinalatu* Паоло Кортези целую главу посвятил предохранению кардиналов от ядов, а поэт дю Белле в «Сожалениях» изображал Рим как средоточие предательств, злодеяний, убийств, отравлений.

Высшие церковные иерархи не только подвергались отравлениям. Бывало, хотя и реже, что епископы выступали отравителями или считались таковыми. В подобных случаях речь шла о сохранении или достижении высокого положения. Самые интересные дела относятся к первым десятилетиям XIV в. В это время выдвигалось множество обвинений против высокопоставленных лиц. Папа Бонифаций VIII придерживался идеи авторитарной теократической власти, важнейшим элементом которой должны были являться тесно связанные с Римом епископы. Воплощением этой системы стал Бернар де Кастане, епископ Альби. Он слыл отравителем архидиакона города и двух каноников в 1298–1307 гг., а улицы города наполнились слухами, будто прелат «может отравить, кого хочет». Разнузданный произвол, допускавший широкое применение яда, а также и других способов убийства совершенным образом соответствовал представлению о «епископской тирании», в которой обвиняли Бернара де Кастане. Епископ-тирана изображали чуть ли не колдуном, имевшим сверхъестественную власть над жизнью своей паствы. Обвинения исходили от людей, связанных с еретической средой; они стремились убрать слишком рьяного борца с остатками катарской ереси. И они достигли своей цели, ибо хотя пастырю удалось восстановить свою репутацию в результате расследования, но альбигойскую кафедру ему пришлось покинуть. Епископ перебрался в город Пюи.

Примерно в то же время разворачивалось дело Гишара, епископа Труа, разразившееся в 1308 г.

Этот епископ, как выяснилось, являлся серийным отравителем с самого начала своей карьеры. Недавнее исследование протоколов дела продемонстрировало, как королевская власть выявляла его вину. Церковь, во главе которой стоял тогда весьма франкофильски настроенный Папа Климент V, играла роль формального поручителя. Большая часть приписываемых Гишару жертв принадлежала к королевскому окружению. Исключение составлял бедный приор из Провена, на место которого якобы метил отравитель. Если такой метод, как применение яда, а также порча с помощью колдовства как-то соответствовали его положению духовного лица, то сама невероятная озлобленность прелата абсолютно шла вразрез с его епископскими функциями. Гишар копил в себе ненависть, которая в конце концов находила выход в преступных отравлениях.

Епископу соседнего города Шалона Пьеру де Латийи приписывалось всего два убийства. Во-первых, его обвиняли в отравлении предыдущего епископа, после смерти которого в 1313 г. сожгли приготовивших для него яд женщин. Во-вторых, считалось, что Латийи отравил самого короля.

В 1317 г. арестовали епископа Кагора Гуго Жеро, «отвратительного предателя, замыслившего отравление Папы Иоанна ядом». В тот момент папские следователи уже подвергли проверке управление в его епархии. Обеспокоенный епископ, видимо, решил, дабы избавиться от этого зла, уничтожить источник, того, перед кем предстояло отвечать за все свои мерзости. В результате подробного расследования обвиняемого изобличили в приготовлении «ужасного преступления» против Иоанна XXII и против одного из его племян-

ников, в покушении на божественное и человеческое величие, сочетавшее в себе отравление и колдовство. В самом деле, кроме *venena*, епископ использовал магические фигурки из воска, призванные усилить действие яда, а в случае неуспеха заменить его. При этом сам яд готовился самым тщательным образом. Он представлял собой порошок, в состав которого входили ртуть, реальгар (сернистый мышьяк), животные и человеческие останки. Сохранилось письмо Папы от 17 сентября 1317 г., адресованное виконту де Ломаню. В нем понтифик высказывал подозрение, что в заговоре епископа Кагора участвовали и другие прелаты, и предполагал применение разных средств, в том числе неожиданных нападений вооруженных людей. Епископ Жеро стал истинным воплощением прелата-отравителя. Однако подобные фигуры имелись в обоих противоборствовавших лагерях. Это могли быть авторитарные ригористы, придававшие теократической власти большее значение, нежели сам понтифик. Но это точно так же могли быть примиренцы, снисходительные, не согласные с реформаторской ориентацией Рима. Непримируемость позиций толкала приверженцев разных партий к отравлению несогласных. Естественно, что те, кто страдал под управлением подобных епископов, без конца жаловался на употребление ими яда. Властям волей-неволей приходилось заниматься расследованиями. В 1317–1320 гг. такие жалобы внимательно рассматривал Иоанн XXII, а за десять лет до того — Климент V.

Напротив, Бенедикт XIII придавал обвинениям меньшее значение. В феврале 1402 г. в Севилье умер Хуан Серрано, епископ Сигуэнсы. Его отравили с третьего раза, подмешав яд в пищу. Убийство в

течение пяти месяцев готовил Гутьерре Альварес Толедский, архидиакон Гвадалахары. Он сам претендовал на кафедру, которую занимал Хуан Серрано. Убийца просидел в тюрьме до 1406 г., а затем с благословения Бенедикта XIII получил прощение, свободу и, наконец, в 1439 г. — пост, о котором мечтал, невзирая на прочную — и заслуженную — репутацию отравителя.

ОТРАВА И ТИАРА

Чем выше был ранг церковных иерархов, тем ожесточеннее велась борьба. Само папство после разрушительной схизмы из универсальной теократии превращалось в региональное княжество. Однако претензии на гигантскую власть сохранялись, что с XIII в. приводило к частому использованию яда. Наконец в XVI в. отравление стало своего рода символом кризиса Римской церкви.

ПАПЫ, КОТОРЫХ ТРАВИЛИ...

В конце Средневековья и в эпоху Возрождения вероятность отравления главы католической церкви была чрезвычайно высока. Носители высшего духовного сана постоянно подвергались очень серьезной опасности. В 1570 г., например, против одного из кардиналов выдвинули обвинение, что он хотел посыпать ядом папскую кафедру. Однако подобное положение сложилось гораздо раньше. Еще в X–XI вв. отравления являлись распространенным явлением. Затем их стало меньше, а в XIII в. наступил новый всплеск если не отравле-

ний, то разговоров о них. Иоанн XXII, раскрывший козни кагорского епископа, жаловался: «О каком спокойствии в государстве можно говорить, какой правитель может чувствовать себя в безопасности, если сам римский понтифик и его двор подвергаются подобным покушениям»? Но ведь дело 1317 г. вписывалось в давнюю традицию. В отличие от многих утверждений об отравлениях, оно обладало некоторой доказательностью, но при этом воспроизводило примерно полувековую традицию обвинений в применении яда.

Понтификаты часто длились недолго, и тогда по поводу папских кончин возникали слухи. В 1276 г. умерли три Папы: Григорий X, Иннокентий V и Адриан V. По мнению германских хронистов, вероятно предвзято оценивавших «козни» при римском дворе, все они погибли от яда. В 1280 г. при сходных обстоятельствах окончил свои дни Папа Николай III. И опять говорили о яде. Смерть в 1303 г. Бонифация VIII часто (и напрасно) приписывают пощечине, которую Папа получил в Ананьи от прибывшего его арестовать посланца Гийома Ногаре и Филиппа Красивого. Однако сам понтифик опался отравления, и, возможно, не зря. В самом деле, хронист утверждал, что Бонифаций VIII так боялся яда, что в течение трех дней ничего не ел. Преемником умершего стал Бенедикт XI, который занимал папский престол всего восемь месяцев. Он скончался в 1304 г. после восьмидневной болезни, имевшей симптомы дизентерии. Немедленно распространился слух, что Папу отравили кардиналы, подкупленные королем Франции, а может быть, каким-нибудь францисканцем, ненавидевшим Папу-доминиканца, который был очень суров к францисканцам-спиритуалам. Говорили,

что яд содержался в плодах фигов, которыми Папа с удовольствием лакомился, а может быть, ему подсыпали смертоносный порошок, изготовленный близким к францисканцам-спиритуалам медиком Арно де Вильнёвом. Так или иначе, предполагаемое отравление Папы воспринималось как ответ на его непреклонность и репрессивную политику, которая раздражала противников внутри или вовне Церкви. Заговорщики не столько мечтали о папском престоле, сколько хотели видеть на нем кандидата, более склонного к компромиссам.

Неудачное покушение на Иоанна XXII стало своего рода кульминацией отравлений начала XIV в. Этот старик оказался более живуч, чем ожидали в 1316 г., когда его избирали. Человек в высшей степени недоверчивый, вероятно, отдававший себе отчет, что многие разочарованы его неожиданным долголетием, авиньонский Папа полагал, что окружен врагами, вооруженными тайным оружием. Был ли то обоснованный страх, искреннее заблуждение или хорошо рассчитанная поза, но этот викарий Христа выглядел как потенциальная жертва отравления.

После покушения на Иоанна XXII вплоть до начала XV в. в источниках не встречаются дела об отравлении пап. Трудно сказать, действовала ли таким образом жестокая казнь Гуго Жеро, или просто последующие Папы оказались более приемлемыми личностями. Сказанное не означает, что прошел страх. Сразу после восшествия на престол в 1362 г. Папа Урбан V заказал трактат о яде. Можно сказать, что Папа готовился к возвращению в Италию, но такое объяснение представляется слишком поспешным. Иоанна XXII чуть не отравили в Авиньоне, вдали от Рима. Интереснее

то, что по нашим сведениям, великая схизма 1378 г. не повлекла за собой историй, связанных с ядом, хотя обвинить противную сторону в смерти Папы было очень легко. Дела об отравлениях появились вновь после преодоления кризиса.

В 1409 г. собор в Пизе избрал Папу Александра V, что должно было способствовать воссоединению двух враждующих частей духовенства. Однако спустя одиннадцать месяцев, в мае 1410 г., Папа умер в Болонье, оставив Церковь расколотою уже на три части, поскольку обе соперничавшие стороны отказывались уступить главенство. В 1417 г., т. е. семь лет спустя после кончины Александра V, появилось утверждение, что понтифик, призванный объединить всех, погиб от яда одновременно со своим врачом. Слух этот ничем не подтверждался, что не мешало его эффективному распространению. В 1431 г. начался Базельский собор, продолжавший реформы Церкви, начатые в 1414–1418 гг. собором в Констанце. Папа Евгений IV противостоял нараставшей враждебности собора и боялся отравления, помня об истории Александра V. Папа считал, что его самого отравили сразу после избрания, и требовал экспертизы, за которую заплатил врачу из Флоренции солидное вознаграждение. Спустя шесть лет, в 1437 г., когда разрыв между понтификом и собором стал свершившимся фактом, Евгений IV получил от венецианского врача Пьетро Томази небольшое практическое руководство с красноречивым заголовком: «Руководство по совершенной защите от яда». Итак, яд все время оставался рядом, господствовала подозрительность.

Она сохранялась и после того, как папство одержало верх над собором, все больше вмешивавшимся в борьбу итальянских правителей, в которой яд

играл не последнюю роль. В 1455 г. (согласно хронике середины XVI в., т.е. источнику, по времени довольно далеко отстоящему от события), яд обнаружили в трупе Папы Николая V. Преемником его стал представитель семейства Борджиа, избранный Папой под именем Каликста III. В 1499 г. разразилось громкое дело, которое стремился максимально раздуть Папа Александр VI. Обвинялась Екатерина Сфорца графиня Форли, родственница миланских герцогов, которая якобы пыталась отравить Папу. Эта женщина владела запрещенной наукой; в 1508 г. она опубликовала сочинение *Experimenta*, трактат о косметике, содержащий среди прочих рецепты ядов. Будучи непримиримым врагом сына Папы Чезаре Борджиа, Екатерина Сфорца составила послание к Александру VI, в котором коварно предлагала соглашение. Пропитанное ядом, оно предназначалось для вручения Папе в собственные руки. Для того чтобы не пострадали гонцы графини, письмо было завернуто в красный лоскут и спрятано внутрь полого посоха. Однако исполнители, искавшие доступа к понтифику, завели неосторожный разговор с папским камергером. Последовал донос, разоблачение и казнь через повешение. Однако же весть о покушении активно обсуждалась. В дневнике Джироламо Приули утверждалось, что Екатерина Сфорца — самая храбрая женщина в Италии, и лишь случайность позволила Борджиа подвергнуть аресту свою нестигаемую противницу. Речь шла о жестокой и далекой от божественного борьбе между кланами Борджиа и Сфорца. Это не помешало, однако, Александру VI обратиться к жителям Флоренции с посланием, в котором он заимствовал выпретенный стиль Иоанна XXII. Там

говорилось, что применение яда против викария Христа есть неслыханное страшное предательство — *proditionem*.

Яд продолжал оставаться актуальным при дворе пап XVI в. Дневники и депеши посланников при дворе Святого престола отражали слухи, возникавшие в связи с кончинами понтификов. В 1521 г. умер после четырех дней болезни сорокашестилетний Лев X, сын Лоренцо Великолепного. Говорили, что камергер Бернабо Маласпина подмешал яд в горькое вино, поданное Папе. Он сделал это по наущению короля Франции, которому не нравилось сближение Льва X с императором Карлом V. Дело в том, что святой отец пожаловался на горечь вина, которое выпил, что и подтолкнуло церемониймейстера к мысли о яде. Он заявил, что несчастный Папа жаловался, будто его изнутри пожирает огонь, и был уверен, что отравлен. Кардиналы и в самом деле уже пытались отравить Папу путем «лечения у него фистулы» ядовитой мазью. Папа отличался великолепным здоровьем, которое мог победить только яд, поэтому Поль Джове, автор «Жизнеописания Льва X» (1551 г.), был убежден в его отравлении. Он высказывал гипотезу, что яд содержали пилюли алоэ, прописанные от поноса. О злодеянии свидетельствовало вскрытие, произведенное, по-видимому, с целью расследования. Джове описывал усохшее и покрытое пятнами сердце, как будто источенное сверхъестественной силой. Камергера Маласпина арестовали, но потом, несмотря на очевидность убийства, отпустили в угоду французскому королю. Джове утверждал, будто Джулио Медичи запретил какие бы то ни было допросы, боясь скомпрометировать важное лицо.

В 1522 г. Папой избрали Адриана VI, наставника Карла V, первоклассного теолога, человек сурового нрава и сильной реформаторской воли. Он умер в 1523 г. после двух недель подозрительной болезни, причем труп сильно раздулся. Скоротечность правления, физические подробности смерти, а также политические обстоятельства, как обычно, способствовали слухам. Кончину Папы приписывали действию волчьего корня, который якобы подмешали в его пищу французские повара. Впрочем, все блюда папского стола предварительно тщательно проверялись, а обвинение исходило прежде всего от испанцев, горечь утраты у которых усиливалась неприязнью к французам.

С преемником Адриана VI, не похожим на скончавшегося Папу, произошла похожая история. Климент VII, заслуживший всеобщую ненависть, умер в 1534 г. «Хотя все подозревали, что врач дал ему *boison*, расследования не последовало, и не было человека, который не благодарил бы его в сердце за ценную услугу христианскому миру и в особенности освобожденному городу Риму». Итальянизм *boison*, к тому времени уже хорошо известный, означал кусок. В «Дневнике парижского буржуа времен короля Франциска I» (1515–1536 гг.) уже говорилось о яде. Амбруаз Паре писал об отравленном факеле и опасности вдыхаемого яда, ибо ничто не проникает внутрь тела так легко, как воздух.

Марцелл II стал одним из редких пап, кто, надев тиару, сохранил свое собственное имя. Он правил совсем недолго, ибо умер через двадцать один день после избрания в 1555 г. в возрасте 54 лет. Спустя месяц пополз слух, что хирург отравил рану Папы. Агриппа д'Обинье полагал, что Папа

умер, поскольку хотел реформировать Церковь, и его обширная программа вдохновляла далеко не всех.

Избранный в 1585 г. Сикст V, тот самый, что отлучил от Церкви Генриха III и восхвалял его убийцу Жака Клемана, умер, ненавидимый... ревностным католиком Филиппом II Испанским, ибо Папа сблизился с бывшим гугенотом Генрихом IV. Итак, эту смерть приписывали отравлению в результате заговора испанцев. Притом Папа писал о своих опасениях в отношении короля Филиппа испанскому послу Оливаресу. Страдая от невыносимых головных болей, он думал, что ему отравили мозг.

Следующий Папа Урбан IV занимал престол святого Петра десять дней, и его, конечно, тоже считали отравленным. Впрочем, этот случай лучше всего объясняется своего рода условным рефлексом, соединявшим краткое правление со слухом о яде. Он неизменно действовал даже в XX в. вплоть до внезапной кончины Иоанна Павла I.

Итак, список понтификов, которых современники считали погибшими или чуть не погибшими от яда в 1276—1590 гг., велик. В нем фигурируют не меньше девятнадцати пап из сорока девяти, включая антипап. Если же ограничиться сорока четырьмя понтификами, которых признала Церковь, то это почти половина. Такой рост числа отравлений по-своему отражал кризис папства. До середины XV в. он провоцировался главным образом развитием авторитаризма Святого престола, вызывавшим сопротивление духовенства. Позже кризису способствовало все возрастающее вмешательство пап в политическую борьбу внутри Италии, что порождало могущественных врагов среди мирян.

Произошедший в эпоху Реформации раскол не вызвал новой волны отравлений пап. На них покушались как раз добрые католики, и руководствовались они чисто политическими причинами. Если в секуляризированной Церкви яд занимал какое-то место, так это потому, что отравление придавало человеческое измерение событию, которое в прежние времена осмысливалось как непостижимое и провиденциальное.

Угроза яда, которую разоблачал в 1317 г. Иоанн XXII, становилась навязчивой идеей, что заставляло пап принимать меры предосторожности. В такой атмосфере понтифики нередко проявляли любознательность в вопросах естествознания. При папском дворе входило в привычку читать специальные сочинения о токсических веществах, их особенностях, способах применения, противоядиях. Не случайно Папы два раза заказывали перевод написанного в 1198 г. по-арабски трактата о ядах андалузского еврея Маймонида, который после долгих странствий жил и служил врачом в Каире. Первый перевод был сделан Иоанном из Капуи для Бонифация VIII, второй — Арманго Блэзом для Климента V в 1307 г. Не случайно и то, что один из первых и самых знаменитых средневековых трактатов о ядах *De venenis* Пьетро д'Абано тоже написан по заказу Папы. Мы уже видели, что Урбан V, получил подобный трактат, написанный Гийомом де Марра, сразу после избрания.

Во всех этих сочинениях содержалась рекомендация иметь при себе предметы, предназначенные предотвращать преступления, определяя наличие ядов на столе, в подаваемых блюдах. Некоторое количество подобных предметов встречается в инвентарных описях папских сокровищ. Это лан-

зье, металлическая или коралловая подставка для «змеиных зубов», вес которой мог достигать шести фунтов (название происходит от слова *langue* — язык; имелся в виду змеиный язык). Понтифики брали их займы или получали в качестве новогоднего подарка. В описи, заказанной в 1295 г. Бонифацием VIII в связи с его избранием на папский престол, в рубрике *лангье* насчитывалось пятнадцать предметов. В описи, составленной в связи с восшествием на престол Климента VI в 1394 г., насчитывается двенадцать *лангье* или *arbores pro proba*. Прикосновением такого предмета проверялись блюда папского стола. Бенедикт XIII вскоре после своего избрания также захотел посмотреть, сколько у него *лангье*, и насчитал их семь. В XV в. практическая и эстетическая ценность приспособлений, призванных защищать от яда, не уменьшалась. В 1464 г. *лангье* в форме дерева было обнаружено после смерти Пия II.

Еще более ценным и обладавшим более универсальным действием, нежели змеиные зубы и язык, считался рог единорога, мифического зверя из средневекового бестиария. Однажды он якобы очистил воду в зараженном пруду, и этот случай символизировал искупление людских грехов Христом. Естественно, что Папы проявляли большой интерес к этому предмету. Неизвестно, когда возникла вера в чудесные свойства рога единорога. Амбруаз Паре писал, что о его достоинствах ничего не знали ни Аристотель, ни Гиппократ, ни Гален. В эпоху Средневековья верили, что от прикосновения рога единорога яд горячей природы закипает, а холодной природы — дымится. Реальные обереги представляли собой бивни нарвала, рога орикса или носорога, а иногда и более распространенных

животных. В папской сокровищнице Бонифация VIII их насчитывалось четыре, а у его преемника — три. Бенедикт XIII хранил довольно большие и увесистые куски «рога единорога». А в сокровищнице Григория XII (1416) он содержался в целом виде. Один немецкий торговец продал «рог единорога» Папе Юлию III (1550–1555) за гигантскую сумму в 12 000 экю. Амбруаз Паре высказывал по этому поводу большой скептицизм. Тем не менее именно этот знаменитый французский врач в ответ на насмешку какого-то посетителя, что рог из папской сокровищницы слишком мал, заметил, что драгоценный предмет уменьшился из-за слишком частого применения. Это был рог, купленный в 1520 г. Львом X, что не помешало этому Папе быть отравленным.

Кроме всего прочего, Папы владели еще и драгоценными камнями: кварцами, хризопразами, рубинами. Согласно трактатам о ядах, камни меняли свой цвет, если находились вблизи ядов. В описи папских сокровищ 1353 г. числился кожаный сундучок, содержащий семь таких камней. В январе 1390 г. Климент VII купил у ремесленника из Компъеня золотые кольца с маленькими камешками, для того чтобы определять наличие или отсутствие яда. Все перечисленные предметы были весьма недешевы. При этом они не являлись предметом коллекционирования, а постоянно применялись на практике.

С 1305–1307 гг. при папском дворе полагалось, чтобы повара и виночерпии пробовали пищу перед лицом Его Святейшества. Правила церемониала зафиксировали избыточные меры предосторожности. Разумеется, проба снималась с каждого блюда, которое передавалось конклаву

кардиналов. То же самое делалось и с гостией, которой причащался понтифик. Собственно, гостии готовилось три. Одна предназначалась для Папы, а две другие — для пробы. В присутствии Папы проверялось также и вино. В конце XV в. процедуру папского причастия описал церемониймейстер Иннокентия VIII Августин Патриций Пикколомини. Дьякон брал с дискоса одну гостию, предварительно прикоснувшись к ней и к двум другим (возможно, специальным предметом, *лангье*). Первую он давал съесть ризничему. Затем он брал одну из двух оставшихся и проводил ею по внутренней и внешней стороне дискоса и потира. После этого и ее съедал ризничий. Наконец, он пробовал вино и воду из священных сосудов. Только после всего этого дьякон передавал Папе дискос с гостией.

...и Папы, которые травили

Викарии Христа и сами не останавливались перед применением яда в борьбе с противниками, как внутри Церкви, так и за ее пределами. Разумеется, обличители упадка духовенства или непомерных претензий понтифика, беспрестанно выдвигавшие обвинения в отравлении, могли преувеличивать. Однако не все подобные разоблачения являлись сочиненным в пылу полемики вымыслом.

Вслед за распрями второй половине XI в. яд сопровождал борьбу гвельфов и гибеллинов, т. е. папства против Штауфенов: германского императора и короля Сицилии Фридриха II, а потом его потомков, вплоть до 1268 г. Фридрих II обвинял Папу Иннокентия IV в подлом использовании яда.

В 1249 г. к больному, как утверждалось, вследствие отравления императору приехал врач из Пармы, нанятый Римом. Под предлогом лечения он должен был убить монарха. Однако больного предупредили, и он проверял лекарства на заключенных. На следующий год Фридрих II все-таки умер, и его наследник Конрад IV не преминул обвинить папство. Тем не менее современные исследователи, начиная с Э.Канторовича, единодушны в том, что все разговоры о заговорах с целью отравления императора не находят подтверждения. Скорее всего, он умер от болезни.

В свою очередь, Конрада IV в 1252 г. тоже пытались отравить, и он с трудом выздоровел. В окружении Штауфенов говорили, что Рим опасался мести Конрада IV за отца. Таким образом, черный образ Папы, лишённого совести, в представлении гибеллинов обязательно включал в себя отравление. Партия гвельфов отождествлялась с ядом. Когда 24 августа 1313 г. император Генрих VII умер в окрестностях Сиены, которую он осаждал, естественно, возникли слухи. Сиена являлась городом гвельфов, и Папа Климент V подозревался в том, что руководил преступными действиями предполагаемого убийцы: духовника государя доминиканца Бернардина де Монтепулчиано. Действительно, появление Генриха VII в Италии с целью восстановления императорской власти угрожало позициям Папы и его союзников. Императорский врач мог сколько угодно заявлять перед папскими властями, что отравления не было. Непримиримые враги Церкви все равно стояли на своем и в течение нескольких десятилетий поддерживали веру в «гвельфское» отравление германского государя.

В XV в. обвинения в применении яда вновь использовали во внутрицерковной борьбе. Это произошло в 1417 г. на соборе в Констанце, призванном прекратить соперничество трех имевшихся на тот момент понтификов. Собор обвинил Иоанна XXIII в отравлении предыдущего Папы Александра V, который скончался в 1410 г. В 1433 г. умер кардинал Вителлески, и появились обвинения в адрес Папы Евгения IV. Верно ли связывать их с зарождавшимся конфликтом между понтификом и Базельским собором? Предполагаемая жертва считалась близкой к миланскому герцогу, что придавало делу внешнеполитический аспект. Кроме того, Вителлески отнюдь не являлся проводником «базельской линии». Напротив, он энергично выступал за наведение порядка в Риме, что могло, в конце концов вызвать беспокойство Папы.

Возникавшие беспрестанно, подобные слухи укрепляли в сознании людей убежденность, что Папа Римский вполне способен применить яд. Обычно это делалось от случая к случаю, когда диктовалось обстоятельствами. Систематически это средство стал использовать Александр VI, настоящий «серийный отравитель». Реальные или вымышленные коварные злодеяния этого Папы окончательно подорвали авторитет католической церкви. Он преследовал цели, никак не связанные со службой Святому престолу, действуя только в интересах семьи Борджиа. Автор книги о Борджиа Иван Клула (1987) полагает, что дурная репутация Александра VI и его сына как отравителей стала складываться после убийства в 1495 г. пленного брата турецкого султана, который являлся важной фигурой в международных отношениях. В последние три года правления Папы Борджиа

таких дел было очень много. В 1500 г. прошел слух, что внезапно сраженный лихорадкой кардинал Джованни Борджиа пал жертвой Папы. Как раз в тот момент он собирался овладеть от имени Святого престола Форли, что нарушало планы Цезаре Борджиа, кузена кардинала. В феврале 1503 г. умер содержащийся в заключении кардинал Орсини. «Он выпил вино причастия!» — кратко записал в своем дневнике Буршар. И ни демонстрация тела по приказу Папы, ни свидетельства врачей не смогли развеять подозрение. В сообщении, посланном в Венецию, утверждалось, что Папа обратился к помощи врачей, «дабы доказать естественный характер вышеупомянутой смерти и то, что ни сила, ни яд не применялись». В апреле после двухдневной болезни и сильной рвоты скончался Джованни Микиели, кардинал Сент-Анджело и епископ Падуи и Виченцы. Опять возникло подозрение в отравлении, так же как и в отношении кардиналов Джованни Лопеза, епископа Капуи, Джованни Баттиста Феррари, епископа Модены. Франческо Гвиччардини так писал о сыне Папы Цезаре Борджиа в «Истории Италии»: «Общеизвестно, что употребление яда вошло в обыкновение у его отца и у него самого. Они использовали отравление, не только мстя своим врагам или защищаясь от тех, кто вызывал подозрения. Они утоляли таким образом свою подлую жадность, грабя собственность богатых людей, кардиналов и других придворных. Они поступали так даже с людьми, которые никогда ничем их не оскорбили (как это было с очень богатым кардиналом Сент-Анджело); даже со своими друзьями или родственниками, даже с теми из них, кто (как епископы Капуи и Модены) были очень полезны и

преданно им служили». Дожд Джироламо Приули подтверждал, что, когда Папа и его сын встречались с могущественным и богатым кардиналом, они добивались приглашения на обед к несчастному, которому слуга Папы вручал яд, так что тот не мог его предварительно проверить. Патриций Пикколомини разъяснил эту циничную хитрость: в присутствии Папы не полагалось предварительно пробовать никакие блюда, кроме блюд Папы. Забавляясь этой опасной игрой, отравитель, в конце концов, сам погиб от яда. Он замыслил убийство кардинала Адриана Кастеллези де Сорнето и приказал отравить три бутылки вина. Слуга перепутал бутылки и принес Папе и его сыну Чезаре отравленное вино. Молодого Чезаре спасли врачи, а Папа скончался к великой радости Приули, который восхвалял Провидение, обратившее грех отравителя против него самого. Гвиччардини рассказывал, что в Риме собралась огромная толпа, желавшая поглазеть на ужасающий труп того, кто, как змея, сеял смерть ядом, коварного, властолюбивого и невероятно жестокого негодяя. Буршар сообщал, что останки выглядели отвратительно, но не рассказывал историю смерти Папы. Вполне возможно, что Александр VI умер от малярии. Однако слишком хорош был случай, позволявший приписать смерть Папы тому средству, с помощью которого он погубил столько людей.

Фигур, подобных Александру VI, после 1503 г. больше не встречалось в истории Церкви; этот Папа остался исключением. Конфессиональные споры и политическими распри усиливались. Папа Пий V выпустил специальную буллу, разрешавшую убийство врагов папской власти. Все это порождало новые обвинения Рима в использо-

вании яда. Однако ни один понтифик не достигал такого масштаба преступлений. Нравы пап соотносились с нравами Нерона, это напоминало об эпохе упадка древнего Рима и совсем не соответствовало всеобъемлющим теократическим устремлениям папства XIII в., согласно которым отравление тирана являлось справедливым, если ставкой было спасение мира.

ВНУТРИ ЦЕРКВИ ИЛИ ПРОТИВ НЕЕ: ЯД ДВОЙНОГО ДЕЙСТВИЯ

Под «двойным действием» в данном случае понимается не высокая токсичность того или иного вещества, о которой сообщали средневековые фармакологические трактаты. Речь идет об использовании рассказов об отравлениях в пропаганде. Властям необходимо было сплотить людей вокруг правителя, сформировать определенное общественное мнение, что развивало «политическую коммуникацию». Яркие эмоциональные характеристики, клеймившие отравления, вроде формулы Иоанна XXII *horrendum scelus* (*ужасающее преступление*), употреблялись еще чаще, чем раньше. И может быть, в первую очередь их распространяла и использовала Церковь, наряду с другими средствами пропаганды. Число случаев, когда говорили о яде, увеличилось. По-видимому, они становились инструментом воздействия на умы, причем весьма эффективным, поскольку реальность отравления, так же как и применения магии или колдовства трудно как доказать, так и опровергнуть. Помимо всего прочего, римское право квалифицировало отравление как преступление особо тяжкое. Таким

образом, обвиненные в нем люди выставлялись низкими подлецами. Подобные утверждения выполняли сразу несколько функций.

«ЧИСТКА»

В церковном сообществе обвинения в употреблении яда выдвигались против тех, кого стремились устранить или отодвинуть. В начале XX в. антиклерикальная историография рассматривала обвиняемых в отравлениях почти исключительно как жертв операций по чистке рядов, организовывавшихся властями. Так, например, соответствующие «разоблачения» Бернара де Кастане являлись частью общей политики Климента V, стремившегося ограничить влияние людей Бонифация VIII.

Еще более выразительным выглядит случай епископа Кагора Гуго Жеро. Духовное лицо обвиняли одновременно в применении яда и в колдовстве, т. е. в преступлениях в высшей степени тяжких. Враждебный Иоанну XXII германский хронист Иоанн Витодуран полагал, что Гуго Жеро осудили несправедливо в результате лживых обвинений и дурного сна Папы. Не заходя так далеко, можно сделать вывод, что обвинение протее Климента V выражало волю кагорца Иоанна XXII нейтрализовать «гасконскую партию», верную его предшественнику. Речь шла также о стремлении наказать прелата, методы которого не нравились некоторым семьям Кагора, близким к Папе. Карьера Гуго Жеро к моменту начала дела была сильно подпорчена, и его просто добились. Епископа ожидала ужасная смерть: скорее всего, его сожгли живьем.

Обвинение антипапы Иоанна XXIII также вписывалось в логику чистки. В 1417 г. собор в Констанце искал повода для его низложения и вспомнил об умершем семь лет назад Александре V. Тогда эту смерть никто не связывал с убийством. Напротив, бальзамирование Папы не выявило ничего подозрительного; тело долго оставалось выставленным. Правда, данный аргумент считался сомнительным. Он мог одинаково хорошо служить как утверждавшим, что наступила естественная смерть и не оставила следов на теле, так и думавшим, что останки выставили, чтобы усыпить подозрения в реальном, но невидимом преступлении. В любом случае то, что вменялось в вину антипапе, подходило к его личности, ибо он был жаден до власти и никак не желал отказываться от тиары. На одиннадцатой сессии собора было составлено обвинительное заключение против Бальтазара Коссы (как звали в миру Иоанна XXIII). В статье двадцать девятой говорилось об отравлении. При этом обвиняемого отнюдь не приговорили к смерти. Впоследствии он стал архиепископом во Флоренции.

Впрочем, обвинения в использовании ядов, так же как и сами яды, не всегда оказывались одинаково эффективными. Им приходилось подчас уступить место более действенным способам борьбы. Доброе имя Бернара де Кастане восстановило послание Папы Климента V, снимавшее с него обвинения, отпускавшее грехи и даровавшее милость. Начиная процесс главы францисканцев-спиритуалов Бернара Делисье, Иоанн XXII попытался инкриминировать ему отравление Папы Бенедикта XI, скончавшегося за тринадцать лет до этих событий. Однако это обвинение в конце концов было отвергнуто.

Осталось рассказать еще об одном специфическом случае, когда мишенью стал не один человек, а целый орден. Он связан с последствиями смерти Генриха VII в 1313 г. Преступление совершил якобы проповедник-доминиканец Бернарден из Монтепульчано, так что в глазах соперников доминиканского ордена внутри Церкви он весь оказался запятнан. В конце XIV и начале XV в. эпизод получил новое развитие. В это время враждебность к ордену усиливалась из-за той роли, которую доминиканцы играли в инквизиции, а также из-за отрицания ими непорочного зачатия Богородицы. Обвинения, выдвинутые в 1390 г., хорошо вписывались в этот контекст. Составитель «Хроники монаха из Сен-Дени» излагал их скорее с осторожностью, чем с негодованием. Границы между ядом, которым несчастные горемыки отравляли источники Франции, как говорили, по наущению братьев-якобитов, и ядом инакомыслия оказывалась размытой. Так что очень возможно, что этот странный эпизод отражал враждебность и зависть к ордену, который не был так близок к народу, как францисканцы. В 1400–1430 гг. обвинение в отравлении императора стало главным оружием противников доминиканцев. Иаков из Эша в качестве «доказательства» вины приводил знаки бесчестья, которыми были отмечены члены ордена и которые свидетельствовали о святотатственном преступлении одного из них. Хронист отмечал, что после смерти Генриха VII «святой отец, кардиналы, епископы и легаты, принцы и сеньоры приказали, чтобы отныне доминиканцы не служили и не принимали тело Господа нашего правой рукой, а только левой рукой. Им запрещалось носить облачения до пят, а только до колен, для того, чтобы навсегда

сохранилась память о вышеуказанном злодеянии, когда упомянутый проповедник отравил упомянутого императора». Ужасная клевета основывалась на особенностях доминиканской евхаристической литургии. Братья ордена святого Доминика с большим трудом очищались от нее, тогда как некоторые братья-минориты вполне сознательно извлекали из сложившегося положения выгоду.

Согласно тексту 1389 г., орден доминиканцев во Франции оказался на грани роспуска. Однако не следует приписывать кому-то из францисканцев стремления добиться его уничтожения. Достаточно было дискредитировать противников. Таким образом, данная история очень хорошо иллюстрирует пропагандистское использование обвинения в отравлении.

ПРОПАГАНДА

В декабре 1574 г. в Авиньоне в возрасте 50 лет умер кардинал Лотарингский Шарль де Гиз. Кардинал заболел за восемнадцать дней до смерти, у него очень сильно болела голова. «Согласно распространявшемуся слуху, ему дали яд», — писал Пьер де л'Этуаль. Знаменитый автор подчеркивал здесь очень важный аспект всех дел об отравлениях: они позволяли манипулировать общественным мнением или, по крайней мере, как-то влиять на него. Такие слухи распространялись не столько для того, чтобы пробудить сочувствие к несчастным якобы попавшимся в ловушку жертвам, сколько для того, чтобы вызвать отвращение к предполагаемым отравителям, нанести ущерб их чести и репутации.

Внутри Церкви клеймить пап-отравителей начали с XV в. Это было фоном борьбы между понтификами и соборами. Для соборов подобное обвинение не являлось, конечно, главным. Скорее его использовали как аргумент, пусть поверхностный, но производивший впечатление. Он напоминал о том, что употребление яда можно ассоциировать с тиранией. Собравшиеся в Констанце прелаты решительно не соглашались принимать сильную папскую власть, поэтому неудивительно, что они приписывали папам один из атрибутов тирана — кубок с ядом. А выразитель «примирительной» точки зрения Базельского собора, швейцарский поэт, церковный деятель и дипломат Мартин Ле Франк в поэме «Защитник дам» восклицал: «В самом деле многие Папы / Под видом меда подносят яд». Впрочем, очень может быть, что в его сознании это была всего лишь метафора.

Отвратительные злодеяния Борджиа порождали несколько другую пропаганду. Зарождавшаяся Реформация подвергала скандальное папство позору и поруганию. В то же время, похоже, что обличения Александра VI исходили не от реформаторов, не от наследников стремившихся к компромиссу деятелей соборов XV в. По-видимому, их скорее инициировали знатные римские семейства, например Колонна, которые устали от безобразий Папы. Буршар приводил памфлеты, направленные против Борджиа. Они имели хождение в 1501–1502 гг. и, по мнению автора дневника, печатались в Германии, где их мог читать молодой Лютер. В памфлетах перечислялись преступления, в том числе и отравления. Одна такая книжица летом 1502 г. попала в руки кардинала Модены, который

прочитал ее Папе. Тот очень смеялся... Что ж, в разных ситуациях аргумент воспринимался по-разному.

В реформаторской пропаганде Рим сопоставлялся с великой вавилонской блудницей, которая не изображалась по преимуществу отравительницей. В сознании Лютера Папа связывался с сатаной. Конечно, реформатор считал, что итальянцы владеют искусством ядов, однако в его полемических сочинениях мотив Рима-отравителя роли не играл. Начиная с 1520 г. Лютер критиковал папство с точки зрения экклезиологии, а с 1545 г. просто подвергал его грубым нападкам. Напротив, именно этот мотив был основным в тексте кардинала Бенно против Папы Григория VII. Его перепечатали во Франкфурте в 1581 г., протестантские типографии охотно брали этот памфлет, обличавший григорианское правление, как породившее все несчастья.

Во Франции в 1570–1580 гг. переживали расцвет памфлеты и брошюры, направленные против католической церкви или против Лиги. Их авторы не отказывали себе в удовольствии изобразить служителей Церкви чудовищами и преступниками. Дюплесси-Морне, например, использовал в полемике обвинение в отравлении и колдовстве, а следовательно, в общении с дьяволом, для того чтобы представить противника Антихристом. В тридцати девяти главах «Легенды об отце Клоде де Гизе», приписываемой Жану Дагоно или Жильберу Реньо, представлялась целая серия злодеяний аббата Ключи, связанных с ядом. Этот аббат провозглашал себя внебрачным сыном Клода Лотарингского, первого герцога де Гиза, и племянником кардинала Лотарингского. Впечатляющим

был список приписанных ему жертв, убитых при пособничестве слуги Клода Гарнье, недаром прозванного «святым Варфоломеем». В их числе предполагаемый отец (или дядя) аббата, принц Конде, адмирал де Колиньи, граф де Порсьен, королева Наваррская. И это все — не считая преступных замыслов против Карла IX, его брата Генриха III и Генриха Наваррского. Изображение подобной криминальной активности должно было замарать имя Гизов, что подчеркивалось лицемерным посвящением текста Генриху Меченому.

Беспрестанно разоблачались лицемерие и тираноборческие теории иезуитов, «отравлявшие народ», как заявлял в 1694 г. генеральный адвокат Тулузского парламента. Протестанты же, особенно англикане, клеймили их за использование яда. Этьен Паскье, крупный юрист и сторонник французской галликанской церкви писал о них так: «До появления иезуитов мы в нашей Церкви и не ведали, что королей и принцев, наших государей, можно заманивать в ловушки и убивать. Этот товар поступил к нам из их лавки». Паскье выражал убеждение, что они не прекратят «распространять свой яд», если останутся во Французском королевстве. И в данном случае это, конечно, была метафора. Но в то же время автор задавался вопросом, не намеревался ли Пьер Барьер, прозванный Перекладиной (*la barre*), покушавшийся в 1593 г. на Генриха IV по наущению некоего члена Общества Иисуса, использовать кинжал, «натертый каким-нибудь смертоносным и ядовитым составом». В сочинении «Катехизис иезуитов» Паскье рассказывал о множестве заговоров, например, как в 1597 г. члены Общества Иисуса готовили отравление английской королевы. Направленный иезуи-

тами отравитель произносил формулу пожелания доброго здоровья королеве, натирая седло ее лошади ядом. При этом в мыслях он желал ей прямо противоположного. Очевидно, это было что-то вроде магических заклинаний, призванных активизировать яд замедленного действия. Вице-короля Ирландии графа Эссекса планировали отравить, намазав ядом ручки его кресла. И это были не первые случаи. В тексте приводился рассказ об ужасной смерти графа Дерби в 1594 г. Иезуиты якобы отравили его, используя одновременно колдовство и наводя порчу в наказание за нежелание участвовать в их кознях против королевы.

Роль вопроса об отравлениях в жизни Церкви оказывалась столь значительной, что впору было бы говорить об отравлении общественного мнения, если бы такое определение не смешивало все обвинения и зловерные измышления. Но в любом случае все они выполняли определенную политическую функцию.

Итак, *Ecclesia non abhorret a veneno* (Церковь не испытывает отвращения к яду). Когда переживавшая кризис Церковь XIII–XVI вв. употребляла яд, это было не метафорическое отравление ядом ереси или ядом греха, хотя проповедники часто привлекали подобные образы. Речь шла о настоящем материальном яде. Понтификам, как и прежде, приходилось на себе испытывать его смертоносную силу, однако и сами они не гнушались пускать его в ход. Этот второй факт может показаться противоестественным. Еще Филон Александрийский сильнее осуждал отравителей, чем насильников, потому что сближал яды с колдовством. В XVI в. этой же идеи, что колдовство «имеет какие-то связи

с ядом», придерживался Жак Гревен. Правда, Пьер де Бурдей Брантом (1540–1614) демонстрировал разницу между двумя составляющими *veneficium*: «Кюре, ненавидит колдуна, который предается дьяволу, дабы получить яды и отравляющие вещества, способные умерщвлять людей. Он говорит, что следовало бы, не вступая в связь с дьяволом, обращаться только к аптекарю и покупать у него хорошие яды, которые называются именами. Он подмешивает их в еду и питье; короче говоря, убивает ими кого угодно, вовсе не предаваясь дьяволу». И все же в эпоху, когда восприятие Зла становилось все ярче и отчетливее, оружие, связанное с нечистой силой, вроде бы должно было исчезнуть из практики римской апостолической церкви. Однако, напротив, мы видим, что естественное доверие к духовному лицу коварно использовалось в целях убийства себе подобных.

Очевидно, что фактор применения яда ощутимо присутствовал как на вершине церковной иерархии, так и во всем корпусе духовенства. Вместе с тем его нельзя назвать решающим в развитии кризиса института Церкви. Протестанты клеймили богатство и роскошество высшего духовенства, его стремление к выгодным должностям, чересчур мирской образ жизни и связанный с этим абсентеизм, его злоупотребление духовной юстицией и неверную трактовку Божественного слова. Практику отравлений не критиковали. Она оставалась эпифеноменом, несколько преувеличенным богатством источников и улучшением коммуникации. В то же время некоторые дела об отравлении рассматривались как следствие выше перечисленных зол. Например, «токсикомания» Папы Александра VI Борджиа (если можно в дан-

ном смысле употребить это слово) в глазах его хулителей как раз символизировала жадность прелатов, развращенных земными благами, коррумпированных, усвоивших манеры светских владык и их свиты. И теперь стоит посмотреть, как часто употреблялся яд в этом мире за пределами Церкви.

ОТРАВЛЕННЫЙ МИР:
ДВОРЫ ГОСУДАРЕЙ
ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

Знаменитый музыкант и поэт Филипп де Витри, клирик и придворный, жил в XIV в. В его балладе «Речение честного Гонтье» (*Le Dict de Franc Gontier*) утверждалось, что деревенским бедняком быть лучше, чем придворным. Помимо прочих неприятностей, придворный всегда подвергается опасности, что в его подаваемую на золоте еду подмешают яд. Окружение государей поэт изображал как скопище отравителей. Подобное враждебное двору настроение восходило к концу XII в. В королевствах и княжествах Западной Европы формировалось «политическое общество», в которое входили правители, их родственники и главные помощники. Оно постепенно обретало все более полноценную структуру. При этом оно не могло оставаться застывшим хотя бы вследствие демографического фактора (эпидемии чумы), а также по техническим причинам. Появлялись специалисты: военные, юристы, сборщики налогов, которые вступали в конкуренцию с «естественными» элитами: знатью и духовенством. Все это порождало и обостряло напряженность в обществе. XIV–XVI вв.

являли собой период всеобъемлющей нестабильности. Его характеризовали насильственные захваты власти, гражданские войны, беспрестанные заговоры. Политика делалась непрозрачной, увеличивалась роль тайных действий, власть стремилась хранить свои дипломатические секреты. Оживлявшаяся рыцарская идеология набрасывала на все это легкий флер приятности. Развивалась политическая мысль, старавшаяся держаться в стороне от придворной грызни. В 1260 г. появился перевод «Политики» Аристотеля на латинский язык, глубоко повлиявший на литераторов и философов. Новый толчок осмыслению политического процесса дали гуманисты. Своего рода кульминацией его явилось творчество Макиавелли, а в эпоху Реформации идеологическая борьба достигла точки кипения.

В подобном контексте любая угроза жизни правителя, любые совершаемые им действия вызывали мгновенный отклик, порождали многочисленные комментарии, возбуждали споры. Все более заметно проявлялся фактор общественного мнения. Оно возникало спонтанно или ловко формировалось пропагандой, возможности которой расширило книгопечатание. Именно благодаря ему аргумент яда обретал значимость. По мнению бургундского хрониста Шателена, смерть государей все чаще и чаще приписывали «злодеяниям людей», а не «действию природы». Мысли об отравлении распространялись все шире. Кто-то от страха ничего не ел и умирал от голода; кто-то сам подстраивал отравления, дабы изменить существующий порядок; кто-то сам выдвигал страшное обвинение, в уверенности, что оно погубит или дискредитирует врага.

ЗЛОСЧАСТЬЕ ГОСУДАРЕЙ И СТРЕМЛЕНИЕ УКЛОНИТЬСЯ ОТ НЕГО

Около 1245 г. в вине Фридриха II утонула жаба, которая чуть было не отравила императора. Монарх инстинктивно придал несчастному случаю политический смысл и обвинил одного швабского графа, в конце концов признанного невиновным. Историю рассказал Иоанн Витодуран, и она показывает, до какой степени угроза яда являлась навязчивой идеей государей на пороге осени Средневековья. В трактате под названием *De infelicitate principum* итальянский гуманист Поджио Браччолини утверждал, что монархи несчастны, ибо вынуждены постоянно страшиться отравления, они не могут спокойно радоваться жизни. Пармский врач Джан-Мартино Феррари объяснял правителю Милана Франческо Сфорца, что таков — увы! — удел государей. Дамоклов меч превратился в пузырек с ядом.

В нашем распоряжении обширный перечень коронованных жертв яда. Стоит рассмотреть его поближе, заглянуть в королевские кухни и пиршественные залы и попытаться понять, в какой степени помазанникам Божьим удавалось уберечь себя от опасностей.

МНОГОЛЮДНОЕ ОБЩЕСТВО КОРОНОВАННЫХ ЖЕРТВ

В повествовательных источниках, литературных произведениях, юридических документах второй половины XIII – конца XVI в. содержится множество случаев покушений на государей с помощью яда. Возможно, это следствие контактов с Востоком и, наверное, влияния других факторов, например

непримиримой борьбы между папами и императорами Штауфенами. Вместе с тем нестабильность, сомнительные завершения правлений приходились на эпоху становления сильного государства. Психоз отравлений начал овладевать умами с конца XIII в. и достиг кульминации три века спустя.

Французским королем Карлом VI постепенно овладевала душевная болезнь. В 1398 г. юрист из Прованса Онора Бове отмечал в этой связи, что государь не может ни умереть, ни заболеть, так чтобы немедленно не заговорили о «колдовстве или яде». Хронисты писали, что страх перед ядом до такой степени одолевал Карла VII, что он предпочитал ничего не есть, что и привело к его смерти. На самом деле король страдал от опухоли во рту, которая практически не давала ему принимать пищу. Однако интерпретация вынужденного голода источниками весьма показательна. И со временем боязнь отравления никак не уменьшалась. В период религиозных войн политическую элиту охватила настоящая «мания яда». Таким образом, дошедшие до нас упоминания о применении яда далеко не всегда соответствовали реальным фактам. Они нередко обуславливались общей психологической атмосферой и политическим контекстом.

Монархов, которых, как считалось, отравили придворные, бесчисленное множество. Государям постоянно приходилось быть начеку среди своего окружения, дабы вовремя предупредить заговоры и противостоять им. Мы рассмотрим лишь несколько ярких случаев покушений и начнем с императоров, т. е. с тех, кто обладал самым высоким титулом.

Считается, что приближенные много раз пытались отравить Фридриха II. Первые покушения

относились к 1235 или 1242 гг. В 1249 г. по сведениям некоторых, разумеется, плохо информированных источников доверенный слуга императора Пьер де Ла Винь якобы собирался отравить воду в ванне государя. На следующий год после этого Фридрих II скончался от болезни. Говорили, что причиной смерти стало отравление, организованное побочным сыном монарха Манфредом. Обе в высшей степени сомнительные истории фабриковались не без участия императорского окружения. Тем не менее они циркулировали, демонстрируя, что даже наивысший из светских правителей не застрахован от коварного отравления. Слухи не угасли и после смерти Фридриха II. Это был неиссякаемый материал для размышлений о тщете власти.

В 1347 г. скончался преемник Генриха VII Людвиг IV Баварский. Его власть оспаривалась, и эту смерть тоже отнесли на счет яда. Некоторые даже прямо обвиняли Карла Люксембургского, кандидата на титул императора, которого поддерживало папство. На самом деле более доказательны сведения о покушениях как раз на этого последнего. Хронисты сообщали о попытках отравления, имевших место в 1348 и 1350 гг. Карл Люксембургский выжил благодаря искусству врачей, однако с 1350 г. у него в течение года были парализованы руки и ноги. Преемник Карла Венцеслас, низложенный в 1400 г., страдал от пьянства, которое приписывалось неутолимой жажде, спровоцированной якобы двойным отравлением. А вот императоров Фридриха III, Максимилиана и Карла V, по-видимому, не травил собственные придворные. По крайней мере, такие случаи не зафиксированы.

Довольно часто яд применялся при дворах монархов Центральной Европы. После подозрительной смерти в 1307 г. короля Родольфа монах из Фюрстенфельда писал, что уделом правителей Богемии является неестественная смерть. Родольф вступил на богемский престол, женившись на вдове Венцесласа II, который вроде бы тоже умер от яда в 1305 г. В первый раз Венцеслас стал жертвой отравления в 1278 г. Тогда он выкарабкался только благодаря подвешиванию за ноги, которое облегчило, как верили, выход из тела токсического вещества. Аналогичная неприятность случилась в 1295 г. с герцогом Австрийским Альбертом, получившим после этого прозвище *Monoculus* (Одноглазый). Таков был результат терапии стояния на голове: считалось, что отравы вышла из его тела через утраченный глаз. В 1457 г. в возрасте 18 лет скончался король Венгрии и Богемии Ладислас, и смерть юного монарха вызвала потрясение. Ужасала сама методика отравления: яд был введен в рукоятку ножа, служившего для разрезания яблок. Шателен указывал, что королю дали яд «такого состава, воздействие которого на тело походило на признаки чумы».

В Англии многие короли, начиная с Эдуарда II и до Карла I, трагически окончили свои дни. А вот дел об отравлениях при английском дворе было не так уж много. Считается, что герцог Эдмонд Кентский в 1330 г. замышлял отравить своих племянников: юного Эдуарда III и его брата. Герцог хотел передать королевство Эдуарду II, которого считал живым. Похоже, впрочем, что эта традиция восходила к ошибочному чтению Фруассаром хроники Жана Красивого: вместо *emprisonner* (посадить в тюрьму) он прочитал *empoisonner* (отравить). Впоследствии

этот сценарий, опиравшийся на неточность хрониста, неоднократно воспроизводился.

В 1376 г. умер Черный принц, старший сын Эдуарда III. Говорили, что он стал жертвой яда, который ему дали за девять лет до смерти вдали от замка Плантагенетов в испанском городе Нахере. Отравление угрожало и первым королям из рода Ланкастеров, но им удавалось его избегать. В обстановке нестабильности, терзавшей Англию после низложения Ричарда II, против новой королевской династии действительно организовывались заговоры с целью отравления. В 1400 г. замыслы убийства монарха лелеяли высокопоставленные недруги Генриха IV. Планировалось, что духовник короля намажет его седло смертоносной мазью. Главные же заговорщики при этом стремились остаться в стороне. На Рождество того же года государю поднесли отравленное блюдо. В 1440 г. провалился план уничтожения Генриха VI. Для него готовили микстуру на основе девятидневных человеческих останков, смешанных с травами. Во времена войны Алой и Белой роз преобладало насилие, и крови лилось больше, чем яда. В 1553 г. после смерти Эдуарда VI вспыхнул бунт против Джона Дадли, графа Уорвика, герцога Нортумберлендского, которого считали ответственным за кончину молодого короля. Когда в застенках Генриха VIII умер герцог Уинчестерский, снова возникли слухи о яде. В 1567 г. в Шотландии был задушен в постели супруг Марии Стюарт Генри Дарнли. Перед этим он страдал от болезни, которую Жак де Ту, основываясь на мнении наблюдавшего Дарнли врача, приписывал отравлению. Участвовавшая в этом заговоре королева Шотландии сама боялась яда. Она ждала отравления со стороны Елизаветы

Английской, которая держала ее в заключении. Но английская королева, как известно, готовила Марии Стюарт иную участь.

При французском дворе подобные дела встречались чаще. Когда монарх или кто-то из его приближенных ослабевал или умирал, в мыслях и на устах у всех возникало слово «яд». Раскрывалось множество заговоров. Слухи множились, причем чаще всего — без всяких оснований. Одни процессы служили материалом для других.

В 1276 г. скончался Людовик Французский, старший сын Филиппа III. Его смерть открыла эру подозрений, которые следующим образом объяснялись хронистом: «Смерть через отравление / Часто ожидает отмеченных Господом». Разоблачения, сделанные «прорицательницами», по всей видимости подвергнутыми внушению, породили скандал. Заговоры с целью отравления расцвели в правление Филиппа IV Красивого. Современный романист Морис Дрюон в знаменитых «Проклятых королях» не случайно употребил выражение «яд короны». Расследование в 1308 г. кончины Бланки Наваррской, а затем ее дочери Жанны, жены Филиппа IV, выявили отравление, смешанное с колдовством. Тем же оружием планировалось уничтожить и наследника престола. Разговоры о яде породила смерть самого Филиппа Красивого, а затем его сына — Людовика X, сидевшего на троне очень недолго. Хронист писал, что «король Луи правил всего один год и был отравлен». В 1322 г. новые слухи поползли в связи с кончиной Филиппа V, а возможно, она послужила обоснованием слухов. За год до этого разоблачали большой заговор отравителей колодцев, говорили

о Божьей каре. Все это располагало людей к тому, чтобы объяснять смерть отравлением.

В 1337 г. было совершено покушение на Филиппа VI, первого короля из династии Валуа. К нему в замок проникли люди в монашеских одеяниях, лелеявшие черные замыслы отравления. Согласно источникам, отравить пытались всех королей прямой линии Валуа (1328–1498 гг.), за исключением Иоанна II Доброго (1350–1364 гг.). Некоторые хронисты утверждали, что на больного Карла V покушались в 1357 г., т. е. еще в бытность его дофином. Именно отравление покалечило будущего короля на всю жизнь. В течение двадцати трех лет у него сохранялась фистула, через которую вытекало токсическое вещество. В конце концов от этого яда Карл V и скончался. В 1385 г. покушались на Карла VI, его брата и дядей. В 1390 г. во время пира только присутствие умной гостьи королевы Бланки (вдовы Филиппа VI) спасло короля в последний момент. Тем не менее разум монарха не выдержал, и он впал в безумие*. Душевная болезнь Карла VI объяснялась, впрочем, разными причинами. Ее симптомы могут наводить на мысль о приеме галлюциногенов, содержащихся в растениях семейства пасленовых. Говорили, разумеется, также о порче и колдовстве.

* 28 января 1393 г. на так называемом «балу объятых пламенем», Карл VI чуть не сгорел заживо от пламени факела, который слишком близко поднесли к его просмоленному маскарадному костюму. Несколько придворных, одетых так же, погибли. Короля спасла находчивость молодой герцогини Беррийской, быстро накрывшей его своими юбками и тем самым потушившей пламя. Считается, что этот случай сыграл роковую роль в развитии болезни короля.

В 1401, 1415 и 1417 гг. имели место покушения на трех дофинов. Согласно слуху, от яда в 1461 г. погиб Карл VII, а возможно, его еще и раньше травили порошком, дабы тот «иссушил его, подобно палке». Этот король, кстати, выражал уверенность в отравлении своей прекрасной подруги Аньес Сорель. Недавно специалисты по палеопатологии исследовали ее останки и обнаружили на защитных покровах (волосах, бровях, волосках на теле) следы ртути. Однако, скорее всего, это вещество употреблялось в медицинских целях и не носило криминального характера.

В 70-е гг. XV в. объектом многих покушений являлся Людовик XI. В 1472 г. умер брат короля, который болел уже восемь месяцев и находился в состоянии расслабленности, однако считалось, что его отравили. В 1476 г. покушались на наследника престола, будущего Карла VIII. До нас дошли рассказы об изобретательных способах отравления, которые пытались применить недруги Людовика XI. Предполагалось, например, «намазать ядом землю в том месте, где король обычно целует ее после мессы, или предаваясь молитве; намазать покров на алтаре, который король также целует /.../ А если [исполнитель] видит, что на нем украшения другого цвета, зеленого, черного, красного и синего, он положит те из вышеозначенных ядов, которые будут такого же цвета». Означенное злодеяние разоблачил аптекарь, которому его поручили. Король Карл VIII преждевременно погиб в 1498 г. двадцати семи лет от роду, и это снова активизировало слухи об отравлении, ходившие по королевству, уже начиная с 1480-х гг. Они распространялись даже в Швейцарии. Любопытно, что, когда проблемы со здоровьем

начались у Людовика XII, особенно в 1504 г., о яде никто не вспоминал, хотя он мог бы служить отличным объяснением ситуации. На тридцать лет при французском дворе прекратились дела, связанные с ядом.

Они возобновились в 1536 г. в связи со смертью дофина Франциска. Разумеется, сначала обвинение выдвигалось в адрес неких внешних сил, подстрекавших якобы феррарского секретаря принца Монтекукули (владевшего мышьяком и переписанной от руки книгой о ядах) подсыпать смертоносный порошок в воду. Однако вскоре подозрения переместились внутрь страны, ко двору. Они сконцентрировались на фигуре Екатерины Медичи, стоявшей в центре многочисленных дел второй половины XVI в. После 1560 г. «не проходило года, который не был бы отмечен несколькими предательствами, вероломством, отравлениями и варварским насилием», — писал Франсуа де ла Ну. Религиозный конфликт возбуждал умы, и люди весьма охотно верили в отравление принца, если тот умирал не от удара кинжалом. Так, в 1560 г. угас пятнадцатилетний Франциск II, а в 1574 г. — двадцатичетырехлетний Карл IX. В 1584 г. в Шато-Тьери скончался их младший брат Франциск Алансонский. Вскрытие тела короля Карла IX проводилось в присутствии магистрата. «Поскольку внутри тела не обнаружили никаких следов или пятен, то было публично подтверждено, что яд не применялся», — писал Брантом. При этом Амбруаз Паре допускал применение в данном случае порошка весьма медленного действия из бивня морского зайца. На Франциска Алансонского покушались еще в 1557 г.; тогда яд обнаружился на дне бутылки с вином. По словам Франсуа де ля Ну, «хирурги, которые вскрывали

его тело, объявили о наличии изъеденных участков и некоторых других признаков подобного же рода». Умиравший герцог Алансонский пошутил, что прекрасная еда (*la bonne chère*), которой угощал его король накануне поста, стоила ему дорого (*lui avait coûté cher*). Эти слова заставляли задуматься и строить страшные предположения. Когда в 1589 г. умерла Екатерина Медичи, вскрытие распорядился произвести Генрих III, который стремился развеять поднимавшиеся слухи об отравлении.

Слухи и зловещие подозрения циркулировали и в протестантском лагере. Генрих Наваррский был уверен, что его мать Жанну д'Альбре убили в 1572 г. с помощью зловещего *букона*, и сам опасался отравления. В 1585 г. он жаловался при дворе, что его жена королева Маргарита наняла секретаря, чтобы его отравить. Таким образом она стремилась якобы отомстить супругу, пренебрегавшему ею ради Габриели д'Эстре уже в течение двух лет. Смерть возлюбленной короля в 1599 г. также приписывалась яду, хотя эксперты-медики ясно говорили о естественной патологии. Наконец, в 1600 г. Генриху IV стало известно, что женщина по имени Николь Миньон хотела устроить на королевскую кухню своего мужа, чтобы он отравил монарха. И все же первый король из династии Бурбонов в течение всего своего беспокойного правления чаще подвергался опасности удара кинжалом.

В окружавших Французское королевство герцогствах яд при дворах был так же хорошо известен. Там тоже распространялись слухи и строились расчеты, связанные с отравлениями. Нередко начинались юридические преследования, придававшие делам некоторую основательность, но не гарантировавшие их реальности. Так, в 1440 г. Шарля

Орлеанского чуть не отравил оруженосец, которого разоблачили до совершения преступления. Во время расследования его «подвергли весьма суровой пытке и допросу». В 1391 г. скончался в своем замке граф Савойский Амедей VII. У него развился столбняк вследствие раны, полученной на охоте. Сегодня эти факты можно считать установленными, но в то время о столбняке ничего не знали, и молва об отравлении принца распространилась от Аннеси до Женевы. В 1395 г. чуть-чуть не удался заговор с целью отравления молодого Амедея VIII. Благодаря матримониальным союзам графов Савойских с французской аристократией обе эти истории стали широко известны и потрясли политическую элиту далеко за пределами самой Савойи. В 1430 г. ропот об отравлении поднялся в герцогстве Брабант в связи со смертью двадцатипятилетнего герцога Филиппа. Местные власти и герцог Бургундский не без труда опровергали слухи. Последний являлся наследником усопшего, и в этом качестве его подозревали в попытке «ускорить» смерть Филиппа. Исследуя останки герцога, медики искали *signa certa intoxicationis*, о которых шла речь в ученых книгах, однако ничего не нашли. За восемь лет до описанного события герцога Бургундского уже подозревали в аналогичном преступлении, когда скончалась его супруга Мишель Французская. Во-первых, он не имел от нее наследника, во-вторых, Мишель связывала его с французским королевским домом, с которым он решительно не хотел иметь дела. Однако в Генте принцессу любили, и после ее поспешных похорон многие о ней плакали. Официальный историограф Жорж Шателен мог сколь угодно скептически и презрительно указывать, что «не существовало

никаких доказательств, ничего, кроме народной молвы». Вдовец тем не менее поторопился провести расследование, имевшее целью оправдаться в глазах всех. Яд и дальше продолжали применять при бургундском дворе. В 1462 г. слуга старого герцога чуть не отравил наследника Шарля де Шароле (Карла Смелого).

При дворах средиземноморских государств яды применялись с особой легкостью. Эти страны располагались близко к мусульманским державам и имели с ними общее прошлое. Испанские хроники XIV в. полны подобных историй. Рамон Беренгуер, сын Хайме II Арагонского, умер в 1346 г. от отравленных воды и вина. На следующий год слухи о яде вызвала смерть брата короля Педро IV. В 1506 г. хронист из Прованса Онора де Вальбель упоминал о вероятном отравлении Филиппа Красивого, супруга наследницы испанского престола.

На Апеннинском полуострове встречалось еще больше жертв, приписанных яду, чем на Пиренейском. Дворы здесь отличались той же пышностью и многолюдностью, при них велись ожесточенные баталии. Неаполитанское королевство, особенно нестабильное после 1343 г., переживавшее череду кровавых кризисов, стало ареной нескольких убийств, в том числе отравлений. В 1345 г. камеристки с помощью клистира отравили Аньес Дураццо, родственницу правившей тогда династии. Возможно, у истоков заговора стояла королева Джованна. В 1414 г. ужасный конец постиг претендента на неаполитанский трон Ладисласа Дураццо. Он умер в результате сексуального контакта с партнершей, которой намазали ядом влагалище.

В коммунальной, а потом сеньориальной Италии также часто применялся яд. Больше всего подобных эпизодов наблюдалось, вне всякого сомнения, в Милане, где правила семья Висконти. Отравленными считались многие представители семейства. В 1355 г. скончался, поев свиных почек, Маттео Висконти. В 1368 г. умер английский аристократ Лайонел Кларенс, супруг Виоланты Висконти; в 1385 г. — Бернабо Висконти; в 1404 г. — Катарина, вдова Джан-Галеаццо Висконти. Переход власти в Милане к семье Сфорца никак не изменил традицию. Бьянка Мария Висконти, вдова Франческо Сфорца, скончавшаяся в 1468 г., считалась отравленной смертоносным лекарством. Яд ей якобы дал врач, нанятый для ее лечения сыном. Современное исследование показало, что подозрения не имели под собой оснований. В 1494 г. скончался двадцатилетний Джан-Галеаццо Сфорца. Его смерть, по-видимому, могла произойти только в результате отравления. Яд вызвал симптомы, похожие на симптомы венерической болезни.

Болезни и смерти многих итальянских правителей порождали аналогичные слухи. В 1482 г. яду приписывалась смерть сеньора Римини, в 1537 г. — смерть герцога Урбино; в 1545 г. — кончина герцога Феррары. Нет необходимости перечислять дальше. Очевидно, что мелкие итальянские монархи подвергались очень большой опасности быть отравленными. Джованни Сабадини даже восхищался тем, что Эрколе д'Эсте, герцог Феррары и Модены, мог пользоваться свободой, спокойно прогуливаться по улицам, не опасаясь яда, кинжала или выстрела. Узвимость власти в Италии имела множество причин. Разумеется, соблаз-

нительно выдвинуть гипотезу, что непрочными делала политические режимы полуострова сама их изменчивая природа. Она и благоприятствовала постоянным отравлениям. Однако с аналогичной опасностью сталкивались и вполне устойчивые династически легитимные монархии. Более правдоподобным представляется объяснение, которое обращает внимание не столько на сами события, сколько на отношение к ним. В Италии рано сформировалась сеть послов, которые использовали в своих целях живо обсуждавшуюся информацию о состоянии правителей. События деформировались, увиденные через призму политики, и в результате роль природы неизбежно виделась меньшей, чем роль людей и их злых умыслов.

СТРАХ ПЕРЕД ЯДАМИ ПОРОЖДАЕТ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ОТ НИХ

В феврале 1480 г. в городе Туре по приказу короля и в присутствии эшевендов происходило испытание яда на собаке. Этим экспериментом Людовик XI демонстрировал свой большой интерес к токсическим веществам и к их действию. Монархи той эпохи на самом деле интересовались предупреждением и лечением отравлений. В данном случае этому способствовала еще и крайняя подозрительность короля. Навязчивый страх перед ядами питался постоянно возбуждаемыми слухами. Отсюда и распространенность средств защиты, вроде тех, о которых шла речь в предыдущей главе.

Светские принцы стали проявлять любознательность к литературе по токсикологии позже, чем церковные иерархи, и оно носило у них более утилитарный характер. Их больше занимали не

внутренние угрозы, а те, что возникали в связи с разнообразными перемещениями. В 1472 г. врач Баптиста Масса да Аргента преподнес Эрколе д'Эсте, господину Феррары, трактат *De venenis*. Еще раньше Джан-Мартин Феррари из Пармы написал сочинение *De venenis evitandis et eorum remediis libellus* для герцога Миланского Франческо Сфорца и маркиза Мантуи Лудовико Гонзаги. Франческо Гонзага в 1407 г. уже имел в своей библиотеке копию трактата Пьетро д'Альбано.

Во всех этих сочинениях указывалось, каким правилам надо следовать, чтобы избежать риска отравления. Больше всего внимания предписывалось уделять прислуживанию за столом. После 1300 г., в результате влияния папского или византийского дворов, церемониалы (*ordines*) трапезы монархов становились все более жесткими. Сохранилось свидетельское показание против кардинала Франческо Каетани, покушавшегося на принцев французского королевского дома: Людовика X и его брата. «С помощью яда вам не удастся достичь цели, потому что они слишком хорошо охраняются», — разъяснялось исполнителям преступления. Документ показывает, какие серьезные меры предосторожности принимались при дворе Капетингов в 1310–1320 гг.

Так же трудно было в конце XIV в. отравить принца при дворе Висконти. Пищу человека, который в одиночестве восседал за столом, предварительно пробовали как минимум двадцать слуг.

Leges palatinae короля Майорки Хайме II начала XIV в. в 1344 г. использовал король Арагона Педро IV. В них рекомендовалось, чтобы королевские блюда готовились при закрытых дверях людьми, давшими специальную клятву, дабы быть уве-

ренными в их нерушимой честности. Приводилось семь критериев, которым должны были соответствовать эти люди. Последний состоял в том, что им не подобает нести в себе яд, вероятно, в самом прямом смысле слова. Предусматривалось несколько проб блюд, в то время как виночерпий не позволял неизвестному человеку приблизиться к королевскому столу. Повышенной бдительности требовала не только трапеза государя. Королевскому аптекарю предписывалось пробовать лекарственные каши и лосьоны для волос. Перед причащением монарха проверялось вино. В XV в. в церемониале трапезы появилось много специальных действий, отражавших недоверие к окружающим, но также и служивших возвеличиванию государя. Церемониймейстер Карла Смелого Оливье де Ла Марш написал о них в трактате «Об устройстве бургундского двора» (1473). Сначала «мясо» (т.е. все продукты вообще) пробовал главный метрдотель на кухне. Затем с помощью рога единорога проверялись соль, салфетки, соусы, фрукты, доски для резки мяса. Метрдотель «два раза пробовал каждое блюдо», не спуская с них при этом глаз. Следующая существенная часть церемонии осуществлялась оруженосцем, который резал пищу. Он «берет хлеб [...], затем берет рог единорога и проводит им по хлебу со всех сторон, затем режет его на глазах принца [...]. Поставив блюдо перед государем, он должен его открыть и проверить рогом единорога, а затем попробовать, прежде чем его отведают принц».

Император Карл Пятый, который являлся наследником бургундских герцогов, в своих установлениях не следовал буквально тексту Оливье де Ла Марша. Однако в его *ordo* 1545 г. упомина-

лось о «сосуде для проб» и о пробе соли. Похожие предметы и такой же ритуал действовал при французском дворе, где, начиная с Франциска I, метрдотель вместе с хлебодаром отправлялся за блюдами на кухню в сопровождении только одного слуги, дабы устранить возможность попадания в пищу яда. Ужесточение правил церемониала произошло при Генрихе III. В сентябре 1574 г. он ввел шокировавший всех новый порядок. Отныне он сидел за трапезой в одиночестве и приказал соорудить барьер, отгораживавший его от придворных, дабы никто не имел доступа к его столу. До сих пор подобное обыкновение было известно только в Испании и в Австрии. Венецианский посол докладывал в 1575 г. своему двору, что подобное ограждение королевского стола установили, несмотря на недовольство многих. Венецианец, впрочем, утверждал, что ограда вокруг короля имела целью помешать людям обращаться к нему с просьбами. Интересно, что в его донесениях практически не шло речи о яде. Последние короли династии Валуа под его пером выглядели хилыми и болезненными, но этим дело и ограничивалось.

Понятно, почему иезуит Мариана (1536–1624) обращал внимание на трудность отравления монарха. Случались, впрочем, и недосмотры. Так, в 1575 г. не было опробовано вино Франциска Алансонского, «как принято это делать в отношении принца его ранга». Подобные срывы скрывали, видимо, злой умысел; как правило, выстраивалась эффективная система предосторожностей. Добавлять яд в королевскую пищу становилось все труднее, и, вероятно, поэтому в XVI в. стало распространяться убийство токсичным запахом

или методом контакта. Ученые медики доходили до того, что советовали предварительно класть на ложе господина голого слугу, чтобы проверить безвредность постели. Подобные меры распространялись на одежду и на седло. Во избежание отравления на лошадь сначала садился слуга.

Источники показывают, что светские государи использовали те же действия и предметы, призванные предохранять от яда, что и духовные лица. В описи имущества аббатства Сен-Дени, составленной в 1505 г., фигурировал огромный рог шести с половиной футов в длину (более 2 м), весивший больше пяти с половиной килограммов. Карлу IX спасительная сила данного предмета представлялась бесспорной, хотя медики и пытались предостеречь короля от чрезмерной веры в его действенность, а Амбруаз Паре отрицал, что рог потел, оказавшись вблизи от яда. «Сегодня благодаря опыту и ежедневному наблюдению мы хорошо знаем, что эта точка зрения древних естествоиспытателей является вымыслом», — заявлял знаменитый врач. Тем не менее суеверие было слишком укоренено, и отказ от использования «рога единорога» повлек бы за собой очень серьезные обвинения в адрес врачей в случае смерти пациента.

Лангье и другие приспособления из змеиных зубов в большом количестве фигурировали в сокровищницах европейских правителей. Они имелись у графини Матильды (Маго) д'Артуа, числились в составленной в 1453 г. описи баснословных сокровищ короля Рене. Если верить хронисту, то в 1320 г., когда графу Фландрскому за пиршественным столом подали отравленное его

сыном Луи де Невером блюдо, на «язычке змеи» выступили капли.

Около 1450 г. знаменитый врач Михаил Савонарола отмечал в трактате *Зеркало физиономии*, предназначенном для Леонелло д'Эсте, что лихорадочное стремление принцев обрести antidоты объясняется частотой покушений на них. Сто двадцать лет спустя Карл IX верил, что противоядием и лекарством может быть безоар, и это отражало то же самое состояние духа. Никогда еще яд не играл такой значительной роли в жизни тех, кто стоял на вершине власти.

ОТРАВИТЕЛИ ИЗВРАЩАЮТ ВЛАСТЬ ИЛИ КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИГРЫ

При дворах западноевропейских монархов часто говорили о ядах. При этом редко ограничивались объявлением предполагаемых жертв и сожалением о них. Для представителей верхушки общества употребление яда являлось особым средством ведения политической борьбы. Таким образом, нарушался божественный и естественный порядок. Злоупотребление властью обнаруживало давно известную связь между отравлением и тиранией; нетерпеливое стремление к ней подталкивало претендентов, желавших поторопить природу, дабы достичь высшей цели; жажда возвышения порождала выскочек. Все эти примеры свидетельствуют о расстройстве общественного механизма. А можно ли привести такие, которые способствовали его успешному функционированию? Иными словами, имело ли место в ту эпоху тираноубийственное отравление?

Тирания в позднее Средневековье вновь становилась актуальной проблемой. Находились ли люди, готовые бороться с ней теми самыми средствами, которыми она так охотно пользовалась сама? Размышляя над историческими примерами (прежде всего, над убийством Цезаря), мыслители сосредотачивались прежде всего на том, легитимно ли убийство тирана. Методы убийства их интересовали гораздо меньше. В то же время они, вслед за Иоанном Солсберийским, не упускали из виду вопрос о яде.

Страсть к коммунальным свободам провоцировала итальянских авторов на известный радикализм. Феррето Феррети из Виченцы жил в начале XIV в. и хорошо усвоил античные теории. Вокруг него тираны-узурпаторы и просто правители-тираны попадались довольно часто. Писатель считал абсолютно законным применение хитрости против силы. А Боккаччо в трактате *De casibus virorum illustrium* утверждал, что ради уничтожения тирана допустимы любые средства. Канцлер Флоренции Колуччо Салютати (умер в 1406 г.) в трактате *De tyranno* высказывался в том смысле, что убивать тирана, проливая кровь (*cum cede et sanguine*), законно. Однако и яд его тоже не смущал, коль скоро в 1385 г. он приветствовал уничтожение Бернабо Висконти.

Франция отличалась совершенно другим политическим устройством. И тем не менее Жан Пти убедительно доказал законность убийства тирана, когда хотел оправдать убийство Людовика Орлеанского в 1407 г. Он считал также возможным и использование ловушек. «Самая нормаль-

ная смерть для тирана — это убийство его в коварной западне и ловушке». Впрочем, подобные взгляды были признаны постыдными и осуждены Парижским университетом. В июне 1414 г. канцлер Жерсон объявил неприемлемыми какие бы то ни было действия, противные морали, даже если они направлялись против аморальной личности. Дени Фульша перевел для Карла V «Поликратика». «Я не считаю, что разрешено убивать путем применения яда». Парижский теолог цитировал эти слова и, вслед за Иоанном Солсберийским, утверждал, что коварство и предательство *veneficium* совершенно несовместимы с христианской этикой. Мало того что оно является покушением на телесную жизнь, оно еще наносит огромный ущерб душе жертвы, поскольку ее убивают внезапно, без духовной подготовки. Итак, допускалось устранение правителей-тиранов только такими методами, которые не шли вразрез с верой. Яд могли применять только те, кто не подчинялся божественному закону, то есть враги христианства.

В июле 1415 г. такая этическая аргументация была освящена Пятнадцатой сессией Констанцского собора. Она тем не менее не производила никакого впечатления на Макиавелли. Описывая функционирование политических механизмов в Италии, флорентийский мыслитель не придавал большого значения яду. В «Рассуждении на первую декаду Тита Ливия» он, не имея в виду отравление тираноубийственное, объявлял яд непрактичным средством. Во-первых, его использование не всегда приводит к ожидаемому результату, а во-вторых, он требует привлечения сообщников, которых легко раскрыть. «Технический» критерий отодвигал все остальные на второй план.

Серьезные споры начала XV в. вновь обрели актуальность во второй половине века следующего. С особой остротой они развернулись в католическом лагере, где вставал вопрос устранения монарха-еретика ради спасения, поскольку он стал абсолютно неприемлем из-за своего религиозного выбора. Одновременно решался и дополнительный вопрос о том, какие средства в этом случае можно использовать. Иезуит кардинал Толе в 1601 г. писал в «Инструкции священникам», что если убийство тирана-узурпатора законно, то ради его совершения нельзя призывать на помощь и подкупать дворцового врача или повара. Другой иезуит Мариана в главе VII первой книги сочинения *De Rege et regis institutione*, написанного в 1598 г. для нового короля Испании Филиппа III, задавался вопросом, позволительно ли убивать тиранов ядом. При определенных условиях он это допускал, одобряя тираноубийство в принципе. Мариана отдавал предпочтение хитрости перед открытым насилием и призывал как можно меньше проливать кровь. Иезуит признавал, что следует пользоваться случаем устранить тирана с помощью яда, и все же считал холодное оружие более достойным славы, а применение яда оценивал как противное естественному и христианскому закону. Мариана утверждал, что смерть от яда отвратительна и люди с полным правом порицают отравителей. Далее он тем не менее пускался в тонкую казуистику и разрешал отравление через одежду или отравленное сиденье, не предполагающее участия самой жертвы, в отличие от введения токсических веществ в пищу. В 1610 г. Парижский парламент вынес приговор данному сочинению, и вскоре после убийства Генриха IV его торжественно сожгли. Верная духу Констанцкого собора,

Сорбонна осудила следующее положение: «Всякий тиран может и должен быть убит своим вассалом или подданным любым способом, с помощью ловушки, лжи и лести».

Тираноборческие отравления случались нечасто, однако сомнительно объяснять этот факт без конца повторявшимися осуждениями. К отравлению относились очень плохо. Представить себе человека, который хвастался бы подобным убийством, довольно трудно. Пусть даже он действовал из наилучших побуждений и совершал освободительный акт. Вероятно, редкость отравлений тиранов обуславливалась тем, что тайное оружие не соответствовало важному в данном случае критерию показательности, демонстративности. Брут действовал кинжалом, и он хотел, чтобы все видели его оружие. Тайное убийство Генриха IV не означало бы триумфа его католических противников. Вот почему, хотя этого монарха много раз пытались убить, почти не совершалось попыток его отравления. Выше, впрочем, говорилось о заговоре Николь Миньон, но в выборе *modus operandi* сыграл роль тот факт, что она была женщиной. При этом мы не знаем, руководствовалась ли она какими-нибудь идеями и какими именно. «Говорят, что она ведьма, и есть подозрения, что она искала случая отравить короля», — указывал Пьер де л'Этуаль. Николь Миньон неосторожно раскрыла свой план графу Суассонскому, в тот момент являвшемуся официальным наследником. Она поманила принца тем, что убийство принесет ему корону. Очевидно, что дворцовая интрига в данном случае превалировала над политическим смыслом. Преступное отравление действительно плохо вписывалось в особую философию тираноубийства.

В период, о котором мы ведем речь, фигура тирана-отравителя оставалась привычной. Употребление яда не без полемического преувеличения приписывалось правителям, которые не желали знать никаких ограничений и истребляли своих приближенных. Их вдохновляло стремление властвовать безраздельно или страх перед потерей власти. Таким образом, отравление становилось свидетельством многостороннего разлада в функционировании высшей власти.

Сознание людей Средневековья связывало тиранию с отравлением задолго до эпохи Возрождения и нового открытия античной культуры. Ее иллюстрировала, например, знаменитая фреска Амброджо Лоренцетти конца 1330-х гг. во Дворце общественных учреждений в Сиене, в которой частично отражена политическая философия того времени. В изображенной на одной из стен Аллегии дурного правления тиран представлен в образе дьявола, держащего кубок с ядом. Аристотель называл физическое устранение своих врагов в числе прочих злодеяний тирана, хотя и не придавал значения тому, как это устранение осуществлялось. Эгидий Римский в трактате «О правлении государей», предназначенном для Филиппа Красивого, со своей стороны, писал, что тираны «уничтожают и отравляют своих собственных братьев и тех, кто близок к ним по роду, для того, чтобы забрать себе их собственность и стать их наследниками». В знаменитом пассаже из трактата Жана Жерсона *Vivat Rex*, написанного в 1405 г., для обозначения тирании снова воспроизводилась метафора яда. В нем говорилось, что она разруша-

ет тело королевства, которое буквально лишается своей сущности, поскольку тирания «перетягивает» все к себе (образ основывался на игре слов: *tyran* — тиран, *tirer* — тянуть). Итальянский автор эпохи Возрождения Поджо Браччолини оценивал *toxicatio* как порок, органически связанный с чрезмерной и злоупотребляющей властью тиранов. В сознании противников абсолютной монархии и сторонников традиционных «свобод» эта связь прочно держалась и в XVI в. В 1575 г. появилась книжка с показательным названием «Антияд». Она отвечала на абсолютистские теории сэра Понсе, согласно которым в королевство следовало бы импортировать турецкую систему власти. Еще одно сочинение, призванное «служить противо-ядием» сочинению Понсе, вышло в 1576 г. В нем автора упрекали в отравлении (*empoisonnement*) идеями пятнадцати или шестнадцати французских вельмож, которые, как считалось, поддерживали политику Генриха III. Ничего удивительного, что там же этому королю приписывалось множество убийств. Одни преступления он совершал открыто, ради демонстрации своего могущества, при том что его власть оспаривалась (таким было убийство герцога Гиза). Другие, призванные открыть Генриху дорогу к трону, а затем устранить все угрозы его единовластию, — осуществлялись тайно, с помощью яда (так были убиты его последний брат и его мать).

Генрих III, последний представитель династии Валуа, великолепно подходил на роль короля-тирана. Но не стоит забывать и его предшественников. В 1298 г. Адольфа Нассау изображали тираном, мечтавшим в первую очередь отравить герцога Австрийского, короля Германии. В 1306 г.

утверждали, что король Франции отравил молодую принцессу Филиппину Фландрскую. До этого ее десять лет держали взаперти во Франции, чтобы помешать ее браку с наследником английского престола. Эту историю, впрочем, рассказывал один только Джованни Виллани, и она отлично вписывалась в негативный образ Филиппа IV, бытовавший в Италии.

Согласно французскому источнику, Ричард II в 1398 г. отравил герцога Томаса Глочестера, могущества которого боялся. Спустя два года, согласно английскому источнику, аналогичный конец якобы постиг его семнадцатилетнего сына Хэмфри, и убийцей также стал тиран-отравитель. Однако после низложения и ареста Ричарда II подвергли суду. В то же время в актах процесса упомянутые события не обнаруживаются. В них не указано, как именно король устранял своих противников, и нет никаких аргументов, которые подтверждали бы связь тирании Ричарда с его пристрастием к отравлениям.

Кастильский хронист Лопез де Айала приписывал употребление яда королю Педро Жестокому против Жуана Альфонсо де Альбукерке, который имел несчастье поселиться вместе с инфантом Арагонским. Педро Жестокий послал врача убить жертву.

В Италии государство выглядело совсем по-другому. Сомнительная легитимность государей сопровождалась такими же сомнительными действиями. В сеньории Ломбардии, ставшей потом герцогством Миланским правителям было все равно, как уничтожать своих соперников. Они травили друг друга без малейших колебаний. В гербе рода Висконти изображалась змея. В 1355 г.

Бернабо и Галеаццо Висконти отравили своего брата Маттео из опасения, что он отравит их. Возможно, Галеаццо в 1368 г. стал убийцей еще и Лайонела Кларенса, супруга Виоланты Висконти. А вот Бернабо в 1385 г. сам погиб от яда своего племянника Джан-Галеаццо. В 1494 г. неожиданно умер двадцатилетний наследник миланского герцога. Не обошлось, вероятно, без участия дяди скончавшегося принца — Франческо, который распространил слух о том, что его племянник болел венерической болезнью. Карл VIII знал об этом отравлении от одного из своих врачей, который видел проступившие на теле знаки яда. Во время визита в Павию к герцогу Лодовико Моро он об этом говорил. Однако Лодовико в своих письмах отрицал убийство.

Воплощением итальянского тирана изображали сеньора Римини Сигизмунда Малатеста. Пий II обвинял его в безнравственности, подлости, скупости, сладострастии, похотливости и вороватости. Папа писал, что сеньор отличался жестокостью и неуравновешенностью и в период его правления никто не мог жить спокойно. Своих супруг он убивал кинжалом или ядом.

Венецианская республика, разумеется, не подходила под определение тирании. Однако режим там был авторитарный, он сильно ограничивал свободы своих подданных, особенно после волнений начала XIV в. И вероятно, не случайно отравление в Венеции совершалось подчас чуть ли не официально. 17 октября 1509 г. появился декрет, позволявший Совету Десяти (тайный следственный орган Республики, возникший после неудавшегося заговора 1310 г.) убивать врагов государства с помощью яда или любым другим способом.

Неудивительно, что Людовику XI очень нравились миланский и венецианский режимы. Их манера решать проблемы очень походила на его собственную. Автор «Истории Людовика XI», епископ Тома Базен упрекал короля в «тупом и слепом честолюбии и жажде власти». Базен писал, что именно эти качества толкают тиранов на отравления, и родственные связи перестают иметь для них значение. Биограф обвинял монарха в убийстве собственного брата, отравленного с помощью капеллана или слуги за столом. «Природа требовала от него любви» к брату, а король стремился от него избавиться, ибо видел в нем неудобного соперника, подверженного влиянию придворных. Ничего удивительного, что монарх широко использовал яд. В 1467 г. он отравил байи города Кана Тома де Лорайя, слишком сблизившегося с братом короля.

Во Франции времен последних Валуа господствовало разнузданное политическое насилие. Злоупотребление правителей здесь часто выражалось в угощении отравленной едой или напитком (*boucon*). Казалось, это оружие специально создано для Екатерины Медичи, поскольку она была женщиной, да к тому же еще и итальянкой. В 1569 г. она и в самом деле хвасталась перед королем, что способна кого угодно «убить, не нанося удара». Литература XIX в., прежде всего Александр Дюма, без особой заботы о правдоподобии изображала ее злодейкой, управлявшей с помощью яда. Хронисты и тем более памфлетисты приписали вдове Генриха II множество тайных убийств важных фигур протестантского лагеря. Все это вписывалось в образ чрезмерной власти, которая действовала тайными методами. В 1567 г. Пий II якобы сказал представителю Испании, что королева искала способов

погубить Конде и адмирала Колиньи. Ее месть преследовала и противников, укрывшихся за пределами королевства. В 1571 г. в Кентербери умер Одет де Колиньи. Королева Елизавета назначила расследование, и ее возмущенные комиссары доложили об обнаружении поражения желудка — знака яда. Точно так же считалось, что «заботами» Екатерины в июне 1572 г. была погублена королева Наварры Жанна д'Альбре незадолго до свадьбы ее сына с принцессой Маргаритой. «Мозг королевы поразили при помощи отравленных перчаток», — писал Агриппа д'Обинье. Техническую сторону дела подготовил парфюмер Рене Бьянки, миланец, находившийся на службе у кардинала Лотарингского и королевы-матери. Список «удостоенных внимания» Екатерины Медичи красноречив. Опасность грозила также и кардиналу де Бурбону, который воскликнул, как рассказывали, у одра умиравшей королевы: «Ах, мадам, мадам! Это же ваши дела, это ваши замыслы! Мадам, вы нас всех убиваете!»

Итак, оружие яда служило легитимным правителям, которых логика абсолютизма или собственная воля толкали к тирании. Его использование приписывалось также Ивану IV Грозному. Некоторые особо пессимистично настроенные моралисты считали отравление знаком порочности власти как таковой. Преступление виделось как неизбежное следствие обладания ею. На протяжении нескольких веков королевская власть укреплялась. В этой ситуации некоторые могущественные люди теряли чувство реальности, так что их уподобляли самым отвратительным римским императорам. Людовика XI, например, у которого преступление вошло в привычку, сравнивали с

Домицианом. Казалось бы, высокий ранг и благородное происхождение должны были бы отворотить их от такого низменного средства, как отравление. Тем не менее яд оставался одним из многих инструментов политической борьбы, хотя и не становился любимым оружием тиранических режимов.

ОТРАВА УЗУРПАТОРОВ

В 1577 г. принц Юхан приказал убить своего старшего брата короля Швеции Эрика XIV, которого он лишил трона. Сохранилось письмо с указанием вскрыть жертве вены в том случае, если яд не подействует. В данном случае отравление выступало завершением государственного переворота, но в большинстве случаев оно являлось скорее средством достижения высшей власти без открытого нарушения политической традиции. Новая власть устанавливалась скрытым образом, внешне все соответствовало естественным законам и божественной воле, тогда как на самом деле вместо них действовала злодейская воля человека. Монархические режимы подчинялись незыблемым правилам, установленным природой. В семьях государей кончины старших братьев, смерть сыновей от первого брака, болезни действующих правителей могли становиться результатом человеческих действий. Их совершали люди, достаточно близкие к трону, для того чтобы стремиться к власти, и все же слишком далекие от него, чтобы возвыситься без нарушения или ускорения процесса преемственности. Мачехи шли на преступления ради своего потомства, младшие братья и вообще наследники торопились получить корону — все

они фигурировали в первых рядах потенциальных отравителей и нередко становились ими на деле.

В 1320 г. наследник графа Фландрского граф де Невер хотел отравить отца, чтобы ускорить свое восшествие на престол. Его разоблачили и посадили под арест. В 1322 г. принца освободили, но он вскоре умер, что породило слухи. Не исключено, что эту смерть тоже «ускорили», дабы исключить возможность повторного покушения на государя. Порядок наследования в данном случае не предполагалось нарушать, речь шла только об ускорении хода событий. Похожая история произошла во Франции, когда нетерпеливый дофин Людовик завидовал власти своего отца Карла VII. Встречались, однако, и другие формы узурпации, которые порицались гораздо сильнее.

Считалось, что сына Фридриха II Конрада убили в 1254 г. в пользу его незаконнорожденного брата Манфреда, претендовавшего на королевство Сицилию. Вскоре после этого Манфред, желая окончательно избавиться от соперников, попытался расправиться с Конрадином, маленьким сыном Конрада, которого мать скрывала в Германии. Попытка сорвалась, ибо прислужники узурпатора не смогли узнать принца среди одинаково одетых детей и подали яд другому мальчику.

Подобное братоубийственное соперничество отнюдь не являлось особенностью исключительно династии Штауфенов. Яд постоянно присутствовал при дворе Валуа, по крайней мере, о нем все время говорили иностранные наблюдатели. Корнелиус Цантфлит, монах обители Святого Якова в Льеже, полагал, что неудавшееся отравление Карла V Мудрого лежит на совести его братьев, которые радовались бесплодию королевы Жанны

де Бурбон. Очень может быть, что подробный анонимный отчет о смерти «мудрого» короля имел целью как раз рассеять эти подозрения. Начиная с 1390-х гг., серьезные обвинения выдвигались против Людовика Орлеанского и его супруги Валентины Висконти, «завистливой и жадной [...], желавшей, чтобы ее муж получил корону Франции, не важно как». Весь Париж говорил, что готовилась смерть государя и герцогиня Орлеанская стремилась отравить короля и его детей. Все эти толки прекрасно вписывались в картину отравления ради узурпации власти, поскольку смерть Карла VI и его потомков без борьбы открывала дорогу к трону младшему сыну Карла V, который мог увенчаться «шапкой из тонкого золота». Аналогичную цель приписывали кузену и наследнику Карла VIII Людовику Орлеанскому с самого начала правления единственного сына Людовика XI. Согласно дневнику прокурора-синдика города Реймса Жана Фулькара, слухи о дурных намерениях будущего Людовика XII распространялись быстро. При ближайшем рассмотрении так называемое убийство дофина Франсуа в 1536 г. оказывается очень похожим на злодеяния Людовика Орлеанского. Главный выигрыш получил, разумеется, будущий Генрих II, который не был непосредственно вовлечен в эти приготовления, а роль Валентины Висконти сыграла обуреваемая теми же страстями Екатерина Медичи — еще одна итальянка. Брантом сближал этих двух женщин совершенно открыто. А когда противники Генриха III из католической Лиги обвиняли его в отравлениях, они имели в виду не только тиранические обыкновения, но и узурпацию, потому что, если он устранил двух старших братьев, то тем самым расчистил себе дорогу к трону.

К категории отравителей-узурпаторов относили Карла II Злого, короля Наваррского. Согласно признаниям его агентов, арестованных в 1378 г. и 1385 гг. во Франции, он использовал яд в целях уничтожения французской династии, которую считал незаконной. В «Хронике монаха из Сен-Дени» уточнялось даже, что «он мечтал о высшей власти». Правда, этот внук Людовика X ставил своей целью не столько вернуть власть, сколько отомстить тем, кто его ограбил. Однажды он сам сказал, что Карла V «ненавидел больше всех в мире». История его покушений была долгой: «Правдивая молва утверждала, что король Наварры, еще когда он находился в Нормандии, а король Франции являлся герцогом Нормандским, хотел его отравить», — писал Фруассар. Именно это явилось якобы истинной причиной болезни Карла V. Король Наваррский пытался погубить французского монарха в 1365 г., затем в 1375 и в 1378 гг. В 1385 г. он покушался на Карла VI, его брата и его дядей. Намерение Карла Злого оставалось твердым, но при этом он варьировал способы отравления. Еще до 1368 г. он послал к Карлу V разговорчивого врача по имени Анжель, который завоевал доверие монарха, чтобы тем лучше его обмануть. Позже он старался внедрять своих людей на кухню, в кладовую и в винный погреб противников. Наконец, в 1385 г. Карл Злой нанял некоего менестреля и его английского слугу, которым и поручил яд. Согласно экспертизе комиссии аптекарей, это ужасное вещество обжигало и раздражало кожу и вызывало выпадение волос. В марте 1387 г. *post mortem* начался процесс этого «серийного отравителя». В его документах обнаруживаются, однако, лишь упоминания о «крупных обидах, предательствах, преступлении оскорбле-

ния величества и других злодеяниях», но нет ничего специального о попытках отравления. Тем не менее они остались в памяти, если в 1599 г. о них упоминал Мариана. Сомневаясь в достоверности сведений о преступлениях Карла Злого, автор-иезуит подчеркивал, какую огромную ненависть породили выдвинутые против короля Наваррского обвинения.

Ради узурпации власти яд использовали также и женщины. Жена Филиппа VI Жанна Бургундская в 1347 г. якобы пыталась убить советника короля архиепископа Жана де Мариньи, отравив ему ванну. Говорили, что «она вела себя как король и убивала тех, кто шел против ее желаний». В подобных преступлениях отличались в первую очередь, вторые супруги монархов. В 1276 г. скончался Людовик Французский, старший сын Филиппа III и Изабеллы Арагонской. В этой смерти обвинили Марию Брабантскую, вторую супругу короля, которая недавно родила мальчика. По-видимому, слухи распространял королевский камергер Пьер де Ла Брос, ненавидевший королеву. У скончавшегося принца был младший брат от первого брака Филиппа III (именно он впоследствии стал королем Филиппом IV Красивым). Тем не менее Париж только и говорил что о злодействе королевы, которая хотела, чтобы на престол вступил ее сын. Когда «брабантка» и ее свита выходили из дворца, ожесточенная толпа чуть не набрасывалась на них. К 1280 г. относится дело Йоланды де Невер, мачехи наследника графа Фландрии Шарло. Она отравила принца во время трапезы, после чего разгневанный супруг Робер де Бетюн убил преступницу собственными руками, воскликнув: «Его убила мачеха, дабы сделать своих детей моими наследниками».

Много похожего наблюдается и в деле Маго д'Артуа. У графини не было сына, который мог бы унаследовать трон, зато была дочь, выданная замуж за брата короля. Мать ловко сумела отделить ее от скандала, связанного с адюльтерами невесток Филиппа Красивого. После смерти Людовика X Сварливого в 1316 г. общее мнение возлагало ответственность за нее на Маго. Говорили, что она рассчитывала стать матерью королевы и таким образом иметь больше возможностей защищать свое владение графство Артуа от племянника Робера д'Артуа. Парламент начал расследование. Графиня защищалась, утверждая, что она скорее предпочла бы видеть мертвыми всех своих близких, чем дать яд государю, обличала низкое происхождение обвинителей, отказывая им в доверии. Очень возможно, что обвинение графини явилось делом рук ее злейшего врага Робера д'Артуа. И нет никакого сомнения, что своим оправданием Маго в немалой мере оказалась обязана возвышению зятя, который стал королем Филиппом V. Когда в 1329 г. графиня умерла, говорили, что ее отравил племянник, дабы получить наконец свое графство.

ОТРАВЛЕНИЕ КАК ОРУЖИЕ ЗАГОВОРЩИКОВ

Деяние, в котором обвиняли Робера д'Артуа, иллюстрирует третий тип политического отравления. Речь идет о взаимоотношениях между представителями высшей элиты, шедшими вразрез с приписываемыми аристократическому обществу ценностями.

Эти ценности глубоко проникли и в городские элиты. Так, соперничество партий в итальянских

городах, видимо, достаточно редко приводило к отравлениям. Столкновения разыгрывались по преимуществу публично, при свете дня. Открытое насилие удовлетворяло кодексу чести, по которому жило общество того времени. Демонстрация силы не являлась демонстрацией способности причинить вред и плохо сочеталась с применением яда. Можно констатировать отравление в 1311 г. сеньора Сопрамонте и еще четырнадцати знатных людей. Преступление, вероятно, совершили гибеллины, находившиеся на стороне Генриха VII. В городах Фландрии, переживавших период острой борьбы, яд также применяли не слишком часто. У Фруассара содержится рассказ об отравлении Жана Лиона, возглавлявшего восстание 1379 г. Он умер при подозрительных обстоятельствах после обеда в теплой компании.

В монархических режимах различные группы и партии часто оспаривали друг у друга место рядом с монархом или даже опеку над ним. Такие распри подчас толкали к применению яда. Но как показывает убийство герцога Орлеанского в 1407 г. или избиение Арманьяков Бургиньонами в 1418 г., большая часть споров разрешалась все же через открытое кровавое насилие. В историографии высказывалась гипотеза, будто с начала XV в. тайная борьба сменялась во Франции применением физической силы. Однако все новые и новые аргументы делают более правдоподобной другую версию. Ссорившаяся знать использовала разные способы борьбы в зависимости от конкретного случая, например от личности противника или от его силы.

Крупное дело, затрагивавшее самые высокие интересы, имело место в 1258 г. в Англии. Умер

граф Ричард Глочестер, аристократ, враждебный Генриху III, которого он упрекал в забвении Великой хартии вольностей 1215 г. Распространились слухи, что графа отравили, причем яд дал ему его собственный сенешаль под давлением королевского советника Гильома де Валанса и партии Пуату, интересы которой состояли в вытеснении английской знати. В деле фигурировала синяя жидкость, содержащаяся в сосудах, запертых на ключ. Применяв ее, можно было умертвить всех английских грандов в пользу выходцев с континента, составлявших окружение короля. Данная история показывает, какие напряженные отношения складывались тогда внутри английского политического общества, и подтверждает, что в сознании островитян яд всегда приходил с континента.

В XVI в. политические группы во Франции стали формироваться по принципу религиозной принадлежности. Противостояние католиков и протестантов накладывалось на борьбу партий, по-разному понимавших королевскую власть. Все это вместе породило неслыханное обострение насилия. И хотя яду отводилась маргинальная роль, она оставалась заметной. Так, в 1569 г., когда протестантские военачальники почти одержали верх над армией папистов, их неожиданно скосила смерть. 3 марта 1588 г. умер глава протестантской конфедерации принц Генрих Конде, и его смерть также приписывалась яду. Вскоре после ужина у него началась внезапная рвота, и в течение двух дней из его рта и ноздрей исходила белая, а потом рыжеватая жидкость. Умирая, он приобрел свинцовый цвет. Вскрытие производили три врача и два хирурга, обнаружившие изъязвление желудка. Конде являлся непримиримым врагом като-

лической Лиги и, естественно, считался жертвой папистов. Они якобы обманули его жену, католичку Шарлотту де Ла Тремуй. Однако герцог Гиз публично проявлял печаль по случаю кончины столь добродетельного принца, и многие стали приписывать злодеяние Генриху Наваррскому, недовольному антикатолическим экстремизмом своего союзника Конде. Для того чтобы снять вину с беарнца, ее возложили на интенданта принца и на жену интенданта, которую в конце концов помиловал добрый король Генрих IV, приказавший, однако, в 1596 г. сжечь документы процесса.

Многие истории о применении яда во имя борьбы группировок, так же как и ради узурпации или из тиранических побуждений, — являлись вымыслом. Обвинения в отравлении, как правило, отражали ненависть представителей группировок друг к другу. Нередко эта ненависть выражалась в том, что кого-то приносили в жертву. Это был совершенно особый тип отравления.

Яд свидетельствует о дерзости: ПРИДВОРНЫЕ И СЛУГИ

По мере развития государственных структур, возможность выдвижения все чаще получали люди скромного происхождения. Их, разумеется, ненавидели представители старой знати. Жесткое соперничество за милость государя приводило к тому, что при дворах «царила зависть» и приближенные монархов шли порой на самые отвратительные поступки. С помощью яда они обретали, укрепляли и поддерживали свое влияние. Это отмечал еще Иоанн Солсберийский, описывавший английский

двор при Плантагенетах. Слуги королей извращали божественный порядок, незаконным способом выбиваясь из уготованного им подчиненного положения. Оружие яда хорошо соответствовало их низкому происхождению. Составители хроник не упускали случая подчеркнуть этот факт, нередко ценой некоторого извращения реальности.

В одной из версий смерти Людовика Французского обвинение выдвигалось против камергера Пьера де Ла Броса. Аргументировалось оно тем, что королевский слуга рисковал при смене государя потерять свое высокое положение. Говорили также, что камергер соперничал с королевой за влияние на короля и якобы свалил на нее собственное преступление. Пьер де Ла Брос раздражал аристократию своей «безумной дерзостью». После его падения распространился слух, будто камергер был сыном виллана, т. е. происходил из самых низов. На самом деле Ла Брос принадлежал к семье мелкого дворянина из Турени, королевского сержанта. Он служил цирюльником у Людовика IX, который в 1272 г. произвел любимого слугу в рыцари и пожаловал ему сеньорию Ланже. Ла Брос сделал очень значительную карьеру, и многие считали, что его положение незаконно. Приближая его к себе, король совершал ту же фатальную ошибку, что и Александр Великий, который возвышал подлых рабов. Низкий человек использовал яд, дабы удержаться на не положенной ему высоте.

Обвинение Жана Кустена (1462–1463 гг.), камердинера герцога Бургундского Филиппа Доброго, во многом воспроизводило историю Пьера де Ла Броса. Любимый и «самый приближенный слуга» герцога к моменту появления при дворе влачил

весьма жалкое существование. Он происходил из зависимых крестьян монастыря Сен-Жан-де-Лон. Кустен имел все основания опасаться восшествия на престол сына герцога графа де Шароле. Согласно Шателену, лакей, «совершенно недостойный своего невероятного возвышения» и преисполненный высокомерия, решил отравить герцогского наследника, который к тому же, будучи «порядок в своем доме», публично оскорбил жену Кустена. Преступление явилось следствием страха перед тем, что ждало слугу после неизбежного и близкого ухода стареющего герцога, а также моральной слепоты и безграничных амбиций. Злодей обратил внимание, что граф де Шароле выпивал свой кубок без предварительной проверки. Добыв у ломбардской ведьмы токсическое вещество медленного действия, он сумел во время пиршества подать наследнику ядовитое питье. Через год граф должен был умереть. Покушение, однако, провалилось, потому что сообщник, не получивший платы за участие в отравлении, разоблачил Кустена. По словам Шателена, этот негодяй воплощал в себе омерзительный образ «прожорливого и жадного выскочки», отравлявшего воздух. Его преступление отражало его низость.

Итак, отравление служило низменным амбициям парвеню. Но оно использовалось отнюдь не только этими подлыми людьми. Продажность становилась характерной чертой политики, и яд проникал едва ли не всюду. Когда к нему обращались принцы или представители политических элит, они опускались до уровня черни и слуг. Таким образом, нарушался порядок христианского мира, подобно тому, как нарушается работа организма,

по которому распространяется яд. Христианский подход к *res publica* еще сохранялся, некоторые в ужасе отвергали цинизм Макиавелли, и тем не менее похоже, что шок первой реакции на него в XVI в. проходил. Новые читатели Коммина и Макиавелли, рассуждая о политическом деле в своих текстах, судили о нем с менее строгих моральных позиций. Это не значит, впрочем, что использование яда в политике совсем перестали осуждать. И как раз это осуждение давало возможность обвинять в отравлении, дабы отстранить неудобного человека или очернить противника.

ОБВИНЕНИЕ В ОТРАВЛЕНИИ КАК СРЕДСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

В 1417 г. скончался Иоанн Туреньский дофин короля Карла VI. По этому поводу историк И. Грандо писал, что герцогу Бургундскому Иоанну Бесстрашному, под влиянием которого находился принц, ничего не оставалось теперь, кроме «бесплодного утешения обвинять Арманьяков в том, что они отравили Иоанна Французского». Обвинение это не соответствовало действительности, зато, вне всякого сомнения, было весьма эффективным в борьбе за реальную власть в королевстве. Обвинительные памфлеты, инспирированные герцогом, даже читались в Парижском парламенте, дискредитируя противную партию, как применившую низкое средство и достойную презрения. «Как бы он ни был плох и зол, он не хотел бы умереть от яда», — говорил своим судьям в 1378 г. Пьер де Тертр, агент Карла Злого. Иоанн Бесстрашный (и бессовестный) отлично понимал

эту истину и действовал как настоящий мастер эффективной пропаганды. Легко выдвигавшееся обвинение в отравлении, начиная с XIII в., превращалось в грозное оружие политической борьбы и идеологического воздействия, с течением времени употреблявшееся все чаще.

ГОРЕ ТОМУ, КТО ОБВИНЕН В ОТРАВЛЕНИИ

Обвинение предъявлялось тому, кого хотели устранить. Оно становилось своего рода рычагом для смещения с должности, дополнительным поводом для немилости, т.е. практическим средством погубить противника, который оказывался перед ним беззащитным. В самом деле, проверить факт отравления непросто, а с моральной точки зрения одно лишь намерение убить с помощью яда стоит совершенного акта. Именно так трактовался вопрос в римском праве, хотя в реальном применении его неумолимость несколько смягчалась. «Милость к отравителям неуместна», — утверждал один автор начала XVII в. Таким образом, не без оснований считалось, что очиститься от обвинений в отравлении очень и очень непросто.

При этом могущественные властители прислушивались к подобным наветам тем охотнее, чем менее устойчивой являлась их власть. Король Германии Генрих, сын Фридриха II, проявлял непослушание. Его обвинили в попытке отравить императора и бросили в темницу. В 1330 г. всемогущий любовник королевы-матери Мортимер, сумел устранить мешавшего ему дядю короля герцога Эдмонда Кентского, воспользовавшись неопытностью Эдуарда III. Фруассар писал, что

сэр Мортимер сумел убедить юного монарха, будто Кент хотел его отравить, чтобы овладеть короной.

Чуть раньше графиню Маго д'Артуа обвиняли в отравлении Людовика X, и тут тоже налицо были политические цели. Свидетели Жан и Изабель де Ферьен явно лгали по приказу лиц, имена которых намеренно замалчивались. Для Филиппа V, зятя графини, представляли опасность происки истинного вдохновителя дела Робера д'Артуа. Король поспешил организовать новое расследование, несмотря на заверения вдовы усопшего, что она удовлетворена предыдущим. Он хотел окончательно устранить все сомнения в вопросе о смерти Людовика X, а следовательно, о легитимности собственного правления. Специальное постановление Парижского парламента от 9 октября 1317 г. торжественно снимало с графини Маго д'Артуа все обвинения. Однако не все дела разрешались столь счастливо, особенно когда они касались лиц, не принадлежавших к высшей аристократии.

В XV в. один из авторов, размышлявших о резком падении людей, случайно оказавшихся на самой вершине общества, сопоставлял фигуры Пьера де Ла Броса и Пьера де Ла Виня. Один только Матье Пари объяснял применением яда внезапную немилость главного советника Фридриха II, в то время как дело Пьера де Ла Броса выглядело более основательным. И хотя истинный ход событий остается неясным, тем не менее похоже, что обвинение в отравлении принца-наследника дало врагам камергера возможность уничтожить выскочку. Хронисты отмечали, что падение «фаворита» (если применить удобный, хоть и архаич-

ный термин) Филиппа III произошло в большей степени из-за зависти, чем на основании фактов. Эта зависть исходила от знатных баронов, недовольных вниманием короля к бывшему цирюльнику Людовика IX, от которого зависела щедрость монарха. Ла Брос выполнял функции камергера и на самом деле контролировал раздачи, от которых зависели гранды. Обвинение в предательском отравлении переполнило наконец чашу весов их недовольства. Привязанность короля не смогла спасти ненавистного двору парвеню, и в 1278 г. он отправился прямиком на виселицу, подобно разбойнику с большой дороги. Четырнадцать баронов радостно препроводили его туда; брат королевы герцог Брабантский и граф д'Артуа наслаждались зрелищем до тех пор, пока казненный не перестал дергаться. Данте в «Божественной комедии» обвинил в преступлении королеву Марию Брабантскую и объявил Ла Броса невиновным (*Чистилище*, VI, 22–24). И все же камергер погиб к изумлению парижан, которые, согласно хронике, не могли поверить, что человек такого высокого положения мог пасть так низко. Данное дело показывало, что яд способен не только сокрушать тело — он поражает общество,

Какие последствия для человека несло обвинение в отравлении, можно проследить на примере процесса Жака Кёра. Поднимаясь по социальной лестнице, казначей Карла VII нажил себе ожесточенных врагов. Некоторые стремились уничтожить богатого торговца из Буржа из личного корыстного интереса. Они искали повода начать преследование, который потом легко можно было бы забыть. В конце июля 1451 г., спустя восемнадцать месяцев после смерти Аньес Сорель, Кёра

обвинили в убийстве подруги короля. Карл VII, тяжело переживавший утрату, вознегодовал против казначея. Обвинительница Кёра Жанна де Мортань тем охотнее взялась за порученное дело, что, как и многие другие, являлась его должницей. Разумеется, потом она была удалена от двора за ложные обвинения. Тем не менее, хотя от обвинения в конце концов отказались, оно дало недругам беррийского богача время собрать другие, более основательные, которые привели к его политическому падению. Тома Базен удивлялся, что монарх прислушался к завистникам и изгнал Кёра, не согласившись, впрочем, на его казнь. Клеветники сумели добраться до сердца короля. Епископ Лизье, подводя итоги правления Карла VII, вскрыл механику дела Кёра и оценил его как нанесшее монархии вред.

В Бургундии обвинители Жана Кустена достигли своего. На чем бы они ни основывались, цель предприятия была прозрачна. Они хотели убрать от герцога Филиппа любимого камердинера, дабы избавить бургундскую политическую элиту от недостойного ее персонажа низкого происхождения. Он нарушал иерархию и унижал знать, занимая их место при стареющем и подверженном влиянию принце. Его семье принадлежали огромные земли. Бургундский двор следовало очистить от этого чуждого и зловредного элемента. Важно при этом, что Филипп Добрый никак не хотел верить в коварство своего слуги. Для достижения цели предпринимались чрезвычайные предосторожности. После проведенного расследования и допроса обвиняемого казнили тайно. Таким образом приближенные «великого западного герцога», «запаздывавшего с наказанием», позаботились о

гарантии того, чтобы государь не отменил своего разрешения казнить виновного. Уничтожая Кустена, нетерпеливый наследник герцогского престола не только избавлялся от своего врага, но и утверждал свою волю участвовать отныне в принятии решений.

Итак, обвинение в отравлении отлично служило как принцу против угрожавших ему соперников, так и его расколотому распрями окружению. В результате становилось возможным осуществлять самые гнусные замыслы. Причем они подавались как очищение общества от недостойного выскочки. Подобный механизм работал благодаря легковерию и даже цинизму правителей, которые верили или делали вид, что верят отвратительным обвинениям, приводившим только к одному исходу. Разумеется, нежелательных и неудобных людей можно было погубить и другими способами. Ангеррану де Мариньи, например, в 1315 г. и советнику графа Савойского в 1416 г. инкриминировали ведовство. Предполагаемая связь с дьяволом сообщала данному преступлению универсальный святотатственный характер и делала его еще более серьезным, чем обычное отравление. В XVI в. Жан Боден в трактате «Бич демонов и колдунов» совершенно ясно указывал, что «убивать колдовством — это преступление гораздо большее, чем убивать ядом». В то же время, по крайней мере во Франции после 1450–1460-х гг., придворные реже впадали в немилость из-за обвинений в применении яда. Среди политических процессов времен Людовика XI нет ни одного, связанного с отравлением. Подобные обвинения в отравлении не выдвигались против маршала де Жие, хотя в его деле содержится несколько документов, призванных показать, что его близкие

являлись отравителями. По всей Бретани рыскали специальные агенты, собиравшие сведения о родных и предках маршала. Его деда обвиняли в попытке отравить в 1450 г. брата Франциска I Бретонского, отца — в том, что он скрепил печатью приказ об отравлении, мать — что она отравила двух мужей. Яд не упоминался во время процесса против Жака де Бома, сеньора Самблансе, а также других, попавших в немилость финансистов. Не выдвигалось такое обвинение во время процесса герцога Бирона при Генрихе IV, хотя преступление тайного оскорбления величества хорошо сочеталось бы с использованием яда. Возможно, теперь достаточно было абстрактного упоминания о предательстве без уточнения способа его совершения. Однако в то же самое время поднимался еще один, еще более сомнительный вид обвинений.

От воздействия на общественное мнение к отравлению сознания

Обвинение в отравлении становилось частью политического процесса, причем речь теперь шла не столько о физическом уничтожении противника, сколько о его дискредитации. Публичное инкриминирование отвратительного преступления приводило к утрате легитимности того, к кому оно относилось. Подобная процедура широко применялась в XIII–XVI вв., однако, прежде чем перейти к рассмотрению этого инструмента поражения, уместно сказать несколько слов о виктимизации жертв дел об отравлении. В политических столкновениях позднего Средневековья это явление также играло свою роль.

В том случае, если монарху удавалось избежать угрозы отравления, дело способствовало его возвеличиванию или, по крайней мере, укреплению его власти. В политических целях теперь в большей степени использовали агиографические образцы, нежели двусмысленную модель истории Александра Македонского. В этом и заключалась суть феномена, о котором идет речь. Неуязвимость к яду доказывала легитимность того, кому явно помогал и свидетельствовал свою любовь Господь. Выше приводился пример Людовика Святого. В чем-то аналогична фигура Карла Люксембургского, хотя этот персонаж более определенно вписывался в политическую сферу. Рассказы о неудавшихся попытках его отравления имели целью укрепить его легитимность как императора. В то же самое время сходное явление наблюдалось и при французском дворе. Карл V Валуа выступал мучеником, почти святым, неуязвимым к яду. Он одерживал величественную победу над королем Наваррским, разоблачая все его происки. Таким образом он укреплял свою власть и одновременно узаконивал ее. Королевская власть предавала гласности заговоры Карла Злого с целью отравления, для того чтобы объединить вокруг себя своих подданных. В счастливом спасении короля в 1385 г. предлагалось видеть проявление благодати, и общественное мнение призывалось в свидетели божественной защиты династии Валуа.

Точно так же в Англии действовали первые Ланкастеры. Громкие обвинения в попытках тайно пустить в ход яд помогали власти завоевать любовь своего народа, ибо неудача злодейских замыслов доказывала, что династию защищает Господь.

Людовик XI также использовал данную модель, причем в ее обосновании не знал себе равных. Король не без ехидства писал, что провал всех попыток отравления его самого и его сына объясняется благодатью Божией и любовью слуг Господа. Преступление, связанное с ядом как таковое, позволяло преувеличивать угрозу, провоцируя тем самым страх и добиваясь сплочения народа. Однако французский монарх стремился прежде всего заклеймить своих противников.

Ибо именно в этом заключалась первая цель. Если противника невозможно было поразить оружием, ему наносился ущерб оскорбительным обвинением. В период династических конфликтов, а потом правления Карла VI Безумного во Франции сложились политические группировки, которые вели интенсивную пропаганду. В своей борьбе они часто обращались к яду, как о том свидетельствует противостояние короля из династии Валуа и Карла Злого, принадлежавшего к династии Капетингов. Карл V намеревался осудить своего противника, квалифицируя его преступление как «ужасное и презренное», связанное с отвратительным оружием. 15 и 16 июня 1378 г. Жак де Рю зачитывал в Парижском парламенте свою исповедь в присутствии всей политической элиты. Она воспроизведена в «Хронике правления королей Иоанна II и Карла V», носившей практически официальный характер, и благодаря этому надолго стала известной. И это было не случайно. Государь хотел, чтобы о преступлении узнали все его подданные, он стремился подтвердить не только законность своих прав, но еще и беззаконие действий наваррца. Исполнителей казнили публично: их обезглавили, а затем расчленили в соот-

ветствии с ритуалом наказания за оскорбление величества. И это еще раз подчеркивало низость заказчика. В 1385 г. казнь обвиняемого разворачивалась таким же образом, хотя, по-видимому, фактор гласности эксплуатировался не так широко. Французская поэтесса Кристина Пизанская в «Книге о деяниях и добрых нравах мудрого короля Карла V», писавшейся для дофина, изображала благостную картину согласия и избегала упоминаний о Карле Злом. Она говорила только об исполнителях преступления.

Новые обвинения в отравлениях стали возникать в период борьбы Арманьяков и Бургиньонов. Слухи быстро распространялись в обстановке нестабильности, когда власть не могла их авторитетно подтвердить или опровергнуть. Под видом защиты идеалов свободы они постоянно провоцировались партией Бургиньонов, противостоявшей Арманьякам, сторонникам авторитарной власти. Трудно сказать, имел ли в виду Филипп Отважный манипуляцию общественным мнением, когда предавал гласности первые приступы безумия Карла VI и создавал вокруг них атмосферу скандала. На улицах Парижа болезнь короля приписывали *veneficia* (во всех смыслах слова) Валентины Висконти. Братья-августинцы, которые изо всех сил старались излечить короля, оправдывались преступным происхождением его болезни, чтобы извинить свое нерадение. Были ли их враждебные Орлеанскому дому инсинуации внушены герцогом Бургундским? В «Хронике монаха из Сен-Дени» утверждалось, что к последнему часто ходили колдуны.

После убийства 23 ноября 1407 г. в Париже герцога Орлеанского людьми герцога Бургундского

теолог Жан Пти сформулировал апологию тираноубийства, призванную оправдать преступление. Его знаменитая речь 8 марта 1408 г. во дворце Сен-Поль, в известном смысле систематизировала пропаганду, пребывавшую до сих пор в несколько диффузном и несобранном состоянии. Продемонстрировав мощный арсенал аргументов в пользу тираноборчества, Пти включил обвинение в отравлении во впечатляющий перечень других преступлений. Во второй версии текста (1409 г.) эта составляющая подчеркивалась еще сильнее. Пти утверждал, что, не имея возможности никакими ухищрениями достичь своей презренной цели, герцог Людовик Орлеанский решил отравить Карла VI. Иоанну Бесстрашному оставалось только придать как можно большую огласку словам своего представителя. Текст речи продолжали тщательно копировать даже после его торжественного осуждения Парижским парламентом. Спустя много лет экземпляры все еще продолжали циркулировать. Пти разъяснял тезис о вредоносной власти Арманьяков, подвергавшейся язвительной критике на всем протяжении правления этой группировки «воров, мотов, тиранов, предателей, отравителей и убийц». Воспользовавшись аргументацией 1408 г., герцог Иоанн Бесстрашный обвинил Арманьяков в отравлении в 1415 и 1417 гг. дофинов Людовика Гиеньского и Иоанна Туреньского, сыновей Карла VI. В 1415 г. он организовал кампанию брошюр, информировавших население о предательских делах его врагов, а 26 апреля 1417 г., несколько недель спустя после кончины Иоанна Туреньского, у которого «раздулись щеки, язык, губы и горло, а глаза выпучились», письма с обвинениями были разосланы по городам и вывешены

на стенах церквей. После отстранения Арманьяков от власти пропагандистская кампания продолжалась, хотя практического смысла уже не имела. Ее идеи отразились в таких произведениях литературы, как «Пасторале» (ок. 1422–1425 гг.) и «Книга французских предательств».

В середине XV в. снова стала нарастать напряженность между герцогом Бургундским и французской монархией. В 1461 г. граф Шарль де Шароле оповестил, что отказывается принять участие в коронации Людовика XI, потому что боится яда. В 1467 г. он взошел на бургундский престол и превратился в Карла Смелого. Враждебность бургундцев по отношению к Людовику XI резко усилилась и выражалась в интенсивных пропагандистских кампаниях. В 1470 г. широко распространилась молва о попытке отравить Карла Смелого, которую приписывали его единокровному брату бастарду Бодуэну Бургундскому. При этом герцог рассылал письма по городам своих владений, информируя их о черных замыслах короля Франции и прося возблагодарить Господа за спасение государства. Епископ Льежский зачитал герцогское письмо во время специальной благодарственной мессы. В ответ сеньор де Шасс, оказавшийся замешанным в пресловутом заговоре, публично отверг «бесчестную клевету». Скорее всего, по наущению Людовика XI он провел расследование против герцога Бургундского, заявив, что тот своим поведением отравляет воздух. Обвинение в отравлении возвращалось сторицей.

24 мая 1472 г. при подозрительных обстоятельствах умер юный Шарль Гиеньский, связанный с принцами, враждебными Людовику XI. Как писал Филипп де Коммин, Карл Смелый, «весьма опе-

чальный этой неожиданной смертью», 16 июля разослал повсюду письма с обвинениями короля, в которых, правда, не было слова *яд*. Канцелярия Бургундского герцогства составила манифест, в котором говорилось, что брат Людовика XI умер «из-за яда, колдовства, чар и дьявольских заклинаний, то есть самой жалкой смертью, которая когда-либо случалась в королевстве или за его пределами». Задача состояла в том, чтобы оправдать военное выступление вассала против своего сюзерена: честь и благородство якобы требовали отмщения за низкое и бесчестное преступление. Обвинение надолго пристало к Людовику XI и отразилось в историографии. Неумолимый критик короля знаменитый историк и епископ первой половины XX в. Тома Базен, автор книг о Карле Смелом и о Людовике XI, уподоблял монарха библейскому Каину. Прелат подчеркивал, что обвинение в *veneficium* перекрывает собой любой политический смысл, и поведение короля должно оцениваться согласно логике *damnatio memoriae*.

В ответ на бесконечные настойчивые обвинения Людовик XI разъяснял, как он способствовал расследованию истины о смерти своего брата. Но, кроме того, он не преминул использовать то же самое оружие, что и противник. Карлу Смелому неоднократно предъявляли обвинения в попытках отравления его сюзерена. Причем король заботился об умелом распространении историй, призванных нанести ущерб репутации герцога Бургундского. В 1473 г. на королевской кухне арестовали некоего Жана Арди, которого обвинили в попытке подсыпать яд Людовику XI по наущению Карла Смелого. Для того чтобы широко продемонстрировать подлость своего бургундского кузена,

король организовал показательный спектакль. Узнав об этом деле в Турени, он протащил закованного в цепи преступника до Бове, города епископа Кошона, союзника Бургиньонов, организовавшего в свое время суд над Жанной д'Арк. Наконец, 20 января 1474 г. Арди привезли в Париж — торжественно, на высокой повозке. Все эти издевательские процедуры и сама казнь призывали целое королевство в свидетели предательства вассала.

Дело 1476 г., касавшееся попытки отравления дофина Карла, по-видимому, не обставлялось подобными спектаклями. Зато в таком же духе разрабатывалась история предательства нового Иуды Жана де Шалона принца Оранского. Людовик XI поручил ему овладеть Бургундией, но он перешел на сторону дочери Карла Смелого. Из письма короля от 6 июня 1478 г. хорошо видно, чего он добивался: «Князь Тридцати Серебреников хотел нас отравить, однако Господь, Святая Матерь Божия и господин Святой Мартин, сохранили нас и защитили, как вы увидите из тех сведений, что мы вам посылаем; и пусть каждый знает о великом предательстве и негодяйстве означенного принца». В другом письме, полученном 18 июня лионскими эдилами, содержались «сведения [...], касающиеся отравления [*sic*]». Его читали перед многочисленным собранием простого народа. Цель этого чтения состояла, прежде всего, в обещании награды тому, кто сможет выдать сообщников принца Оранского. Кроме того, лояльных королю лионцев информировали о преступлении, в то время как борьба монарха со сторонниками Карла Бургундского, действовавшими недостойными методами, была в самом разгаре.

Таким образом, в 1460–1480-е гг. взаимные обвинения в отравлении французских и бургунд-

ских Валуа ритмично следовали одно за другим, «отбивая такт» их борьбе. Ссылки на употребление яда вообще являлись любимым пропагандистским оружием во французских гражданских войнах конца XIV—конца XV в. Именно такие обвинения лучше всего возбуждали эмоции и способны были как привлечь сторонников к собственному делу, так и отнять их у противника.

Религиозный конфликт второй половины XVI в. являл собой новую гражданскую войну. И снова посыпались обличения по поводу употребления яда. В самом деле, значительная часть упомянутых в данной главе сюжетов известна нам не по рассказам историков, а по памфлетам. Брошюры, вроде *De furoribus gallicis* («Простая речь о неистовствах, совершенных во Франции») Жана Отмана или «Мемуаров о государстве Франции при Карле девятом», опубликованных в Мидельбурге в 1577 г., писались, чтобы дискредитировать вражескую партию. Ей приписывалось использование оружия, которое всегда вызывало отвращение и которое люди в большинстве своем считали неприемлемым даже по отношению к своим самым худшим врагам.

Обратимся к памфлету «Чудесные речи», написанному на латыни в 1574 г. в Лионе, через год переведенному на французский язык и много раз переиздававшемуся. Первоначально он исходил, по-видимому, от недовольных аристократов, католиков или умеренных протестантов, которые дорожили свободой и ненавидели деспотизм, приходивший, по их мнению, из Италии. В 1576 г. произведение переписали в гугенотском духе, а затем кто-то, возможно Симон Гулар, вставил его в «Мемуары о Французском государстве при

Карле IX». Автор ополчался на Екатерину Медичи и клеймил аморальность этой новой Брунгильды. На голову королевы-матери обрушивались обвинения в том, что она играючи развращает, подкупает, предает и убивает.

«Весьма серьезно и основательно ее подозревали в отравлении дофина Франциска, который был старше герцога Орлеанского, ее мужа. Ее обуревала зависть, ибо его очень любил король, и почитало все дворянство Франции за поистине королевские добродетели. Она сумела заронить ревность в отношения между двумя братьями; а ее близость к тем, кого подозревали в совершении этого злодеяния, заставляют предполагать большее, чем сказано [...]

Люди, не потерявшие совести, всегда ненавидели предательство. Однако среди всех его видов предательство отравления почитается самым отвратительным, так что его допускают только лишь в отношении злейших врагов, да и то редко. Екатерина же Медичи совершает его играючи. Она посылает итальянцев отравить армию принца Конде, убить всех сразу, и одному из них дает десять тысяч франков, дабы заполучить необходимый яд. Она добивается того, чтобы слуги домов принца Конде, Адмирала и д'Андело убили своих хозяев ядом [...]. Адмирал и сьер д'Андело — родные братья [...], и их отравили во время одного пира. Один умер, а второй был тяжело болен. Виновный в этом преступлении исповедался перед казнью, что его подстрекала королева. Немного погодя, она подкупила лакея Адмирала Доминика д'Альба; а тот, будучи отправлен от имени своего хозяина к герцогу де Дё-Пон, попался нашим. Он нес в мешке смертоносный яд и острый меч,

дабы в зависимости от обстоятельств воспользоваться тем или другим [...]. Нет такого ужасного средства, которое ему не позволялось бы употребить, коль скоро оно могло послужить гибели тех, кого она ненавидит. Она преступает клятвы, убивает и отравляет. Так что действуй у нас во Франции, подобно Персии, закон, по коему отравителей побивают камнями, не сомневаюсь, что сия новоявленная Парисатис, получила бы свое, а мы бы знали меньше потрясений».

Автор «Чудесных речей» вспоминал о смерти дофина Франциска, имевшей место уже давно. Данное обвинение происходило, по-видимому, из кругов, близких к императору Карлу Пятому. Он тоже оказался под подозрением и стремился с помощью контрслуха отвлечь внимание от себя. В момент самого события новую дофину оставили в покое, однако эпизод снова всплыл спустя сорок лет. Случаи возможного употребления яда помнили долго, поскольку они могли оказаться полезными для пропагандистской аргументации. История 1536 г. давала предполагаемой отравительнице статус будущей королевы и, таким образом, являлась хорошей основой для всех последующих обвинений. Перечень злодейств Екатерины продолжался попыткой отравления дяди будущего Генриха IV принца Конде в 1563 г. Парфюмер и аптекарь из Милана г-н Рене Бьянки, посланный королевой-матерью, доставил ему душистое яблоко. Хирургу принца по имени Гро плод показался подозрительным. Памятуя о происхождении яблока, врач попробовал его понюхать, отчего у него раздулось лицо. Когда кусочки дали вместе с хлебом съесть собаке, она сдохла на месте. Дальше речь шла об отравлении армии Конде,

затем отравлении братьев де Шатийонов и, наконец, — королевы Наваррской, которую убил тот же Рене Бьянки. Упрощенно такие действия можно назвать макиавеллистскими, поскольку королева применяла любые, в том числе тайные, средства в целях установления собственного господства. Памфлет заканчивался обличительной фразой: «Видите, как она наливает яд своему следующему сыну?»»

Остается задаться вопросом, для кого предназначался подобный текст. В 1590 г. Луи Дорлеан, католик и советник Парламента, возмущался, что авторы сделали из королевы-матери итальянки отравительницу. Известно, однако, что она сама слушала чтение этого сочинения и смеялась над содержащимися в нем нелепостями. Они действительно выходили за рамки разумного и выглядели смехотворными. Возможно, в этой области уже происходили некоторые изменения. Подобного типа обвинения раньше распространялись в меньших масштабах и тем не менее воздействовали сильнее.

Генрих III, или Генрих Валуа, как его звали те, кто отказывался признавать его королевский сан, также стал жертвой разнузданной пропагандистской кампании. И в ней тоже не обошлось без яда. Разумеется, доказывая нелегитимность короля, авторы Лиги приводили другие доводы. Однако и обвинение в отравлениях из виду не упускалось, ибо оно свидетельствовало о таком пороке, как стремление к тирании. Проповедник Лиги Жан Буше в 1589 г. написал сочинение *De justa Henrici tertii abdicatione e Francorum regno*. Автор этого памфлета, а также другого — «Жизнь и знаменательные деяния Генриха де Валуа» — без стес-

нения использовал против короля аргумент братоубийства. При этом, впрочем, он изъяснялся уклончиво, говорил намеками. По поводу отравления Карла IX, в результате которого Генрих получил корону, Буше приводил и расшифровывал устрашающую анаграмму: *Henricus tertius Francorum rex = Hic nunc rex virus fratris morte* (Генрих III, король франков = вот теперь пришел новый король через смерть своего брата). Считалось, как отмечал Буше, что Генрих Валуа отлично знал, «кто отравил его брата [Франциска Алансонского] в Шато-Тъери». Памфлетист Лиги сравнивал Генриха III с Нероном, а Екатерину — с Агриппиной. В заключение он утверждал, что Генрих Валуа убил собственную мать, разумеется отравив ее ядом.

Конечно, не стоит преувеличивать место подобных обвинений в политической полемике. В арсенале аргументов, призванных разоблачать тиранию, они не являлись основными, а скорее, служили дополнительным подтверждением или иллюстрацией. Отравление само по себе резко осуждалось, а тому, кому оно инкриминировалось, наносилась серьезная обида. Лодовико Сфорца хорошо почувствовал позорность сделанного ему упрека, коль скоро он потрудился составить и послать императору Максимилиану оправдывавшее его письмо. Вместе с тем, возможно, что в XVI в., по мере развития и секуляризации политической мысли старый аргумент терял былую силу и эффективность.

В «Опыте о нравах и духе народов» Вольтер называл историю Карла Гиеньского «одним из тех сомнительных отравлений, которые созданы зловред-

ным легковерием людей». В период с середины XIII до конца XVI в. во властных кругах Европы подобные истории рождались часто, как, впрочем, и в обществе в целом. Такое положение прежде поспешно объясняли упадком нравов. Однако и в конце этой эпохи холодное оружие продолжали считать достойным благородных, а коварный яд — уделом низких. Об этом свидетельствует хотя бы текст эпитафии принца Конде 1588 г.: *Princeps Condensis jacet hic, quem ferreus ensis / Haud valuit soli sed superare dolil* (Здесь лежит принц Конде, которого железный меч не смог одолеть/ Но смогли одолеть только хитрости). Утверждать, будто при дворе Валуа яд не играл сколько-нибудь значимой политической роли, это значит ограничивать себя только реально установленными фактами, которые к тому же вычленишь довольно сложно. Такое ограничение бессмысленно. Во многих случаях приходится повторять вслед за автором «Дневника парижского буржуа времен Франциска I»: «Не знаю, был ли там яд или нет». В то же время в представлениях людей осени Средневековья и эпохи Возрождения вопрос о яде играл существенную роль. Он влиял на то, что говорили о правителях и как шли дела в королевствах. Если люди думали, что со времен Римской империи яд в политических кругах никогда не применяли столь часто, так это потому, что считали эти круги развращенными и безнравственными. Такое положение порождалось, в частности, развитием государства, когда правители могли забывать этику власти, а вокруг них множилось число выскочек. В разговорах о яде проявлялся кризис роста политических систем, еще подверженных государственным переворотам, прежде чем они застынут в негибких струк-

турах абсолютизма. Они могли использоваться как средство политического воздействия, поскольку обвинения в отравлении неизменно создавали эмоциональный фон, способствовавший дискредитации противника. Как написал в 1997 г. историк Ж.-Ф. Дюбо, «тема отравителя имела, таким образом, воспитательное, а не документальное значение». Она поднималась для того, чтобы убедить общество в преступности того, кого обвиняли. И никакого значения не имело то, верили ли сами обвинители в свои обличения. Главное, чтобы им поверили все остальные.

Не следует, однако, недооценивать изменения, происходящие во времени, хотя период, которому посвящена данная глава, можно рассматривать как целостность. И тем не менее во второй половине XVI в. политическая роль обвинений в отравлении несколько снижалась. Дело в том, что верхи ими злоупотребляли, и это способствовало десакрализации сферы государственного управления, развитию более циничного взгляда на нее. В 1602 г. Паскье восклицал: «Сегодня множество людей среди нас предаются макиавеллизму». В то же время развивалась техника. Первое политическое убийство с применением огнестрельного оружия было совершено в 1563 г.: гугенот Польтро де Мере стрелял во Франсуа де Гиза. А уже в 1605 г. произошел «пороховой заговор» против английского парламента. Вместо крохотных доз ядовитого вещества в игру вступала взрывчатка.

Глава VII
ЯД ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
МЕЖДУ ДЕРЖАВАМИ: ЗАМЕНЯЕТ МЕЧ
И ОПРЕДЕЛЯЕТ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Конец Средневековья обычно ассоциируется с формированием национальных государств. Человеческие и материальные ресурсы, которые привлекались отныне для разрешения международных конфликтов, несопоставимы с теми, что применялись раньше, во время феодальных войн. Эпоха больших армий восходила к концу XIII в., а в начале XIV в. уже появилось огнестрельное оружие. Рыцарское сражение выходило из употребления постепенно, сохраняясь в борьбе против мусульман (крестовые походы), в противостоянии между княжествами или городами, прежде всего в Германской империи и в Северной Италии. Однако масштаб столкновений между державами изменился. Причем они сопровождались все более мощной пропагандой, которая все лучше доносилась до населения. Все это способствовало появлению первых форм «патриотизма», когда конструировалась идентичность, основанная на поношении пороков соседа и на симметричном восхвалении достоинств собственного народа и династии. Это было время расцвета роскошного мира воображаемого.

На первый взгляд кажется, что все сказанное не имеет никакого отношения к вопросу о поли-

тическом применении яда. Однако такое впечатление обманчиво. С одной стороны, во время изнурительных войн могло оказаться желательным отравление сильного противника. Достижение победы таким способом ускорялось и достигалось минимальной ценой, если не считать ущерба чести того, кто это оружие применил. Значит, следует задаться вопросом, употреблялся ли яд на полях сражений вместо военной силы. С другой стороны, мы знаем, с каким отвращением люди относились к использованию токсических веществ. Стоит подумать о роли аргумента яда в «патриотической» пропаганде и даже шире — в формировании идентичности и национального самосознания. Итак, ядовитый порошок рядом с порохом...

ЯД НА ВОЙНЕ?

В XII в., в эпоху самого расцвета рыцарства Бернар Клервоский разоблачал «войну, которая пахнет деньгами», возмущался гигантскими выкупами и распространением наемничества. Конечно, тот факт, что многие крупные военачальники, например герцог Бульонский в 1574 г. или герцог Лонгвиль в 1573 г., считались отравленными, еще не дает основания утверждать, что над полями сражений витал едкий запах яда, смешиваясь с ароматом денег. Тем не менее вопрос о военном применении яда, о его непосредственном использовании против полководцев и даже против армии противника — не праздный. Причем в таком случае яд превращался, по сути дела, в единственное оружие массового уничтожения того времени.

С точки зрения морали отравление на войне продолжало возмущать прекраснодушных авторов, приверженцев идеала христианской и рыцарской войны, а также античных образцов. Историк XX в. Тома Базен в книге о Людовике XI напоминал, что противостоявший Пирру Фабриций гордо отказался от презренного средства негодяя, ибо хотел быть обязанным своим триумфом одной лишь доблести честного сражения. В XVI в. Жюст Липс оценивал обращение к яду как бесчестный поступок. Вместе с тем подчас к нему подталкивали обстоятельства. Яд мог помочь сохранить войско, компенсировать количественное или качественное превосходство врага. Знаменитый итальянский юрист XIV в. Пьетро Бальдо считал допустимым использование яда против армии противника. О том, что во время войны широко практиковалось отравление воды и пищи врага, свидетельствует небольшая книжка 1481 г. При этом в другом трактате, начала XVI в., хотя данный способ действия и не осуждался, но подчеркивалось, что он жесток, поскольку затрагивает гражданское население.

Уничтожать ядом или сносить головы

Между утверждениями письменных источников и фактической реальностью существует большой разрыв. В 1284 г. король Франции Филипп III объявил «крестовый поход против Арагона», вина которого состояла в том, что он способствовал завоеванию Сицилии в ущерб дяде короля Карлу Анжуйскому. Поход закончился разгромом: армию косила болезнь, погиб и сам король. Поражение приписали яду, которым иберийцы якобы отравля-

ли источники воды. Однако, как это часто бывает, более правдоподобной представляется гипотеза болезнетворной инфекции.

Яд часто появлялся во время осад городов. В 1304 г. жители осажденной герцогом Австрийским Кутны в Богемии отравили воду токсическим минералом, который в изобилии встречается в этом регионе, и таким образом погубили значительную часть осаждавших. Во время осады турками принадлежавшей Венеции крепости Круи в 1477 г. епископ Радич предложил властям республики отравить вражеских военачальников, и с этой целью был послан яд.

Опасности подвергались также армии, находившиеся в походе. Во время экспедиции графа Савойского Амедея VI в Ломбардии в 1375 г. сопроводитель Милана Бернабо Висконти приказал отравить пищу и вино на пути следования графского войска. Савойские хронисты рассказывали, что солдат спасали крепким вином, в которое окунали так называемое кольцо святого Маврикия, реликвию савойского дома. Чудо трактовалось как свидетельство правоты Амедея VI. А вот французское королевское войско в 1412 г. стало жертвой отравления колодцев растительными токсинами, и ничто его не спасло. В 1536 г. служивший Карлу Пятому кардинал де Гранвель утверждал, что французы намеревались отравить колодцы в Провансе, дабы избежать возможного нашествия императора. Таким образом, яд, во всяком случае в некоторых регионах, нередко применялся в качестве оборонительного оружия. Красноречивы рассуждения Коммина, касающиеся похода Карла VIII в Италию. Он дважды выразил восхищение одним почти

чудесным фактом: «К чести итальянцев следует сказать, что мы не заметили использования ими какого-нибудь яда; а если они и хотели это сделать, то во время этого похода нам удалось уберечься. [...] Хотя им легко было нас отравить через продовольствие, вино или воду [...] и колодцы [...], если они и хотели попробовать, им это не удалось; надо полагать, Господь лишил их возможности это сделать». На самом деле в одной брошюре, к которой мы еще вернемся позже, утверждалось, что уже встречавшийся на этих страницах Папа Александр VI пытался в 1495 г. уничтожить стоявший в Остии французский гарнизон. Предполагалось отравить воду и испускать ядовитый дым, причем аптекарь приготовил яды, способные уничтожить 100 000 человек. Однако данный эпизод имел место после того, как король возвратился во Францию, он непосредственно не затронул французский экспедиционный корпус, что и объясняет восхищенное удивление Коммина.

Порошок и порох

Жан де Ту со злым презрением утверждал, что до появления аркебузы испанцы имели обыкновение смазывать болты своих арбалетов черной чемерицей (морозником), которую они собирали в горах Кастилии. Это растение даже получило название «арбалетной травы». Рассказывал он и об использовании в Гренаде токсичного минерала реальгара (моносulfида мышьяка). В данном случае яд становился дополнением к боевому оружию. С появлением огнестрельного оружия такое его применение начинало осмысливаться по-новому.

В 1482 г. Венеция осадила крепость Фикароло, которую защищал герцог Феррары. Какой-то венецианец предложил Сенату порошок, при горении испускавший ядовитый дым. Власти как будто бы отказались по причинам технического свойства. Тем не менее данный пример весьма показателен. Распространение огнестрельного оружия поставило вопрос о яде на войне. Он затрагивал, конечно, в большей мере техническую и медицинскую сферы, чем политику, но при этом напоминал известную контроверзу XII в., связанную с арбалетом, который сочли незтичным в честном бою. Огнестрельное оружие не только убивало на расстоянии; многие полагали, что оно убивает, потому что порох токсичен. По-видимому, такой амальгаме способствовало то, что *порошок* и *порох* обозначались одним и тем же словом — *poudre*. В XV–XVI вв. этот сюжет являлся предметом многочисленных дискуссий. Согласно Жаку Гревену, по-видимому мыслившему по аналогии с отравленной стрелой, солдаты смазывали пули огнестрельного оружия ядом. В 1514 г. медик Юлия II Джованни де Виго в трактате *Practica copiosa in cirurgia* утверждал, что раны от выстрелов аркебуз отравлены. В то же время специалисты по быстро развивавшейся военной медицине стали оспаривать суждения о токсичности огнестрельного оружия.

Итак, яд мог по-разному помогать в военном деле. Он становился полезным во время трудных или неумело осуществлявшихся кампаний. С ядовитым порошком вначале путали порох, но в конце концов разобрались в этом вопросе. Сегодня мало кто знает, что в прежние времена именно эта путаница заставляла некоторые правительства запре-

щать огнестрельное оружие. Его использование повинуется другой логике.

ЯД ВМЕСТО БОЯ: ОТ ПАЛЛИАТИВА NEQUITIA (НЕРАДИВОСТИ) К ПРОЧНО УСТАНОВИВШЕЙСЯ ПРАКТИКЕ

В противостоянии держав яд использовался довольно часто, и роль его была заметна. С его помощью ускоряли ход сражений или осады, а иногда просто избегали прямого военного столкновения, результат которого мог оказаться нежелательным. Отравляющее вещество выступало заменой или паллиативом боя и могло употребляться как однократно, так и систематически.

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДАХ, УПОТРЕБЛЯЕМЫХ ОТ СЛУЧАЯ К СЛУЧАЮ

В 1304 г. фламандцы опасались, что французы предпримут экспедицию, чтобы взять реванш за разгром при Куртре 11 июля 1302 г. Под видом бродяжки они подослали к брату Филиппа IV Карлу де Валуа, одному из французских военачальников, отравительницу и колдунью, которую, впрочем, успели разоблачить до того, как она совершила злодеяние. В 1349 г. отравили графа Гюнтера де Нассау, возможно, по наущению императора, поскольку графа считали слишком опасным в военных делах. Такое физическое уничтожение мощного врага демонстрировало беспомощность. Случалось, что слабому участнику конфликта выгоднее было проявлять *nequitia*, т. е. уклоняться

от прямых столкновений, и действовать хитростью: обезглавить и тем самым парализовать противника до того, как он нанесет удар.

Тем более не должна удивлять замена боевого столкновения ядом в Италии. Там вообще предпочитали экономить военные усилия, и бывало, что руководивших наемными подразделениями кондотьеров обвиняли в «договорных битвах». В 1264 г. Папа Урбан IV предостерегал Карла Анжуйского от происков его соперника Манфреда, претендовавшего на королевство Сицилию. Понтифик сообщал, что Манфред послал к нему убийц, снабдив их пятьюдесятью видами яда.

В 1382 г. имел место еще более показательный случай. Людовик Анжуйский, стремившийся завоевать Неаполитанское королевство, столкнулся с соперником — Карло Дураццо, желавшим заполучить тот же самый трон. Последний чувствовал себя уязвимым на поле боя, но сделал вид, что готов к военному столкновению, и послал Людовику Анжуйскому вызов по всей форме. На самом деле посланнику Дураццо поручалось отравить Людовика ядовитым копьём. Согласно «Хронике монаха из Сен-Дени», смертоносны были не только прикосновение к копьё, но даже и взгляд на него. Злодейский замысел не удался, потому что союзник Валуа граф де Потенца хорошо знал хитрости «сицилийцев». Однако когда в 1384 г. принц Людовик умер, находясь в Италии, многие приписали это событие отравлению. Неаполитанцы и позже охотно пользовались ядом. В июне 1478 г. некоего монаха подозревали в попытке отравления венецианских колодцев по заказу короля Неаполитанского. А Коммин рассказывал о другой попытке, имевшей место,

по-видимому, в 1493 г. и также с неаполитанским участием. Герцог Калабрии (будущий Альфонс II Неаполитанский), являясь союзником Феррары, враждебной наземной экспансии Венеции, послал в этот город человека со специальным поручением отравить водоемы, во всяком случае доступные, потому что многие стояли запертыми на ключ.

К яду иногда обращались, чтобы компенсировать свое поражение. Во время первой итальянской войны, в которой Карл VIII стремился овладеть тронem Неаполя, противник оставался верен своим методам. Французское войско постоянно преследовали сторонники терпевшей поражения армии противника, которые заражали или портили продовольствие. К муке подмешивался гипс по восточной технологии XII в., вино, а также вода в колодцах и источниках заражались. Наконец, по мнению Брантома, преждевременная смерть сына Людовика XI последовала в результате превентивного применения «итальянского букона». Как раз в это время Карл VIII планировал новый военный поход. Это обвинение сделано Брантомом через несколько десятилетий после события и не соответствует действительности. Однако в нем выразилось вполне определенное видение международных отношений.

Если верить нередко пристрастным источникам, в нескончаемом противостоянии Франции и Англии подобные козни также играли свою роль, хотя и не слишком значительную. В процессе отвоевания Французского королевства Карлом V и Дюгекленом англичане и фламандцы испытывали военные трудности. В результате они пытались отравить колодцы. Один из исполнителей преступления, попавшийся в сети правосудия и,

видимо, вынужденный делать признания, говорил, что «люди Фландрии видели и понимали, что единственный способ нанести ущерб и отомстить королю Франции и его союзникам это отравление». Соответственно некоторые думали, что Эдуард IV умер от вина, присланного Людовиком XI. Французский король, добившийся в 1475 г. удаления англичан с территории Франции ценой тяжелой дани, якобы опасался их возвращения. Заговоры с целью отравления, организованные Карлом II Злым, королем Наварры, также объяснялись его военной слабостью, которая проявилась в поражении при Кошереле в 1364 г. Наконец, в эту же логику вписывалась и попытка отравления в 1473 г. Людовика XI агентами Карла Смелого Итье Маршаном и Жаном Арди. Герцог Бургундский действовал подобным образом после неудачной осады Бове, поскольку не имел сил победить французское королевство.

В XVI в. европейские монархии вели друг против друга нередко далекие наземные и морские битвы. В 1588 г. английский флот потопил Непобедимую армаду. А в 1594 г. в Лондоне раскрыли заговор с целью отравления королевы Елизаветы. При этом врачом королевы с 1586 г. был Лопез, еврей португальского происхождения, который жил в английской столице уже около сорока лет. Филипп II, король Испании и Португалии, надеялся, что Лопез отравит претендента на лузитанский престол дона Антонио, который нашел себе прибежище в Лондоне, а потом таким же образом устранил английскую королеву. Между Англией и Фландрией происходили подозрительные передвижения, которые позволили личному недругу Лопеза графу Эссексу обвинить медика,

не убедив на самом деле королеву. Тем не менее врача назвали преступником, худшим, чем сам Иуда, обвинили в государственной измене, повесили, а потом четвертовали. Дело послужило разоблачению скандальных нравов Пиренейского полуострова, вдохновлявшихся, как считалось в Англии, Папой Римским.

ВЕНЕЦИАНСКОЕ ИСКУШЕНИЕ

Людовик XI, разумеется, обладал параноидальной психикой. В 1464 г. он утверждал, что венецианский посол прибыл к французскому двору, чтобы его отравить. Таким образом король поддерживал репутацию республики дожей, как государства, систематически пользовавшегося ядом против своих врагов. В конце XIX в. этим сюжетом занимался французский историк граф де Ма Латри. В 1893 г. он выпустил труд «О политическом отравлении в республике Венеции». Ма Латри обнаружил за период между 1415 г. и первой четвертью XVI в. не менее ста девятнадцати венецианских архивных документов, содержащих в себе проекты отравления подданных Светлейшей республики, которых она сочла опасными, и, прежде всего, отравления внешних врагов. Благодаря историку мы располагаем в этом вопросе довольно основательной документальной базой. В данном случае речь идет не о малоправдоподобных фантазиях авторов хроник, не о пропагандистских брошюрках, а о секретных государственных бумагах Венеции. Власти республики, прежде всего, Совет Десяти, довольно часто принимали услуги отравителей. Нередко такие услуги оказывали изгнанники, желавшие войти

в милость и возвратиться. Иногда Совет Десяти сам снабжал их ядовитыми веществами. Заговоры могли строиться не только против султанов и других мусульманских государей, но и против христианских правителей, будь то в Италии или в других странах Европы. Постановление Совета Десяти от 17 октября 1509 г. к тому же совершенно официально позволяло должностным лицам собирать любые сведения о том, как лучше всего избавиться от самых непримиримых врагов республики. Однако и до 1509 г. власти пользовались тайными методами.

С апреля 1456 г. по ноябрь 1477 г. республика двадцать раз рассматривала возможности убийства турецкого султана Мехмета II, причем значительную роль в этих планах играл яд. Предложения поступали отовсюду, например, от врача султана или от новообращенного, который предлагал заразить дворцовый источник воды. В 1471 г. Совет Десяти принял три проекта. Одним из «кандидатов-отравителей» был поляк из Кракова, который осторожно заявлял, что хочет употребить яд лишь против Нечестивого, но не против какого-нибудь христианина. Другой кандидат — еврей Джакопо де Гаете состоял личным медиком при султанине. В 1477 г. аналогичное преступление готовил цирюльник, однако турки раскрыли его замысел и посадили отравителя на кол. Венецианская республика тем не менее в знак благодарности предоставила пенсию его сыновьям. В конце того же года, когда венецианцы терпели поражения в Албании и в Боснии, а турки вторгались во Фриули, республика со всей серьезностью изучала два предложения: одно — отравить султана в Константинополе, второе — отравить

боснийского санджака. Венецианские архивы сохранили «контракты», заключавшиеся Советом Десяти, где все удивительно точно называлось своими именами. Когда в 1481 г. султан Мехмет II умер, его конец приписывали яду венецианского происхождения. Очень возможно, что если подобные соображения и не имели под собой прочных оснований (подозревался также сын Мехмета Баязет), то, по крайней мере, деятельность венецианцев провоцировала заговоры против монарха. И она, разумеется, не прекратилась после кончины завоевателя Константинополя. Еще одна попытка отравления султана имела место прямо перед битвой при Лепанто в 1571 г. А еще около 1540 г. власти ставили задачу заражения колодцев в Турции. В архивах Большого Совета фигурировал список составляющих токсической смеси; его члены беспрерывно требовали у падуанских медиков соответствующих рецептов.

То, что признавалось хорошим и правильным по отношению к мусульманам, совершенно не обязательно оказывалось плохим, когда речь шла о христианах. Республика дожей без малейших колебаний использовала яд против своих соседей с Апеннинского полуострова. В 1340 г. пытались отравить вареньем сеньора Падуи Убертино да Каррара. На такого грозного соседа, как герцог Милана, в течение XV в. покушались многократно. В 1431–1432 гг. власти востребовали изгнанного ранее Микеле Муаццо, уроженца Крита, чтобы поручить ему убийство Филиппа Марии Висконти, у которого Венеция отняла Бергамо. Совет Десяти настаивал на необходимости сохранения дела в тайне, дабы оно осуществлялось «без обвинений и без позора для Государства», таким образом, чтобы

республика не несла ответственности за неприемлемые методы. После перехода Милана в руки Сфорца Венеция уверенно продолжала их применять. В 1448–1453 г. Совет рассматривал около тридцати проектов убийства Франческо Сфорца, в большинстве своем — через отравление. Для города святого Марка это было не так уж много. В декабре 1450 г. Совет Десяти, например, принял предложение одного иностранца по изготовлению маленьких шариков, приятно пахнувших при сгорании, при том что запах этот нес смерть. Таким образом власти рассчитывали покончить со своим злейшим врагом — герцогом Миланским, и приказали произвести соответствующий эксперимент на приговоренном к смерти. Забросив проект в пользу военной операции, венецианцы потерпели поражение. Однако победа над герцогом считалась необходимым условием существования государства, поэтому Совет Десяти вернулся к шарикам. В конечном итоге предприятие кончилось провалом. Стоит ли добавлять, что венецианские власти без колебаний организовывали покушения также и на пап. Об этом свидетельствуют достоверно известные заговоры против Александра VI в 1503 г. и Юлия II в 1504 г.

Если считалось, что какой-то правитель за пределами Италии наносил ущерб равновесию на Апеннинском полуострове или же господству Венеции на море, то похожие методы применялись и к нему. В 1474 г. венецианцы якобы отравили короля Кипра и его сына. Впрочем, источник, который об этом рассказывает, очень пристрастен. Более надежны сведения о том, как Совет Десяти изучал в 1518 г. предложение одного изгнанника, добивавшегося помилования и желавшего вер-

нуться домой. Речь шла об отравлении потомка Лузиньянов, бывших правителей Кипра, у которых его отняла Венеция. Этот потомок находился тогда в Германии, где собирал средства на армию, чтобы отобрать Кипр у Светлейшей республики.

Аналогичного подхода требовала и защита континентальных интересов. С 1415 г. Венеция всеми силами стремилась уничтожить Сигизмунда, императора и короля Венгрии. Венеция имела множество контор на восточном берегу Адриатики, и политика императора в Далмации стесняла республику. В сентябре 1419 г. Совет Десяти получил от одного врача яды нового типа, чтобы поэкспериментировать, прежде чем пускать их в ход. Главам городов Террафермы, венецианских владений на материке, поручали искать умелых производителей ядов в землях Виченцы, Вероны и Падуи. 24 мая 1419 г. власти приняли решение предоставить отравляющие вещества, необходимые для отравления Сигизмунда уже упоминавшемуся Микеле Муаццо. На следующий год этот человек снова предложил свои услуги Венеции. Он располагал в тот момент порошком и жидкостью, от которых ждал чудес, однако Совет Десяти решил проверить вещество. Правительство так долго не могло договориться с отравителем, что в конце концов возникла угроза раскрытия секрета предприятия. Тогда от него решили отказаться.

Наряду с амбициями Сигизмунда, невозмутимое спокойствие Светлейшей республики нарушала итальянская политика Карла VIII. В июне 1495 г. проживавший в Виченце Базилио а Скола, также стремившийся возвратиться из изгнания, предложил Совету Десяти отравить французского короля. От этого проекта, впрочем, отказались из-

за сложности его осуществления. Проблема, однако, оставалась, и 27 октября 1511 г. Совет Десяти подчеркивал, насколько важно для Венеции уничтожение преемника Карла VIII. Появился некий Николо Кателано, который предложил отравить Людовика XII, претендовавшего на герцогство Миланское и ведшего войны в Италии, с помощью собственного медика монарха. Венеция заключила договор, детально обговаривавший финансовые условия. Начиная с июня того же года, кто-то предложил отравить медленно действующим ядом вина в Пешииере, где находился французский король. Однако Сенат возразил, что проделать подобное невозможно. Была ли это лживая уловка, чтобы усыпить бдительность противника, или венецианцы постеснялись использовать недопустимое средство? Этого мы не знаем, но можем констатировать, что специальный политический язык, призванный скрывать реальность, вроде советского новояза, в это время уже существовал.

В начале XVI в. Венецию беспокоил император Максимилиан, и, начиная с 1509 г., она рассматривала вопрос о его отравлении. Два года спустя Светлейшая республика приняла предложение брата Иоанна из Рагузы применить против Максимилиана его *artificia* («яды» и «колдовство»). В 1514 г. встал вопрос о новом покушении. Союзники императора также не оставались без внимания. В 1527 г. *condottiere* предлагал отравить коннетабля де Бурбона, угрожавшего Риму, в тот момент союзнику Венеции. И так далее вплоть до XVIII в.

Разумеется, венецианские власти использовали не только яд. «Государственная необходимость» допускала любые действия, даже ковар-

ное убийство. Когда дело касалось блага страны, для Венеции все средства оказывались хороши. Отравление выступало искушением, которому часто поддавались власти, даже чаще, чем об этом говорили их жертвы. Людовик XI в самом деле имел все основания их опасаться.

ДУРНЫЕ ОБЫКНОВЕНИЯ ВРАГОВ ХРИСТИАНСТВА

Мусульман еще в большей мере, чем прежде, считали мастерами отравления. В Западной Европе они отступали, но все больше надвигались на юго-восток и в борьбе против христианского мира широко использовали яды. После падения Сен-Жан д'Акра в 1291 г. христиане не вели войну на Святой земле, но как минимум до конца XV в. продолжали совершать походы за море. Государи знали о подстерегавших их там опасностях и принимали меры предосторожности. Так, в 1335 г. король Франции Филипп VI собирался в крестовый поход. В этой связи медик королевы Гвидо да Виджевано включил в трактат *Texaurus regis Francie acquisitionis Terre Sancte* рассуждение о ядах, используемых сарацинами против христиан.

Такая природенная склонность сказывалась не только в оборонительной деятельности. Запад опасался широкого исламского наступления, опирающегося на отравление христианского мира. Оружие яда представало своего рода коварным вирусом, угрожавшим всему западному миру в целом, именно так, как это изображено в «Балладе отравителей» Эсташа Дешана. Первый эпизод разыгрался в 1245 г. Молва твердила, что представители секты Магомета распространяли по

всему Западу зараженный перец, дабы ослабить противника. Невозможно сказать определенно, было ли это столь раннее употребление отравляющих веществ на войне или же просто заражение «потребителей», вызванное низменным корыстным расчетом. Вторая гипотеза, впрочем, выглядит более достоверной. В 1250 г. по Франции прокатился слух о «пастушках». Самые простые люди объединялись в отряды, провозглашая своей целью освобождение Людовика Святого, в то время находившегося в плену на Востоке. Им же, напротив, приписывали намерение в отсутствие короля отравить во Франции колодцы, с тем чтобы сдать страну врагу. Один из вожаков «пастушков» попался, и у него обнаружили яд, а также письма султана Вавилона (Египта). Считалось, что с ним договорился главный руководитель движения, по прозванию Венгерский Учитель. По общему признанию, история эта совершенно абсурдна, и тем не менее она говорит о многом. Слух о том, что «пастушки» сговорились с мусульманами, превращал Запад в крепость, осаждаемую невидимым врагом. Спустя семьдесят лет все это повторилось.

Весной 1321 г. король Филипп V узнал, что в Аквитании схватили прокаженных, бросавших «в колодцы, источники, бочки с вином, зерно» и другие места, связанные с жизнеобеспечением, подозрительные свертки. Один из прокаженных признал, что цель таких, как он, состояла в уничтожении или, по меньшей мере, в уменьшении числа здорового населения, для того чтобы овладеть королевствами и владениями Запада. Прокаженные даже якобы заключили союз с евреями. На самом деле главной пружиной заговора

стали как раз евреи, которым, начиная с Первого крестового похода, приписывали тесный союз с исламом. Дабы победить христиан, вытеснявших мусульман из Испании, султан Гренады настойчиво добивался помощи евреев. Христиан предполагалось травить, а чуть только они ослабели бы, мусульманские силы бросились бы на завоевание Запада. Письмо, как предполагалось адресованное султанами Гренады и Туниса еврею Сансону, обнародовали в начале июля в Маконе королевские агенты: «Мы просим вас взять переданную нами отраву и распространить ее по резервуарам, колодцам и источникам». Король Филипп V принял эту угрозу настолько всерьез, что не пил ничего, кроме воды из Сены. Включение «султанов» в заговор евреев и прокаженных могло, кроме всего прочего, оправдать возобновление крестового похода, все время планировавшегося и все время откладывавшегося, а теперь получившего прекрасное обоснование. Впоследствии этот страх токсической атаки как предвестия военного нападения, по-видимому, постепенно спал.

Всякий раз, когда возникала турецкая угроза, возобновлялись разговоры о яде. В 1478 г. в Италии из уст в уста с негодованием передавали, что турки отравили воду в кропильницах, дабы поразить христиан. Согласно «Дневнику» Стефано Инфессуры, некий крестьянин по имени Марини в 1490 г. привез из Константинополя яд, действовавший по истечении пяти дней. Он собирался отравить им источник рядом с воротами Ватикана. Поскольку подобного акта опасались, то вокруг упомянутого источника возвели высокие стены. Однако коварная хитрость точно соответствовала мусульманским обычаям ведения войны. А кроме

всего прочего, во многих отношениях ужасная угроза отравления со стороны исламских держав в то же время неизбежно бросала ответ непобедимости на западные армии. И это несмотря на то что яд не играл никакой роли в победах турок под Никополем в 1396 г., в Константинополе в 1453 г., в Отранто в 1481 г.

ЯД НА ВООРУЖЕНИИ «ТЕМНЫХ СИЛ»

Запад боялся и других угроз. Злобный враг — евреи и колдуны — вследствие своей природы не мог пользоваться силой и отвергал обычное оружие, но прибегал к яду и вел, как считалось, тайную сатанинскую войну. Страх перед прокаженными 1321 г. получил в 1348 г. психологическое продолжение. Началась страшная эпидемия чумы, и опасность, которой едва смогли избежать двадцать семь лет назад, была перенесена на универсальный уровень: происки «проклятого еврейства». Евреев стали обвинять, что это они сеют черную смерть, высыпая в источники и реки порошки, привезенные с островов Ява, Суматра и Борнео. В знаменитой «Книге чудес света», опубликованной в середине XIV в. и полной небылиц о далеких землях, повествователь, Жан де Мандевиль, описывал острова, которые он якобы посетил. Он рассказывало «деревьях, которые приносят муку, и деревьях, которые приносят яд». Именно туда, согласно «Книге», отправлялись евреи, чтобы добыть яд для отравления христиан и установления своего «господства над всеми». Катастрофа 1348 г. породила модель представлений, свидетельствовавшую о навязчивом страхе перед ядом. Она появилась раньше, чем

восторжествовали естественные (зараженный воздух) или провиденциальные (Божья кара) объяснения эпидемии, и распространялась, несмотря на то что оспаривалась многими врачами и правителями государств. В этом отравлении колодцев материализовался великий антихристианский заговор, в котором коварные поборники Магомета уступили место внешне безоружным армиям «иудейской секты», с давних времен считавшейся пособником Дьявола. Так, в некоторых версиях знаменитого средневекового миракля «Чудо о Теофиле» XIII в. посредником между Теофилом и Сатаной служил еврей.

Тот же ментальный источник порождал заговоры колдунов и ведьм. Итальянский историк Карло Гинцбург в книге «Шабаш ведьм» (1992) провел параллель между обвинениями 1321 и 1348 гг., с одной стороны, и коллективными обвинениями в ведовстве, которые множились в XV в., с другой. На место прокаженных или приспешников султанов пришли ведьмы и колдуны, приспешники Сатаны, причем все они вели одну и ту же тайную войну за торжество Врага рода человеческого, т.е. Дьявола. Эта война не предполагала использования «нормального» оружия. Таким образом, «колдовство заговора» (в отличие от того, что совершалось в личных целях) совершенно логично включало в себя яд.

Согласно не слишком надежному источнику, в 1335 г. неких пастухов в районе Каркассона обвиняли в отравлении воды. При этом их подозревали в том, что проклятые порошки они получили от падшего ангела. В 1390 г. следователи парижского суда Шатле высказывали серьезное подозрение, что отравители проводили на колодцах и источ-

никах магические линии, которые заражали воду. Таким образом, они объявляли себя скорее прислужниками Дьявола, чем англичан и фламандцев. В ведовских процессах XV в. достаточно часто фигурировали небольшие коробочки с порошками и мазями, изготовленные по наущению демонов или данные самим Дьяволом во время шабаша. Следователи искали такие коробочки, чтобы использовать их в качестве «улик». В сочинениях о «водериях в Аррасе»* также упоминалось, что Сатана предоставлял смертоносные порошки для колодцев и источников.

Возвращения чумы в XVI в. порождали новые приступы страха перед сатанинским заговором против христианского мира. Исследование распространения эпидемии в Альпийском регионе показало устойчивость суеверных представлений о подрывной деятельности Дьявола, занимавшегося отравлением добрых христиан. Кальвинистские власти Швейцарии развернули в 1530, 1545, а затем в 1567 и в 1572 гг. вокруг Женевы преследование так называемых «намазывателей». Преступники якобы обмазывали двери своих жертв содержащей заразу мазью. Вначале злодеяния объясняли лишь корыстными мотивами: желанием присвоить имущество отравленных. Постепенно, и особенно с 1570 г., за ними стали усматривать дьявольские цели; Жак Гревен в «Трактате о яде» указывал именно на них.

В других местах приспешники Дьявола, травившие население, выглядели по-своему. В 1564–1577 гг. в Лионе обвиняли гугенотов, в 1575 г.

* *Les Vauderies d'Arras* (1459–1491 гг.) оголтелые ведовские процессы в Аррасе. Названы по имени главного обвиняемого — Робине де Во (*Robinet de Vaux*).

в Граце — иезуитов. В 1564 г. правительница Нидерландов Маргарита Пармская предупреждала города Дуэ, Лилль и Орши: какие-то лица планировали якобы «отравлять дома и людей некими ядами, с оной целью приготавливаемыми».

Разумеется, существует большая разница между ядом, подсыпаемым полководцу, дабы без боя воспрепятствовать продвижению его войск, и дьявольскими порошками, призванными уничтожить христианский мир. Реальность и вымысел, искренняя убежденность и пропагандистские приемы причудливо перемешивались в пространстве между этими двумя пониманиями отравления. Так же как и во внутренней политике, токсические вещества, вероятно, совсем мало использовались в отношениях между странами. Однако в мире воображаемого складывалась своя геополитика, в которой яд играл куда более существенную роль.

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ ИДЕНТИЧНОСТИ, ИЛИ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ ЯДА

В последний период Средневековья власти вели активную пропагандистскую деятельность ради укрепления своей легитимности. Конечно, вопрос об использовании яда не занимал центрального места в этом процессе. Однако он сыграл определенную роль, поскольку одним из краеугольных камней легитимации правителей становилось дискредитирование противника. Отравление представлялось оружием чужака, несовместимым с чистотой сообщества, к которому принадлежал тот, кто использовал данный аргумент. Таким

образом, это понятие участвовало в складывании «национальной» идентичности. Когда хирург Ги де Шольяк в середине XIV в. утверждал, что на Западе «не принято применять друг против друга смертельные вещества», он пребывал еще в рамках глобального понимания европейского мира. Его суждение имело тенденцию к уточнению, по мере того как размежевание происходило уже внутри христианского мира и появлялись «нации-отравительницы» и «добродетельные державы».

СТИГМАТИЗАЦИЯ ЯДОМ

Предъявление другой державе обвинения в употреблении яда носило в XIII–XVI вв. скандальный характер и преследовало одновременно две цели. Практическая состояла в том, чтобы возбудить или возобновить конфликт. В 1254 г. папство обвинило Конрада IV в отравлении его юного брата Генриха, для того чтобы спровоцировать вмешательство родственника жертвы Ричарда Корнуоллского, которому Папа собирался передать Сицилийское королевство. Матье Пари, хронист бенедиктинского монастыря в Сент-Элбане, сообщал, что в 1255 г. англичане (совершенно против истины) обвинили шотландских баронов, будто те отравили медика английского двора, приехавшего из Эдинбурга осмотреть дочь английских государей. Матье Пари писал, что свою роль в этом деле сыграло, по-видимому, искушение найти повод к войне с северным соседом.

В то же время существовала вторая цель подобных обвинений. Она состояла в диффамации врага, которому приписывали действия, недостойные

христианского монарха. Судя по тому, что те, кого это касалось, изо всех сил старались оправдаться, прием действовал эффективно. В 1521 и в 1523 гг. немцы распространяли слухи, будто король Венгрии отравлен по наущению Светлейшей республики. Посланники «совершенно невинной» Венеции немедленно бросились их опровергать. В 1564 и в 1568 г. венецианские послы в Риме и в Испании снова получили распоряжения категорически отвергать подобные толки.

Особенно интенсивные пропагандистские кампании такого рода велись в момент противостояния Фридриха II и Рима. Коль скоро император и его наследники хорошо соответствовали стереотипному образу отравителя, наилучший способ подрыва их авторитета Папа видел в инкриминировании им использования яда. Во-первых, они представлялись тиранами, во-вторых, все знали об их связях с мусульманами, контакты с которыми на Сицилии и за морем развращающе действовали на добрых христиан. Штауфены интересовались оккультными науками и могли, кроме того, обращаться за услугами к хранителям опасных тайн природы. Впервые Фридриха II обвинили 1227 г., после смерти в Бриндизи ландграфа Тюрингии Людвига IV. Скорее всего, ландграф стал жертвой той самой эпидемии, на которую ссылался император, откладывая поход на Святую землю. Людвиг умер в жестокой лихорадке, и уже на следующий день Папа распустил слух об отравлении, а императору пришлось отвечать на папские обвинения. Спустя двенадцать лет понтифик выпустил энциклику, где снова утверждал, что германский принц умер от яда и что крестоносца отравил Фридрих. При этом риторика текста была такова, будто Папе

трудно поверить обличениям, о которых кричали все вокруг. В 1245 г. во время Лионского собора, решавшего вопрос о низложении императора, сторонник Рима клеймил «змеиную» природу монарха, который, как аспид, жалит свою мать-кормилицу Церковь. Затем он переходил к конкретным делам и разоблачал отравления жен Фридриха II, погибших в результате смертоносных действий какого-то повара. Император, со своей стороны отвергая «ядовитые инсинуации» Папы, пользовался метафорой отравления. Однако слухи делали свое дело, и Матье Пари заключал, что все эти обвинения не имели другой цели, кроме возбуждения ненависти к императору.

Потомки Фридриха II Штауфена, у которых папство желало отнять Сицилию, также находились под обстрелом римской пропаганды. На Конрада наговаривали так много, что наследнику пришлось в феврале 1255 г. послать прокурора в Рим, дабы категорически отвергнуть враждебные измышления. В связи с этим он говорил, что мог бы с презрением пренебречь зловредной ложью, если бы в нее не верил простой народ.

Система работала и в противоположном направлении. Фридрих II, как в свое время его предшественник Генрих IV, тоже обвинял Церковь в применении яда. В 1249 г. он сообщил всем европейским государям, что на него совершено покушение, чем нанес серьезный урон репутации папства. В разосланном послании Штауфен выпренно нападал на Святой престол, разоблачая ужасающее злодейство. Документ, призванный продемонстрировать, что подобное преступление невозможно сохранить в тайне, начинался следующими словами: «Узнайте, могучие в веках, о великом коварс-

тве, что неведомо прежним векам». Слова подбирались очень тщательно, для того чтобы поразить публику. Говорилось, например, что Папа распространяет *veneficium* вместо *beneficium* (благодать), которой ждут от доброго пастыря. Поступки Папы объяснялись жаждой всеобъемлющей власти, несовместимой с могуществом императора, которому наносился огромный ущерб. Таким образом, обвиняя Папу в отравлении, императорская пропаганда стремилась противостоять попыткам Святого престола монополизировать светскую власть. В 1252 г. Конрад заболел и ответственность за свою болезнь возложил на римскую власть, снова задев ее репутацию. Матье Пари высказывал пожелание, чтобы эти утверждения не оказались правдой, демонстрируя опасение, что они имеют под собой основания. Как бы то ни было, хорошо видно, что подобные рассуждения входили в пропагандистский арсенал гибеллинов.

Взаимоотношения Рима с Французским королевством не отличались такой конфликтностью, однако Александра VI тревожила итальянская политика Карла VIII. Папу немедленно стали подозревать в желании помешать замыслам французов. И здесь в политическую игру входило обвинение в отравлении, которое отошло на второй план, когда обстоятельства переменились. Маленькая брошюрка конца XV в., приписанная распорядителю замка в Остии Мено д'Агеру, обвиняла Папу в стремлении умертвить солдат армии Карла VIII, стоявшей гарнизоном в Остии. В острой сатирической манере там говорилось о «смертоносных вещах, более постыдных и отвратительных, чем меч, несравнимых с другими способами убийства, таких, что не допускаются граж-

данским и церковным правом». По этому случаю вновь всплыло старое определение отравления как *horrendum scelus*. Оно усиливалось прозрачным намеком на каноническое право, которое нарушал тот, кому следовало быть его главным защитником. Обвинение, впрочем, выглядело слишком масштабным, общественное мнение королевства с трудом в него верило, и брошюрка распространялась слабо. После 1498 г. этот текст даже вредил французским интересам, поскольку Людовик XII нуждался в понимании Папы, чтобы развестись с первой женой и жениться на Анне Бретонской, вдове своего предшественника. Именно тогда сочинение Мено исчезло из обращения.

Очевидно, такие же пропагандистские цели вдохновляли и Франциска I после смерти дофина в 1536 г. Подлежавшим очернению врагом в этом случае являлся Карл Пятый, которого не удавалось победить на поле битвы. Оскорбленный император опубликовал письма с целью оправдания. А архиепископ Безансона кардинал Гранвель возмущался «речами и слухами», которые король Франции и его министры распространяли как в королевстве, так и в Германии, Италии, Англии, других странах христианского мира, а также за его пределами, приписывая отравление императору. Кардинал негодовал по поводу «невероятного извращения истины и злобного вымысла» и начинал контратаку. Его инсинуации, касавшиеся коварных привычек французского двора, возможно, намекали на пресловутое отравление Карла Гиеньского его братом. Кардинал утверждал, что обыкновения эти живы, и намекал, что убийство мог совершить младший сын Франциска I Генрих. Это дело великолепно показывает, как в целях дип-

ломатической пропаганды использовались и сама подозрительная смерть, и взволнованность, спровоцированная ссылками на употребление яда.

Во второй половине XVI в. известные модели использовались в новом политическом контексте. Протестантские правители не отказывали себе в удовольствии изобразить сторонника папства — главным образом, испанского короля — отравителем. Статхаудер Соединенных провинций и протестант Вильгельм Оранский сразу после организованного Испанией неудачного покушения утверждал в «Апологии» (1581 г.), что Филипп II среди прочих уничтожил своего сына Карлоса, который в 1568 г. таинственным образом умер в тюрьме. В 1582 г. в Брюгге вышла маленькая брошюрка, частично воспроизводившая ту же аргументацию, но расширявшая поле злодеяний Габсбургов. Она называется «Истинный рассказ о том, что приключилось в городе Брюгге в 1582 г., ибо король Филипп Испанский снова использовал предателей и убийц, дабы лишить жизни герцога Брабанта, Анжу, Нассау... вместе с принцем Оранским — ядом или каким-либо иным способом». Речь здесь шла о Франциске, брате Генриха III, которого Нидерланды избрали своим монархом. Воспроизводилась классическая аргументация: не умея победить герцога Анжуйского на поле сражения и не имея законных возражений против восшествия его на престол, испанский король решил избавиться от соперника другим способом. До этого Филипп уже отравил жену Елизавету Валуа и сына Карлоса, а впоследствии предполагал совершить такое же покушение на жизнь короля Португалии.

Дискредитация Филиппа II как бессовестного тирана имела целью испортить его репутацию в глазах находившихся под его властью фламандцев, чтобы они присоединились к восставшим северным провинциям. Кроме того, эта пропаганда могла способствовать сплочению англичан вокруг королевского правительства против Испании. Фаворит Елизаветы граф Эссекс изо всех сил стремился избежать англо-испанского сближения и организовывал разоблачительную кампанию против монарха-католика. Англия официально потребовала от Филиппа II выдачи сообщников заговора 1594 г., которые находились на континенте, однако требование сочли оскорбительным. Оно и на самом деле преследовало скорее цель распространения сведений о заговоре. В 1595 г. появился трактат о тайных замыслах короля Испании против королевы, в котором среди других примеров приводилось дело Лопеза. В 1597 г. нападки возобновились в связи с делом Эдварда Сквайра*, поскольку за деятельностью иезуитов видели руку испанского короля. После казни преступника распространялось письмо, разоблачавшее злодеяние и тех, кто его задумал. Автором, скорее всего, являлся Бэкон.

Подобные враждебные Испании настроения были характерны не только для протестантских стран. В 1590 г. скончался Папа Сикст V. Французская монархия, поддерживавшая с ним хорошие отношения, немедленно обвинила в преступлении Испанию, король которой в шутку называл яд «*requiescat in pace*» (ночиет в мире).

* Эдварда Сквайра обвиняли в том, что он по наущению иезуитов должен был натереть ртутным раствором переднюю луку седла королевы Елизаветы.

До сих пор речь шла о конкретных обвинениях, влиявших на общественное мнение и соответствовавших целям внешней политики. Однако одновременно с этим складывался и общий идеологический подход, приписывавший одним людям натуру отравителей, а другим — добродетель неприятия яда. Мир делился, таким образом, на народы, отравлявшие других и самих себя, и народы, порядочные и добродетельные.

Начнем с первых. Венецианский историк Джустиньяни утверждал, что Венеция никогда не действовала против своих врагов коварством. Возможно, он вдохновлялся декларацией 1498 г., в которой Совет Десяти заявлял, что венецианцы «никогда не имели обыкновения вредить кому бы то ни было обманом и ставить ловушки». В сентябре 1509 г. венецианские власти с присущим им апломбом сделали еще одну декларацию, подтверждавшую первую. Однако бесстыдные заявления были ответом на обличения. Провозглашая себя чистой от обвинений в применении яда, Светлейшая республика приписывала себе благородство, как Рим во времена Фабриция. Аргумент этот отнюдь не был нов, и прибегали к нему далеко не только в Италии.

Потомки галлов тоже испытывали отвращение к яду. В изысканной балладе Эсташа Дешана страна лилий располагалась с противоположной стороны от Востока, где «подавали ужасные напитки». С этим соглашались (причем напрасно) даже итальянцы. В феврале 1572 г. Контарини утверждал в Сенате Венеции, что французы ненавидят

предательство, тайные действия, яд и убийство, столь распространенные в других местах. Однако в 1588 г., после отравления принца Конде, врач королевы-матери Кавриана констатировал, что «применение яда, к которому уже привыкли итальянские государи, дошло до Франции». Драматург Пьер Гренгор еще в начале XVI в. опасался именно такого последствия италянизации.

Около 1600 г., по словам английского автора, «отравление рассматривалось как преступление, чуждое английскому характеру и, следовательно, особенно презираемое». В «Основах английского права» Эдварда Коука (1644 г.) знаменитый юрист и главный судья королевской скамьи не без гордости утверждал, что, начиная с правления Эдуарда III и вплоть до Генриха VIII, не обнаруживается никакого следа отравлений. Когда в 1531 г. разразилась-таки темная история с отравлением, тот же судья рассматривал данный факт как совершенно новый судебный прецедент. Трудно сказать, являлись ли подобные суждения следствием искреннего неведения или умысла, направленного на искажение реальности. Во всяком случае, они отлично вписывались в традицию, восходящую к Иоанну Солсберийскому. Считалось, что Ирландии иммунитет против отравлений привил еще святой Патрик. Что касается Англии, то она хотя и не пользовалась его покровительством тем не менее имела репутацию страны, уроженцы которой не используют яда, и это обстоятельство становилось предметом национальной гордости. И не потому ли отравителей варили в кипятке, что король Генрих VIII опасался утраты воображаемой особенности англичан? Не исполняла ли столь жестокая казнь функцию устрашения?

Негодование императора Карла Пятого в 1536 г. в связи с обвинениями в отравлении наследника французского престола не соотносилось с «национальной» добродетелью. Архиепископ Безансонский Шарль де Гранвель подчеркивал в первую очередь отвращение к яду, которое испытывал монарх. Карл Пятый не стал бы использовать это оружие даже против своего злейшего врага, могущественного пирата Хайр-ад-Дина Барбароссы, захватившего Тунис. А если уж он отказался отравить язычника, т. е. совершить деяние, которое теологи провозглашали допустимым, тем более он не мог отравить христианина. Преисполненный гуманности император освободил короля Франции после битвы при Павии. Он совершенно не нуждался в яде, ибо побеждал на поле боя. В то же время аргументация кардинала содержала один пункт, восходивший скорее к традиционным ценностям рыцарства, чем к государственной идентичности. Он утверждал, что вице-король Сицилии Ферран Гонзаго, на которого возлагали ответственность за преступление 1536 г., не мог действовать столь недостойно, ибо являлся рыцарем Золотого руна. Эту точку зрения, опирающуюся в большей степени на социальный статус обвиняемого, чем на его происхождение, разделял и Брантом. Он писал, что подозреваемый «очистился от столь серьезного обвинения и показал свою невиновность, будучи слишком благородным, чтобы замарать себя подобным образом».

Англичане и французы благородно признавали друг за другом прирожденное неприятие яда. При этом, разумеется, и тем и другим был свойствен столь же прирожденный порок его практического применения. Склонность того или иного народа или региона к употреблению яда весьма часто

фигурировала среди «стереотипов национальной психологии». Около 1300 г. Пьетро д'Абано в трактате о ядах объявлял, что отравление пришло с Востока, с берегов Средиземного моря. Он имел в виду главным образом мусульман, но также и неверного союзника — греков. Как писал один автор около 1330 г., к предательству проявляли «общую склонность все нации Востока». По мере формирования национальных государств, такой глобальный подход уточнялся. Христианские нации также обнаруживали приверженность к яду, и это заметно сказывалось на их государях и на их общении с другими правителями. «В Испании, Калабрии и Арагоне, / На Кипре и в Румынии берут, / Сильный сицилийский яд, / И кого-то внезапно сражает смерть», — писал Эсташ Дешан. Подобная топография отравлений в данном случае имела в виду не окраины христианского мира, а Средиземноморье, особенно Италию, все больше приобретающую в это время репутацию отравительницы.

Представления об Апеннинском полуострове, особенно о Ломбардии, начиная со времен Карла VI, отразились в «Хронике монаха из монастыря Сен-Дени». Там говорилось об отравлении Галеаццо Висконти, и на этом основании делалось общее заключение о Ломбардии, как о стране, где принято использовать яд. То же самое относилось и к Венеции. В памфлете, призванном оправдать политику Людовика XII против республики, Жан Лемер де Бельж приписывал ей такие «любезности» по отношению к соседям, как предательские попытки отравления короля Кипра Жака де Лузиньяна или кардинала д'Амбуаза, главного министра французского короля. Пьер Гренгор

распространял обычай отравления на всех врагов Людовика XII. Он именовал «предательскими напитками» как подносимое врагу отравленное питье, так и лживые слова. «Итальянский народ, ты большой льстец, / У тебя лживое сердце и обманчивый голос», — писал он в «Игре короля дураков». В том же сочинении французский народ обращался к итальянскому: «Каждый знает о твоих обычаях, / Яд вместо добрых угощений, / Ты подаешь, оскорбляя закон». Эта мысль жила не только в голове поэта. В 1521 г. папский нунций в Париже Лодовико Каносса жаловался, что в глазах французов каждый почивший итальянский сеньор умирает от яда. Инносент Жантийе в трактате «Анти-Макиавелли», написанном в 1576 г. перечислял заговоры, имевшие место в Италии, в которых значительную роль играло отравление. Какой упадок пережила страна с античных времен! «Римлянин проявлял постоянство при любых обстоятельствах, / Итальянец же, постоянен по отношению к яду», — говорилось в тексте 1589 г. Приписывание жителям Апеннинского полуострова склонности к отравлению носило во Франции почти легендарный характер. Валентину Висконти и Екатерину Медичи воспринимали, вероятно, как своего рода воплощения злостного обыкновения.

В стихах Дешана упоминался также и Пиренейский полуостров. Расследование, проводившееся в 1348 г. в Савойе, показало, что предназначенные для умерщвления христиан порошки, производились в Толедо, столице магии. Однако поэт, по-видимому, подразумевал происки Карла Злого, хотя и не говорил прямо о короле Наварры. В XVI в. отравления приписывали испанским

монархам, и это питало репутацию страны. И все же Испании в этом смысле было далеко до Италии.

И тем более подобные обвинения обычно не выдвигались против Англии. Хотя и тут бывало, что конфликтные отношения с Францией порождали англофобию. В 1300 г. в одном стихотворении англичан сравнивали со скорпионами. И все же обвинения в отравлении всегда оказывались маргинальными, за исключением нескольких дел в 1348 и 1390 гг. Даже когда в 1400 г. утверждалось, что французские легаты отравлены в Лондоне, враждебная Англии пропаганда не упрекала эту страну в употреблении яда против Франции. В 1458 г., во время процесса герцога Алансонского, обвиненного в тайном сговоре с Англией, строившиеся им планы отравления не связывались с заказом из-за Ла-Манша. У англичан была репутация трусов, однако их не обвиняли в предпочтении яда военным схваткам. А неуважение к монархам, в результате которого, как писали во Франции около 1420 г., в Англии убили больше двадцати королей, объяснялось сильной склонностью к неповиновению, а не подлостью.

Приверженность жителей Средиземноморья к яду не вызывала сомнений. Она объяснялась близостью к землям мусульман и слепым подражанием обычаям последних. Именно потому, что отравление ассоциировалось с миром ислама, обвинение в нем выглядело столь серьезным. Применение яда одним государем против другого воспринималось как предательство ценностей христианства и рыцарства. И все монархи рисковали заразиться варварскими обычаями через отравительницу Италию.

Итак, с середины XIII до конца XVI в. яду принадлежало значительное место в военных, дипломатических и политических отношениях между державами. Хотя вымыслов об отравлениях было гораздо больше, чем реальных случаев, этот способ борьбы с противником принадлежал не только к сфере воображаемого. Подтверждением тому служат венецианские архивы. Идеал открытого боя продолжали превозносить, однако яд позволял нейтрализовать врага или ускорить его поражение, не подвергаясь опасности и не неся расходов, хотя и с ущербом для чести. Последняя подробность связывалась с всеобщим неприятием отравления, с тем, что оно ассоциировалось с врагами христианства. Оружие яда спланивало людей вокруг монарха, на которого подло покушались. Пропагандистские письма и брошюры клеймили использование вражескими державами запрещенного оружия, покрывая их позором. Сознание отравлял нематериальный яд, вполне способный нанести ущерб добру имени противника и чести его страны, что и порождало резкие ответы на подобные обвинения. Кроме того, аргумент использования или неиспользования яда играл свою роль в начинавшемся процессе национальной идентификации. Изображая соседа отравителем, очень легко было приписывать «своим» разнообразные доблести и добродетели. *In veneno veritas.*

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ОТ АБСОЛЮТИЗМА
К СОВРЕМЕННОМУ
ГОСУДАРСТВУ:
ЗАКАТ ИЛИ МЕТАМОРФОЗА?

В XVII в. в Европе утвердился абсолютизм, который век спустя породил «просвещенный деспотизм». Происшедшие с тех пор революции, а также эволюционные преобразования глубоко изменили структуры власти, во всяком случае, в том, что касается современного демократического государства. Семейный подход к управлению уступил место формальному распределению ответственности; появились выборы с их неизменным ритмом электоральных циклов. Тем не менее эти столь непохожие эпохи объединены в заключительной части книги. Дело в том, что у них есть много общего. Несмотря на всю разницу в дифференциации функций, уже абсолютистские административные структуры начинали дробить власть и уменьшать роль в ней отдельного индивидуума. Государственный аппарат постепенно разрастался, приобретал большую устойчивость, становился менее уязвимым к ударам, наносимым отдельному лицу. Политическое отравление в таких условиях должно было, по-видимому, утрачивать актуальность. Как раз это утверждала в 1790 г. Мария-Антуанетта, отвечая придворному, который опасался угроз в адрес королевы: «В этом веке нет Бренвилье (знаменитая отравительница XVII в.), а

имеется только клевета, и она стоит гораздо больше как орудие убийства; я погибну именно от нее». Кроме всего прочего, быстро развивалась химия, а со второй половины XVII в. еще и токсикология. Все это делало *toxicatio* прежних веков все более нереальным. Зато отношение к нему как к отвратительному злодеянию сохранялось, и это становилось полезным, когда требовалось очернить внутреннего противника или заклеить внешнего врага. В процессе преобразования старой тирании в тоталитарную диктатуру не исчезала ее тесная связь с ядом. Развивавшаяся химия научалась не только более точно определять, какое отравляющее вещество применено, — она стала превращать яд в оружие массового уничтожения. Сеявшие смерть газовые атаки Первой мировой войны давали оружию яда вторую молодость.

Наш очерк применения яда в политике начинался с рассказа о практике *veneficium*, тесно связанной с магией. Он заканчивается историями об иприте и полонии. Мы увидим здесь глубокий разрыв, но также и существенную преемственность.

ОТРАВЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЛА
В ЭПОХУ АБСОЛЮТИЗМА

В XVII–XVIII вв. во Франции установилась крепкая власть. Уровень насилия снизился по сравнению с эпохой религиозных войн, хотя нельзя сказать, что оно совсем ушло из политических отношений. Абсолютизм утверждался силой, а погибал в крови. Конечно, велась словесная борьба, и в ней нередко фигурировал яд. «Эта опасная секта отравила, можно сказать, общественные источники. Красноречие, поэзия, история, романы, даже словари — все заражено», — сказано в материалах к постановлению Парижского парламента от 18 августа 1770 г., осуждавшего некоторые философские книги на сожжение. Но, кроме того, противостояние выражалось в направленной деятельности. Сначала отстаивали государственное могущество, позже — свободу. Символом первого стал «король-солнце», символом второй — обожествленный Французской революцией тираноубийца Брут. В международные конфликты вовлекались все большие массы людей. После масштабных войн времен Людовика XIV впереди была еще эпоха Наполеона с его гигантской Великой армией. В условиях, когда

в политической борьбе так эффективно действовали тайные письма за подписью короля, памфлеты, кинжал или пушки, какое место могло остаться яду? И в самом деле, похоже, что это оружие постепенно уходило из общественной жизни, все больше концентрируясь в сфере частных взаимоотношений. Вместе с тем власть еще долго сохраняла персональный характер; государственные дела решались при дворах «в домашнем кругу». Отравление по-прежнему считали позорным преступлением, а значит, оно оставалось удобным сюжетом для клеветы или, как стали говорить в XVII в., для интриг. Итак, использование яда сохраняло некоторую актуальность для политики, хотя она неуклонно снижалась. В период от Людовика XIII до Наполеона III участники политических игр имели в виду яд постольку, поскольку он мог быть полезен. Кроме всего прочего, несмотря на научный прогресс, отравляющие вещества еще долго не умели идентифицировать, а следовательно, обвинения оставались неопределенными. Только в 1840 г. английский химик Джеймс Марш разработал пробу мышьяка, которая позволяла точно определять летальную дозу токсина в организме после смерти. Эксперт Джеймс Орфила успешно применил пробу Марша в судебной практике.

ЯДЫ В ВЕЛИКИЙ ВЕК

В знаменитых «Мемуарах» герцога де Сен-Симона начала XVIII в. написано: «Похоже, что в преступлениях, как и в одежде, существует мода. Во времена дам Ла Вуазен и Бренвилье модны были только отравления». Современная химия делала

первые шаги в условиях медицинского невежества, суеверных представлений о свойствах веществ. Экспериментаторы неизбежно оказывались под подозрением, им угрожало судебное преследование. В обстановке зависти и придворных интриг подобные дела получали громкую огласку. Общество как будто купалось в токсических испарениях: истории отравлений переполняли романы и театральные пьесы. Достаточно обратиться к сочинениям Шекспира. Яд в его произведениях имеет самое прямое отношение к политике, и все же истинная природа дел, о которых повествуется, их связь со структурами власти XVII в., остаются неопределенными.

ЗАГОВОРЫ И ЯДОВИТЫЕ ПОРОШКИ

В первой половине и середине XVII в. отравление не слишком широко использовали в политических целях. Во Франции велась в этот период преимущественно открытая борьба за власть; эпоха Фронды характеризовалась «молодечеством и отвагой». После падения в 1617 г. фаворита Марии Медичи Кончино Кончини, маршала д'Анкара появилось множество пасквилей, широко использовавших связанные с ядом метафоры. Маршала и его супругу Леонору Галигаи именовали «слизистыми жабами», «скорпионами», «ядовитыми аспидами». Жена Кончини изображалась как новая Медея. При этом преступникам не инкриминировали собственно отравление. Галигаи отправили на костер за колдовство.

В 1620 г. во Франции началась эпоха кардиналов. Сначала всемогущим министром стал

Ришелье, потом Мазарини. Исторический стереотип заставлял вроде бы ожидать возвращения практики применения ядов. В какой-то степени это и происходило, однако в ограниченных масштабах. Причем удивительным образом коварный метод оказался больше свойственен правлению французского прелата, нежели итальянского, что не помешало сделать Мазарини жертвой самой разнузданной клеветы.

В 1629 г. после трапезы в Фонтенбло с главным министром скончался якобы от яда кардинал де Беруль. Эта смерть совсем не огорчила Ришелье, который завидовал дипломатическим успехам усопшего, а также его дружбе с королем и королевой-матерью. Гастон Орлеанский, беспокойный брат Людовика XIII, выпустил памфлет, в котором кардинал прямо обвинялся в убийстве. Министру пришлось оправдываться, что Беруль умер от несварения желудка. Возможно, тот же Гастон пустил слух об отравлении и после смерти маршала д'Орнано в 1626 г. Маршал находился в заключении в Венсенском замке за участие в заговоре, имевшем целью вместо Людовика XIII посадить на престол неутомимого интригана герцога Орлеанского. Ответственность за внезапную смерть Орнано, разумеется, возлагалась на Ришелье.

Сам Ришелье, хотя духовный сан теоретически защищал его от ударов кинжалом, вполне мог стать жертвой отравления. В 1635–1641 гг. Людовик XIII непрерывно предостерегал своего главного министра от опасности отравления. Так, например, 8 февраля 1640 г. король писал кардиналу, что необходимо произвести пробу мяса кабана, присланного ему от имени монарха. Животное убито племян-

ником президента де Новьона, т.е. представителем враждебного министру семейства. В 1643 г. после смерти короля циркулировал слух, будто его отравил... Ришелье, при том что кардинал умер на год раньше. О подобном слухе сообщал венецианский посол, уточняя, впрочем, что вскрытие тела ничего не показало. Наиболее авторитетные биографы Людовика Справедливого, опиравшиеся на очень точные отчеты о состоянии здоровья короля, отвергали версию отравления. Однако люди не доверяли результатам вскрытия и считали, что выявить употребление яда невозможно.

Что касается Мазарини, то с ним связано мало дел о яде. После смерти этого кардинала в 1661 г. говорили о покушении, причем в рассказах присутствовали надлежащие средства защиты и профилактики, вроде рога единорога. На самом деле Мазарини умер вполне естественной смертью, а слух распустил знаменитый врач Ги Патен, завидовавший врачам министра. Яд по наущению кардинала де Реца приготовил якобы некий итальянец. В 1676 г. маркиза де Бренвилье и некоторые ее сообщники незадолго до казни делали заявления, подкреплявшие версию отравления. В 1656 г. от Мазарини будто бы пытался избавиться Фуке. Утверждалось, что он посылал химика Глазера за ядом во Флоренцию — в середине XVII в. был очень силен стереотип об итальянском происхождении яда. Это обвинение выдвигалось, впрочем, много лет спустя после кончины кардинала, а Пьер Губер, написавший лучшую биографию Мазарини в конце XX в., вообще не говорит ни о каком отравлении.

В XVII в. распространялись памфлеты, жестко критиковавшие и высмеивавшие политику минис-

тра, так называемые «мазаринады». Кардиналу приписывали в них самые отвратительные преступления, однако отравление не занимало большого места в аргументации, хотя тема итальянской склонности к мошенничеству и к применению яда могла бы быть использована. Тем не менее в «Жалобе трех сословий, представленной господам из Парламента» (1648 г.), одной из первых мазаринад, утверждалось, что кардинал «умертвил [несколько слуг короля] ядом, и среди прочих президента Барийона», т.е. президента Парижского парламента, заключенного в 1645 г. в Пинероль. Это обвинение часто повторялось в памфлетах, направленных против Мазарини.

За пределами христианнейшего королевства подобные случаи тоже имели место. Яду всегда находилось место в соперничестве за место около английских монархов. В 1616 г. новый фаворит Якова Стюарта Бэкингом обвинил Френсис Говард, супругу предыдущего фаворита Сомерсета, в отравлении Томаса Овербери. Знаменитый поэт сидел в тюрьме, поскольку противодействовал второму браку графини с Сомерсетом и угрожал ей разоблачением заговоров, которые она организовывала против королевской семьи. Френсис Говард якобы отравила Овербери тортом, а потом *aurum potabile*, данным под видом лекарства. Жена Сомерсета изображалась чудовищем. Она предавалась адюльтеру, занималась черной магией и отравила несколько человек, включая своего первого мужа графа Эссекса. В конце концов Сомерсет и его супруга предстали перед судом. Состоялся громкий процесс, скандальный характер которому придавала чарующая красота обвиняемой. Когда судья спрашивал ее, признает ли она себя

виновной в убийстве и предательстве, графиня смело отвечала утвердительно. Тем не менее она избежала смертной казни, содержалась в заключении и спустя шесть месяцев умерла родами. Сам Сомерсет, настроенный испанофильски, обвинялся в том, что по наущению Испании осуществлял заговор с целью уничтожения династии Стюартов. В 1612 г. он якобы подстрекал кухарку отравить во время пиршества принца Уэльского, любовницей которого была ужасная графиня. Таким образом, в этом чисто английском деле подозрительную смерть раздули до масштабного заговора, в котором придворные интриги перемешивались с противоречиями между державами. Коварные католики угрожали безопасности простодушных протестантов. Кроме графа Сомерсета, в католических симпатиях подозревалась продававшая яд агенту графини Анна Тёрнер. Во время следствия женщина все отрицала, и тем не менее дело 1616 г. продолжали ассоциировать с папистами.

Известно множество памфлетов, посвященных заговору. Самый острый из них — *Sir Thomas Overbury Vision* — принадлежал Ричарду Николсу. Убийство в этом тексте связывалось с начавшимся в 1066 г. «нормандским игом». Именно на него возлагалась ответственность за злоупотребления абсолютизма, чуждого островному духу Англии. Пришедший с континента авторитаризм благоприствовал убийствам. Еще один памфлет *The Bloody Downfall of Adultery* клеймил как выскочек молодых фаворитов нерешительного монарха, который поддавался их влиянию. Король не осмелился наказать главных действующих лиц этого дела из-за их высокого ранга, в то время как мелкая сошка отправлялась на эшафот. В общем получалось, что данный эпизод вписывался в старый стереотип,

связывавший употребление яда с двором монарха, который слишком злоупотреблял своей властью. Абсолютизм ассоциировался с католицизмом. И круг на этом замыкался.

Коварные козни с целью отравления строились также и в Риме. Так, известны заговоры 1630-го, а потом 1640 г. против Папы Урбана VIII. При этом использовались разнообразные сценарии: отравление гостии и подкуп ризничего или подмена лекарства, которым лечили Папу, и подкуп аптекаря. В планах убийства понтифика был замешан вице-король Неаполя, а само оно вписывалось в геополитику своего времени. Урбан VIII правил долго и устраивал не всех.

В 1659 г. в Вечном городе разразился масштабный скандал, в центре которого оказалась некая Тофана, поставщица раствора мышьяка (*aqua tofana*) всем нуждавшимся. Опасность грозила высокопоставленным лицам: рыцарям, дамам, принцам. Спасло их только то, что отравительницу арестовали по приказу вице-короля Неаполя и подвергли казни.

Итак, события XVII в. во Франции происходили в обстановке весьма выраженной, хотя часто и скрытой, криминальности в сопредельных странах.

Когда яд становился ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДЕЛОМ

В знаменитом сочинении Вольтера «Век Людовика XIV» утверждалось, что в 1660–1680 гг., ни одна смерть в кругах политической элиты не обходилась без разговоров о яде. Вопли об отравлении часто раздавались со стороны тех, кто хотел привлечь к себе внимание. Так, навязчивые фантазии состав-

ляли изрядную часть *Мемуаров* аббата Блаша, и это как раз показывает нездоровый характер атмосферы двора. В 1679 г. появилось сочинение «Вопросы об отравителях», приписываемое некоему Монжену (?). Оно хорошо иллюстрировало тревожный интерес общества к «преступлению, недостойному французской нации, в которой честь, искренность и гуманность всегда пользовались уважением». Здесь снова всплывала тема невинности в отношении применения яда. Однако автор признавал, что в наступившие смутные времена данное преступление распространялось все шире. Мотивы его могли быть связаны в большей степени со страстями или личной корыстью, чем с политикой. Тем не менее управлявшая обществом власть должна была реагировать. Очищение королевства от всякой скверны являлось задачей христианнейшего короля.

Привычка объяснять болезни и кончины видных людей отравлением проявилась в знаменитом и горестном эпизоде смерти Генриетты Английской, супруги брата Людовика XIV. Принцесса умерла в 1670 г. в возрасте двадцати шести лет. Заупокойная речь Боссюэ способствовала созданию ложного впечатления, что герцогиня Орлеанская умерла внезапно. Однако все, кто вникал в историю болезни принцессы, полагают, что она болела и смерть носила естественный характер. Именно это показало, впрочем, и вскрытие, произведенное по приказу короля. Пятнадцать медиков и хирургов засвидетельствовали отсутствие яда перед лицом специально приглашенных представителей Англии. Тем не менее некоторые факты породили подозрения и толки. Спустя много лет герцог де Сен-Симон написал в *Мемуарах*, что моло-

дая женщина обладала прекрасным здоровьем и могла умереть только от отравления. Она и сама в какой-то момент думала, что по неосторожности выпила воду с цикорием. Поговаривали также о сложных отношениях герцогини Орлеанской с супругом, намекая на его интерес к мужчинам. По случаю второго брака Филиппа — с Елизаветой-Шарлоттой Пфальцской Людовик XIV счел даже нужным лично заверить свою невестку, что рядом с его братом ей не угрожает никакая опасность. Впрочем, в злодеянии подозревали не мужа принцессы, а его любовника шевалье де Лоррена. Генриетта добилась удаления шевалье, который затаил злобу и пытался использовать против нее людей из свиты герцога. Кроме того, будучи сестрой Карла II Стюарта, герцогиня Орлеанская могла способствовать сближению английской и французской династий. Накануне роковой болезни она как раз возвратилась от своего брата, с которым вела переговоры. Это обстоятельство порождало намеки на Республику Соединенных провинций, обеспокоенную перспективой альянса Франции и Англии. Возможно, однако, что подобные предположения имели целью отвлечь внимание двора от герцога Филиппа. Как бы то ни было, слухи и домыслы вокруг кончины принцессы Генриетты показывают, насколько тесно соединялись в сознании людей яды и жизнь при дворе. Начиналась долгая эра подозрений.

В 1673 г. скончался граф де Суассон, и подозрение пало на его супругу, племянницу кардинала Мазарини. Олимпия Манчини одно время являлась любовницей Людовика XIV и ревновала к своим преемницам в этом качестве. Особенно ее раздражала Луиза де Лавальер, но графиня якобы

досадовала также и на самого короля, поскольку ее сильно разочаровал его брак с Марией-Терезией Австрийской. Обвинения против нее прозвучали в 1679 г., а в 1680 г., скомпрометированная, она покинула Францию.

В 1676 г. разоблачили маркизу Мари-Мадлен де Бренвилье. Эта дочь высокопоставленного чиновника широко использовала яд, отравляя близких родственников ради получения наследства. Она пользовалась услугами людей, которые умели, как считалось, «преобразовывать металлы», а также изготавливать отравляющие вещества. Преступления маркизы касались высокопоставленных лиц и, следовательно, затрагивали сферу политики. Подследственная призналась генеральному прокурору Парижского парламента, что в прошлом готовились покушения на Мазарини и на Кольбера (необъяснимо заболевшего в 1669 г.). Подозрение падало на Фуке, находившегося в опале уже пятнадцать лет. В число потенциальных жертв входил и сам Людовик XIV, который одно время получал письма с предупреждениями об опасности отравления. В 1675 г. король заболел, что вызвало огромную тревогу.

В 1777 г. произошли новые разоблачения, которые заставили власти углубить расследование и перевести его в Париж. Генеральный лейтенант полиции ЛаРейни докапывался до истоков и обнаружил огромное количество улики. Гигантское «дело ядов», как его стали называть, только начиналось с пресловутого «порошка для наследников», но доходило до преступления против государства. В «Вопросах об отравителях» его не преминули сравнить с древним делом римских матрон, которое оно и в самом деле многим напоминало.

В декабре 1677 г. арестовали фальшивомонетчиков, которые умели обращаться с металлами, а значит, могли производить преобладавшие в те времена минеральные токсины. Главарем банды оказался дворянин из Прованса Луи де Вананс, утверждавший, что занят поиском философского камня. Ла Рейни арестовал не менее пятнадцати обитателей парижского предместья, в том числе проституток и отравительниц, у которых обнаружили целый арсенал ядовитых веществ. Побеспокоили также химика Глазера, связанного в свое время с Бренвилье. Признания подследственных привели к некоей даме Ла Вуазен, предоставлявшей нуждавшимся из числа благородных любовные напитки, формулы проклятия и настоящие яды. В марте 1679 г. Ла Вуазен арестовали, и она предоставила следствию впечатляющий список своих клиентов. Среди них фигурировали важные особы, например Жан Расин, которого подозревали в убийстве жены в 1668 г., или маркиза де Монтеспан. Последняя, начиная с 1667 г., была фавориткой Людовика XIV; яды и колдовство она использовала для устранения соперниц в борьбе за короля и удержания его исключительно при себе. Маркиза де Монтеспан оказалась среди покупательниц любовного порошка, притом приготовленного на основе ядовитой шпанской мухи, и отравляющего порошка. Первый предназначался для короля, второй — для кружившихся вокруг него дам, например для мадмуазель де Фонтанж. В 1678 г. мадам де Монтеспан якобы собиралась послать ей отравленные перчатки.

Таким образом, дело приобретало политический характер. С одной стороны, были запятнаны люди, весьма приближенные к королю, хотя

мотивы, которыми они руководствовались в этой истории, имели отношение не столько к политике, сколько к личной корысти и страстям. С другой стороны, тот факт, что зараза преступления охватила все слои общества сверху донизу, а также демонический привкус, сохранявшийся у любого применения яда, — ставили под удар благополучие и безопасность христианнейшего королевства. Именно поэтому Людовик XIV действовал очень энергично.

В апреле 1679 г. король учредил специальный трибунал (так называемую огненную палату или палату Арсенала), призванную судить виновных и искоренить преступление в королевстве. Имелось, однако, серьезное препятствие: признания обвиняемых затрагивали очень важных лиц. В 1680 г. королю пришлось приостановить расследование, к большому сожалению Ла Рейни. В мае 1681 г. палата возобновила работу, но целый комплекс «частных фактов» и неудобных документов при этом из дела вывели. Впоследствии их и вовсе уничтожили после смерти генерального лейтенанта полиции. Около шестидесяти фигурантов дела тихо отправили в ссылку тайными письмами за подписью короля. Специальный трибунал работал до 21 июля 1682 г. Он рассмотрел дела более чем четырехсот лиц и вынес тридцать шесть смертных приговоров. Ла Вуазен взошла на костер в феврале 1680 г. Вместе с тем многим виновным и их сообщникам удалось ускользнуть. Указывалось, что некоторые нити преступного дела предположительно ведут за границу, по-видимому, опять же для того, чтобы «экстрадировать» тип злодеяния, «недостойный французской нации». Обеспокоенная континентальным экспансиониз-

мом Людовика XIV английская монархия, возможно, не сильно огорчилась бы в случае его смерти. «Королю-солнце» предназначалась настойка на крови летучей мыши, менструальной крови, муке и сперме, а опытная отравительница, фигурировавшая в «деле ядов», добывала в Монфоконе пальцы повешенных и готовила составы, которые обеспечивали нужный эффект. В деле оказались замешаны пастухи, хорошо владевшие секретами природы. В общем, уже занималась заря века разума, развивалась химия, а древнейшие суеверия оставались так же действенны, как и прежде.

Большой интерес представляют юридические последствия «дела ядов». Именно в связи с ним во Франции начался процесс разработки правовых норм, непосредственно касавшихся отравления и рассматривающего его как специфическое обвинение. Прежде, как оптимистически отмечалось в «Вопросах об отравителях», данное преступление случалось редко, и это освобождало государя от необходимости устанавливать соответствующие законы. Выпущенный в июле 1682 г. ордонанс свидетельствовал, что предупреждению этого преступления и наказанию за него придавалось большое значение. Ожидалось, что он будет играть важную роль в поддержании общественного порядка. Ордонанс стоял у истоков современного законодательства, хотя он в то же время не порвал с традиционными представлениями об отравлении. В составленном с помощью Ла Рейни и Лувуа тексте, очень возможно, находившемся под влиянием «Вопросов об отравителях», говорилось, что королевство нуждается в очищении, что во время черных месс имели место жертвоприношения детей. Сурово порицалось применение колдовства, яда,

магии, как противное человеческим и божественным законам. Уголовный и религиозный аспекты смешивались. Древняя многозначность термина *veneficium* сохранялась, хотя вообще-то в это время уже зарождалось восприятие веры в ведовство как суеверия. Римская каноническая традиция всегда квалифицировала отравление как «самое отвратительное и самое опасное из всех преступлений», которое требовало неумолимой кары. Королевский ордонанс провозглашал, что смертной казни должны подвергаться не только вдохновители и авторы совершенных убийств, но также и те, кто только замышлял неосуществившееся злодеяние. Наказанию подлежали и те, кто снабжал преступников смертоносными или наносящими вред здоровью веществами. Коль скоро речь шла об «одном из самых трудных для раскрытия» преступлении, угрожавшем общественному благу, обязательным становился донос. Сказывался страх власти перед тайным всеобщим заговором. В целях борьбы с ним ордонанс запрещал розничную торговлю отравляющими веществами, за исключением той, что обеспечивала фармацевтов. Но и деятельность аптекарей сурово регламентировалась. Разумеется, в тексте специально не говорилось о политическом отравлении, однако он являл собой образец «благодетельного управления» королевством, когда общественный порядок еще соотносился с порядком божественным, а здоровье тела связывалось со здоровьем души.

Автор «Вопросов об отравителях» в заключение своего сочинения восхвалял «короля-солнце», лучи которого обезвредили яд, подобно тому как теплое солнце Италии лишило смертоносной силы и сделало съедобными плоды яблонь, пре-

дательски посаженных там персами. Памфлетист полагал, что отравление во многих отношениях можно считать государственным преступлением. И уж точно таким преступлением являлось «дело ядов».

ОТРАВА НА СЛУЖБЕ ИНТРИГИ

Законодательство 1682 г. не ликвидировало самое преступление и еще в меньшей степени — разговоры о преступлении. Когда в 1691 г. после размолвки с королем умер его знаменитый военный министра Франсуа-Мишель Лувуа, двор опять зажужжал, и поползли слухи о яде. Посол Венеции писал дожу, что Лувуа якобы проглотил яд, поданный ему слугой, но удар исходил из высших кругов. При вскрытии на сердце были обнаружены белесые пятна, что давало повод подозревать отравление. Хирурги со всей решительностью заявили, что смерть произошла от естественных причин; сердце остановилось из-за прекращения циркуляции крови. В то же время при наличии подозрений искренность экспертов всегда ставилась под сомнение, потому что они вполне могли поддаваться давлению. Именно эту позицию спустя несколько десятилетий воспроизвел Сен-Симон: «Внезапная болезнь и кончина Лувуа породили толки, еще сильнее распространившиеся, когда вскрытие показало отравление». Лувуа почувствовал себя плохо, работая с королем у его подруги мадам де Ментенон. Его прогнали, и, испытывая недомогание, министр отправился домой пешком. Лувуа пил много воды, и у него в кабинете всегда стоял большой кувшин. Задержали и допросили слугу министра, но потом отпустили,

причем показания его не зафиксировали, как будто хотели замять дело, очень близко касавшееся короля. Семья Лувуа молчала и не выдвигала никаких требований. Сен-Симон рассказал и еще одну загадочную историю, имевшую место якобы спустя четыре или пять месяцев после смерти Лувуа и производящую впечатление отвлекающего маневра. Бывший домашний врач Лувуа Серон, запершись в одной из комнат версальского дворца, в течение нескольких часов громко кричал от боли и обвинял себя, что получает по заслугам, поскольку погубил своего господина. Наконец, он умер, не назвав никаких имен и не получив помощи. Некоторые подозревали, что заговор против королевского министра исходил от Савойи. Однако, что оставалось «вне всякого сомнения, так это то, что король был совершенно не способен на такой поступок, и никому не приходило в голову его подозревать», — подчеркивал в конце своего рассказа Сен-Симон. При этом некоторые полагали, что кончина Лувуа произошла в нужный момент и избавила монарха от необходимости сажать своего министра в Бастилию. Королю, таким образом, не пришлось снова, как тридцать лет назад в связи с отставкой Фуке, переживать неприятности опалы приближенного. Такую же схему превентивного отравления часто применяют к предполагаемому отравлению царевича Алексея его отцом Петром Великим в 1718 г. Заключение в тюрьму и осужденный на смерть за государственную измену, царевич таким образом избежал позора публичной казни.

Стоит отметить, что немилость Фуке, также закончившаяся смертью, в свою очередь, вызвала подозрения, хотя и не сразу. Возникла версия, что Кольбер ускорил конец опального сюринтенданта,

когда возник риск освобождения его королем. Сразу же после осуждения Фуке на пожизненное заключение, некоторые, например мадам де Севинье или Ги Патен, начали якобы строить козни, чтобы отравить его в тюрьме. Это утешило бы разочарованных милосердием судей Кольбера и Лувуа, которые надеялись на смертную казнь. Исполнение замысла возлагалось на слугу Доже, помещенного позже в полную изоляцию с железной маской на лице, дабы он не обнаружил секретов, известных ему от Фуке, с которым он некоторое время разделял камеру. Впрочем, автор современной биографии Фуке Д. Дессер скептически относится ко всем этим домыслам. Они возникли гораздо позже событий, которые интерпретировали, и носили чисто умозрительный характер. В момент же отставки и ссылки сюринтенданта финансов в 1661 г. ни его врагов, ни его самого не обвиняли в отравлениях, хотя сам Фуке интересовался фармацевтикой и химией. Времена Жака Кёра остались в прошлом.

В конце правления Людовика XIV политические чистки сходили на нет, однако все большую роль играла ядовитая клевета, порожденная обвинениями в отравлениях. В 1711–1714 гг. один за другим умерли сын, старший внук и его супруга, старший правнук и младший внук короля. Трагические события наталкивали на мысли об отравлении. Подозрения ловко разжигали враги Филиппа Орлеанского, сына младшего брата монарха и принцессы Пфальцской. Будущий регент в самом деле соединял в себе черты, удобные для таких инсинуаций. Во-первых, он являлся отпрыском принца, в свое время замешанного, по слухам, в отравлении своей первой супруги. Во-вторых, он серьезно интересовался экспериментальными науками, и

прежде всего химией. В его дворце Пале-Руаяле имелась лаборатория, в которой работал Хомберг, совершенно некстати оказавшийся зятем врача скончавшегося дофина. В-третьих, он заказывал в Голландии загадочные вещества, предназначенные для сомнительных опытов. По салическому закону племянник Людовика XIV достаточно далеко отстоял от трона, однако кончины прямых наследников приближали его к трону. Врагами Филиппа Орлеанского при дворе являлись герцог Мэнский, узаконенный внебрачный сын монарха, а также воспитавшая этого принца мадам де Ментенон, морганатическая супруга короля, особа резкая и мстительная, большая мастерица плетения интриг. Ко всему прочему добавлялось ставшее притчей во языцех невежество врачей. Собственную некомпетентность они охотно прикрывали ссылками на яд. И все эти обстоятельства соединились против Филиппа.

9 апреля 1711 г. королю сообщили о болезни наследника, 49-летнего Великого дофина. Врачи высказывались двусмысленно, утверждая, что «в этой болезни присутствует яд». Однако речь пока шла не о криминальном отравлении, а о соответствующем понимании происхождения болезней. В трактате о лондонской чуме Натаниела Ходжа 1665 г. говорилось, что она имеет ту же природу, что и яд, и обязательно входит в состав всех ядов. Когда через два дня Великий дофин скончался, его главный медик Буден публично предупредил новую дофину, Марию-Аделаиду Савойскую, что ей, как и ее супругу, грозит смерть от яда. Все чувствовали себя подавленными и испытывали страх. Когда 5 и 18 февраля 1712 г. скончались молодой дофин и дофина, а вслед за ними, 28 февраля, их

сын, маленький герцог Бретонский, появилась гипотеза, инкриминировавшая трагедию племяннику Людовика XIV. «Люди, обладающие черной душой, распространили по Парижу слухи, будто мой сын отравил дофина и дофиню», — сообщала в одном из своих писем принцесса Пфальцская. Есть все основания полагать, что причиной смертей стали корь и скарлатина, однако врачи дофины ссылались на «очень тонкий и сильный яд, который, как ярко пылающий огонь, выжег все внутренние органы ее [дофины] тела», и утверждали, что он якобы содержался в табаке, привезенном из Испании. Врачи Буден и Фагон безапелляционно и во всеуслышание продвигали версию о криминальном характере смерти принцессы, избегая таким образом необходимости за нее отвечать. Им возражал хирург Марешаль, заявляя, что к кончине дофины имел отношение только «естественный яд, порожденный заражением крови, которое вызвано острой лихорадкой». Убеждая короля в отравлении принцев, придворные отравляли его самого, сея беспокойство и подозрение. Людовик XIV, однако, не поверил.

Монарх отлично видел, что гипотеза отравления имела целью нанести ущерб герцогу Орлеанскому. При этом слух, распространявшийся также и за рубежом, изо всех сил поддерживали мадам де Ментенон и герцог Мэнский. Последний был заинтересован в исчезновении законных наследников и в дискредитации серьезных конкурентов, для того чтобы обрести право стать преемником своего отца (он его получил в июле 1714 г.). Благорасположенный к Филиппу Орлеанскому Сен-Симон даже называл герцога Мэнского вдох-

новителем преступлений. Однако так думали немногие. Освистанный во время похорон членов королевского дома, подавленный оскорбительными листками, которые развешивали на стенах его дворца («Вот где находят самые тонкие яды»), потрясенный герцог Орлеанский попросил короля заключить его в Бастилию, с тем чтобы публично доказать бессмысленность обвинений. Однако Людовик XIV не верил в виновность своего племянника и отказался арестовывать особу королевской крови, так же как и его протеже Хомберга.

В 1712 г. разразилось новое скандальное дело. Появилось обвинение против монаха-кордельера, который готовил покушение на внука «короля-солнце», Филиппа V Испанского. Он делал это якобы ради интересов Филиппа Орлеанского, который ненавидел испанского короля. В 1714 г. поутихший, но тлевший слух снова разгорелся в связи со смертью герцога Беррийского, брата умершего два года назад дофина. По мнению медиков, черная рвота свидетельствовала, что «болезнь по своей природе происходила от яда». На естественном характере болезни, той же самой, от которой умерли дофин и дофина, настаивал аптекарь Бульдюк. Тем не менее Шираку, врачу Филиппа Орлеанского, не позволили осмотреть герцога Беррийского и сделали это для того, чтобы поддержать интригу. Король разрешил племяннику не участвовать в траурной процессии в Сен-Дени, поскольку тот опасался новых публичных оскорблений. Вскоре после этого заболела герцогиня Орлеанская, что вызвало новый поток клеветы на ее мужа. «Задача врагов герцога Орлеанского состояла в том, чтобы убедить весь Париж, всю Францию и иностранные государства, будто все несчастья королевского

дома случаются по вине этого принца», — писал Сен-Симон. Покая герцогу Филиппу не обеспечило и восшествие на престол Людовика XV. В 1721 г. маленький король заболел, и «среди публики распространились слухи о яде», — как писал автор дневника того времени. Их пустил королевский медик, высказавший опасение, что короля отравили, и намекавший на то, кто именно это сделал. Придворная клика не только охотно верила, но и приукрашивала: «Искусство Цирцеи и Медеи / Стало его единственным удовольствием [...] / Так, сыновья, оплакивающие отцов, / Падают, сраженные одними и теми же ударами, / Брат следует за братом, / Супруга опережает супруга», — таковы были изданные в 1720 г. «Филиппики», памфлет в стихах, пользовавшийся успехом. Племянник Людовика XIV подвергся в нем поношению и покрывался позором. В дневнике д'Аржансона в связи с коронацией Людовика XV выражался экстаз по поводу чудесного спасения принца, «единственного отпрыска многочисленной семьи, которая целиком погибла, как подозревали, от яда».

Герцога Филиппа беспрестанно травил ядом клеветы, но при этом ему угрожал и вполне реальный яд. Герцогиня Мэнская в 1718 г. заявляла, что на свой манер отомстит герцогу Орлеанскому. Относительно этой дамы, воспитанной «ведьмой» Ментенон и имевшей, следовательно, хорошую школу, также говорили, будто она отравила нескольких человек. Известны три планировавшиеся или осуществленные попытки покушения на Регента в 1719 г. Возможно, впрочем, что влиятельный в то время аббат Дюбуа умышленно распространял слухи, дабы заклеить испанских врагов.

Версаль не владел монополией на употребление яда. Между европейскими дворами существовали родственные связи, все они были похожи и функционировали примерно одинаково. Сведения о соответствующих делах сохранились в мемуарах и письмах. В 1677 г. говорили о покушении на польского короля; ему подали к кофе сахар, смешанный с мышьяком. В 1675 г. умер герцог Пьемонта и Савойи, и подозрения падали на маркиза де Ливурна. По странному совпадению как раз в это время в Пьемонте находился химик Вананс, замешанный в «деле ядов» и в польском деле. Это дело, в котором менялись традиционные роли француза-жертвы и итальянца-отравителя, Людовик XIV стремился замять, поскольку оно грозило испортить отношения Парижа и Турина. В 1676 г. едва не погибла любовница нового герцога, дочь герцога де Люиня; противоядие ей дал сам герцог. «Она пользовалась милостями, располагала благоволением своего любовника, но внушала опасения министрам. Ее возвышение порождало их ненависть. Она была отравлена. Герцог Савойский дал ей редкое противоядие, которое, к счастью, соответствовало принятому яду», — не без удовольствия рассказывал Сен-Симон. В центре данного эпизода оказывалась фаворитка, которой, по общему мнению, не подобала политическая роль. Освободить монарха от такой вредоносной любви мог только яд.

Пары ядов витали и над испанским двором, тесно связанным с французским. В 1689 г. двадцатисемилетняя королева Мария-Луиза Орлеанская, племянница Людовика XIV, умерла от молока,

шоколада или устриц. За четыре года до этого королеву обвиняли в покушении на мужа, последнего Габсбурга Карла II, дегенеративного и бесплодного, которому она не могла родить сына, что и вызывало стремление испанцев от нее избавиться. Ненависть к Марии-Луизе усиливало то, что она приняла при дворе пользовавшуюся дурной славой беглянку графиню де Суассон. Заболев, королева умоляла своего дядю прислать противоядие, однако его доставили спустя три дня после ее смерти. Вскрытие обнаружило повреждение внутренних органов умершей, что подтверждало версию отравления. Однако Людовик XIV продемонстрировал скептицизм или просто не хотел портить отношения с Испанией. Короче говоря, он не потребовал отчета от Мадрида. За лучшее сочли обвинить императорского посла Мансфельда, любовника графини де Суассон. По возвращении в Вену он курьезным образом получил награду в виде престижной должности.

Яд делал свое дело также и в Германской империи. В 1699 г. внезапно скончался курфюрст Баварский Иосиф-Фердинанд, что породило подозрения против графа Гонзела. О сомнительных действиях сообщал генеральный лейтенант полиции Парижа д'Аржансон: Гонзел якобы купил у аптекаря некую пасту, испытал ее на крысах, а затем отправился к курфюрсту.

В Европе не существовало места, где не пользовались ядом. Сен-Симон вспоминал смерть шведского короля Карла XI. Этот монарх, демонстрировавший озлобленное упрямство тирана наихудшего толка, умер в 1697 г. «от отравления после долгих и мучительных болей». Данный пример показывает, насколько живучей остава-

лась старая схема, согласно которой уделом тирана являлось отравление. Зато взгляд на яд как на естественное оружие тиранов в XVII—XVIII вв. встречался все реже. Пресловутые «отравления», приписанные французскому регенту, в большей степени связывали с его личными пороками, чем с его жаждой власти. Филиппа Орлеанского обвиняли также в инцесте, утверждали, что он занимался алхимией и магией.

Венецианские власти еще в XVII в. широко использовали яды для достижения своих целей и заказывали сочинения по токсикологии. Так, в 1643 г. в Вероне вышел трактат о ядах Франческо Пона. Венецианцы применяли свои коварные методы как против христианских правителей (в 1637 г. — императора, а в 1638 г. — Ришелье), так и против турецкого султана. Существует датированное августом 1654 г. подтверждение генерального представителя в Далмации, что он получил шкатулку с ядами, которые предназначались для пашей Боснии и Герцеговины. В депеше от 26 декабря 1670 г. говорилось, что, поскольку здоровье паши ухудшилось, наступило время действий. При таких обстоятельствах его внезапную смерть объяснили бы болезнью. В декабре 1683 г. венецианские власти готовили отравление алмазным порошком паши Албании Сулеймана; в 1686 г. некий миссионер предлагал свои услуги по подмешиванию яда в кофе этого вельможи. В официальной ноте, относящейся к декабрю 1755 г., Совет Десяти констатировал плохое хранение казенных отравляющих веществ, предписывал произвести их инвентаризацию и завести строгий порядок их расположения с обязательным указанием свойств и необходимых «дозировок» каждого токсина.

Итак, в XVII—начале XVIII в. яд, как средство решения политических проблем, оставался весьма актуален. Культура эпохи несла на себе отпечаток традиционных стереотипов и суеверий. А кроме того, живучести тайных методов борьбы способствовала сама система функционирования власти при дворах монархов. Династическая путаница, происки придворных, невежество врачей перевешивали доводы разума. На самом деле материальные яды использовались все реже, играли все меньшую роль в реальном изменении политических ситуаций. Однако их действие продолжали приписывать чуть ли не всем болезням представителей элиты, поскольку образ яда сохранял свое место в головах.

В ЛУЧАХ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Употребление яда выглядит несовместимым с духом Просвещения и выросшей из него революции. Отравление было орудием тьмы и тирании, им пользовались обскурантисты, неспособные постичь естественный ход вещей. Разумеется, силы реакции по-прежнему могли прибегать к этому методу борьбы, выражавшему их презрение к противнику. Однако в эпоху просвещенного деспотизма политические нравы менялись, шлифовались в соответствии с требованиями времени. Не случайно прусскому королю Фридриху II принадлежал философско-политический трактат «Анти-Макиавелли», в котором взгляды итальянца подвергались критике с точки зрения морали. Революция сделала решительный выбор в пользу открытых демонстративных действий. Естественно, что

яд стал использоваться реже, и такое положение сохранялось, по-видимому, вплоть до начала XIX в. Вольтер в статье «Отравление» Философского словаря утверждал, что преступления такого рода очень редки и что на этот счет существует множество выдумок, восходящих к древности. Неустанно боровшийся против расхожих суеверий и мифов, писатель вообще отрицал токсичность некоторых веществ. В Энциклопедии Дидро и д'Аламбера статья «Отравление» оказалась очень мала, но имелась более содержательная статья «Яд». В ней излагалась старая мысль о происхождении болезни от яда непонятной природы, однако критиковалось стремление медиков в любой язве усматривать действие яда. Отравление квалифицировалось как отвратительное преступление, причем речь шла в первую очередь о применении яда в частной жизни.

И все же невозможно сказать, что яд совершенно исчез из политической сферы.

ОТРАВЛЕНИЕ ПРИ ДВОРЕ

Когда Мария-Антуанетта в 1790 г. утверждала, что личности, подобные Бренвилье, принадлежат не к нынешнему веку, это была скорей легкомысленная бравада, чем историческая проницательность. В последние десятилетия при версальском дворе и в самом деле не так уж часто прибегали к яду. При этом в обществе, наоборот, совершалось много преступлений такого рода. Мария-Антуанетта стала французской королевой в 1770 г. Французский двор помнил связанные с ядом опасения и слухи предшествующего периода. «Королю только и

говорят что об опасности яда», — не без раздражения писал в своем дневнике д'Аржансон в 1749 г. За два года до этого он покинул двор. Такая характеристика напоминала о временах прадедушки автора. От королевского окружения требовалась бдительность. Об этом свидетельствует эпизод, относящийся к 1737 г. Советник из следственной палаты Парламента, который имел беспрепятственный доступ к государю, принес ему книгу, содержащую якобы тайное знание. Едва король прикоснулся к тому, как один из приближенных вырвал его из монарших рук. Он опасался, что книга отравлена. Естественно, что в такой атмосфере Людовик XV искал яд повсеместно. В 40-е гг. умерли две его фаворитки. Под подозрением оказался сначала Морепа, которого в агонии обвиняла одна из дам, а затем д'Аржансон, со вкусом описывавший в своем дневнике версальские интриги. Король полагал, что применен какой-то неизвестный яд медленного действия, и лично приказывал своему министру непременно его отыскать. Когда в декабре 1765 г. умер после нескольких месяцев болезни тридцатилетний дофин, вся Европа верила, что его отравил могущественный герцог де Шуазель. Наследник престола проявлял благосклонность к иезуитам, а министр добился их изгнания из Франции. Людовик XVI также считал, что Шуазель виноват в смерти его отца. В 1767 г. тому же царедворцу приписывали смерть дофины, после того как врач принцессы упомянул в присутствии короля о «кризисе сверхъестественного происхождения». Дело складывалось из тех же составляющих, что и в век «короля-солнце»: невежество и самоуверенность врачей, вызванные ревностью интриги и козни, которые создавали

повод для отставки раздражавшего или неудобного министра. Мадам де Помпадур не уставала повторять королю, что со стороны государственного секретаря по морским делам Морепа ему угрожает опасность отравления. В 1749 г. фаворитка добилась отставки этого министра, к большому сожалению д'Аржансона. Морепа раздражал прежде всего тем, что позволял циркулировать так называемым «пуазоннадам», оскорбительным писаниям, направленным против мадам де Помпадур. Из реального или деланного страха перед ядом мадам де Помпадур всегда хотела иметь под рукой противоядие и требовала соблюдения мер безопасности. В марте 1850 г. она писала д'Аржансону, что ее пытались отравить. Все эти разговоры вроде бы не затрагивали персону короля, однако и его окружала атмосфера подозрения. Неудивительно, что, когда в 1757 г. произошло покушение на жизнь Людовика XV, последний совершенно безосновательно считал, что кинжал Дамьена предварительно намазали ядом. «А что, если клинок был отравлен?» — вопрошал король и получал ответ, что все это старые сказки. Даже если бы на лезвие нанесли отравляющее вещество, оно стерлось бы толстой тканью камзола и жилета. Во время допроса Дамьену задавали вопрос на эту тему, и он отрицал использование яда. И Тем не менее пена дней французского двора времен Людовика XV содержала в себе яд. После восшествия на престол его преемника в 1774 г. говорить об отравлениях стали меньше.

Когда 14 марта 1780 г. Людовик XVI выпустил «Декларацию против отравителей», во многом повторявшую ордонанс июля 1682 г., он реагировал на действия злоумышленников, которые

опаивали своих жертв, чтобы легче их грабить. В Декларации наличествовало слово *venefices*, и все же она порывала с традицией средневекового законодательства. Отравление больше не связывалось с колдовством. Королевский указ имел своей целью только совершенствование государственного управления.

НЕИЗМЕННОЕ ОРУЖИЕ ДИФФАМИИ СЛУЖИТ БОРЬБЕ ПРОТИВ ИЕЗУИТОВ

За пределами двора яд оставался оружием диффамации. Ссылки на отравление способствовали дискредитации противника и использовались соперничавшими группировками. Особенно широко это средство применялось в среде духовенства. И разумеется, оно сыграло важную роль в борьбе против ордена иезуитов, приведшей к упразднению его Святым престолом в 1773 г.

Еще до 1700 г. орден обвиняли не только в обслуживании интересов папства, но и в подготовке цареубийц. В 1696 г. в Англии появился памфлет на французском языке «Искусство убивать королей, преподанное иезуитами Людовику XIV и Якову II». Сочинение вышло анонимно, однако исходило, скорее всего, из протестантских кругов. Автор имел в виду заговор против Вильгельма III Английского, организованный низложенным во время Славной революции Яковом II Стюартом и королем Франции, который предоставил убежище изгнаннику. В памфлете приводился список совершенных или замышлявшихся цареубийств с помощью «меча или яда», которые вдохновлял орден иезуитов. На яде внимание не заострялось, одна-

ко о нем говорилось в связи со смертью Карла II, отравленного, «как все знают», в 1685 г., дабы на престол смог взойти его брат Яков II, сторонник реставрации католицизма в Англии, которому помогали иезуиты.

В первой половине XVIII в. враждебность к иезуитам вышла за пределы протестантских кругов. Во Франции против них выступали представители и сторонники галликанской церкви и янсенисты. Даже папство беспокоилось по поводу применявшихся орденом методов евангелизации, а также его весьма значительного могущества. Разоблачители вредности иезуитов применяли традиционные схемы. Д'Аламбер в 1765 г. сравнивал орден с Венецией, которая из-за своего коварства стала ненавистна всем народам, в начале XVI в. объединившимся против нее в Камбрейскую лигу. В то же время выдвигались и конкретные обвинения против Общества Иисуса. В 1754 г., за восемь лет до роспуска ордена иезуитов во Франции и за десять лет до их изгнания, братьям святого Игнатия приписывали отравление дочери Помпадур. Нет ничего удивительного, что смерть Папы Климента XIV, упразднившего орден, также сочли делом их рук. Понтифик выступал союзником европейских монархов, которые способствовали его избранию именно ради уничтожения Ордена Иисуса. Папа болел в течение шести месяцев после губительного для себя решения. В сентябре 1774 г. он скончался, «зная отчего», согласно его собственным загадочным словам. В апреле иезуиты якобы пытались отравить понтифика, добавляя ему в кофе мышьяк. В 1775 г. был арестован генерал ордена Риччи, которого обвиняли в подстрекательстве к этому покушению, хотя бюллетень о здоровье Папы не

содержал в себе никаких намеков на криминальные обстоятельства. Есть свидетельство, что слухи распространял кардинал де Берни. Д'Аламбер будто бы свидетельствовал, что Фридрих II считал эти разговоры нелепыми. Как ни парадоксально, прусский король являлся сторонником ордена. Обвинение в отравлении выдвигалось для того, чтобы оправдать подготовленные радикальные меры Папы против иезуитов.

Помимо смутных высказываний 1754 г., массовые обвинения против ордена выдвигались в Новом Свете, где в 50–60-е гг. он пользовался значительным влиянием. Иезуиты представлялись врагами колонистов, якобы подстрекавшими черных рабов, колдунов и отравителей к заговорам и игравшими в них важную роль. В разгар века Просвещения разыгрывалась история, напоминавшая Средневековье. Социальный, по сути, вопрос об освобождении рабов приобретал политический аспект. Дело изображалось так, будто иезуиты стремились заменить колониальный порядок собственным господством.

В 1720-е гг. в Гваделупе за отравление казнили чернокожих. Иезуиты решительно заявляли об их невиновности и разоблачали легковерие колонистов, всегда готовых приписывать африканцам сверхъестественные способности. В 1757–1759 гг. великий страх охватил Сан-Доминго. Смертоносная эпидемия косила людей и животных. Все верили, что являются жертвами ядов и колдовства. Заговор приписывали некоему Макандалю, решившему проучить тех, кто хозяйничал на острове. Говорили, что он собирается уничтожить всех белых, а также тех, кто им слу-

жил. Многие соплеменники считали Макандаля колдуном и верили, что он не горит в огне, возможно, потому, что яд издревле считался несгораемым. Будучи возведен на костер, мятежник благодаря своей невероятной силе сумел освободиться. Тем не менее в конце концов Макандаля сожгли на глазах толпы в 1758 г. Тогда утверждали, что среди белых яда избежали только иезуиты. Их обвиняли в защите отравителей, которым они запрещали выдавать сообщников. Основанием служила инструкция, призванная спасти от казни невиновных, однако общественное мнение колонии находилось тогда во власти сильной иезуитофобии. Ее усиливало еще и то, что монахи сурово порицали жестоких хозяев. Колонисты видели в этом доказательство сговора иезуитов с мятежниками и даже их руководящей роли, свидетельство их стремления установить свое господство над колонией, как в Парагвае. В 1763 г. Общество Иисуса изгнали с острова, и это вызвало восторг просвещенных элит. Господствовало убеждение, что братья ордена использовали Макандаля и восставших рабов в интересах своей жажды власти, абсолютно так же, как евреи и мусульмане будто бы использовали в 1321 г. прокаженных. Обвинение в отравлении демонстрировало великолепную живучесть.

Таким образом, Просвещение совершенно не обязательно выявляло лживость обвинений в отравлении. Философы проявляли слепоту в этом вопросе, когда обвинения выдвигались против ненавистных им противников. Материальный яд все реже применялся в политике, однако он оставался средством пропаганды. Такое положение дел не изменила и Революция. В середине XIX в.,

после того как братья святого Игнатия вновь обрели свое могущество, химик Распай заявлял, что в смерти сильных мира сего всегда виноваты ртуть или иезуиты.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ВОЗДЕРЖАНИЕ И КОЗНИ РЕАКЦИИ

Французская революция считается наследницей Просвещения. Свой непреложный долг ее деятели видели в борьбе против «тиранов» старого порядка и их приспешников. Революция превозносила античную культуру, воспроизводила ее мотивы, прославляла Брута и его кинжал. Непримируемая борьба с абсолютизмом велась путем мобилизации народных масс и очистительных убийств. Публичное действие преобладало над тайным коварством, идеологическое влияние которого равнялось нулю. Понятно, следовательно, что отравления в это время почти полностью исчезли из политического пейзажа. И все же исчезли не совсем, поскольку они продолжали оставаться полезными в интенсивной идейной борьбе, противопоставлявшей сторонников и противников нового порядка.

Даже при том, что источников мало, можно сказать, что список предполагаемых жертв отравлений, загубленных местными и иностранными сторонниками Старого порядка в течение революционного десятилетия, весьма невелик. Во время Революции проливали в основном кровь, а не яд. В 1797 г. во цвете лет скончался генерал Гош, и эта неожиданная смерть породила слухи. Если же говорить о народе, то есть всего лишь

один несчастный Гамен, слесарь, смастеривший пресловутый железный шкаф, в котором нашли компрометиовавшие короля документы. Гамен утверждал, что Людовик Капет и королева отравили его, дабы избавиться от неудобного свидетеля. Причем это обвинение не инкриминировалось ни Людовику XVI, ни Марии-Антуанетте во время их процессов. Оно возникло только в 1794 г., когда один депутат Конвента принялся разоблачать «преднамеренную жестокость» «тирана» по отношению к человеку скромного происхождения, заключавшуюся в отравлении. Человек скромного происхождения явно сам присочинил всю историю, дабы избежать упреков в служении «тирану». Расчет оказался правильным: Конвент назначил слесарю компенсацию, начиная со дня «отравления». Вспомоществование оказалось существенным; Гамен прожил еще долго.

Роялистская пропаганда, со своей стороны, также не пренебрегала аргументом использования яда во имя очернения революционеров. Самым ярким эпизодом явилась история смерти Людовика XVII. В задачу данной книги не входит подробный анализ этого загадочного дела. В течение долгого времени оно притягивало к себе внимание историков, поскольку не существовало ответа на вопрос, кем был умерший в июне 1795 г. мальчик. Сегодня спорный вопрос можно считать разрешенным: это в самом деле был сын Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Обстоятельства его смерти положили, между прочим, начало борьбе мнений гораздо менее известной, но очень показательной. Роялистские круги распространяли идею, что, независимо от того, шла ли речь о

Людовике XVII или нет, заключенного в Тампле ребенка отравили. Эта подробность добавлялась к описанию отвратительных условий, в которых революционная Парижская коммуна содержала предполагаемого королевского сына. Какой-то депутат якобы громко произнес в стенах Конвента: «Освободить Францию от сына Капета надлежит аптекарю», а Робеспьер посулил огромную сумму тому, кто предоставил бы подходящий медленно действующий яд. 8 июня 1795 г. мальчик в Тампле умер, и уже на следующий день по приказу властей состоялось вскрытие тела, результаты которого опубликовали в официальной газете «Монитёр». Тем не менее уже неделю спустя появилась обвинявшая Конвент брошюра. В ней одному из депутатов приписывалось восклицание: «Поклянемся же в неумолимой ненависти ко всем королям, даже если бы нам пришлось применить против них самое изощренное средство, которое существует в природе — яд!» Анонимный автор утверждал, что в Конвенте насчитывалось достаточно медиков и химиков, знавших неопределяемые яды. В этом смысле в противоположность знаменитой формуле, с которой послали на эшафот Лавуазье, оказывалось, что республика нуждается в ученых. В тексте говорилось также, что конец заключенного ускорило блюдо шпината. Пущенный слух объединял противников Революции, и в 1796 г. он снова всплыл в анонимном сборнике, происшедшем из роялистских кругов; теперь речь шла о нескольких попытках отравления.

С событиями июня 1795 г. связана еще одна подозрительная смерть. Доктор Дезо, которому поручили осмотреть предполагаемого дофина незадолго до его смерти, через короткое время

неожиданно умер. А между тем этот врач лечил наследника трона еще до Революции и хорошо знал мальчика. Немедленно возник слух, что Дезо не мог не увидеть, что прослушанный им в Тампле пациент не дофин. Настоящего принца якобы подменили, а врача устранили, чтобы эта правда не вышла на свет. Причем, хотя версия, что наследник погибшего короля умер, устраивала не только революционеров, но и братьев Людовика XVI, клеймили и обличали только первых.

И все же приходится признать, что тема отравления не занимала большого места в контрреволюционной пропаганде. Дело в том, что самые страшные преступления, которые инкриминировали Революции, преступления, вызывавшие гнев и отвращение, совершались открыто. Нож гильотины стоил всех кубков с ядом.

Яды РЕАКЦИИ, или ОТРАВЛЕНИЕ ОРЛОВ

Может показаться странным, что истории Наполеона и его сына включены в эту главу. Однако, хотя эти персонажи умерли соответственно в 1821 и в 1832 гг., все, что с ними связано, восходило к идейным спорам времен Революции. Кроме того, к знаменитому императору имеет отношение древний миф об отравлении героя, которого невозможно победить на поле сражения. Здесь обнаруживается классическая схема, противопоставляющая добродетель пороку тех, кто служит тирании.

Горячие споры о том, отравили ли Наполеона на острове Святой Елены, или он умер от желудочного заболевания, ведутся до сих пор. В статье

«Остров Святой Елены» современного «Словаря Наполеона» Жана Тюлара тезис об отравлении отвергается, а канадский исследователь Бен Вайдер защищает его. Однако вопрос о том, как именно подавалась информация о смерти императора, является важным. По правде сказать, творцы мифа о Наполеоне не уделяли слишком большого места обстоятельствам его конца. Причиной, возможно, являлось то, что смерть от яда совсем не обязательно способствует возвеличиванию полководца. Главная задача апологетов Наполеона состояла в сотворении образа мученика реакции, которая обрекла его на смерть. Они обращали внимание на непереносимый климат острова (своего рода естественный яд), отсутствие необходимого лечения, суровость местных английских властей, тоску и даже истощение.

Тем не менее сомнения, касающиеся причин смерти императора, появились сразу после его смерти. В Париже говорили то ли о расстреле, то ли о падении с высокой скалы, то ли о бурной ссоре. Отчет о вскрытии оживил версию отравления, поскольку в нем отмечалось изъязвление желудка. Впоследствии этот факт подтвердили люди, находившиеся рядом с Наполеоном в ссылке. В мемуарах генерала Ламарка можно прочесть следующее: «Все верили, что императора отравил губернатор сэра Хадсон Лоу». И в другом месте: «Сегодня [декабрь 1821 г.] кажется очевидным, что император скончался от нездорового климата, под гнетом горестей, пренебрежения, обид и лишений всякого рода, которые его вынудили претерпевать». Ламарк отмечал также, что, по мнению Монтолона, англичане не отравили Наполеона,

а убили плохим обращением. Ирландский врач О'Мира, которого губернатор отослал с острова, потому что он слишком сблизился с пленником, публично заявил в декабре 1818 г., что если бы он следовал приказам Лоу, то император был бы уже мертв. Однако желание раз и навсегда покончить с побежденным врагом никогда не оставляло Бурбонов. Особенно это касалось графа д'Артуа, будущего Карла X. Согласно Монтолону, Наполеон считал, что наемные палачи графа пытались его убить еще на Эльбе и стали бы искать в любом месте, поэтому бежать, например, в Латинскую Америку не имело смысла. Какое оружие использовали убийцы, не уточнялось. А отравления Наполеон боялся, еще находясь на вершине власти. После первой встречи с Лоу пленник якобы сказал, что его тюремщик похож на полицейского-сицилийца, которого следует опасаться. Император жаловался, что ему подавали сомнительное вино, и анализ действительно показал наличие окиси свинца. Вайдер делает предположение, что отравление Наполеона без ведома англичан организовали французские Бурбоны, дабы закрыть проблему раз и навсегда. Для этого они якобы воспользовались услугами графа де Монтолона, который, в свою очередь, мстил августейшему пленнику за связь с его супругой (владевшей, к слову сказать, записками маркизы де Бренвилье). Находясь рядом с императором, Монтолон, начиная с 1816 г., постепенно травил его мышьяком. Естественно, что потом он пытался переключить внимание на Хадсона Лоу, однако на самом деле Англия опасалась как раз оживления бонапартизма в случае смерти «Людоеда», после того как его вынуж-

денно покинули все действительно верные люди. Как бы то ни было, французские власти объявили смерть Наполеона естественной, а Карл X в 1825 г. весьма любезно принимал Хадсона Лоу. Это питало молву, направленную не столько на Бурбонов, сколько на англичан.

На самом деле, возможно, что изъязвление желудка происходило от рака. В любом случае следует отвергнуть тезис об отравлении мышьяком, основанный на анализе волос Наполеона. В свое время их привез лакей Новерра, а потом унаследовал швейцарский промышленник Фрей, который и установил в них ненормально высокое содержание мышьяка.

Вайдер полагает, что отравили также и сына Наполеона. Его воспитывали при венском дворе, намеренно тщательно изолируя от отца. Однако Орленок оставался надеждой бонапартистов. Герцог Рейхштадтский печально окончил свои дни 22 июля 1932 г. двадцати одного года от роду. Обстоятельства его кончины вполне позволяли думать о яде, который ввел дантист или которым отравили дыню. Его смерть ликвидировала возможность реставрации империи во Франции, впрочем, в 1832 г. и без того весьма маловероятной. Тем не менее Луи Филипп, чьим интересам кончина Орленка отвечала больше всего, предпочел обвинить Меттерниха, это воплощение контрреволюции. Даже король Баварии Людвиг I осмелился поинтересоваться у австрийских представителей, от естественных ли причин умер герцог Рейхштадтский. Самое малое, что инкриминировали Меттерниху, это запрет молодому человеку отправиться лечиться в Италию из-за того, что

венское правительство опасалось объединения вокруг него стонавших под австрийским сапогом регионов. И все же Хофбург совсем не походил на двор Борджиа, австрийский канцлер не имел никаких оснований оказывать услугу французскому королю-гражданину, с которым не ладил, а слабое здоровье больного туберкулезом юноши делало бессмысленным ускорение его смерти. Она и так наступила достаточно быстро.

Все сказанное отнюдь не мешало ссылаться на яд как тем, кто победил Революцию и Империю, так и их врагам, сторонникам свободы. Возможно, в каких-то случаях эта версия порождалась стремлением сопоставить Наполеона с Александром, как это делал Шатобриан. Впрочем, такой подход не очень характерен для текстов того времени, да и сам факт выглядит мелковатым в масштабах наполеоновского эпоса. Согласно Монтолону, Наполеон говорил, что ему следовало бы погибнуть во время московской битвы. Такой конец приравнял бы его к Александру. Из чего следует, кстати, что император не верил в отравление македонского завоевателя.

От великого века Людовика XIV до века великого императора Наполеона использование яда в политике не прекращалось. Однако дел, в которых токсическое оружие применялось реально, помогая завоевать или удержать власть, оказывалось гораздо меньше, чем дел, в которых яд действовал только в политическом языке в виде упреков, намеков и обвинений. Отравление сохраняло свой статус отвратительного преступления, подтверж-

денный, в частности, ордонансом 1682 г. Оно как и прежде ассоциировалось с тиранией. Во времена Людовика XIV правительство боролось с отравителями в целях очищения королевства. Сожжение отравителей на костре становилось своего рода символом такого очищения. Однако впоследствии употребление яда утрачивало демоническую окраску, становилось банальным, поскольку все больше теряло связь с колдовством, порчей, магией. Борьба с этим преступлением оставалась актуальной, но теперь оно затрагивало, в первую очередь, частную жизнь. Никакие мелкие козни не могли пошатнуть крепнувшее государство или нанести ущерб общественному благу.

ОТРАВЛЕНИЕ, ДЕМОКРАТИЯ
И ТОТАЛИТАРИЗМ

Хроника политических отравлений долгое время выглядела весьма скудной, однако мы наблюдали внезапный взрыв в первые годы наступившего века. В последние двести лет многие страны переживали серьезные институциональные изменения. Распространявшаяся демократия постепенно цивилизовала нравы политических элит; центры власти перемещались от дворов, предающихся интригам и полнящихся слухами, к правительствам и парламентам, где действуют правила, а политическая борьба введена в строгие рамки.

Одновременно с этим в первой половине XIX в. невероятно быстро развивалась токсикология, что резко суживало возможность отравлений. Установить наличие или отсутствие яда теперь не составляло труда, и независимо от своего положения в обществе отравители не могли быть уверены, что их предприятие останется в тайне.

И все же нарисованная нами благостная картина ухода ядов в прошлое нуждается в серьезном уточнении. С одной стороны, возможность разоблачения отнюдь не мешает некоторым державам

совершать преступные действия, которые всегда можно отрицать. На карте мира сохраняются государства, закрытость и/или тиранические режимы которых по-прежнему обеспечивают благоприятные условия для отравлений. С другой стороны, в основе успехов токсикологии лежит прогресс химии, а он позволил также создать новое грозное оружие. На полях сражений Первой мировой войны солдат впервые травил газом. На смену покушениям на конкретного человека шли отравляющие вещества нового типа, призванные обеспечивать победу, — оружие массового уничтожения.

Итак, в последние два века нашей истории в изучаемом нами явлении произошли весьма серьезные сдвиги. Стараясь не преуменьшать все эти технические, научные и политические новшества, мы постараемся в последней главе показать, как применение ядов в современной политике связано с прошлым, подчас очень далеким.

ЯД В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ: УХОДЫ И ВОЗВРАЩЕНИЯ

Борьба за власть ведется, разумеется, по-разному в зависимости от политического режима. Однако независимо от того, идет ли речь о демократических выборах в парламент или о грубом сведении счетов при тоталитаризме, обращение к яду маловероятно, потому что непропорционально задаче. В первом случае оно ничтожно, ибо яд не может помочь выиграть выборы. Во втором — чрезмерно: во время какой-нибудь «ночи длинных ножей» прекрасно обошлись без него.

На первый взгляд в обоих случаях яд оказывается одинаково ненужным.

ДЕМОКРАТИЯ В РОЛИ ПРОТИВОЯДИЯ

В древности противоядие давали не только отравленным. Его регулярно принимали маленькими дозами, чтобы защитить организм от реального покушения. В метафорическом смысле демократия играет примерно такую же роль. Она обеспечивает политическому обществу своего рода иммунитет против попыток использования мерзкого оружия.

На протяжении длительного периода утверждения демократии в странах Запада преступление, связанное с применением яда, по-видимому, уходило в сферу частной жизни. Похоже, что этот аргумент даже перестали использовать в политической пропаганде. Конечно, можно сказать, что соблюдение демократических правил отнюдь не исключает ударов из-за угла в политических схватках, а от угрозы отравления государственных деятелей защищают беспрецедентные меры безопасности. Не говоря уже о том, что возможные проблемы их здоровья, все равно естественного или криминального происхождения, не предаются огласке. И тем не менее фактом остается то, что если яд и используется в политике, то это делается очень скрытно.

Показательно, что во Франции редкие случаи слухов об отравлении рассматриваемого нами периода относились к додемократическим временам и затрагивали так называемые «реакционные» силы. В 1853 г. поговаривали, что монсеньор Сибур, архиепископ Парижский, якобы готовил

покушение на императора Наполеона III. Оружие яда, которое он собирался использовать, весьма соответствовало его статусу духовного лица. Многие полагали, что за преступным замыслом скрывалось намерение после смерти императора восстановить церковную десятину, а затем и весь Старый порядок.

В 1860 г. молва вновь забила тревогу по поводу угрозы отравления императора или его жены. Императорский духовник якобы поднес причастие императорской чете, а набожная и наивная Евгения поставила на место супруга несчастного солдата. Как утверждалось, в результате причащения он погиб. Подобные измышления еще отдают духом дворов прежних веков. Больше ничего нет, хотя тщательное исследование данного сюжета пока не проведено. Наполеон III, так же как и граф Шамборский, в 1871 г. претендовавший на реставрацию монархии и на королевский трон, оба умерли в изгнании естественной смертью. Случалось, что президенты Третьей республики становились жертвами безумия — любовного, как Феликс Фор, патологического или террористического, как Поль Думер, однако с помощью яда на них никто не покушался. Против Шарля де Голля применяли оружие совсем другого калибра; а болезнь, терзавшая и унесшая его преемника Жоржа Помпиду, не породила никаких слухов о заговоре с целью отравления, как это случилось бы несколько веков назад. При том что о недуге президента никто не знал, для публики его смерть стала полной неожиданностью, и сокрытие правды государством немного напоминало подобные случаи при дворах Старого порядка. В октябре 1988 г. пресса не намекала на пресловутую попытку отравления лидера канаков

(меланезийцев) из Новой Каледонии Жана-Мари Тжибау, когда он работал в Нью-Йорке в комитете по деколонизации ООН и остро конфликтовал с правительством Жака Ширака. Несколько месяцев спустя Тжибау погиб, а новость о покушении в Нью-Йорке появилась спустя два года. О нем заговорил новый лидер Канакского социалистического и национального фронта освобождения.

Итак, отравления XX века нужно искать в первую очередь в недемократических режимах.

НЕОГРАНИЧЕННАЯ ВЛАСТЬ И ЯД

Оружие яда оставалось актуальным, если не сказать — привычным, и в Первом, и во Втором, и в Третьем Риме (т. е. Москве). Со времен Средневековья Папы картинно умирали при исполнении своих обязанностей. Примерно с конца XVIII в. яд тут, впрочем, был ни при чем: смерть наступала, как правило, от старости. В 1914 г., правда, ходили слухи относительно кончины Пия X, а в 1939 г. — Пия XI. Позже краткий понтификат Иоанна Павла I в 1978 г. заставил Ватикан снова заговорить о яде. Истина в этом деле, как нередко случается, осталась покрыта тайной, но серьезные историки сомневаются в самом факте преступления. Развитие событий не очень сильно отличалось от самых известных интриг Средневековья и Возрождения. Не имевшего большого «политического» опыта патриарха Венеции Альбино Лучани избрали Папой 26 августа 1978 г. в возрасте 66 лет. Он стал преемником Павла VI. В ночь с 28 на 29 сентября 1978 г. Иоанн Павел I внезапно скончался, и его смерть запустила старый механизм слухов об

отравлении, столь привычных для курии Вечного города. Стали писать о «странной смерти» викария Христа. В коммюнике Ватикана сообщалось, что Папу нашли мертвым с благочестивой книгой в руках и с улыбкой на устах. В качестве причины смерти указывался инфаркт. Такое объяснение, вызывавшее в памяти истории из средневековой «Золотой легенды», сочли недостаточным и противоречивым. Замечали, что мертвого понтифика не обнаруживали необъяснимо долго, что лицо его свела гримаса агонии, а окоченевшие пальцы сжимали проповедь, которую он перечитывал в момент смерти. В Риме не умолкали разговоры об убийстве, и государственный секретарь Ватикана, весьма влиятельный кардинал Вийо, решил выставить на обозрение забальзамированное тело, что не делалось с момента кончины Пия X в 1914 г. Много веков римские власти давали именно такой ответ на ропот толпы. Ссылаясь на высокий ранг усопшего, Церковь не позволяла производить вскрытие, которого тем не менее требовали врачи и семья Папы. Первые не могли окончательно договориться относительно причин смерти, вторая не доверяла заключению об инфаркте и мнению, что болезнь подкосила человека, сломленного тяжестью стоявшей перед ним задачи.

В данном случае речь шла в первую очередь не о происках коварных церковников. Хотя некоторые кардиналы явно не одобряли избрания Лучани, как не соответствующего по своим качествам рангу понтифика, тем не менее в наши дни они вряд ли стали бы использовать такие радикальные средства, как яд, для устранения неподходящего Папы. Предметом обсуждения в связи с таинственным уходом доброго Папы стала финансовая

политика Церкви. Существовала якобы опасность разоблачения масштабных финансовых злоупотреблений, которые вызвали бы скандал и сильно скомпрометировали Ватикан. Честность Иоанна Павла I не могла позволить ему сохранить дело в тайне. Внутренняя чистота и наивность делали этого человека неприспособленным к функциям Папы. В чем-то он походил на Целестина V, низложенного в 1294 г. Однако в данном случае такой исход не представлялся возможным, а устранение Папы стало желательным. С Иоанном Павлом I связывался целый набор факторов, заставлявших предполагать наихудшее. Задуматься заставляли и краткость правления, и относительная молодость понтифика, и его опасная неопытность, и благочестивая, но неудобная решимость. Некоторые слишком скомпрометированные монсеньоры, вроде кардинала Вийо, вскоре после того умершего, или монсеньора Марцинкуса, замешанного в скандале, вызывали подозрения. Возможно, впрочем, что все изложенное представляло собой лишь домыслы журналистов, т. е. дело раздувалось ради повышения тиражей газет. Не исключено и то, что речь шла о сведении счетов внутри римской курии, и, ополчаясь на кардинала Марцинкуса, кто-то целил на самом деле в нового Папу Иоанна Павла II. Однако, как бы то ни было, историк не может пройти мимо данного эпизода, в котором так явственно проявилась многовековая римская традиция, при том что режим Ватикана, как никакой другой, и в наши дни сохраняет черты монархий прежних времен.

Богатый материал для нашего исследования предоставляют и другие, в большей степени модернизированные, державы, сохраняющие

в то же время, непрозрачную систему управления. Автор знаменитых комиксов Эрже в альбоме «Тэнтэн в стране Советов» в сатирической манере использовал, в частности, и сюжет отравления. Принимая во внимание серьезность фактов, такая легкость подхода, пожалуй, не вполне уместна. Отравление в большевистском СССР действительно являлось повседневной политической практикой, и, по-видимому, к ней возвращаются в сегодняшней России. Этому вопросу посвящена книга Аркадия Ваксберга «Лаборатория ядов. От Ленина до Путина», которая вышла в Париже в 2007 г. Именно на ней в значительной степени основываются нижеследующие рассуждения.

Наш очерк посвящен преимущественно реальностям западного мира, в нем почти не говорится о средневековом православном славянском мире. Следует понимать в то же время, что современные практики в нем, как и везде, уходят корнями в далекое прошлое. Коммунистический режим во многом воспроизводил русский царизм, лишь перекрасив его в красный цвет. Иван IV Грозный, как уже говорилось, организовывая массовую резню, не забывал и о яде. В 1894 г. слухи о яде возникли по поводу смерти Александра III. Тем не менее именно коммунистический режим систематически применял отравляющие вещества для устранения «контрреволюционеров» и других «врагов народа», а также внешних врагов. В 1921 г. по распоряжению Ленина была создана специальная токсикологическая лаборатория. В 30-е гг. она превратилась в мощное учреждение под руководством крупных ученых, которое под разными названиями и в разном статусе продолжа-

ло свою деятельность в течение десятилетий. Это учреждение наладило эффективную разработку токсинов как быстрого, так и медленного действия. В 50-е гг. там производились такие смертоносные вещества, как таллий, рицин, колхицин. Один из ответственных сотрудников лаборатории Майрановский пытался разработать вещества, производящие токсичные запахи, более опасные, чем яды, принимаемые внутрь. Цель оправдывала средства: официально она состояла в победе революции, а на самом деле — в сохранении и поддержании существующего режима и власти тех, кто его воплощал.

Перечислять все жертвы было бы скучно. Ограничимся лишь несколькими примерами. Еще до победы большевиков Ленин ратовал за массовое отравление продовольствия в тех регионах, где население поддерживало царизм. Как только большевики пришли к власти, яд стал широко применяться для устранения противников или соперников. В каких-то случаях такой способ убийства представлялся более выгодным, чем пуля в лоб или ссылка в ГУЛАГ.

Троцкий в одной из статей, написанных незадолго до смерти, довольно метко назвал Сталина «кремлевским супер-Борджиа». Диктатор готовил убийство своего знаменитого врага, в том числе и с помощью яда, приготовленного в небезызвестной лаборатории. Но ледоруб в конце концов оказался более оперативным средством. Зато секретарь и охранник Троцкого Вольфганг Салюс погиб в феврале 1953 г. от яда, вызывавшего симптомы, похожие на симптомы пневмонии. Ваксберг, который не всегда обращает внимание на исторические

корни событий, данный факт связывает с восточной традицией тираннии. Сталин испытывал жестокое удовольствие от страданий своих жертв, и оно было тем полнее, чем больше их становилось, в том числе и в его собственной семье: его шурина Павла Аллилуева отравили табаком. Разыгрывавшиеся в Москве трагедии были достойны византийских дворцов; в них проявлялось потрясающее постоянство ментальных структур.

Месть большевистского государства, как когда-то в Республике Венеции, могла осуществляться против эмигрировавшего врага, например Троцкого. Ваксберг утверждает, что советские спецслужбы отравили обосновавшегося в Брюсселе белого генерала Врангеля. Такая же участь ждала и многих подданных СССР, живших вдали от родины социализма. В 1933 г. от отравленного пива во Франции погиб агент Лубянки, ставший бесполезным и опасным. В зоне досягаемости находились также и руководители братских партий. В 1949 г. скончался лидер болгарских коммунистов Димитров, поскольку Сталин считал, что он слишком сблизился с неугодным Иосипом Броз Тито. Сначала Димитров странным образом заболел после встречи с югославским руководителем, и Москва воспользовалась этим, чтобы распространить обвинения против Тито. Затем больного отправили в СССР для обеспечения необходимого «лечения», которое свело его в могилу. Причем в официальном сообщении говорилось, что у Димитрова обнаружился цирроз печени, и этот диагноз имел целью скомпрометировать умершего.

После короткой фазы либерализации, начатой Горбачевым и продолжавшейся при Ельцине, посткоммунистическая Россия стала возвращаться к прежним методам. Во всяком случае, именно это доказывает Ваксберг. Он перечисляет «специальные операции с летальным исходом», заказанные Кремлем и поддержанные Думой во имя национальной безопасности. Наряду с насильственными методами, российские власти используют, по-видимому, еще и яды, которые производятся во вновь открытой лаборатории. Обычный горячий напиток, который выпила в самолете журналистка Анна Политковская, едва не унес ее жизнь уже тогда, когда она расследовала темную историю взятия заложников в Беслане (Северная Осетия) в сентябре 2004 г. Одной из последних жертв, отравленных режимом, стал Александр Литвиненко. В книге, оправдывающей его «дезертирование» из российских спецслужб, он указывал на продолжение работы лаборатории ядов. В свое время, в 1998 г. этот агент разоблачал заговор с целью отравления олигарха Бориса Березовского. Однако, несмотря на хорошее знание сюжета, Литвиненко погиб ужасной смертью: в ноябре 2006 г. его отравили в Лондоне полонием-210. В письме, написанном практически *in articulo mortis*, прямо обвинялся Путин. Порошок насыпали в чай, поданный в лондонском отеле, и такой неоригинальный метод применялся ради специального эффекта. Стремилась, конечно, не к тайному уничтожению, коль скоро улики против отравителей легко устанавливались благодаря остаткам радиоактивности на пути их следования. Цель состоя-

ла в том, чтобы запугать других врагов режима, показывая, что их ждет. Одновременно давали понять, что смерть перебежчика была связана с его подозрительными отношениями с бывшим руководителем ЮКОСа Михаилом Ходорковским.

Другие убийства совершались более изобретательно. Бывший мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак, под началом которого когда-то работал Владимир Путин, в 2000 г. умер в Калининграде «неестественным» образом, как это признавал сам президент во время похорон. Тем не менее он не позволил пролить свет на это дело. По всей видимости, Собчак стал жертвой сведения счетов между руководителями. Он страдал болезнью сердца, поэтому объявили, что он не выдержал психологического давления со стороны своих противников. На самом же деле его, видимо, отравили, смазав лампу в гостиничном номере веществом, выделявшим при нагревании чрезвычайно токсичные пары.

В разгар дела Литвиненко в тяжелом состоянии возвратился из Ирландии либерально настроенный Егор Гайдар, при Борисе Ельцине, в 1992–1993 гг., исполнявший обязанности премьер-министра. Московские медики констатировали «непищевое» отравление, однако окружение Гайдара исключало гипотезу об ответственности спецслужб. В этом деле некоторые видят скорее попытку дестабилизации, направленную против Кремля.

Яд остается в арсенале политического оружия и в других странах бывшего СССР. Страшные следы яда заметны на лице президента Украины Виктора Ющенко. Покушение, вероятно, было совершено украинскими спецслужбами по настоянию Москвы, которая определенно предпочитала, чтобы Леонида Кучму на посту президента сме-

нил верный ей Виктор Янукович. Известно, что в день выборов Путин раньше времени поздравил Януковича с победой.

Ющенко отравили осенью 2004 г. во время встречи с членами украинских секретных служб. Врачи венской клиники Рудольфинерхаус, где политик проходил обследование перед президентскими выборами 31 октября 2004 г., констатировали превышение диоксина в его организме в шесть тысяч раз по сравнению с нормальным уровнем. Виктора Ющенко, который ориентировался на Европейский союз и на интеграцию Украины в НАТО, поддержала «оранжевая революция». Он добился признания своей победы на выборах, однако здоровье его оказалось подорвано. Все это заставляло задуматься московских противников нового украинского президента. Вставал вопрос, достигло ли покушение желаемой цели или кончилось неудачей. Ваксберг полагает, что убивать Ющенко не собирались, потому что тогда Москве пришлось бы иметь дело с Юлией Тимошенко, а белокурая наследница Ющенко с косой вокруг головы отличалась еще более проамериканскими настроениями. Однако если смерть потрясает людей на короткое время, а потом о ней забывают, то обезображенное лицо Ющенко еще долго будет разоблачать жестокость его противников. На выборах он сыграл, по видимому, именно на этом. Кандидат в президенты торопил составлявших заключение об отравлении венских медиков, заявляя: «Посмотрите на мое лицо, вы видите, на что они способны!» В то же время страшное преобразование элегантного пятидесятилетнего человека в изуродованного старика шокировало свидетелей и скорее побуждало сторонников Ющенко к осторожности.

Другие авторитарные режимы пользуются ядом, чтобы ликвидировать своих противников, находящихся в изгнании. 6 января 1988 г. в ресторане шикарного квартала Лондона иракский бизнесмен Шариф Али, уже восемь лет живший в Великобритании, обедал с тремя своими соотечественниками, специально приехавшими для встречи с ним из Багдада. В конце трапезы Шариф Али почувствовал себя плохо. Его привезли в госпиталь Святого Стефана, где он и умер спустя две недели. По данным Скотленд-Ярда, бизнесмена отравили большой дозой таллия. Этот редкий яд поражает нервную систему, практически не оставляя следов. Старая связь между ядом и тиранией в этом деле проявилась вновь.

ЯД В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ НАЦИЯМИ

Дело отравления Виктора Ющенко выходило за рамки внутренней политики и ставило на карту отношения между государством и его бывшим сателлитом. В международных отношениях яд играет одновременно и традиционную, и новую роль. Традиционной она является в тех случаях, когда совершается убийство главы опасного режима. Новой она становится в случаях массового применения отравляющего оружия во время боевых действий, начиная с Первой мировой войны. Средства, применяемые в этих двух случаях, очень различны. Однако и тот и другой показывают, что, во-первых, яд остается важным оружием в борьбе за преобладание, а во-вторых, в обществе его продолжают презирать и ненавидеть.

Стремление одержать верх над вражеской армией или уничтожить население противника с давних времен, как мы видели, связывалось с отравлением продовольствия, воды или воздуха, поскольку только применение этих средств вело к массовым потерям. Реализовать подобный замысел не удавалось технически. Одновременная смерть множества людей осмысливалась только с точки зрения веры во вмешательство дьявола или его приспешников. Бурное развитие в XIX в. химии позволило реализовать эту фантазию. Народы, вовлеченные в Первую мировую войну, получили опасную возможность травить большие массы сражающихся солдат противника. Между воюющими разразилась острая полемика, в ходе которой страны пытались переложить друг на друга ответственность за использование проклятого яда в военных целях. Остановимся кратко на причинах, способах и последствиях его применения и будем опираться при этом на данные книги Оливье Лепика «Великая химическая война 1914–1918 гг.», изданной в Париже в 1998 г.

Химическое оружие впервые применили во время Первой мировой войны, и здесь наблюдается очевидная преемственность с использованием яда в прежние эпохи. Первоначальной целью являлась разблокировка военной ситуации, поскольку войска зарылись в траншеи и сидели без движения. Очень похоже на то, как раньше яд могли пускать в ход, дабы завершить или, наоборот, снять осаду. Не углубляясь далеко в историю, можно вспомнить, как в 1854 г. во время осады Севастополя командование английских и французских войск запрашивало разрешения своих

правительств на применение газа, чтобы сломить сопротивление русской армии. Однако в Первую мировую войну появились существенные новшества. Масштабы явления изменило промышленное производство отравляющих веществ. Кроме того, артиллерия стала выступать в роли помощника ветра, направляя газ в нужную сторону. Благодаря развитию техники использование токсинов в военных целях перестало быть случайным и превращалось в рутинное дело. Начинала действовать логика тотальной войны, когда от нанесения ущерба военной силе противника переходили к уничтожению всякой жизни на данном пространстве. Разумеется, тотальная война XX в. располагала и многими другими средствами уничтожения. Однако ничто не символизировало ее так емко, как отравляющее вещество, которое со времен Иоанна Богослова воспринималось как оружие апокалипсиса*.

После того как немецкое наступление лета 1914 г. захлебнулось, началась затяжная позиционная война. Для того чтобы заставить линию фронта зашевелиться, германский штаб задумал использовать газ. Ослабив таким образом противника, он планировал прорвать фронт. Отравляющий газ был впервые применен 22 апреля 1915 г. у Лангемарка в Бельгии. Разработанное немецким химиком Фрицем Хабером оружие представляло собой 5830 цилиндров со сжиженным хлором, выпущенным в воздух, когда ветер подул в нужном направлении. Союзники имели сведения о приготовлениях немцев и все же оказались захва-

* В Откровении Иоанна Богослова (Апокалипсисе) говорится, что наступление конца времен проявится в том числе в отравлении природы (Отк 8: 10–11).

чены врасплох. Накрытые ядовитыми облаками войска запаниковали и отступили на восемь километров. Однако немцы не смогли мобилизовать достаточные подкрепления и воспользоваться бегством противника, о чем впоследствии сильно сожалели. Вероятно, их командование недооценило эффект газовой атаки, рассматривая ее как первое испытание. Отравляющее вещество нанесло противнику ущерб, но не больший и не меньший, чем пушки, и никак не повлияло на общий ход военных действий.

Любопытно то, что после этой атаки применение газа не только продолжалось, но даже интенсифицировалось. Началась настоящая гонка химического оружия, количество веществ, опробованных в 1915–1918 гг., достигло шестнадцати. Возможно, это объясняется стремлением Антанты отомстить врагу. 25 сентября 1915 г. англичане при Лоосе применили такой же хлор, что и немцы пять месяцев назад. Впрочем, к использованию любых средств толкала участников войны сама эскалация противостояния, когда требовалось любой ценой физически и психологически подавить противника. В пылу борьбы привычное оружие уже не отличали от химического, а гражданских лиц — от военных. Газовым атакам подверглось мирное население Реймса.

Итак, Франция и Англия быстро ликвидировали свое отставание от Германии в химическом производстве. То тут, то там воюющие державы пускали отравляющие вещества в сторону позиций противника. Улучшалось защитное снаряжение, стали применяться специальные маски. Одновременно увеличивалось количество химического оружия. Появились токсические взрывча-

тые вещества, гораздо более надежные, чем ветер. В последние месяцы войны газ содержали в себе 25% снарядов. В 1916 г. на фронте употребили синильную кислоту («венсенит», названный по месту, где его впервые применили), которая производила опустошение в рядах германских солдат. Появились отравляющие газы на основе мышьяка. В ноябре 1915 г. Германия использовала фосген, в двадцать раз более токсичный, чем хлор. В июле 1917 г. наступил новый этап в разработке отравляющих газов. В районе Ипра в Бельгии пустили в ход новый, гораздо более опасный, чем предыдущие, газ, который не только поражал дыхательные пути, но наносил ущерб организму в целом. Нарывный горчичный газ, или дихлордиэтилсульфид, выпускавшийся артиллерийскими снарядами, делал людей инвалидами и отравлял природную среду. От него погибло в восемь раз больше людей, чем от предыдущих газов.

Вместе с тем в ходе Первой мировой войны от химического оружия погибло гораздо меньше людей, чем от обычного оружия. На Западном фронте их число составляло всего 3%, причем люди редко умирали непосредственно на месте применения газа. В рядах французов и британцев насчитывается примерно по 6000 убитых на 130 000 и 186 000 подвергнутых газовой атаке соответственно, в рядах немцев — 4000 на 107 000 подвергнутых газовой атаке, в рядах американцев — 1200 на 75 000 человек. И тем не менее газ являлся воплощением ужаса. Оливье Лепик задался вопросом о причинах такого гипертрофированного страха и пришел к показательному выводу. Он пишет, что газ, невидимый, подчас не имевший запаха, убивавший постепенно, без болевого

шока, ран и крови, иррационально воспринимался как оружие дьявола. Бытовало даже мнение, будто Гитлер, в октябре 1918 г. испытавший английскую газовую атаку и переживший ужас перед химическим оружием, решил не использовать его во время следующей войны, тогда как нацистская Германия в 1940 г. располагала огромными запасами отравляющих веществ. На самом деле этот странный оттенок гуманизма проистекал из опасения использованием презираемого и скандального оружия спровоцировать вступление в войну Соединенных Штатов.

Итак, на полях сражений Второй мировой войны химическое оружие практически отсутствовало. Однако впоследствии оно снова стало использоваться в локальных конфликтах. В 1962–1970 гг. США применяли во Вьетнаме вещество, получившее название *эйджент орандж*, с целью лишения вьетконговцев естественной защиты леса. Однако, кроме листвы деревьев, газ отравлял также и население. Во время Ирано-иракской войны 1980–1988 гг. опустошения производил иприт. На этот раз его употребили для решения внутренних задач, ибо Саддам Хусейн в 1988 г. использовал горчичный газ против курдов в Халабдже. Если бы его не повесили, диктатору пришлось бы нести ответственность за это ужасающее злодеяние, которое курды считают наихудшим его преступлением.

Еще один способ массового уничтожения — бактериологическое оружие (слово *вирус* латыни значит *яд*), хотя и основывается на весьма изощренных технологиях, восходит к измышлениям о сеятелях чумы. Война, осуществимая в гигантских масштабах, мыслима также и в весьма

скромных размерах. В конце 2001 г. США охватил психоз в связи с тем, что несколько человек получили по почте конверты, содержавшие споры сибирской язвы. Эта история оживила древний страх перед смертоносной болезнью (император Генрих VII в 1313 г. умер именно от нее); письма как носители инфекции напоминали о папском дворе, а их отправители, как все думали, члены Аль-Каиды, — о средневековых султанах-отравителях. Потом, правда, разобрались, что их посылали обычные американцы.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ

В годы «холодной войны» ядерный арсенал СССР и США намного превзошел уровень, необходимый для полного взаимного уничтожения. Уместно задаться вопросом, не относится ли атомное оружие к категории отравляющих, коль скоро радиация, выделяемая в момент взрыва, вредит всем растениям, животным и людям. Вместе с тем, в отличие от газа, оно не ассоциируется с образом яда, а обладающие им державы испытывают по этому поводу известную гордость — пока дело не дошло до практического применения. Противостояние блоков приняло формы опосредованных точечных конфликтов. Соединенные Штаты рассматривали революцию на Кубе как опасное приближение коммунизма к своим границам, поскольку от острова всего несколько сот миль до берегов Флориды. Вплоть до последнего времени это была настоящая навязчивая идея, мобилизовавшая стратегов на разворачивание широких военных операций, вроде знаменитой неудачной высадки в заливе Кочинос

(бухте Свиней). Она выражалась также в попытках дестабилизации власти Кастро, в покушениях на *Lider maximo*, нередко с помощью яда.

В 1994 г. были рассекречены досье ЦРУ, и выяснилось, что, начиная с 1959 г., предпринималась серия попыток отравления Кастро при пособничестве весьма подозрительных кругов. Американские спецслужбы на месте нанимали представителей воровского мира и игорного бизнеса. В опубликованном рапорте, относящемся к маю 1967 г., упомянуто восемь покушений. Публикация сопровождается интервью главы службы безопасности Кубы, в котором шла речь о шестистах двенадцати заговорах, подготовленных Соединенными Штатами против Фиделя Кастро. Конечно, такие цифры вызывают сомнение, однако американцы стремились повредить дееспособности кубинского лидера с того момента, как он пришел к власти. Веселящий газ, опьяняющие сигары, эпиляторы, которые предполагалось поместить в его ботинки, — все это имело целью, не убивая врага Америки, нанести ущерб его харизме хотя бы на время. Для этого планировали вызвать у Фиделя Кастро бред, заставить его заговариваться, беспричинно смеяться, лишиться знаменитой бороды. Вместе с тем агент ЦРУ в 1967 г. отмечал, что с самого начала рассматривался и вариант смертоносной сигары. Начиная с августа 1960 г., проектов стало еще больше. Какое-то время хорошим способом покончить с кубинским лидером казалась сигара, отравленная ботулином. Приготовили коробку с пятьюдесятью сигарами, пропитанными таким сильным ядом, что достаточно было поднести их ко рту, чтобы умереть. Однако в июне 1963 г. сигары уничтожили, так что

неизвестно, осуществлялась ли данная операция. Изучались и другие способы отравления: заражение напитка инфекцией, смертоносные пилюли, которые предполагалось использовать во время трапезы в ресторане, спринцовка, помещенная в шариковую ручку (октябрь 1963 г.), наконец, великолепный подарок революционеру — костюм для подводного плавания, пропитанный изнутри экстрактом смертельного гриба. Богатство фантазии, достойное сравнения с самыми тонкими операциями эпохи Возрождения. И сплошные тупики! Некоторые кубинские оппозиционеры считали, что свинцовая пуля эффективнее, однако американская администрация все искала тайные способы и ловушки, прежде чем отказаться наконец от идеи отравления.

Разумеется, яд тотальной войны и яд «холодной войны» — это вещи несопоставимые. Однако в противостоянии государств применяется и то, и другое. При этом, как правило, их не признают, считают постыдными, что позволяет, как и прежде, использовать ссылки на яд в идеологической борьбе.

СТАРЫЕ МЕТОДЫ СОХРАНЯЮТСЯ

Страшная эпидемия холеры 1832 г. разбудила во французском обществе извечные слухи о болезни, «сотворенной человеческими руками». Как всегда, они отнюдь не были безобидными. Сначала обвиняли сторонников Карла X, стремившихся якобы уничтожить людей Июльской революции. Затем болезнь стали приписывать буржуазии и новому режиму Луи Филиппа. Республиканские круги

разоблачали его вредоносные связи с медиками. Таким образом, во Франции, как, впрочем, и в Италии, отравление продолжали использовать для дискредитации политического противника. Позже то же самое происходило, когда Наполеона III «прогрессистские» бонапартистские круги предостерегали от слишком близких отношений с духовенством. Однако все это выглядит невинной забавой по сравнению с масштабными операциями по отравлению общественного мнения, которые в XX в. следовали путями, известными с далеких времен.

НЕПРИЯТИЕ ЧУЖОГО ПО-ПРЕЖНЕМУ ПОРОЖДАЕТ ОБВИНЕНИЯ В ОТРАВЛЕНИЯХ

В наши дни, как и прежде, применения яда ассоциируется с тиранией и с жестокостью врага. Обвиняя противника в отравлениях, его стараются пригвоздить к позорному столбу, и при этом всегда предполагается собственная полная невинность в данном вопросе. Во время Первой мировой войны пропаганда обеих воюющих сторон стремилась переложить на противника вину за нарушение принятых в 1870–1910 гг. соглашений: Конвенции о законах и обычаях ведения сухопутной войны и других. В 1854 г. Париж и Лондон по моральным соображениям не дали военным разрешения на использование газа в Крыму против осажденного Севастополя. В 1899 г. была принята Гаагская декларация о запрете использования ядовитых газов и других отравляющих веществ. Отныне нарушение запрета вызывало возмущение сообщества наций и обрекало виновного на изоляцию.

Во время Англо-бурской войны 1899–1902 гг. британцы применили пикриновую кислоту, что вызвало всеобщий протест. Однако Великобритания не ратифицировала декларации 1899 г., в отличие от соглашений 1907 г. Во время Первой мировой войны оба лагеря из всех сил стремились поддерживать секретность относительно своих собственных действий в этой области. 30 июня 1916 г. французский военный министр заявил, что ему «представляется ненужным упоминание в прессе об употреблении этих средств, которые выходят за рамки обычных законов войны». Между воюющими странами велась жесткая полемика, полная взаимных обвинений в нарушении международных договоренностей. На следующий день после химической атаки немцев в апреле 1915 г. Пуанкаре разоблачал этот акт, по его словам, недостойный солдата, и давал понять, что последует симметричный ответ. Лорд Китченер, в свою очередь, выразил свое возмущение в палате лордов. Французский генерал Вейган писал в дневнике о «бесчеловечном» оружии. Пресса союзников в течение четырех месяцев клеймила врага и доказывала непреложную необходимость сопротивляться варварству, подогревая таким образом патриотизм населения своих стран. Немцы, однако, возражали, что их атака была лишь ответом на французскую ноту от февраля 1915 г., в которой говорилось об употреблении газа в будущем. Они заявляли, что случай апреля 1915 г. не подпадал под условия Гаагских соглашений, что речь нельзя вести об отравлении противника, поскольку газ не направлялся специально, а невинно распространялся ветром.

Хотя возможности применения в военных целях достижений химии еще в 1887 г. продемонстрировал мюнхенский профессор Байер, а французы впервые использовали удушающие гранаты в 1914 г., после окончания войны победители стремились доказать, что в отравлении солдат газом виновата именно Германия. Германофобская пропаганда была призвана оправдать тяжелые условия Версальского договора, и большое место в ней отводилось вопросу о химическом оружии. В 1919 г. вышел из печати военный дневник французских врачей Поля Вуавенеля и Поля Мартена. «Боши порвали гаагские гуманитарные соглашения как клочок бумаги», — утверждалось в нем. О немцах говорилось как о «садистах бошах, упорно применяющих яд». Врачи разоблачали германских химиков, которые «изучают только для того, чтобы отравлять народы и свободу». Подобные кровожадным германцам у Тацита, немцы пытались якобы заставить верить, будто они путали взрывчатые газы, связанные с взрывчаткой и сжиганием пороха, с отравляющими газами. В 1920 г. немецкий химик Левин опубликовал исторический очерк вопроса, в котором об этом, естественно, ничего не говорилось. Однако в странах Антанты в 20-е гг. тема рейха-отравителя вошла в моду. В 1923 г. германофобскую риторику развивал Лелё: «Именно Германия ввела в войну это позорное тайное оружие, которое наша эпоха надеялась больше не увидеть, разве только в руках последних дикарей: яд!»; «величайший позор Германии состоит в изобретении этой войны ядов». В ответ появился целый букет немецких публикаций, настаивавших на существенном уменьшении ответственности Германии, и в 1923 г. рейхстаг подтвердил,

что империя не начинала войну отравляющих веществ. Однако Версальский договор запрещал Германии иметь химическое оружие, а Женевский протокол 1925 г. распространил это требование на все страны доброй воли.

Таким образом, возникла черная легенда о химическом оружии, отличающемся от всех остальных, потому что оно создавалось современной наукой и технологией. Утверждалось, что его использование сопряжено с моральной и юридической ответственностью, которая и возлагалась на Германию. Существенным элементом пропагандистской кампании стала германофобия. Если само по себе употребление газа являлось фактором реальности, а не воображаемого, то богатейшее воображаемое о яде влияло на всех; и оно разило империю, виновную во введении этого самого презренного из всех видов оружия. В течение всего межвоенного периода перед глазами европейцев стояла ужасная картина газовой атаки.

Взаимные обвинения стран в отравлениях случаются и сегодня, хотя масштаб их становится гораздо меньше. Еще в 1880-х гг. русский славист В.И. Ламанский опубликовал исследование, посвященное роли отравлений в политике Республики Венеции. Там не только описывалась и разъяснялась коварная политика Светлейшей республики, но и разоблачалось ее стремление навредить славянам, в особенности на Балканах. После того как 11 марта 2006 г. умер в тюрьме Слободан Милошевич, этот антизападный национализм вновь оживился. Некоторые средства массовой информации Сербии упоминали о возможном отравлении. Международный уголовный трибунал для бывшей Югославии, под юрисдикцией

которого находился бывший сербский руководитель, распорядился произвести токсикологический анализ. Результаты его оказались отрицательными. Однако в Белграде продолжали сомневаться в официальной версии, что у Милошевича остановилось сердце.

Начиная с марта 2007 г. в адрес Турции раздаются обвинения со стороны курдов в попытках отравить основателя Курдской рабочей партии Абдуллу Оджалана. С 1999 г. он находится в турецкой тюрьме, и в организме заключенного обнаружены следы тяжелых металлов.

Подобных примеров можно было бы привести множество.

ОТРАВЛЕНИЕ И АНТИСЕМИТИЗМ

Среди вымышленных преступлений, инкриминированных во время московского процесса 1939 г. Лукину, двоюродному брату Бухарина, фигурировало «приготовление убийства руководителей партии с помощью сильного яда». Сталинская диктатура отлично знала, насколько эффективным может быть обвинение оппозиционеров в отравлении, особенно когда она сама доверяла им опасные вещества. Однако Сталин смотрел шире. Он вспомнил о коллективном «враге», которого веками подозревали в злостном использовании яда, — о евреях.

В 1948–1953 гг. органы госбезопасности СССР разрабатывали так называемый «заговор убийц в белых халатах» — врачей, в большинстве своем евреев, которые занимались якобы отравлением советских руководителей. Можно ли считать, что

сталинский режим возрождал в середине XX в. средневековую модель? Дело врачей вполне вписывается в советский контекст своего времени. Оно восходило скорее к русскому антисемитизму, развивавшемуся в XIX в. Вместе с тем, предъявляя евреям обвинение в крупномасштабном отравлении, коммунистический деспотизм, несомненно, воспроизводил древнюю модель. Только на этот раз считавшаяся в принципе вредоносной группа наносила ущерб не христианскому порядку, а сталинскому режиму, не допуская никаких ограничений своей тирании.

13 января 1953 г. в «Правде» было опубликовано сообщение ТАСС, в котором утверждалось, что органы госбезопасности раскрыли террористическую деятельность группы врачей. Преступники стремились «путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». Далее следовал список врачей, некоторые из которых (например, арестованный в 1951 г. Майрановский) работали в лаборатории ядов, что становилось центральной уликой. Медикам инкриминировалась прежде всего смерть Жданова в августе 1948 г. В сообщении также говорилось, что большинство преступных врачей принадлежало к «международной еврейской буржуазно-националистической организации «Джойнт», созданной американской разведкой якобы для оказания материальной помощи евреям в других странах». Именно она ставила и оплачивала задачу уничтожения советских лидеров. В планы Сталина входила депортация и даже уничтожение части народа, обвиненного в предательстве дела коммунистической революции, коль скоро он сотрудничал с крупным капиталом. Евреев, кроме всего прочего,

упрекали еще и в связи с Израилем, который они предпочитали социалистической родине. А между тем еврейское государство возникло при поручительстве СССР, который не упустил случая уязвить британцев, чьей подмандатной территорией являлась Палестина. Подобные действия имели также целью, играя на застарелом погромном антисемитизме, сплотить бывших православных вокруг «отца народов», который должен был заменить им Бога. Власти эксплуатировали зависть, которую вызывало заметное (около четверти функционеров) присутствие евреев в государственном руководстве. Наконец, Сталин стремился подчеркнуть недостаточную бдительность своих соратников, а следовательно, возможное сообщничество советских вельмож, могущество которых, например, зловещего Лаврентия Берия, вызывало у него неудовольствие и беспокойство. Таким образом, одним ударом предполагалось решить несколько задач. В деле врачей проявилась не только паранойя тирана, который при этом еще и испытывал сильную ненависть к евреям. (Она достигала у Сталина такой степени, что он заявлял по поводу брака своей дочери с евреем: «Сионизм отравил все старшее поколение, а теперь он отравляет молодежь».) Но, кроме того, последняя разоблачительная кампания режима выражала решительную политическую волю и стремление сталинского террора опереться на способные объединить людей архаические основания. Так, одновременно с врачами еврейских инженеров обвиняли в том, что они скрывали токсичность воздуха в некоторых шахтах.

Достойное ведовских процессов дело имело глубокие корни. Сталин якобы решил действовать, прочитав донос относительно причин смер-

ти Жданова, а также после того, как получил в начале 1952 г. от своего врача-еврея назначение, которое счел подозрительным. Однако отношение к евреям как к вредоносному элементу родилось в России намного раньше. Известно, что знаменитые «Протоколы сионских мудрецов» были сфабрикованы русской царской охранкой для оправдания антиеврейских репрессий. Евреев, кроме того, обвиняли в убийстве Александра II, а в 1924 г. ЧК докладывала о слухах, будто бы Ленина отравили евреи, возможно, врачи. Антисемитские нотки звучали во время московских процессов 1938 г. Так, все слышали, что Горький скончался, отравленный врачами еврейского происхождения. Троцкий пытался разоблачить эту ложь, но его никто не слушал. Во время войны враждебность к евреям как бы вывели за скобки, дабы объединить страну против гитлеровской агрессии. Однако она вновь проявилась в 1946 г. В 1948 г. Сталин пришел в ярость, узнав о том, какой массовый восторженный прием устроили московские евреи первому послу Израиля в СССР Голде Меир. Давление усилилось, и вскоре органы безопасности разоблачили сионистский заговор. Пропаганда широко распространяла амальгаму еврей-сионист-шпион-предатель родины. В январе 1949 г. началась кампания борьбы с «космополитизмом»; созданный во время войны Еврейский антифашистский комитет распустили, а его членов казнили. Преследовали и бойкотировали аптекарей и врачей-евреев, и напряженность росла вплоть до опубликования в «Правде» сообщения ТАСС о «врачах-убийцах». Оно послужило сигналом к травле, однако тут случилась смерть тирана. 4 апреля 1953 г. последовала реабилитация обвиняемых без каких-либо

комментариев. Это доказательство, что в великом Советском Союзе правосудие торжествует, позволило, между прочим, французским коммунистам еще раз напомнить обществу о себе.

Недавно живучий предрассудок, связывающий отравления с евреями, проявился в другом контексте. В ноябре 2004 г. умер Ясир Арафат. Он скончался от таинственного недуга, причем французские военные врачи, проводившие токсикологический анализ, отказались опубликовать его результаты. Возможно, болезнь, от которой приехал лечиться палестинский лидер, была не слишком прилична. Говорили об изменениях печени, связанных с циррозом. Однако возник извечный слух об отравлении Арафата евреями. В арабском мире ответственность за смерть врага Израиля немедленно возложили на премьер-министра Ариеля Шарона. Согласно опросу, проведенному спутниковым каналом Аль-Арабия, 83,2% его телезрителей верили в отравление, о котором постоянно твердили им палестинские власти. Палестинский премьер-министр Ахмед Курей потребовал от Франции «медицинского отчета о смерти» Ясира Арафата.

Это дело является показательным, ибо продемонстрировало действенность старых схем интерпретации событий и восхваления героев. Вскрытие тела после подозрительной смерти не проводится, его прячут от глаз публики, и одновременно начинается героизация борца, погибшего непобежденным. Исламская культура если не создает данную модель, то, во всяком случае, способствует ее укреплению. Хотя газета «Монд» 26 ноября 2004 г. и утверждала, что западный антисемитизм оказал влияние на арабский антииудаизм, но на самом деле ноябрьские обвинения 2004 г. в боль-

шой мере коренились в мусульманских традициях. Политически не слишком корректное замечание прошло незамеченным, а в книге «Прошлое раздора», вышедшей в 1999 г., М.Абитболь странным образом ничего не говорит о том месте, которое занимал мотив еврейского отравления в ранней мусульманской культуре.

А между тем такое обвинение было присуще исламу с самого начала: считалось, что евреи пытались отравить пророка Мухаммада и первого калифа Абу Бакра, поскольку не хотели подчиняться мусульманским законам, которые устанавливались на Аравийском полуострове. История жизни Мухаммада изложена в биографии «Сират расул Аллах», написанной ибн Исхаком (ум. в 768 г.). Правда, его сочинение дошло до нас лишь в изложении других авторов, например историка Аль-Табари (ум. в 923 г.), собирателя «традиции», т.е. фактов жизни и изречений Мухаммада (*хадисов*). Все это вместе составило *сунну*. 2762 истории о пророке собрал ученый IX в. Аль-Бухари, работа которого пользуется авторитетом и по сей день. Во всех упомянутых текстах содержится один в высшей степени показательный эпизод. В 628 г. Мухаммад собирался подчинить евреев Хайбара, в 150 километрах от Медины. Как-то раз во время трапезы главе правоверных подали жаркое из баранины, приготовленное еврейской женщиной. Один из его товарищей отведал блюда, и сам Пророк уже принялся было за баранью лопатку, как вдруг мясо заговорило, заклиная его не есть, ибо кусок содержал в себе яд. Мухаммад сплюнул, а его сотрапезник умер. На пороге смерти Пророк лично заявлял, что едва не умер от яда, поданного ему в Хайбаре. У Аль-Тараби рассказывалась еще и

другая история, возможно представлявшая собой контаминацию с предыдущей. Однажды первого калифа Абу Бакра пригласили на обед к евреям. Ему предложили блюдо из риса, которое арабский врач Харит попробовал и выплюнул со словами: «В этом рисе содержится яд, который убивает по истечении года». И действительно, через год калиф умер, проболев две недели, в том же возрасте, что и Мухаммад.

Провести параллель с Арафатом нетрудно. Получалось, что кончина палестинского лидера объединяла его с основателями ислама и заодно подтверждала низость извечного врага. При этом утверждалось, что для разоблачения происков евреев арабы могут рассчитывать на самую неожиданную помощь: бараньей лопатки или же лежащих на дороге камней, ибо в традиции сказано: «Вы будете сражаться с евреями, и если один из них спрячется за камень, то камень произнесет: “Преданный Богу! Вот еврей прячется за мной! Убей его!”».

Возможно, западная традиция и оказывает какое-то влияние на мусульманский антииудаизм. Однако обвинения в отравлении, выдвинутые палестинцами против Израиля, непосредственно восходят к истокам их собственной культуры. При этом обвинения очень отягощены идеологией и имеют целью помешать сторонникам умеренности и переговоров. Благодаря им руководитель палестинцев возводится в ранг Посланника Господа и мученика, ибо «те, кто умирает от яда, также являются мучениками», — пишет Аль-Тараби. Шарон оказывается в одном ряду с низкими евреями Хайбара, и таким образом оправдывается нескончаемая и непримиримая борьба арабов, сыновей

Измаила, против их вечных преследователей евреев, сыновей Исаака.

На пересечении двух антиеврейских традиций возникла и темная история отравленных израильских грейпфрутов, имевшая место в Италии в 1988 г. Действовавшая там арабская организация под названием «Долг и верующий» выпустила угрожающее сообщение, что будет травить поступающие из Израиля фрукты, которые продавались во Франции, в Бельгии, в Нидерландах. Отныне европейские покупатели израильских фруктов или других продуктов рисковали жизнью, и это объявлялось справедливым наказанием за «поведение пассивного сообщничества с сионистами». Пропалестинские активисты, стремившиеся подорвать важную отрасль экономики Израиля, использовали древние страхи, в которых еврейство связывалось с ядом.

Таким образом, чужого продолжают изображать отравителем и рисовать его в самых мрачных красках. В первую очередь такое положение характеризует недемократические режимы. Приходится признать, что в развитых странах наблюдается тенденция к исчезновению яда из общественной жизни и политики. В 1994 г. во Франции разразился скандал, связанный с попаданием в банк крови вируса иммунодефицита человека. Четверо руководителей банка были приговорены к лишению свободы. В деле оказались замешаны министры-социалисты, действия которых суд квалифицировал как «пособничество в отравлении». Тем не менее этих министров поддержали не только их друзья, но и их противники, несмотря на ожесточенную борьбу между социалистами и правыми. Политики слишком хорошо понимали опасности

бесконечного расширения ответственности государственных чиновников.

Журналист М.Пейро писал 17 января 1997 г. в газете «Монд», что слово «“отравление” обладает во французском языке значительной силой». Эта сила обусловлена представлением об оружии, которое сегодня покинуло политическое поле. В демократических режимах оружие яда постепенно становилось все более редким, а в несвободных — продолжало широко использоваться. Оно применялось также в борьбе между государствами и в то же время не уходило из политической пропаганды и манипуляции общественным мнением.

В миропонимании людей происходили глубокие изменения, но при этом во многом продолжали сохраняться и старые представления. В 1918 г. в Европе свирепствовал «испанский грипп», но она не слишком походила в это время на Европу 1348 г., которую опустошала чума. И тем не менее возрождалось мнение о криминальном происхождении эпидемии. Ответственность за нее возлагалась на немцев, которые прививали якобы болезнь домашним животным, чтобы заразить людей. Коммунистическая Болгария имела совсем немного общего с Византией времен Комнинов, хотя и располагалась на ее бывшей территории. Тем не менее когда в 1978 г. дочь руководителя Тодора Живкова, позволявшая себе слишком большую свободу в речах, скончалась при странных обстоятельствах, горничная показала, что незадолго до ее смерти на перстне умершей побледнела бирюза. Драгоценный камень, как в средневековом лапидарии, становился индикатором присутствия яда.

Своего рода «мутация» произошла с восприятием массовых отравлений в военных целях. В

1625 г., в знаменитом трактате «О праве мира и войны» Гуго Гроций писал: «Закон народов, по крайней мере, самых передовых, с незапамятных времен предаёт проклятию факт убиения врага с помощью яда». Варварство прошлого века допустило массовое нарушение этого закона, причем смертоносная сила ядовитого газа несоизмеримо выросла. Используемый на полях сражений газ являлся детищем современной технологии, но он вызывал все то же отвращение, восходившее к глубокой древности. По зрелом размышлении и немецкие, и французские ветераны стали признавать, что отравляющие газы были не более жестоким оружием, чем любое другое. В романе Анри Барбюса «Огонь» есть такой эпизод. Сообщают о газовой атаке, и один из солдат кричит, что такое оружие незаконно. Второй же отвечает ему, что обычные снаряды, ранящие плоть и рвущие тело на куски, нисколько не лучше. Все дело в том, что оно проливает кровь, это нормально на войне. А вот отравление в начале XX в. все еще ассоциировалось с дьяволом.

ВЛАСТЬ ЯДА, ЯДЫ ВЛАСТИ

Макиавелли в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» говорит, в частности, о заговорах. По словам выдающегося политического мыслителя, заговоры с применением холодного оружия и с применением яда развиваются абсолютно одинаково. Таким образом, если следовать бесстрастно рациональному подходу Макиавелли, политическое отравление не заслуживает специального внимания. Яд становится всего лишь одним из многих способов достижения или сохранения власти. Автора же «Государя» привлекает только она как таковая.

Тем не менее использование яда с самых отдаленных времен воспринималось особым образом. Как писал об этом один английский историк, отравление представляло собой больше чем просто *modus operandi*. Именно с этим оружием в западной культуре оказалось связано чрезвычайно богатое воображаемое, восходившее к временам Античности. Причем неприятие к яду сильнее проявлялось в римской культуре, нежели в греческой, в которой христианские традиции тесно сплетались с языческими. Западноевропейская

цивилизация гораздо больше, чем другие, связывала *venenum* с магией и с оккультными практиками, с жестокостью и коварством, с изменой и предательством. Средство, действующее против естества, считалось противоестественным. В римском праве, а также в правилах ведения войны оно трактовалось как самое ужасное и отвратительное. Такое неприятие дошло до наших дней.

Политическая сфера никогда не обладала монополией на отравление. Даже когда яд применяли самые могущественные люди или державы друг против друга, это действие происходило в определенном социокультурном пространстве. При этом отравление, связанное с функционированием власти и с пониманием ее в данном обществе, находилось с этим пространством во взаимной зависимости. Оно, как и война, становилось продолжением политики другими средствами, правда, применявшимся, по-видимому, реже. Использование яда считалось менее достойным, чем другие способы борьбы, оно не регламентировалось таким количеством ритуалов и вместе с тем признавалось не менее эффективными. В историографии высказывалось убеждение, согласно которому яд всегда играл важную политическую роль, он часто ускорял смену монарха наследником или смену династии, ниспровергал влиятельных министров. Однако точно оценить эту роль в разные периоды практически невозможно, поскольку большинство политических отравлений остается спорным из-за давности событий и противоречивости передающих их текстов. А многочисленные и явно ошибочные указания источников на отравления еще сильнее осложняют данную задачу.

Как писал в своих Мемуарах Жак де Ту в 1600 г., утверждение, «что смерть государя ускорил яд, звучало всегда, а особенно во времена смуты и неустроения». Болезнь или смерть правителей непременно вызывали слухи и подозрения прежде всего при дворах монархов, таивших в себе множество интриг и тайн. Имитируя действие природы, яд подменял ее собой. Заговорщики хотели заставить думать, что наступила естественная смерть и смена власти была неизбежна. На самом же деле она в данном случае серьезно нарушала законный порядок вещей — иногда ко благу! — и напоминала сильным мира сего о скоротечности земной славы.

Поскольку употребление яда воспринимается абсолютно негативно, оно принципиально связано с тайной и не предполагает передачи обществу сообщения. Если заколовший Цезаря кинжалом Брут мог восприниматься как герой-освободитель, то «героев отравления» или «пропаганды отравлением» не бывает. Превознесение яда в политических целях невозможно даже в случае применения его против наихудшего тирана. Зато такие речи могут великолепно послужить для обвинений врагов. Аргумент использования яда был широко распространен: с его помощью разоблачали, подрывали авторитет, дискредитировали, очерняли. В этом состоит еще одна связь между отравлением и властью. Яд вызывал всеобщее отвращение, а значит, те, к кому приклеивалось обвинение в его использовании (будь то в стенах дворца или на поле сражения от Пирра до Ипра) обливались презрением. Такое оружие использовалось против подданных тиранами в их ненасытной жажде власти, против государей, величие

которых, как и величие Бога, оскорблялось. Оно могло быть употреблено против соперника или соседа, наконец, его систематически применяли в борьбе с Османской империей. Ужас перед ядом помогал устранить противника или объединить против него общественное мнение. Истинная политическая сила отравления крылась, по-видимому, именно в этом. Реальный материальный яд мог быть заменен любым другим оружием. А вот словесный, тот, что убивал врага в глазах людей и отравлял общественное мнение, поистине стал незаменимым.

В современной гуманитарной науке часто звучит мысль о том, что следует искать новые объекты исследования, в частности в области политической истории, и применять к ним новые подходы.

В данном труде мы стремились показать, что объект «яд» должен найти свое место в новой политической истории.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	
История, которую предстоит написать	5

Часть первая АНТИЧНАЯ МАТРИЦА

Глава I	
«На Востоке подают такие напитки»	17
Яды и власть на заре истории	18
Древние евреи не употребляли ядов	18
Монархии древнего Востока	21
Применяли ли яд в греческом полисе?	23
Конец Александра: от реальности к мифу	28
Генезис мифа	28
Средневековый расцвет легенды об отравленном герое	33
История, богатая политическими смыслами	39
Власть, сведущая в ядах. О некоторых восточных деспотах	47
Отравленный воздух эллинистических дворов	47
Митридат, или страсть к ядам	51
Отравления при дворе Ирода	59
Глава II	
Августы и Локусты.	
Политическое отравление в Риме	67
Римские добродетели и развращение ядом	69
Ранний Рим испытывал отвращение к яду	70
Республика отравлена?	75
Закон против отравлений	79

Империя под властью яда	83
От Августа к Клавдию, или Отравление власти	84
Нерон, тиран-отравитель	92
Испарения Флавиевых ядов	100
Venenum et princeps. Причины расцвета.....	102
Фигуры отравителей эпохи позднего Рима	111
Были ли невиновны Антонины?.....	112
Сила вытесняет яд	117
Яды последних веков империи.....	119

Часть вторая

ОТ ВАРВАРСКИХ КОРОЛЕЙ К БЛАГОРОДНЫМ РЫЦАРЯМ: УМЕНЬШИЛОСЬ ЛИ ЧИСЛО ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТРАВЛЕНИЙ?

Глава III

Отношение к яду в раннее Средневековье не оставалось неизменным	132
Уменьшается ли роль яда в мужской борьбе за власть?.....	133
Под влиянием поздней римской культуры.....	134
Как варвары использовали яд в политике.....	139
Оружие яда подходит женщинам	145
Роль женщин в развитии политических конфликтов.....	146
Отравительницы знаменитые и не очень	148
Страсти и могущество	152
Умеренность и новый подъем в конце каролингской эпохи	155
Яд использовался в обществе, но не в политике....	156
Появление яда в поздней империи Каролингов.....	161

Глава IV

Яд или меч. (Не)своевременное оружие

для рыцарских времен	170
Оружие безоружных	172
Яд в руках дам	173
Григорианская реформа Церкви и применение яда.....	179
Отравители-рыцари, бароны и государи	187
Пренебрегали ли сеньоры этой заменой оружия?.....	188
Яды при дворах королей	190
Отказ от военного противостояния или свиде тельство немощи? Яд во взаимоотношениях между государями.....	195
Когда яд появляется за Круглым столом: от истории к вымыслу	203
Скромное, но заметное место в литературе.....	204
Яд является в большей степени испытанием, чем орудием политики	207

Часть третья

ВОЗРОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА: ЯД ПОЯВЛЯЕТСЯ ВНОВЬ

Глава V

Яд, митра и тиара	218
Прелаты и яды	219
Традиция продолжается: отравление епископов раздираемой интригами Церкви.....	219
Прелаты-отравители	224

Отравы и тиара.....	227
Папы, которых травили... ..	227
...и Папы, которые травили... ..	238
Внутри Церкви или против нее:	
яд двойного действия.....	243
«Чистка».....	244
Пропаганда.....	247

Глава VI

Отравленный мир: дворы государей от Средневековья к Возрождению.....	254
Злосчастье государей и стремление уклониться от него	256
Многочисленное общество коронованных жертв.....	256
Страх перед ядами порождает способы защиты от них.....	269
Отравители извращают власть, или крутые повороты политической игры.....	274
Яд больше не поражает тиранов?.....	275
Яд в руках тиранов	279
Отравы узурпаторов	285
Отравление как оружие заговорщиков	290
Яд свидетельствует о дерзости: придворные и слуги.....	293
Обвинение в отравлении как средство политической борьбы	296
Горе тому, кто обвинен в отравлении	297
От воздействия на общественное мнение к отравлению сознания	302

Глава VII

Яд во взаимоотношениях между державами: заменяет меч и определяет идентичность	317
Яд на войне?	318
Уничтожать ядом или сносить головы.....	319
Порошок и порох.....	321

Яд вместо боя: от паллиатива nequitia (нерадивости) к прочно установленной практике	323
О некоторых методах, употребляемых от случая к случаю.....	323
Венецианское искушение.....	327
Дурные обыкновения врагов христианства.....	333
Яд на вооружении «темных сил»	336
Определитель идентичности, или Национальная пропаганда с привлечением яда	339
Стигматизация ядом.....	340
Weltanschauung (взгляд на мир) через призму яда.....	347

Часть четвертая

ОТ АБСОЛЮТИЗМА К СОВРЕМЕННОМУ ГОСУДАРСТВУ: ЗАКАТ ИЛИ МЕТАМОРФОЗА?

Глава VIII

Отравления и государственные дела в эпоху абсолютизма.....	359
Яды в Великий век.....	360
Заговоры и ядовитые порошки.....	361
Когда яд становился государственным делом.....	366
Отравы на службе интриги	374
От одного двора к другому.....	381
В лучах Просвещения.....	384
Отравление при дворе.....	385
Неизменное оружие диффамации служит борьбе против иезуитов	388
Революционное воздержание и козни реакции.....	392
Яды реакции, или Отравление Орлов.....	395

Глава IX

Отравление, демократия и тоталитаризм	401
Яд в борьбе за власть:	
уходы и возвращения.....	402
Демократия в роли противоядия	403
Неограниченная власть и яд.....	405
Упорная зависимость.....	411
Яд в отношениях между нациями	414
Отравленная война	415
Специальные внешнеполитические операции.....	420
Старые методы сохраняются.....	422
Неприятие чужого по-прежнему	
порождает обвинения в отравлениях	423
Отравление и антисемитизм	427
Заключение. Власть яда, яды власти.....	437

Коллар Ф.

К60 **Власть и яд / Франк Коллар; пер с фр. Е. Лебедевой. — М.: Текст, 2010. — 446 [2] с.**

ISBN 978-5-7516-0846-0

Яд как инструмент политики употребляется с глубокой древности. Великие отравления, как и великие отравители, не раз перекраивали политическую историю. В книге видного французского историка, исследователя средневековых трактатов о ядах, Франка Коллара рассказана долгая история отравлений — от античных времен до наших дней, от Нерона до Сталина, от Александра Македонского до Александра Литвиненко.

УДК 94(100)

ББК 63.3(0)

серия
КРАТКИЙ КУРС

Франк Коллар

ИСТОРИЯ ОТРАВЛЕНИЙ
ВЛАСТЬ И ЯДЫ
ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Редактор Н.О.Хотинская

Художник Т.О.Семенова

Подписано в печать 28.01.10. Формат 84x108/32.

Усл.печ.л. 23,52. Уч.-изд. л 19,12

Тираж 3000 экз. Изд. № 881.

Заказ № 1715

Издательство «Текст»

127299, Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 7/1

Тел./факс: (499) 150-04-82

E-mail: text@textpubl.ru.

<http://www.textpubl.ru>

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Сайт: www.oaomprk.ru тел.: (495) 745-84-28 (49638) 20-685